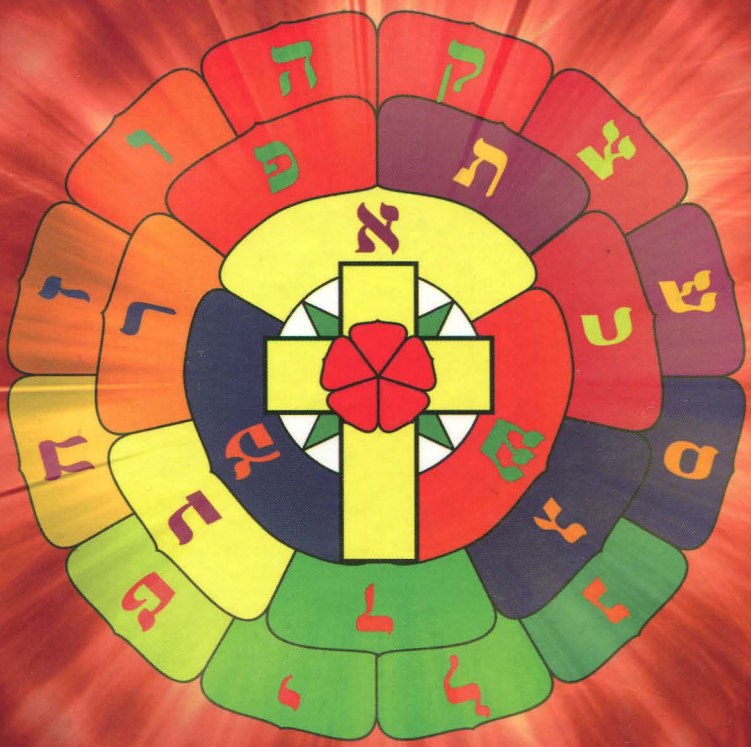
Алистер Кроули, Джон Фуллер

Храм царя Соломона

Магическая биография Алистера Кроули

Том I

Телема

Алистер Кроули, Джон Фуллер

ХРАМ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Магическая биография Алистера Кроули

Том I

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГАНГА»
ТВОРЧЕСКАЯ ГРУППА «ТЕЛЕМА»
МОСКВА, 2011 e.v.

Алистер Кроули, Джон Фуллер

Храм царя Соломона : в 2 томах / Пер. с англ. Анна Блейз. — М.: Издательство «Ганга», 2011. — Т. 1. — 416 с. — илл. (Серия: Магические гримуары).

ISBN 978-5-98882--141-0

«Храм царя Соломона» — первая магическая биография одного из самых знаменитых мистиков и эзотериков XX века, Алистера Кроули (1875—1947). У этой книги два автора: сам Кроули и его ученик — Джон Фредерик Чарльз Фуллер, в то время капитан британской армии, а впоследствии генерал-майор и выдающийся военный теоретик.

Эта книга — один из любопытнейших магических документов, она представлет собой кладезь знаний самых разных западных и восточных тайных учений.

© Ordo Templi Orientis
© Анна Блейз, перевод, 2011
© Надежда Саламахина, оформление, 2011
© Творческая группа «Телема», 2011
© Издательство «Ганга», 2011

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
Sr I.C., Fr Marsyas

ХРАМ ЦАРЯ СОЛОМОНА 19
Предисловие. Вопрос 21
Авгоэйд 35
Книга 37
Книга I .Основания Храма царя Соломона и Девять искусных Мастеров, заложивших сии основания между Дозорными башнями Ночи и Дня. 39
Черная Дозорная башня 40
Скупой 41
Транжира 44
Банкрот 48
Ханжа 52
Дитя 56
Блудница 62
Раб 66
Воин 69
Царь 72
Книга II. Ступени Храма царя Соломона и Десять могучих Опор, утвержденных между Столпами Смерти и Жизни 81
Белая Дозорная башня 76
Столп облачный 82
Служка 89
Неофит 96
Духовидец 177
Волшебник 215
Адепт 317
Маг 367

Предисловие
Sr I.C [1]., Fr Marsyas

Твори свою Волю — таков да будет весь Закон

«Храм царя Соломона» — первая магическая биография одного из самых знаменитых мистиков и эзотериков XX века, Алистера Кроули (1875—1947). У этой книги два автора: сам Кроули и его ученик — Джон Фредерик Чарльз Фуллер, в то время капитан британской армии, а впоследствии генерал-майор и один из самых выдающихся военных теоретиков за всю историю. Книга была написана и издана в 1909—1913 гг. в журнале «Эквинокс», основанном Алистером Кроули.

К 1909 году Кроули был уже достаточно известным литератором, опубликовавшим целый ряд пьес и поэтических сборников. Был у него и вполне солидный магический опыт: участие в Герметическом ордене Золотой Зари, путешествие по Мексике и экзотическим странам Востока, где он имел возможность пообщаться с представителями различных духовных традиций, и, наконец, обретение магического откровения в апрельские дни 1904 года в Каире.

Как заявлял впоследствии Алистер Кроули, 8, 9 и 10 апреля в Каире с ним вступил в контакт некий «сверхчеловеческий разум» — сущность, называвшая себя именем «Айвасс» или «Айваз» и продиктовавшая ему «Книгу Закона». В этой книге провозглашается наступление Нового Эона для человечества — Эона Венценосного и Победоносного Ребенка, которого олицетворяет древнеегипетский бог Хор.

Задача человека в этом Эоне — постичь самого себя, осознать свое истинное предназначение в мире (Истинную Волю) и понять, что оно полностью совпадает с Божественной Волей и Силой. Имя этой силы — Любовь. «Любовь есть Закон, Любовь в соответствии с Волей» — таков Закон Телемы (на греческом языке «Телема» значит «Воля») и системы Магии Алистера Кроули. Фактически, смысл всей Работы каждого человека — открыть в себе источник творчества и любви, то есть найти в себе Бога.

1 Sr. I. C. — глава Российского отделения Ordo Templi Orientis.

Также в «Книге Закона» по сути, был начертан проект нового магического Ордена, который и должен был нести миру Закон Телемы.

> Повинуйтесь пророку моему! пройдите до конца испытанья моего познания! стремитесь лишь ко мне! (I:32)

> Кто назовет нас Телемитами, не ошибется, если изучит это слово внимательно. Ибо в нем — Три Степени: Отшельник, Влюбленный и Человек Земли. Твори свою волю: таков да будет весь Закон. (I:40)

> Надлежит сказать о задаче Иерофанта. Смотри! есть три испытанья в одном, и его можно дать трояко. Грубые должны пройти через огонь; утонченные пусть будут испытаны умом, а величественные избранники — наивысшим. Итак, у вас есть звезда и звезда, система и система; пусть ни одна не знает другую вполне! (I:50) [1]

Иными словами, новый Орден должен был иметь тройственную структуру, точно так же, как и Орден Золотой Зари; но в отличие от того, как обстояло дело в Золотой Заре, погубленной внутренними ссорами и дрязгами, члены нового Ордена («звёзды») не должны были знать друг друга и могли поддерживать контакты лишь с «Пророком», то есть Главой Ордена. Кроули считал себя Пророком Нового Эона, поскольку Айвасс был не только Ангелом-Хранителем наступающего Эона Хора, но и Священным Ангелом-Хранителем самого Кроули.

Система Телемы мыслилась как некий синтез религии, магии и науки:

> Телема подразумевает не только новую религию, но и новую космологию, новую философию, новую этику. Она сводит разрозненные научные открытия во всех областях, от физики до психологии, в согласованную и последовательную систему. Охват ее столь

1 Алистер Кроули. Равноденствие богов. Закон — для всех/Пер. с англ. Анны Блейз. — М.: Ганга, Телема, 2010.

широк, что невозможно даже в общих чертах представить всю универсальность ее применения. («Исповедь Алистера Кроули», гл. 49).

Наша система — религия лишь в той мере, в какой под религией понимается воодушевленный синтез ряда теорий, ни одна из которых не должна вступать в какие бы то ни было противоречия с Наукой или Магией («Магия без слёз», гл. XXXI).

Однако «Книга Закона» была слишком загадочна и лаконична для того, чтобы основать новое религиозно-магическое учение лишь только на ней. С октября по декабрь 1907 года, вскоре после того как Кроули принес магическую Клятву Мастера Храма и принял девиз «Vi Veri Vniversum Vivus Vici» (лат. «Силой Истины я победил Вселенную еще при жизни»), или сокращенно V.V.V.V.V., он записал новые тексты, впоследствии составившие собрание Святых книг Телемы. В автобиографической книге «Исповедь Алистера Кроули» этот процесс описывается так: *«... на меня снизошел дух, и я написал несколько книг. Даже и не знаю, как объяснить, каким образом я это сделал. Я не записывал их под диктовку, как "Книгу Закона", но и не сочинял сам».*

Примерно тогда же, в 1907 году, у Алистера Кроули стали появляться ученики. Первым из них оказался Джордж Монтэгю Беннет, седьмой граф Танкервиль. Он обратился к Кроули с просьбой помочь ему защититься от собственной матери — леди Оливии, старшей дочери шестого герцога Манчестерского, замыслившей его убийство с помощью магической силы. Граф увлекался кокаином, и Кроули сразу понял, что он — обычный параноик, но все же попытался помочь ему вылечиться от этой болезни, пообещав дать средства защиты от магического нападения. Стоит отметить, что Кроули действительно уделил Танкервилю немало внимания и сил. Он учил его работать с Таро и формировать астральное тело, посылал ему длинные списки книг для изучения. Однако то ли магические науки оказались не в силах вернуть графу душевное равновесие, то ли он оказался на редкость бестолковым и высокомерным учеником, но никакой пользы от общения

с Кроули он не получил. Не прошло и пяти месяцев с начала их общения, как граф Танкервиль расстался с Кроули, направив ему разгневанное письмо: «Мне осточертело ваше учение... учение, учение, учение!.. Можно подумать, вы — сам Господь Всемогущий, а я — какая-то никчемная мразь!»[1].

Конечно, проще всего было бы объяснить резкие слова графа его неадекватным психическим состоянием, однако приходится признать, что причина была не только в этом. Алистер Кроули действительно плохо умел выстраивать свои отношения с учениками, то проявляя к ним излишнюю строгость и даже жестокость (например, одного из самых верных и преданных ему людей, Виктора Нойбурга, Кроули собственноручно порол крапивой), то авансом провозглашая едва ему знакомого Брата Ахада (Чарльза Стенсфилда Джонса) своим «магическим сыном» и наследником за то, что тот, как казалось, нашел правильный каббалистический ключ к толкованию одной из строф «Книги Закона»[2]. Такие перепады отношения и настроений приводили к непрерывным конфликтам, взаимным разочарованиям и разрыву личных отношений.

Но все это еще было впереди. А тогда, в 1907 году, Пророк Нового Эона Алистер Кроули был абсолютно уверен в своих силах и обаянии и в неотразимой привлекательности созданного им нового магико-философского учения — Телемы. К Кроули приходили новые ученики, и одним из первых стал Джон Фуллер — молодой офицер британской армии. Еще в 1905 году в Лакхнау (Уттара-Прадеш, Индия), где базировалась его часть, Фуллер прочел в одном литературном журнале рецензию на книгу Кроули «Почему Иисус плакал» и заинтересовался этим изданием. Когда он раздобыл книгу, то обнаружил в ней рекламный листок с объявлением о конкурсе на лучшее эссе о произведениях Кроули. Вполне понятно, что учредителем конкурса был сам Алистер Кроули, желавший привлечь внимание к своему только что вышедшему трехтомному «Собранию сочинений».

---

1 Кроули сам сохранил для истории этот эпизод, включив его в предисловие к своей книге «Мировая трагедия», опубликованной в 1910 году в Париже.

2 Подробней см. в предисловии к изданию: Алистер Кроули, Брат Ахад. *Книга Алеф. Мастер Храма.*/Пер. с англ. А. Блейз. — М.: Ганга, Телема, 2011.

Прочитанные работы Кроули произвели на Фуллера огромное впечатление. Он вступил в переписку с автором и предоставил на конкурс огромное эссе под названием «Звезда на Западе».

Как впоследствии писал сам Алистер Кроули, «стиль "Звезды на Западе" энергичен и живописен. Единственный его недостаток — склонность к преувеличениям. Я бы предпочел увидеть несколько более критический и не столь хвалебный анализ моих работ; но энтузиазм Фуллера был неподделен и заложил такую прочную основу для наших личных отношений, что дружба с ним осталась одним из драгоценнейших воспоминаний всей моей жизни». Однако отсутствие должной критичности в этом эссе не помешало Фуллеру завоевать первый приз. Возможно, Кроули хотел таким образом поощрить начинающего литератора, а, может быть, причина кроется в том, что, помимо Фуллера, никто больше не принял участия в этом конкурсе.

В конце лета 1906 года после болезни Фуллер был откомандирован обратно в Англию «по инвалидности». Разумеется, там он незамедлительно встретился с Кроули лично и стал его другом и духовным учеником, а также пропагандистом его учения. К своему удивлению, в окружении Кроули Фуллер обнаружил своего прежнего знакомца — молодого поэта Виктора Бенджамина Нойбурга.

Подобно Кроули, Нойбург вырос в фанатичной религиозной семье, где навязывался образ Бога как деспотичного тирана, истово ненавидящего весь созданный им людской род и ведущего строгий учет всем грехам человечества. Поступив в Кембриджский университет, Нойбург обнаружил, что в мире есть люди, не приемлющие такую картину мироздания, и ему захотелось узнать их поближе. Он стал членом Кембриджской университетской ассоциации свободомыслящих, а также начал печататься в «Агностик Джорнал». По всей вероятности, именно его стихотворения, опубликованные в этом журнале, и привлекли внимание Алистера Кроули. Изучив их, Кроули пришел к выводу, что их автор имеет опыт астральных путешествий. Во время очередного визита в Кембридж, где он когда-то учился и сам, Кроули разыскал Нойбурга и представился ему. Молодой поэт был мгновенно очарован обаятельной и яркой

личностью Кроули, а вскоре убедился и в достоинствах мистической системы, которую тот проповедовал.

Имея несколько учеников и единомышленников и «Священное предание», образованное «Книгой Закона» и другими «Святыми Книгами Телемы», Алистер Кроули счел возможным приступить к созданию своего собственного магического Ордена. Как утверждал Алистер Кроули в «Книге 61, или Книге Причин»[1], дозволение на это он получил от тех же самых «Тайных Вождей», которые в свое время способствовали учреждению Ордена Золотой Зари. В соответствии с указаниями «Книги Закона» Кроули использовал в качестве образца трехступенчатую структуру именно этого Ордена. Его Орден включал в себя одиннадцать основных степеней и две промежуточных; при этом вся система подразделялась на подготовительный этап и три основных уровня, которые тоже именовались орденами (или коллегиями). Первый из этих трех орденов именовался собственно Золотой Зарей, далее следовал Орден Красной Розы и Золотого Креста (R.R. et A.C.) и, наконец, наивысший третий Орден носил загадочное название A.·.A.·., используемое также и как общее название для всех трех уровней Ордена. Аббревиатура A.·.A.·. никогда не расшифровывалась официально, однако неофициальные расшифровки довольно многочисленны. Чаще всего ее понимают как лат. Argenteum Astrum или др.-греч. Αστρον Αργον — «Серебряная Звезда», однако возможны и следующие интерпретации: лат. «Arcanum Arcanorum» — «тайное тайных»; др.-евр. Арик Анпин — «Великий Лик» (т.е. Макропрозоп, или сефира Кетер); англ. «Angel and Abyss» — «Ангел и Бездна».

Знания и ритуалы также во многом были позаимствованы у Золотой Зари, однако в программу нового Ордена была также включена йога и некоторые другие восточные духовные практики. Кроме того Кроули отказался от наиболее архаичной атрибутики и символизма Золотой Зари, заменив ее более яркими и понятными образами и формулировками из системы магии Телемы, создаваемой им самим.

В числе первых членов ордена A.·.A.·. были сам Кроули, его старый друг и соратник по Золотой Заре Джордж Сесил

1 Алистер Кроули. Святые книги Телемы/Пер. с англ.: А. Блейз. — М.: Ганга, Телема, 2011.

Джонс, а также Джон Фуллер и Виктор Нойбург. Алистер Кроули надеялся, что A.·.A.·. станет духовным авангардом в деле распространения учения Телемы. Однако для этого Орден должен был стать чем-то большим, чем просто группой его друзей и последователей. Иными словами, к Ордену было необходимо привлечь новых соискателей, но для этого следовало сделать его достаточно известным. Чисто организационные вопросы не вызывали особых затруднений. Однако с рекламой дело обстояло весьма не просто. Кроули сам отмечал «всеобщее невнимание»[1] к его трудам, которые, несмотря на отдельные благосклонные отзывы критиков, оставались по большей части незамеченными.

Для того чтобы решить эту проблему, Кроули весной 1909 года приступил к изданию журнала «Эквинокс» («Равноденствие»), который он намеревался выпускать два раза в год и который должен был стать беспрецедентным собранием оккультных и мистических знаний. Предполагалось, что труды по йоге, каббале и церемониальной магии будут соседствовать на страницах журнала со стихотворениями, пьесами и рассказами мистической направленности, а также с рецензиями на книги, относящиеся к данной тематике. На титульном листе «Эквинокс» значилось: «официальный печатный орган A.·.A.·.. Метод — научный, цель — религиозная».

Первый номер «Эквинокса» вышел в марте 1909 года тиражом 1050 экземпляров. Кроули был весьма доволен результатом: «... ни одно издание такого рода не поднималось прежде до таких высот поэзии и прозы и не могло сравниться с ним ни по благородству и утонченности слога, ни по строгости соблюдения нашего правила, предписывающего не делать ни одного утверждения, которое нельзя было бы доказать с совершенной математической точностью»[2].

Выпуская в продажу «Эквинокс», Алистер Кроули не преследовал каких-либо корыстных целей. Его современный биограф Мартин Бут пишет:

---

1 В предисловии к сборнику стихотворений «Амбра», опубликованному в 1910 году.

2 Aleister Crowley. *The Confessions of Aleister Crowley*. Ed. by John Symonds and Kenneth Grant. London: Routledge and Kegan Paul, 1979, 604.

Первая тысяча экземпляров вышла в мягкой обложке и должна была продаваться по пять шиллингов за штуку: следующие пятьдесят экземпляров имели твёрдый переплёт, распространялись по специальной подписке и стоили по гинее за каждую книгу. Так же, как и в случае со своей поэзией, Кроули не соизмерял выручку и затраты. Если бы даже ему удалось продать весь выпуск своего журнала по цене издания в переплёте, он смог бы заработать чуть больше 300 фунтов: себестоимость издания составляла 400 фунтов. Если бы владельцы книжных магазинов и газетных киосков взяли книгу, они могли бы потребовать торговой скидки, чего Кроули не предусмотрел. Это не имело для него значения. Тираж был большим, и каждый экземпляр выглядел как книга в белой обложке с тиснёным изображением золотого древесного листа, тем не менее, это было периодическое издание. Оно не вписывалось ни в какую рыночную нишу, поэтому никто не покупал его. Кроули это не волновало. Ему было важно само распространение его трудов[1].

Редакционная статья первого номера включала в себя объявление о существовании A∴A∴. Тем, кто желал вступить в этот орден, предписывалось обратиться к Канцлеру A∴A∴ по служебному адресу. Канцлером был Брат N.S.F. (Non Sine Fulmine, «не без огня») — такой девиз принял для себя Фуллер на степени Младшего Адепта (5°=6°), первой степени Внутреннего ордена A∴A∴.

Автором большей части материалов первого номера журнала был сам Алистер Кроули. Тематика публикаций варьировалась в широких пределах. В «Отчете об A∴A∴» кратко излагались идеи немецкого мистика XVIII века Карла Эккартсгаузена, почерпнутые из его работы «Облако над святилищем». Короткое эссе «Liber Librae» содержало в себе наставление о сохранении равновесия, основанное на ритуале степени Неофита Золотой Зари, где, в частности, утверждалось: «Помни, что неуравновешенная сила — зло, что неуравновешенная суровость — не что

1 Рус пер. см.: Мартин Бут. *Жизнь мага: биография Алистера Кроули*. Екатеринбург: Ультра-Культура, 2004.

иное как жестокость и насилие, но и неуравновешенное Милосердие — всего лишь слабость, которая влечет за собой потакание злу». «Liber E», адресованная начинающим ученикам, содержала вводные наставления по ведению дневника, развитию ясновидения и начальным практикам йоги, а также список рекомендуемой литературы. Также в первый номер вошли «Химический турнир Брата Perardua» (аллегорическая повесть о посвящении), художественный рассказ «На распутье», эссе «Солдат и Горбун: ! и ?».

И именно здесь была опубликована первая часть биографии Кроули «Храм царя Соломона», написанная Джоном Фуллером. Она занимала центральное место в журнале — и по объему, и по значению.

Как пишет в своей «Исповеди» Алистер Кроули, «мы с Фуллером решили отредактировать мои магические дневники и явить миру историю моего магического пути в книге «Храм царя Соломона» <...> стиль Фуллера уже значительно улучшился, хотя изложить историю моей жизни можно было бы и попроще. Несмотря на его склонность разражаться экстатическими славословиями, нарушающими пропорции некоторых событий, основную свою задачу он исполнил блестяще; и время от времени из-под его пера выходили рассуждения, поразительно тонкие не только по стилю, но и по мысли. В действительности его мировоззрение было возвышенней и глубже, чем полагал он сам. Я уверен, что многие отрывки из этой книги достойны занять место в ряду величайших памятников английской прозы за всю ее историю».

Несомненно, «Храм царя Соломона» — один из любопытнейших магических документов, представляющий собой кладезь знаний самых разных западных и восточных тайных учений, однако именно публикация этой работы привела к первому серьезному скандалу в жизни Алистера Кроули, имевшему весьма непредсказуемые, но значимые последствия.

Дело в том, что, как обещала реклама, очередной номер «Эквинокса» должен был опубликовать обширную статью, описывающую тайные обряды Ордена Золотой Зари, в котором некогда состоял Кроули. Проблема заключалась не только в том, что автором этих ритуалов был бывший глава Золотой Зари Макгрегор Мазерс, но и в том, что сам Алистер Кроули

во время посвящения в Орден Золотой Зари принес клятву хранить его ритуалы и учение в тайне.

Стоит отметить, что в оправдание своего решения нарушить клятву Кроули выдвигал две весьма различные версии. Согласно первой, он действовал во исполнение прямого приказа Тайных Вождей, которые сперва способствовали учреждению Ордена Золотой Зари, но после того как Орден и его адепты не смогли исполнить свою задачу, поручили Кроули его уничтожить. «Во исполнение приказа Тайных Вождей мы разоблачили Орден G∴D∴ и опубликовали его ритуалы»,— пишет он в своей «Исповеди».

Однако в другой своей работе, «Мистицизм и магия» [1], он дает своему поступку менее сакральное и более понятное объяснение:

> Члены некоего Общества давали клятву лишь после того, как получали заверение, что от них не потребуется «ничего такого, что противоречило бы их гражданскому, нравственному или религиозному долгу». В результате, когда один из них пожелал нарушить обет, ему без труда удалось подыскать для этого достойное основание. И обет утратил всю свою силу.

Это объяснение кажется вполне логичным и, в общем-то, совершенно убедительным. Единственная проблема — оно полностью противоречит другому предписанию Алистера Кроули, которое он впоследствии дал в «Астарте, или Книге Берилла, под номером 175»:

> ...тебя будут манить за собою тысячи соблазнов; тебе явятся тысячи способов нарушить твою клятву в духе, не преступая буквы. Чтобы защититься от этого, повторяй слова своей клятвы вслух, снова и снова, пока не преодолеешь искушение.
>
> Кроме того, дьявол будет твердить тебе, что для блага твоей работы куда лучше было бы действовать так-то и так-то, и постарается вселить в тебя страх, заставив тебя опасаться за свое здоровье или рассудок.

---

1 Алистер Кроули. Книга Четыре. Мистицизм и Магия/Пер. с англ. Анны Блейз. М.: Ганга, Телема, 2008.

Или же будет посылать тебе такие видения, что хуже всякого безумия.

От всего этого существует лишь одно средство: неукоснительное соблюдение Клятвы [1].

Разумеется, принять иск о нарушении магической клятвы британский суд не мог, а потому Мазерс подал иск, обвинявший Кроули в нарушении авторского права на написанные им ритуалы Золотой Зари. Сперва суд удовлетворил просьбу Мазерса, наложив временный запрет на третий выпуск «Эквинонса», содержавший эти ритуалы, однако на апелляционном слушании, состоявшемся 21 марта 1910 года после иска Кроули, было постановлено, что тот может публиковать материалы Золотой Зари в «Эквиноксе» и далее, так как, по мнению суда, они не могли повредить ни самому Мазерсу, ни его репутации.

«Вместе с полными отчетами о судебных заседаниях пресса растиражировала секреты розенкрейцеров еще шире, обильно цитируя вновь разрешенный к печати "Эквинокс". Из этого эпизода Кроули вышел победителем»,— пишет Перси Реджинальд Стивенсен в книге «Легенда об Алистере Кроули», написанной по заказу самого Кроули. [2] Когда впоследствии Кроули начали предавать его собственные ученики и когда они стали разглашать его магические тайны, к нарушению клятв он стал относиться гораздо менее благодушно, но тогда все это — и шум в прессе, и любопытствующие, привлеченные громким скандалом к A∴A∴,— казалось Алистеру Кроули и смешным, и полезным. Он стал знаменит. Его известность, и прежде довольно значительная, благодаря освещению прессой судебного процесса, выросла во много раз.

Как пишет в своей книге Мартин Бут,

> ...Если бы Кроули был более искусен и не столь ослеплён самомнением, он мог бы извлечь из своей известности положительный эффект. Манипулируя

1 Алистер Кроули. Магия в теории и на практике/Пер. с англ. Анны Блейз. М.: Ганга, Телема, 2009.

2 Перси Реджинальд Стивенсен. Легенда об Алистере Кроули/Пер. с англ. Алексея Осипова, Анны Блейз — М.: Изда тельство «Ганга», 2009. — 352 с.

прессой, он мог бы использовать её для достижения своих целей и целей Тайных Учителей, однако он этого не сделал. Он просто подыгрывал создавшейся ситуации, позволял своему бунтарскому чувству говорить за себя, не обуздывал и не контролировал собственные странности, своё необычное чувство юмора и склонность к скандальному поведению, из-за чего его нередко неверно или неправильно понимали, представляли в ложном свете и, как следствие всего этого, нападали на него.

Но Алистер Кроули решил закрепить свой успех и придумал новый способ привлечь к А∴А∴ еще больше внимания. Этой цели должны были послужить «Элевсинские ритуалы» — семь планетарных циклов, поставленные Кроули и его сподвижниками по А∴А∴ в лондонском Кэкстон-холле. Тексты самих ритуалов выглядели совершенно невинно, даже по меркам британского общества начала XX века. Но совершенно неожиданным и необъяснимым образом именно это представление магии на сцене вызвало бурю газетного негодования и породило ту самую «черную легенду», которая преследовала Кроули до конца его жизни.

В ход шло все — от грязного белья бракоразводного процесса с первой женой до неясных намеков на гомосексуальную ориентацию Алистера Кроули и его ближайшего окружения. Назревал новый скандал и как его следствие — новый судебный процесс. Но теперь уже никаких выгод А∴А∴ он не сулил. Кроули прекрасно понимал это и не пожелал защищать свое имя в суде. У всех на памяти еще был процесс Оскара Уайльда, начавшийся с того, что тот подал в суд за клевету на своего обидчика, а закончившийся тем, что на скамье подсудимых оказался сам знаменитый писатель, получивший два года исправительных работ по обвинению в «безнравственном поведении».

Однако друзья Кроули были иного мнения. В апреле 1911 года Джордж Сесил Джонс подал в суд против одной из желтых газет и, как и можно было предвидеть, проиграл дело. Суд счел, что непристойные намеки в адрес Джонса звучали весьма неопределенно, что же касается репутации, то ее

у Джонса нет, а значит, и потерять он ее не может. И Фуллер, и Джонс были очень сильно обижены и разозлены тем, что Алистер Кроули не выступил на этом процессе в качестве свидетеля защиты, хотя, разумеется, это никак бы не повлияло на его исход. Тем не менее, данный судебный процесс стал причиной их разрыва с Кроули и выхода из А∴А∴.

И хотя в дальнейшем к Кроули приходили новые ученики и некоторые из них вступали в А∴А∴, до самой смерти Кроули Орден так и остался прекрасной магической утопией, но не реальной организацией, действующей на нашем физическом плане и несущей миру идеи Телемы. Реальную функцию провозглашения и распространения Телемы взял на себя другой Орден — Ordo Templi Orientis[1], который Кроули возглавил в 1922 году и который действует до сих пор.

Чем был вызван такой неожиданный поворот в судьбе Алистера Кроули? Случайно ли, что темная волна клеветы накрыла его вскоре после того, как он нарушил свою посвятительную клятву? «Post hoc, non propter hoc» («После того — не значит вследствие того»), говорили мудрые римляне. Действительно, причин было множество. Но, возможно, сыграла роль и книга, содержащая те ритуалы Золотой Зари, которые следовало хранить в тайне.

Но время проходит, грязь клеветы оседает, и даже карма, созданная необдуманными поступками, постепенно исправляется. Сегодня «Храм царя Соломона» занимает достойное место на полках любой магической библиотеки.

Надеемся, что он будет полезен и российским последователям Телемы, которые извлекут урок из опыта Алистера Кроули и смогут воспользоваться плодами его Работы.

Любовь есть закон, любовь в согласии с Волей.

Издание подготовлено российским отделением
Ordo Templi Orientis (www.oto.ru)

1 О.Т.О.— Ordo Templi Orientis (Орден Восточных Тамплиеров), магический орден, созданный в начале XX века. В 1922 году О.Т.О. принял закон Телемы. Его главой стал Алистер Кроули. В настоящее время Орден насчитывает около 4000 человек и действует в полусотне стран

Храм царя Соломона

Смешно поэтому настаивать на органической обусловленности религиозных переживаний, как на чем-то подрывающем их высокую духовную ценность, — или уж надо заручиться такой психофизической теорией, которая связывала бы известную духовную ценность с определенными физиологическими процессами; иначе не остается ни одной мысли, ни одного ощущения, ни одной научной доктрины, ни одного сомнения, какое сохранило бы цену раскрытия истины. Ведь все это без исключения проистекает из телесного состояния, в каком находился индивидуум в то время, когда переживал что-либо. Не нужно прибавлять, что медицинский материализм вовсе не делает этих резко скептических выводов. Медицинский материалист, как и всякий другой человек, убежден, что некоторые состояния духа имеют над другими внутреннее преимущество и открывают нам большую степень истины; и в этом случае он просто высказывает оценивающее суждение (Werturtheil). Относительно же происхождения тех состояний духа, коим он отдает предпочтение, он не обладает никакой психофизиологической теорией, которая это предпочтение узаконивала бы. И его попытки дискредитировать не нравящиеся ему состояния сознания, соединяя их то с нервами, то с печенью и прибавляя уничижительные эпитеты из медицинского словаря, — несостоятельны и противоречивы.

— Профессор Уильям Джеймс[1]

И дана мне трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измерь храм Божий и жертвенник, и поклоняющихся в нем.

— Откровение Иоанна, 11:1

---

1 «Многообразие религиозного опыта», лекция I. Цитаты из данной работы приводятся по изданию: Уильям Джеймс. Многообразие религиозного опыта. Пер. с англ. В. Г. Малахиевой-Мирович и М. В. Шик. М., 1993. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

Предисловие

Вопрос

Ave!

Читая труды или жизнеописание какого-нибудь известного мистика, каждый исследователь таинств порой останавливается в смятении и задается вопросом: «Неужели это правда?» Каждый хотя бы однажды переживал подобный миг сомнений.

Еще более тягостные сомнения охватывают нас при обращении к научным работам о мистицизме, таким как «Основы мистического знания» Ресежака[1] или «Многообразие религиозного опыта» Уильяма Джеймса. В сущности, лишь самый скептический подход ко всем велеречивым попыткам истолкования тех велеречивых словес, в которые облекают мистики пережитый ими опыт, способен удержать нас от обращения в господствующую ныне веру великой школы медицинского материализма, с точки зрения которой все, кто видел то, чего не видим мы, суть *détraqués*[2], дегенераты, невротики, психопаты, ипохондрики и эпилептики.

Разумеется, подобные определения не проясняют почти ничего, а в большинстве случаев и вовсе бесполезны, особенно, если речь идет о мистических состояниях. Они всего лишь открывают великолепную лазейку, через которую может ускользнуть невежда, столкнувшийся с проблемой, для решения которой ему не хватает сил или мозгов.

Спору нет, что неразборчивость, с которой подходят к оценке западных магических и мистических систем многие мыслители, в иных отношениях весьма проницательные, объясняется отчасти, если не полностью, тем хаосом, который царил среди всех этих систем на протяжении последних двух тысяч лет.

Древние ритуалы и гимны Египта и Ассирии, сочиненные тысячи лет тому назад, даже в наши дни кажутся правдивее и проще, нежели те невероятно запутанные системы, что появились на свет за первые пять столетий христианской эры.

---

1 *Ресежак*, Эдуар (1853—1897) — французский философ. Английский перевод его основного труда «Очерки основ мистического знания» был опубликован в 1899 году.

2 «Сумасшедшие, чокнутые» (фр.).

На Востоке же с самой глубокой древности и по сей день все поголовно, от мала до велика, следовали в своей повседневной жизни принципам научного иллюминизма, несмотря на все искажения, которые вносили в эти принципы невежественные жрецы, нелепые суеверия и наука, падшая до статуса божественного откровения вместо того, чтобы вознестись до звания высокого искусства.

Над умами всех жителей Запада, от северных морей до Средиземного, вот уже пятнадцать столетий безраздельно властвует христианство. Изначально оно было лишь одной из множества крошечных сект, расплодившихся, как грибы, на великолепных обломках религий Древнего Египта, Вавилонии и Греции, но очень быстро (благодаря своему воинственному духу и глубоко магической сути своих обрядов) переросло, а затем и растоптало своих более слабых собратьев [1]; едва набравшись сил, оно с такой свирепой яростью принялось истреблять всех соперников, что те немногие, кто в душе так и не примкнул к Церкви, были вынуждены — из чувства самосохранения и ради спасения изрядно потрепанной, но по-прежнему драгоценной для них шкуры собственных убеждений, — прикрыть последнюю пестрыми лохмотьями суесловия и нелепой мишурой всевозможных символов и шифров; в результате хаос громоздился на хаос до тех пор, пока последние остатки смысла не были погребены под толщей грубейшего мракобесия. И все же имеющий глаза по-прежнему способен разглядеть сквозь всю эту тьму сиянье некой великой, прекрасной и чарующей Истины.

Итак, не стоит удивляться, что ныне, во дни засилья интеллектуальной поверхностности, почти каждый, кому довелось изучить или хотя бы краем уха услыхать теории какого-нибудь очередного модного ничтожества, не долго думая отправляет на свалку истории те учения и системы, которые некогда были солью земли — и остаются ею, в сущности, по сей день, хотя догадываются об этом лишь немногие.

---

1 Раннее христианство не знало себе равных в искусстве ассимиляции всех языческих черт, отличавших политеистические верования. В результате ему удалось завоевать симпатии широких народных масс, которые и в те времена были по природе своей ничуть не менее консервативными, чем ныне. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Истина есть Истина; то, что было Истиной вчера, остается Истиной и сегодня, а то, что является Истиной сегодня, останется ею и завтра. Таким образом, цель нашей работы заключается в том, чтобы найти Истину и отделить ее зерно от плевел — текст от комментария.

Казалось бы, разумнее всего начать с самого начала; но если мы займемся промывкой золотого песка с 10000-го года до нашей эры, то едва ли успеем добраться до современности даже за всю свою жизнь. Утешает то, что на самом деле в наших поисках нет нужды ни забираться в прошлое, ни рассматривать какие бы то ни было предметы, чуждые нашему истинному «я». Но если мы хотим, чтобы результаты наших изысканий были понятны и другим людям, нам понадобятся, во-первых, некий алфавит и, во-вторых, некий язык, при помощи которых мы сможем выражать свои мысли; ибо в отсутствие сколько-нибудь внятной системы выражения нам остается только молчать, дабы не усугублять и без того чудовищный хаос своим путаным бормотанием.

Всякий, кто дочитал до этого места, непременно заявит: «Спорю на что угодно, автор этой книги и сам не без греха!» На что мы ответим со всем возможным смирением: да, это правда. Как ни прискорбно, мы и впрямь внесли в общий котел немало путаницы, и это было неизбежно; но если, в конечном счете, нам удастся сотворить хотя бы первую, одну-единственную букву нового Алфавита, мы не станем сетовать, что этого слишком мало; напротив, мы возрадуемся, что смогли, наконец, одолеть порог, казавшийся неприступным, и что цель нашего пути, пусть и сколь угодно далекая, теперь, по крайней мере, стала видна.

В больницах на каждого пациента обычно заводят карточку, в которой делают записи обо всем течении болезни, начиная с самых первых симптомов. По этим записям врач ежедневно может судить о том, усугубляется ли болезнь, с которой он борется, или, напротив, сдает позиции. Допустим, во вторник у пациента была температура 100° [1]; вечером ему дали выпить чашку говяжьего бульона (а до тех пор держали на строгой молочной диете); на следующее утро врач видит, что температу-

1 100° по Фаренгейту, т. е. около 37,8 °С.

ра поднялась до 102°[1], и тотчас делает вывод, что менять диету еще рано; говяжий бульон, соответственно, отменяют, и температура падает.

Итак, хороший врач будет внимательно изучать своего пациента, не упуская из виду даже самые, казалось бы, незначительные детали, которые могут помочь ему достичь поставленной цели — полного излечения и выздоровления.

Этот метод тщательной регистрации всех деталей применяется не только в отношении болезней и недомоганий, но и во всех областях нормальной здоровой деятельности, и имя ему — «профессия»: настоящий профессионал — тот, кому удается превратить дело своей жизни из «неразберихи» в «науку».

Изо всех подобных областей на Западе одна только религия так и не вышла из хаоса; но вот, наконец (хоть и поздновато) пробил час, когда адепты должны без страха и трепета встать и сделать для Веры то же, что Коперник, Кеплер и Ньютон сделали для сфер, в просторечии именуемых Наукой. А поскольку Вера, состарившись до срока, держала Науку в ежовых рукавицах и не давала ей развиваться, то ныне, пока Наука еще молода, мы должны поскорее выйти вперед и заявить о своих правах, дабы это Дитя Рассвета не погибло в зубах вновь наступившей Ночи.

Даже тем, кто еще совсем недавно вступил на путь постижения таинств, должно быть очевидно, что в жизни некоторых людей, если и не в их собственной, подчас случаются мгновения, несущие с собою невероятное чувство внутренней правоты и осознания истины; мгновения, которые определяют собою целые эпохи в нашей жизни и, даже оставшись в прошлом, попрежнему проступают из мглы былого величавыми горными пиками, сияющими в свете луны. Как ни печально, такие мгновения редки — редки настолько, что многие вспоминают их как чудесные нисхождения некой могущественной силы, внешней и несоизмеримо большей по отношению к человеку. Но когда они все же приходят, величайшие радости земные рассыпаются перед ними в прах, как сухие листья в огне, и меркнут на небосклоне нашей души, как ночные звезды пред восходящим солнцем.

И если бы мы могли, так сказать, по собственной воле вызывать эти состояния экстаза, или обмана чувств, какое имя ни дай, мы совершили бы то, что некогда звалось, да и по сей

1 Около 38,9 °С.

день зовется Великой Работой, и обрели бы Камень Мудрецов, этот универсальный растворитель. Страданье иссякло бы и уступило место радости, а радость — блаженству, невообразимому для тех, кто еще не испытал его.

Святой Хуан де ла Крус [1] говорит о высочайших «понятиях», в которых Бог открывается душе человека:

> [Бог] обогащает таким способом [субстанцию души] — чего не только достаточно для того, чтобы разом устранить все несовершенства души, на устранение которых ей самой бы всей жизни не хватило, но еще и даровать ей полноту добродетелей и благ Божиих. И таковы сии сладости и интимные радости сих прикосновений, что одни они уже даруют ей довольную награду за все труды, которые претерпевает в жизни сей, хотя бы и были они бесчисленны; и тогда она так взбодрена и так пылка к перенесению многого ради Бога, что для нее особое страдание заключено в видении того, что не терпит еще большего [2].

В давние времена, когда цивилизованному человеку была известна лишь малая часть земного шара, исследователь и путешественник возвращался домой с невероятными, фантастическими рассказами о длинноруких косматых людях, о немыслимых чудовищах и о странах дивных чудес. Но современный путешественник, которому случится увидеть гориллу, жирафа или, допустим, вулкан, забывает упомянуть об этом даже в обычном письме родным. А почему? Да потому, что он привык, что подобные вещи существуют. Он дал им имена,

---

1 *Хуан де ла Крус* (1542—1591) — испанский католический святой, писатель и поэт-мистик, реформатор ордена кармелитов. В своих трудах описывал методы глубокого очищения тела и души, ведущие к экстатическому единению с Богом. Из его прозаических работ наиболее известны трактаты «Восхождение на гору Кармель» и «Темная ночь души».

2 Профессор Уильям Джеймс пишет: «Великие испанские мистики, экстаз которых доходил до крайних пределов, проявляли, в большинстве случаев, неукротимую деятельность духа, и энергия их еще усиливалась от тех трансов, в которые они впадали». И далее, о святом Игнатии: «Святой Игнатий был мистиком, но его мистицизм сделал его одним из самых выдающихся деятелей, которых когда-либо видел мир». — *Примеч. Дж. Фуллера.*

— Хуан де ла Крус. *Восхождение на гору Кармель*, 26, 6—7 (анонимный русский перевод).

— Джеймс, *Многообразие религиозного опыта*, указ. соч., лекция XVII.

и на этом они стали ему неинтересны. Так он, с одной стороны, утвердил великую истину, а с другой — перечеркнул ее великой ложью: выходит, что все его благоговение, так же, как и презрение, зависят только от имени.

Иное дело — адепт. Как зоолог не теряет интереса к роду человекообразных от того, что научился называть длиннруких косматых людей гориллами, так и адепт, научившись изъясняться понятно и доносить образы своих мыслей в точности до сознания других людей, только отвеивает тем самым зерно от мякины, Истину — от Символа Истины.

И когда святой Хуан де ла Крус говорит нам, что Бог одним-единственным видением может вознаградить нас за страдания всей нашей жизни, мы, живущие ныне, во дни веротерпимости, всецело вольны воскликнуть в ответ: «Да!» или «Нет!». Мы можем пойти и дальше: превознести святого Хуана как второго Джорджа Вашингтона или, наоборот, обозвать его «чертовым лжецом» (а если не захотим показаться грубыми, то «невропатом» или еще как-нибудь помягче). Но все эти слова, которыми мы можем его назвать, не объясняют сути. Все они в равной мере невнятны и даже (как ни забавно это звучит) мистичны — и как таковые принадлежат Царству Зороастра [1], то есть области чистой веры: веры либо в святого Хуана, либо во что-то, противоположное святому Хуану.

Так давайте же позаимствуем у Пиррона [2] — этого скептика, этого зоркого мужа науки,— его любимое словцо «Почему?» и применим его к нашим «Да!» и «Нет!», подобно врачу, вопрошающему самого себя и своего пациента о причинах болезни; и довольно скоро мы придем к некоему логическому умозаключению или, по меньшей мере, достигнем такой точки, с которой можно будет к нему прийти [3]. Это

---

1 *Зороастр* — здесь: псевдо-Зороастр, легендарный маг и астролог, почитавшийся в эллинистическую эпоху как автор ряда эзотерических трудов и, в том числе, знаменитых «Халдейских оракулов».

2 *Пиррон* — древнегреческий мыслитель IV века до н. э., основатель школы скептицизма. Полагал, что вещи недоступны познанию, а потому следует воздерживаться от каких бы то ни было суждений о них. Испытал влияние буддизма, познакомившись с этим учением благодаря встречам и беседам с индийскими гимнософистами (йогами) и магами.

3 «Никогда в области естественных наук никто не позволил бы себе отвергать чьи-либо мнения из-за того, что автор их показался бы ему невропатом.

та самая точка, с которой о трудах землепашца не судят раньше срока, но лишь тогда, когда дерево, посаженное им, принесет свои плоды; и тогда будет познано оно по плодам его, и по плодам его будут судить [1].

Своевременное применение слова «Почему?» и составляет самую суть того, что мы называем научным иллюминизмом [2], — науки о том, как не говорить «Да», не убедившись, что это действительно да, и не говорить «Нет», не убедившись, что это действительно нет. «Почему?» — самое важное слово в нашей жизни, краеугольный камень Храма, замок свода и тот самый цеп, что отделяет зерно от мякины, то самое решето, через которое проходит Ложь и отсеивается Истина. Это ось равновесия, стрелка солнечных часов; и если мы научимся правильно читать показания этой стрелки, она всегда будет точно показывать нам, какого часа нашей жизни мы достигли.

Пренебрежение к этому слову повергало в прах целые царства; уважение к нему созидало империи; а единственный его заклятый враг — то, что мы называем догмой.

Мнения в этой области всегда испытываются на пробном камне логики и опыта, какова бы ни была при этом нервная система их автора. Так же следовало бы поступить и с религиозными воззрениями» ([У. Джеймс], «Многообразие религиозного опыта», [лекция I]). — *Примеч. Дж. Фуллера.*

1 «Среди противников сверхъестественного происхождения религии доктор Модсли лучше других использовал этот аргумент [т. е., аргумент о ее патологическом происхождении]. И тем не менее он вынужден был сказать: "Какое право имеем мы думать, что природа обязана выполнить все свои задачи только с помощью нормальных умов? В уклонении от нормы разума она может найти более удобное орудие для выполнения ее замысла. Важно лишь то, что работа выполняется и что качества работника таковы, что он может ее выполнить. И с космической точки зрения совершенно безразлично, что этот работник представляется на чей-нибудь взгляд лицемером, развратником, эксцентриком или безумцем <...> Таким образом, мы возвращаемся к старому критерию истины, именно — к согласному мнению большинства людей или к авторитету тех, кто стоит на известной ступени образования и опыта" (H. Maudsley. *Natural Causes and Supernatural Seemings*. 1886, pp. 256, 257).

Другими словами, для Модсли решительным критерием ценности верования является не его происхождение, а вся сумма его результатов. Этот эмпирический критерий приняли и мы в настоящем исследовании. К нему же, в конце концов, бывают вынуждены прибегать и самые горячие защитники сверхъестественного происхождения» ([У. Джеймс]. Многообразие религиозного опыта, [лекция I]).

Выражаясь попросту, «не попробуешь — не узнаешь», а ругать повара, не отведав блюда, — пустая трата времени. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Модсли, Генри (1835—1918) — английский психиатр и философ-позитивист, последователь Чарльза Дарвина, основоположник эволюционного направления в психиатрии. Цитируется его работа «Естественные причины и сверхъестественные ощущения» (1886).

2 Или пирро-зороастризмом. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Как только человек произносит «Да», не потрудившись спросить «Почему?», он тотчас превращается в догматика — вероятного, если не уже готового лжеца. Именно по этой причине мы так ожесточенно противостоим современным рационалистам[1] и критикуем их так язвительно. Ибо они творят с Дарвином, Гекели и Спенсером то же самое, что ранние христиане сотворили с Иисусом, Петром и Павлом: они уже идеализировали их и вот-вот обожествят. Если не вмешаться немедленно, их слово очень скоро превратится в Слово, место Книги Бытия займет «Происхождение видов», а христианина, принимающего за Истину слово Иисуса, заменит рационалист, принимающий за Истину слово Дарвина.

«Но ведь существуют же и настоящие ученые! — скажете вы.— Существуют те, кто молча трудится в своих лабораториях, вечно во всем сомневаясь и не принимая на веру ни единой, пусть даже самой замечательной теории, пока она не разрешится точными фактами». Мы не спорим, но ведь существуют и маги! И осколки их мудрости, спасенные от костров христиан, ныне кажутся людям подлинным чудом. Не кто иной, как христиане, уничтожили магию Христа; и не кто иной, как рационалисты, если мы оставим их в покое, уничтожат магию Дарвина,— так что лет через четыреста последователи Геккеля в залах Королевского общества разорвут на куски какого-нибудь запоздалого ученика Ламарка, точь-в-точь как последователи святого Иоанна в Церкви Христовой некогда разорвали Гипатию, ученицу Платона.

Мы ничего не имеем против ученых — и ничего не имеем против великих мистиков. Честь и хвала тем и другим! Но тех *последователей* ученых и мистиков, которые принимают их учение за догму, мы безо всякого стеснения называем проклятием, бичом и чумой человечества.

---

1 «... мы принуждены <...> признать, что рационализм знает лишь об относительно поверхностной стороне духовной жизни человека. Без сомнения, эта сторона пользуется общим признанием потому, что ей служат все средства языка, она может засыпать вас доказательствами, разоружить логикой, разбить словами. Но все это бессильно поколебать вашу уверенность в тех случаях, когда ваша не укладывающаяся в слова интуиция идет в разрез с умозаключениями рассудка. Источник этих интуиций лежит в нашей природе гораздо глубже той шумно проявляющейся в словах поверхности, на которой живет рационализм». ([У. Джеймс]. Многообразие религиозного опыта, [лекция III]).— *Примеч. Дж. Фуллера.*

Почему мы должны считать, что лишь одна какая-то система воззрений может быть истинной? Если вы найдете ответ на этот вопрос, вам останется лишь заявить, что все остальные системы ложны. Но начните с чистого листа и пишите на нем красиво и аккуратно, чтобы все остальные смогли прочитать вас без ошибок; если вы возьмете какой-нибудь древний исписанный пергамент, соскребете с него старые письмена, а затем кое-как нацарапаете поверх свои, непременно найдутся такие читатели, что поймут вас превратно.

Если Осирис, Христос и Магомет были безумны, то, воистину, безумие и есть ключ ко вратам Храма. Но если их только называли безумцами за то, что мудрость их превосходила всякое человеческое разумение, то, спрашивается, почему их вероучения несли с собою преступления фанатизма и ужасы безумия? На это мы отвечаем: да, они любили Истину, да, они связали себя с Истиною крепкими узами, но объяснить Истину они так и не смогли. Поэтому их ученикам ничего не оставалось, как принять за Истину символы Истины, не имея возможности ни спросить «Почему?», ни отвергнуть Истину вовсе. Чем более великим был Учитель, тем менее он был способен объясниться, а чем темнее были его объяснения, тем более густая тьма воцарялась в умах его последователей. Снова и снова свет затмевал темноту. Можно научить бушмена прибавлять один к одному, и, возможно, через какое-то время он уловит суть понятия «два»; но не пытайтесь сразу же втолковать ему дифференциальное исчисление! Первая процедура сродни изучению естественных наук, вторая — постижению наук духовных; поэтому нам надлежит, не жалея сил, прорабатывать и уточнять даже самые, на первый взгляд, бессмысленные, самые незначительные нюансы, и тогда, быть может, в один прекрасный день мы научимся не только прибавлять один к одному, но постигнем и миллион, и миллионную долю единицы.

Завершим эту часть нашего предисловия двумя пространными цитатами из великолепной книги профессора Джеймса. Первую из них приведем с небольшими сокращениями.

> Религиозно настроенные умы обращают главное внимание на ужас или красоту явлений, на «обет», заключающийся в утренней заре и радуге, на «вещание»

грома, на «прелесть» летнего дождя, на «величие» звездного неба, а не на законы, управляющие этими явлениями. И совершенно так же, как в старину, религиозный человек скажет вам, что в одиночестве, в своей комнате или среди полей он ощущает присутствие Бога, что на его молитвы Бог отвечает ниспосланием помощи и что жертвы, приносимые им невидимому существу, дают ему чувство спокойствия и душевного мира.

Но это, ведь, анахронизм! скажет теория пережитков,— анахронизм, который может быть устранен, если освободить человеческое воображение от пут антропоморфизма. Чем меньше будем мы смешивать индивидуальное с космическим, чем больше будем мыслить в общих и безличных терминах, тем более высокие научные истины будут нами познаны.

Вопреки тому ореолу величия, которым окружено безличное мышление науки, я полагаю, что оно в известной степени поверхностно; изложу в кратких словах, на чем основано это мнение. Пока мы мыслим в космических и общих терминах, мы имеем дело только с символами реальности, но как только мы приближаемся к частным и индивидуальным явлениям, как таковым,— мы касаемся уже подлинных реальностей в точном смысле этого слова. Я полагаю, что смысл моих слов вполне ясен.

Мир нашего опыта состоит всегда из двух сторон — субъективной и объективной. Последняя может быть неизмеримо более интенсивной, чем первая, и, тем не менее, она никогда не сможет вытеснить или подавить ее. Объективная сторона есть сумма всего, что мы мыслим в данный момент, субъективная — внутреннее «состояние», в котором протекает мышление. Мыслимые нами объекты могут быть огромны — например, космические промежутки времени и пространства, тогда как соответствующее им внутреннее состояние — совершенно незаметным и скромным проявлением нашей душевной жизни. И, тем не менее, космические объекты, поскольку они даны опыту, являются лишь идеальными образами того, существование чего мы не можем

внутренне познать и только внешне отмечаем, тогда как внутреннее состояние является нашим реальным опытом; реальность этого состояния и реальность нашего опыта представляют нераздельное единство. Поле сознания плюс мыслимый или чувствуемый объект его, плюс наше отношение к этому объекту, плюс ощущение самого себя как субъекта, которому принадлежит это отношение,— вот наш конкретный реальный опыт; он может быть очень узок, но он, несомненно, реален, пока существует в сознании; это не пустота, не отвлеченный элемент опыта, каким является «объект», взятый сам по себе. Это подлинный факт, даже если допустить, что он малозначащ; он качественно тождествен всякой истинной реальности и лежит на линии, связующей реальные события. Неотъемлемое чувство своей личной участи, личное ощущение того, как она развертывается при вращении колеса судьбы, порождено, может быть, человеческим эгоизмом, его можно заклеймить, как ненаучное,— но это единственная сила, определяющая степень нашей жизненной активности; и всякое существо, которое было бы лишено этого чувства или чего-нибудь ему аналогичного, было бы лишь полузаконченной частью реальности.

Если это так, то со стороны науки нелепо утверждать, что эгоистические элементы опыта должны быть подавляемы. Ось реальности проходит исключительно через эгоистические центры, которые нанизаны на ней, как четки. Описывать мир, исключая из него многообразные чувства личной участи и разнообразные духовные состояния,— а ведь они точно так же подаются описанию, как все другое,— значит подать напечатанное меню вместо сытного обеда. Религия не делает таких ошибок. <...>

Если вместе с печатным меню вам подадут настоящую ягодку изюма, вместо одного только слова «изюм», и настоящее яйцо, вместо слова «яйцо», то это будет очень недостаточным обедом, но будет, во всяком случае, чем-то реальным. Утверждение «теории пережитков», что наше мышление должно считаться только с безличными

элементами, похоже на требование, чтобы в питании мы удовлетворились одним чтением меню. <...> Из того, что наши предки так ошибочно понимали факты и включали эти ошибки в свою религию, вовсе не следует, что мы должны отказаться от религиозности вообще. Только в религиозной жизни касаемся мы подлинной реальности в той единственной точке ее, которая доступна нам. Наша жажда знания, в конце концов, тесно связана с желанием проникнуть в тайны нашей личной участи [1].

<...>

Но пойдем дальше признания субъективной полезности религии и проанализируем ее интеллектуальное содержание.

Во-первых, есть ли во всех противоречащих друг другу религиозных убеждениях некое общее ядро, на котором все они единодушно сходятся?

И во-вторых, можем ли мы признать это ядро истинным?

Я начну с первого вопроса и без колебания дам на него утвердительный ответ. Боги и вероучения различных религий, конечно, противоречат друг другу, но существует однообразное явление, общее для всех религий: это душевное освобождение. Оно складывается из двух частей: 1) душевное страдание и 2) освобождение от него.

Страдание, сведенное к простейшей своей форме, состоит в чувстве, что со мной, каков я есмь теперь, происходит что-то дурное.

Освобождение состоит в чувстве, что я спасен от зла благодаря приобщению к высшим силам.

В тех достигших довольно высокого развития душах, которые были исключительным предметом нашего изучения, страдание, как мы видели, имеет нравственный характер, а спасение принимает мистическую окраску. Я думаю, что мы останемся в пределах того, что

1 У. Джеймс. Многообразие религиозного опыта, лекция XX.

общо всем этим душам, если сформулируем сущность их религиозного опыта такими словами:

Личность, страдающая от своего несовершенства и сознающая его, до известной степени преодолела уже это несовершенство в своем сознании и находится уже в возможном общении с чем-то высшим (если существует нечто высшее). В человеке, наряду с дурной его стороной, есть лучшие, хотя бы в виде беспомощного зародыша. Нет возможности установить, с какой из этих сторон отожествляет свое истинное «я» человек на первой стадии этого процесса; но когда наступает вторая стадия (стадия освобождения или спасения), то человек определенно отожествляет свое истинное «я» с упомянутым зародышем лучшего существа в себе. Вот как это происходит: человек начинает сознавать, что эта высшая часть его существа родственна чему-то проявляющемуся во внешнем мире, общему с ней по качеству, но бесконечно превосходящему ее; в то же время он постигает, что может приобщиться к этому «нечто» и спастись, если его низшее «я» будет окончательно им подавлено [1].

Эти последние несколько строк подводят нас непосредственно к герою всей нашей книги —

Брату P [2].

Но прежде, чем перейти к его истории, отвлечемся на историю далеко не столь существенную, а именно, ту, что приключилась с составителем этой книги.

Десять лет он прожил скептиком — в том смысле этого слова, который обычно вкладывают в понятия «неверующий», «атеист» и «вольнодумец»; но затем внезапно, в единый миг, он собрал в кулак весь свой скептицизм, направлявшийся прежде против религии, и обрушил его на само вольнодумство; и, как первая рассыпалась прежде во прах, так и второе теперь рассеялось дымом.

---

1 Там же.

2 *Брат P.* (Perdurabo) — магический девиз Алистера Кроули на степени Неофита (0°=0°) Герметического ордена Золотой Зари. В переводе с латыни означает «Претерплю до конца» и восходит к евангельскому изречению «... претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24:13).

Он не страдал душой, не восставал на самого себя; он просто свернул за поворот своей привычной дороги и вдруг увидел, что могучий горный кряж в шапках снегов, на который он до сих пор взирал с восхищением,— на деле всего лишь гряда серых туч. Он лишь улыбнулся тому, что его провели, как ребенка, и двинулся дальше.

Вскоре после того он познакомился с одним из братьев Ордена А.·.А.·., а спустя немного времени и сам прошел посвящение в первую степень этого Ордена.

В Ордене этом состоял некий брат по имени Р., недавно вернувшийся из Китая; шестью годами ранее Орден отправил его объездить весь мир и собрать отовсюду, насколько возможно, все знанья, связанные с мистическим опытом человечества. Брат Р. исполнил эту задачу, приложил к тому все свои силы. Он успел побывать только в Европе, Египте, Индии, на Цейлоне, в Китае, Бирме, Аравии, Сиаме, Тибете, Японии, Мексике и Соединенных Штатах Америки, но все же обрел познания столь глубокие и понимание столь возвышенное, что Орден счел собранные им материалы и свидетельства достаточными для создания некой книги в наставление человечеству. И так как Брат N.S.F.[1] неплохо владел пером, то дневники и записки Брата Р. передали ему и еще одному собрату и поручили им составить из них такую книгу, которая послужит в помощь искателю таинств и встанет при дороге его, полной опасностей и тягот, как гостеприимный трактир, где добрые яства и вина укрепят его тело и даруют бодрость душе.

Итак, мы питаем надежду, что эта книга будет ему опорой во всех затрудненьях, в каких только может помочь наемный проводник или совет, полученный даром; но при этом мы просим нашего путника — и даже повелеваем ему со всею строгостью Ордена А.·.А.·. — не принимать ни одно наше слово за Истину, не проверив его сперва и не убедившись, к вящему удовольствию своему и к нашей чести, что это доподлинно так.

И еще надеемся мы, что, дочитав до конца эту книгу, он ощутит, что в душе его просветлело; и узрит пред собою — пусть хотя бы и как сквозь стекло, гадательно — смутный облик Истины; и однажды войдет во Храм.

---

1 *N.S.F.*— аббревиатура магического девиза «Non Sine Fulmine» (лат. букв. «Не без молнии», в переносном смысле — «с грозной силой», «сокрушительно»), принятого Дж. Ф. Ч. Фуллером в А.·.А.·.

Оставив на этом героя нашей книги, перейдем к ее содержанию.

Авгоэйд [1]

«Литтон в "Занони" называет его Адонаи [2], и это имя я часто использую в своих записных книжках.

Абрамелин [3] называет его Священным Ангелом-Хранителем. Я принимаю этот вариант, потому что

1) система Абрамелина так проста и эффективна;

2) так как *все* теории мироустройства абсурдны, то лучше говорить на языке той из них, которая абсурдна со всей очевидностью,— дабы внушить смирение искателю метафизических истин;

3) это название способен понять даже ребенок.

Теософы называют его Высшим «Я», Молчаливым Свидетелем или Великим Учителем.

В Золотой Заре его называют Гением.

Гностики — Логосом.

Зороастр упоминает о том, что все эти символы соединяются в образе Льва; см. «Халдейские оракулы» [4].

Анна Кингсфорд называет его Адонаи ("Облеченная в Солнце") [5].

---

1 Из письма Брата Р.— *Примеч. Дж. Фуллера.*

Авгоэйд — др.-греч. букв. «подобный свету», «световидный». Этим термином у неоплатоников обозначалось «световое тело» — преображенная духовная оболочка посвященного, преодолевшего ограничения материального мира.

2 Имеется в виду «розенкрейцерский» роман Э.Дж. Бульвера-Литтона «Занони» (1842), в котором духовная сущность, руководящая магом и соискателем высших таинств, носит имя «Адон-Аи».

3 См. примеч. 3 на стр. 96.

4 «Узришь ты Пламя, что реет, блистая, в потоках воздушных,
или безвидное Пламя, из коего Гласа подобье исходит,
или сияющий Свет изобильный, что мчится, вращаясь,
с ревом и грохотом; следом предстанет тебе как виденье
Конь огнеблещущий; узришь Дитя, оседлавшее крепко
спину того скакуна, облаченное в пламя иль злато,
или нагое, быть может, из лука разящее Светом,
стоя верхом на плечах жеребца, что несется по небу;
если же дольше продлится твое созерцанье святое,
все эти символы в Образе Льва обретут единенье» (§ 198).— *Примеч. Дж. Фуллера.*

5 *Анна Кингсфорд* (1846—1888) — английская исследовательница эзотерических традиций, работавшая на стыке теософии и мистического христианства. В своей работе «Облеченная в Солнце» (1889) использует имя Адонаи как обо-

Буддисты называют его Ади-Буддой (как утверждает Е. П. Б.) [1].
В "Бхагавад-гите" он носит имя Вишну (глава XI).
В "И цзин" он именуется "Великим человеком".
В каббале его имя — Йехида [2].

Кроме того, мы располагаем метафизическими исследованиями о Его природе, более или менее глубокими сообразно тонкости того, кто о Нем пишет; ибо видение Его (а всё это суть видения одного и того же явления, лишь по-разному окрашенные влиянием наших различных Руахов [3]), как мне представляется, есть первый и последний шаг всего Духовного Опыта. Ибо Он соответствует не только Малкут [4], Вратам к Пути, коий Он осеняет собою, но и Кетер (Кетер пребывает в Малкут, а Малкут — в Кетер; «что наверху, то и внизу»), так что конец «Пути Мудрецов» тоже тождествен ему.

Итак, будучи Священным Ангелом-Хранителем, Он также есть Хоа [5] и Дао [6].

Ибо *Intra Nobis Regnum dei* [7] и, следовательно, все сущее заключено в Нас Самих, а любой Духовный Опыт есть более или менее полное Откровение Авгоэйда.

Но явиться в совершенстве Он может лишь на Срединном столпе [8].

Итак, инвокация Авгоэйда — это все, что нам нужно. Правда, она очень трудна; призывая Его, проходишь одновре-

---

значение одного из аспектов божества, сходного по функциям со Священным Ангелом-Хранителем.

1 *Е. П. Б.* — Елена Петровна Блаватская, толковавшая термин «Ади-Будда» как «первого и наивысшего будду» или «вечный свет» («Теософский словарь»).

2 *Йехида* — наивысшая сущность человека, квинтэссенция его души, божественная искра в человеке.

3 Руах — третья часть души, разум, сила рассудка, то, что обладает знанием добра и зла. — *Дж. Фуллера.*

4 Малкут — десятая сефира. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

5 [Др.-евр. אהיה — «он, он сам»], наивысший и тайный титул Кетер. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

6 Великий предел в «И цзин». — *Примеч. Дж. Фуллера.*
Понятие дао может быть отождествлено с «великим пределом» (тайцзи) в силу того, что оба эти термина применяются для описания изначального состояния бытия (до выделения каких бы то ни было категорий).

7 I. N. R. I. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

8 То есть, на столпе «Умеренности», на том, справа от которого располагается столп «Милосердия», а слева — столп «Суровости». Все это — отсылки к каббалистическому Древу Жизни. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

менно через все пятьдесят врат Бины [1], отчасти просветленным, отчасти погруженным в заблуждения. И все же инвокация Авгоэйда есть Первое и Последнее».

Книга

Эта книга состоит из четырех частей:

I. Основания Храма.
II. Ступени Храма.
III. Врата Храма.
IV. Храм царя Соломона.

Для просвещения и наставления читателя в ней используются три способа выражения:

а) изобразительные символы;

б) словесные картины, представленные посредством метафор;

в) факты, представленные в научном изложении.

Первый способ используется в качестве дополнения во всех четырех книгах, уравновешивая, так сказать, иллюминизм и науку. Способ второй применяется почти исключительно в первой книге; картины же [2], нарисованные с его помощью, озаглавлены так:

Черная Дозорная башня, или Сновидец.
Скупой, или Теист.

---

1 Бина — третья сефира, Понимание. Она — горняя Мать (в отличие от Малкут, дольней Матери). Пониманию соответствует буква ג, числовое значение которой — 50. См. *«Книгу Сокровенной Тайны»*, § 40. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

В § 40 каббалистического трактата «Сифра Дцениута» («Книга Сокровенной Тайны») рассматривается слово אני (ANI, «я») как обозначение трех Высших сефирот Древа Жизни. С буквой א, Алеф (1) при этом соотносится Кетер, «высший венец»; с י, Йод (10) — Хокма, «основание или знание Отца», а с נ, Нун (50) — Бина, «само понимание с ее пятьюдесятью вратами славы».

2 Девять картин между Светом и Тьмой, то есть, в общей сложности, одиннадцать. Это число — союз пентаграммы и гексаграммы; также обратим внимание на одиннадцатибуквенное слово ABRAHADABRA (418); Ахад Ошер, или Один и Десять; одиннадцать изнаночных сефирот; и Адонаи. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

ABRAHADABRA = אבראהאדאבראא = Алеф, 1 + Бет, 2 + Реш, 200 + Алеф, 1 + Хе, 5 + Алеф, 1 + Далет, 4 + Алеф, 1 + Бет, 2 + Реш, 200 + Алеф, 1 = 418.

Ахад Ошер (אחד עשר) — др.-евр. «единство, единое» и «десять».

Одиннадцать изнаночных сефирот — клипот, число которых увеличивается на единицу (по сравнению с десятью сефирот Древа Жизни) из-за разделения первой сефиры, Кетер, на две противоборствующие силы.

Адонаи = אדני = Алеф, 1 + Далет, 4 + Нун, 50 + Йод, 10 = 65 = 6 + 5 = 11.

Транжира, или Пантеист.
Банкрот, или Атеист.
Ханжа, или Рационалист.
Дитя, или Мистик.
Блудница, или Скептик.
Раб, или тот, кто стоит перед завесой Внешнего двора.
Воин, или тот, кто стоит перед завесой Внутреннего двора.
Царь, или тот, кто стоит перед завесой Бездны.
Белая Дозорная башня, или Пробужденный.

Третий способ применяется почти исключительно во второй книге.

Третья и четвертая книги настоящего труда состоят из чисто символических картин. Ибо Ключ ко Вратам неофит должен отыскать собственными силами; а до тех пор, пока он не найдет Ключа, Храм царя Соломона перед ним не откроется.

Vale!

Книга I

Основания Храма царя Соломона

и

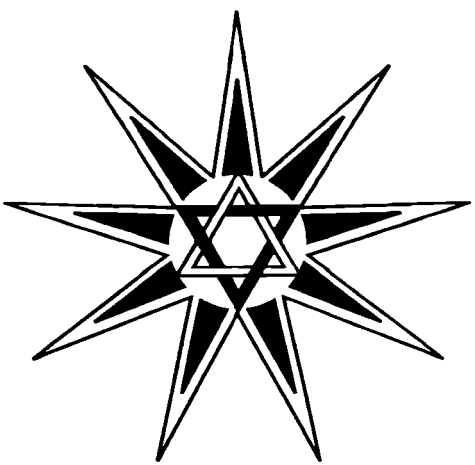
Девять искусных Мастеров,

заложивших сии основания

между Дозорными башнями Ночи и Дня

И из того места изгоняются все властители, взимающие долги с человечества, и все они усмиряются.

— «Великое Святое Собрание», xx, [440]

Кому не доводилось в этой жизни испытать то необыкновенное смятенье, с которым подчас пробуждаешься от внезапной вспышки яркого света за пологом сна; кто не знает этого головокружительного изумления, этой отчаянной невозможности распахнуть глаза навстречу слепящему пламени, вмиг разогнавшему ночь по углам и щелям темной опочивальни грез? Или, напротив, кто не сходил в лучезарный полуденный час под своды мрачного склепа и не пробирался наощупь вдоль темных стен, не находя ничего, кроме мертвого тела дня под беззвездным саваном тьмы?

Но еще один миг, и вот уже наши ослепленные глаза приноровились к сиянью; мерцающие сети серебра тают снежной пеленою пред огнем пробудившегося взора, и мы видим: дивное белое пламя, облекавшее нас, словно мантия молний,— на поверку не что иное, как последние вспышки оплывшей свечи, что вот-вот погаснет на своей глиняной подставке. И точно так же во тьме, проходя под неосвещенными сводами и мимо чернеющих ниш, распластавшихся по-жабьи вдоль стен, мы начинаем различать — поначалу лишь смутно, но потом все ясней и ясней — лепнину потолка и карнизов; из яснеющего мало-помалу сумрака проступают, извиваясь и корчась, очертанья причудливых арабесок, гротескных фигур, искаженных лиц; но стоит приблизиться к ним еще хоть на шаг, и они вспорхнут нетопырями и скроются с глаз в неприступных глубинах мрака.

Но стойте! Вернитесь на миг — и скорей поспешите обратно, захватив на сей раз ту свечу, что осталась шипеть и гаснуть на грани яви и снов на каминной полке. И все, что вы видели прежде, исчезнет бесследно, а вместо того перед вами от самого пола и ввысь, в царство теней, вознесутся суровые стены из серого камня, и древние, как вечность, архитравы, и пучки колонн, и крошащиеся от старости капители, изваянные самим Искусством, и среди них — никого, одни только годы, что дремлют, закутавшись в саваны пыли и мха, одна только призрачная память давно забытых дней.

О, страна сновидений, обитель чуда и тайны! как золотой язык, обвитый синим огнем, мы лишь мгновенье парим над Колодезем Жизни; но вздымается ветер ночей и уносит нас прочь, в беззвездную бездну могилы. Мы — словно мошки,

что пляшут в ярких лучах; вечер настал — и нет нас; кто ответит, куда мы ушли? В Город ли Вечного Сна иль в Чертоги Радостной Песни?

О, братья мои! идите со мной! за мной! Взойдем по темным ступеням сей Башни Молчанья, стоящей на страже Ночи! На черном челе ее — ни огонька, что указал бы путь усталому страннику, бредущему через болота жизни и туманы смерти. Но идите за мной! Поднимайтесь по древним, как время, ступеням, скользким от слез, пролитых теми, кто пал, омытым кровью погибших и солью страданий тех, кто потерпел пораженье. Скорее вперед! Вперед! Бросьте всё — устремимся ввысь! Только две вещи возьмите с собою в дорогу: кремень и кресало — спящее пламя Таинств и темный клинок Науки. С ними мы высечем искру и затеплим огонь Надежды в кадиле Отчаянья, подвешенном там, вдалеке, на самом верху,— дабы великий свет воссиял сквозь тьму, как маяк, направляя стопы человека в тот Храм, что выстроен не руками, украшен без стали, без серебра и злата, во Храм, где огонь не горит, но сами его колонны — столпы сиянья, и купол его — лучезарный венец меж крылами Вечности, и на алтарях его блещет тайное Божье причастие.

Скупой

«Бог». Какая неисчерпаемая сокровищница сокрыта в этом слове! какая неистощимая жила драгоценных камней! Птах, Отец всех Начал, сотворивший Луну и Солнце; Нут, лазурная, звездная владычица Небес, возлюбленная и мать богов; Эа, Владыка Глубин; Иштар — «Ты, что сияешь в оправе небес ожерельем из лунного камня» [1]; Брахма, златой; Вишну, смуглый; и Шива, багряный, омытый морями крови. Повсюду мы видим Тебя вновь и вновь, о Идол, единый и ужасный! О Ты, кто под именем Ормузда некогда правил опаленными равнинами Евфрата, а под именем Одина — ледяными волнами и ветрами, воющими у стен стылых чертогов Севера.

Повсюду! Везде! Но ныне ты снова — Бог, безымянный для избранных (о, беспредельная, непостижимая Плерома,

1 Строка из древнего аккадского гимна богине Иштар, который приводит в своих «Лекциях о происхождении и развитии религии на примере религии древних вавилонян» (1887) английский ассириолог Арчибальд Генри Сэйс (1845—1933).

воздвигнутая в Пустоте нашего воображенья!) и для малых сих, для детей, играющих в кубики бытия; ты снова — всего лишь кукла о тысяче тысяч имен, игрушка для детских игр — или так: бородатый дряхлый Отец, чьи власы белы, как руно, а очи пылают, как пламя; и голос его — как шум многих вод, и в деснице его трепещут семь звезд небесных, и пламенный меч огня исходит из уст его. И так восседаешь Ты, исчисляя сферы пространства и души людские; и мы пред Тобою трепещем, поклоняясь Тебе, прославляя Тебя, умоляя Тебя и взывая к Тебе, дабы Ты не изверг нас обратно в пещь разрушенья, но сложил нас в Свои сундуки к серебру и злату.

Воистину, Ты — величайший Скупой во вселенной; и на весах казны Твоей взвешены рай и ад. Прибыль за годы и годы Ты накопил; к Тебе стекается всё, чем владеют Пространство и Время. Всё на свете — Твое; даже дыханье наших ноздрей нам дано под залог наших жизней.

И все же Ты одарил нас от счетной палаты Небес неким чувством величья — воображеньем, что открывает пред нами безбрежность всего Бытия. Ты вознес нас над нашими «я», дабы вместе с Тобой исчисляли мы звездные воинства ночи и расплетали волнистые косы комет на полях Мирозданья. Мы ходили с Тобою при Мамре, говорили с Тобою в Эдеме и внимали Тебе, говорившему с нами из бури. Временами и впрямь Ты бывал нам Отцом — радостью нашей, крепкой, словно глоток векового вина; и мы принимали Тебя, как желанного гостя!

Но эти слуги Твои! эти ростовщики, что полны благолепной корысти! Смотри, как они растлевали людские сердца, как предавали сокровища многих Душ в руки немногих, как набивали церковные сундуки! Как они лишили нас не только радости, но даже символов ее; как выжгли нам глаза раскаленным железом своих вымогательств; как ввергли нас в озеро крови, чтобы вся наша плоть, точно жадная губка, напиталась страданьем; и жизнь превратилась в ад, и мужчины и женщины в санбенито [1], размалеванных адским пламенем и чертями, с песнями пошли на костер — искать в огне Бога своих праотцов, того сурового Судию с мечом в руке, который некогда изглаживал из Книги Жизни имена живых и возводил бедняков на золотые престолы тиранов.

1 *Санбенито* (искаж. «sacco benito» — «святой мешок») — одеяние, в котором вели на казнь осужденных инквизицией.

Но и тогда, во времена распятия, черепа и свечи, аутодафе и *in pace* [1], безумья на языке и горячечного бреда в умах, во времена, что сокрушали кость во прах и перемалывали плоть в кровавую кашу,— да, даже и тогда! — сквозь тьму пробивались отблески истины, словно алый закат в полнеба, озаряющий память минувших лет. Да, жизнь облачилась в саван кошмаров, но все-таки то была жизнь! Жизнь! жизнь во мрачном великолепье ужаса, длившаяся хотя бы до тех пор, пока смерть не рассечет ее тусклую красную нить кривою саблей беспощадного огня. И Любовь — буйный, безумный экстаз, на переломанных крыльях порхавший перед пустыми глазницами Зла, даром что души людские стали ходким товаром, даром что их покупали, продавали и выменивали до тех пор, пока рай не превратился в побрякушку для богачей, а ад — в долговую тюрьму для нищих. Но и среди костей, гниющих в *oubliette* [2], и в пурпурных дворцах папской похоти все же витал дух жизни — как золотое пламя, вьющееся в облаке дыма над темным алтарем распада.

Послушай их голоса: «Обрел ли ты веру?.. Спасешься ли ты?.. Любишь ли ты Иисуса?.. Только Господь может тебя спасти!.. Иисус — друг грешника... Предайся в руки Иисусовы... милый, милый Иисус!» Срази их громом проклятья, сотрясающим звезды! Прокляни их, чтоб эта хула на Тебя не коптила лицо небес! Изгони из царствия веры имя Иисуса, шипеньем своим подобное змею, что бьется в ловушке! Некогда сквозь мрак отчаянья с Креста Страданья разнеслось по всей земле: «Или, Или! лама савахфани?» [3]; ныне же Джерри Маколей, этот человек Божий в дешевом тряпье из Лидса, шаманит в своем жестяном Вефиле, завывая «Любите ли вы Иисуса?» и склоняя на все лады имя Сына — мистического Сына Того, кто утвердил над миром солнце и луну и все воинство небесное! — как если б тот был родным кузеном миссис Бут, а то и тетушки Салли собственной персоной [4].

---

1 «В мире» (лат.), от «Requiescat in pace» («Да почиет в мире», заключительная формула католической заупокойной молитвы).

2 «Каменный мешок» (фр.), здесь — «долговая яма».

3 «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (др.-евр.), согласно Мф. 27:46 — предсмертные слова Христа.

4 *Джерри Маколей* (1839—1884) — американский проповедник, основатель первой в США «миссии спасения» (религиозной организации, занимавшейся перевоспитанием преступников).

Некогда человек искал эликсир и бальзам жизни в волшебной стране мистерий; ныне он довольствуется «духовным молоком для американских питомцев, истекающим из материнской груди Ветхого и Нового Завета» [1]. Некогда человек в неистовстве своем упивался вином Иакха и выл на луну с ветхой крыши какого-нибудь храма Загрея: «Эвоэ хо! Ио эвоэ!» [2] Сегодня он говорит: «Хотя я был пьян, рассудок мой не окончательно помутился и я знал, что дело Божье не может пропасть бесследно» [3].

Таким-то образом имя Божие в наши дни превратилось в пивную отрыжку и скотское богохульство. Вот и вопрос, кем лучше быть: святым Виссарионом, сорок дней и сорок ночей просидевшим в терновом кусте, и святым Франциском, выбиравшим вшей у овец и восхвалявшим Бога за то, что тот удостоил его носить такие небесные перлы в своем одеянье,— или самодовольным напомаженным джентльменом-евангелистом, что, вооружась молитвенником, Библией и зонтиком и припрятав в перчатку благотворительный трехпенсовик, шагает воскресным утром в церковь на свидание с милым Иисусом?

Транжира

«Аркадия, ночь, туча, Пан, луна». Какие слова для заклинанья, какие пять восклицаний, чтобы убить пять чувств и пробудить изумруды и серебро танцующего пламени, что окружит нас, выкликающих эти слова под сенью дубрав, и меж скал, и на склоне

Миссис Бут — Кэтрин Бут, жена и помощница Уильяма Бута (1829—1912), в 1865 году основавшего в лондонском Ист-энде «Армию спасения».

Тетушка Салли — в Англии нарицательное имя, традиционно обозначающее мишень для нападок и оскорблений, «козла отпущения».

1 Подзаголовок букваря, одно время пользовавшегося большой популярностью в Новой Англии; этот пример характерной, в частности, для христианства религиозной метафоры приводит (в отличие от Фуллера, без иронии) Уильям Джеймс в своей работе «Многообразие религиозного опыта».

2 *Иакх* — божество, связанное с Элевсинскими мистериями, впоследствии слившееся с Вакхом-Дионисом. По одним версиям — сын, питомец или супруг Деметры, несущий в себе черты земледельческого божества; по другим — сын Персефоны и Зевса, тождественный Дионису-*Загрею*, рогатому богу-младенцу, растерзанному титанами, но воскрешенному Деметрой или Реей, матерью богов. *Эвоэ* — традиционный экстатический возглас в дионисийских мистериях.

3 Еще один пример из указанной работы Уильяма Джеймса (цитируется рассказ пьяницы о его обращении в христианство).

холма, в зарослях мирта [1]! Мы тоже «сокрушены могучей грудью Пана» [2] — так бежим же прочь от церкви, часовни и молельни; сбросим с плеч все ризы иерархий и поскорее вернемся на пустоши, в болота и холмы, в леса и на ночные поляны! вернемся к старым богам, и пусть нам вновь улыбнутся алые губы Пана!

Как шипят и искрятся факелы в грозовую ночь, теплыми золотыми поцелуями приникая к узловатым, кривым стволам древних буков! Как клубится благоуханным облаком над пылающей жаровней дым мирры и мускуса! как жадно цепляется он за ветви и, не удержавшись, уносится прочь, поднимаясь все выше, к самым звездам! Смотрите, как мы призываем их — и они окружают нас, эти Духи Любви и Жизни, Страсти, Силы и Необузданности, эти мускулы и жилы всего Человечества!

О, тайна тайн! «Ибо каждый из богов заключен во всех остальных, и в каждом — все остальные; все неизъяснимым образом связаны между собой; каждый — некое неповторимое и бесценное единство, а их взаимосвязь — единство единств» [3]. Следовательно, каждый есть все сущее; так Природа в безрассудстве своем расточает золото и серебро нашего разумения до тех пор, пока в паническом исступленье мы не примемся биться головой об эти омытые грозою валуны и стволы, опаленные молниями, восклицая «Ио! Ио! Ио!.. Эвоэ! Ио!.. Ио!», пока поляны не вострепещут, как от звуков сиринги и систра, и душа наша не разорвется в клочья на пламенеющих рогах Пана.

Встаньте же, дети, рожденные ночью Смерти, пробудитесь, восстаньте! Смотрите, солнце вот-вот канет на запад, и не видать вам рассвета в этом краю увядших мечтаний; все потускнело здесь от испарений мрака, все погрузилось в унынье трудами Зла! Пробудитесь! О, пробудитесь! Поспешим на вершины одиноких гор, ибо скоро взойдет в нас солнце, и белые пики их окрасятся златом, багрянцем и пурпуром, словно сосцы могучей жены, налившиеся кровью и млеком новорожденной жизни.

---

1 Цитируется стихотворение Роберта Браунинга «Пан и Луна» (1880), завершающееся строками: «Всего пять слов, но каждое — без дна://Аркадия, ночь, туча, Пан, луна». В основу сюжета этого стихотворения положена версия мифа, согласно которой Пану удалось соблазнить богиню Луны, превратившись в белого барана или спрятавшись под овечьей шкурой (см. Вергилий, «Георгики», III:391—393).

2 Цитируется указанное стихотворение Браунинга.

3 Цитируется комментарий Томаса Тейлора к английскому изданию «Метаморфоз» Апулея (1822). Речь идет о сути орфической философии.

Там, вдалеке, средь аметистовых холмов, отыщем мы любовь, которой жаждем в сердце своем,— ту щедрую Мать, что прижмет нас к своей груди.

Всё это — ваше: и необъятные леса, и холмы, и дальний пурпур окоема. Позовите, и они вам ответят; попросите, и они изольют на вас все дары, что скопились за годы и годы, и осыплют вас сокровищами, собранными за века; и больше никто не будет ни в чем нуждаться; и все возжаждут всего и получат всё. Встаньте и сокрушите склеп Обстоятельств и стены темницы Условностей; вернитесь обратно к Пану в дремучую чащу леса, вернитесь к утонченной красоте Колдуньи и к отрокам-пастухам — обратно к белым стадам на склоне холма, обратно к Пану — к Пану — к Пану! Ио! к Пану!

Здесь, под омелой и дубом, нету смешков на церковной скамье, нет похотливых ухмылок в гостиной, нету блудливых губ, что с чавканьем впиваются в теплую плоть и белую кожу жизни; здесь только радостный смех восходит могучей волною, что срывает ветра с их путей и иссохшие ветви с деревьев, или царит тишина, что свята и недвижна, как бездыханная ночь; ибо здесь благородно все — и волненье, и отдых.

И нет здесь ни ростовщиков, ни менял; здесь не ведется счет прибыли и убытку; великий Сеятель скачет здесь по полям, как безумец, и мечет златые зерна повсюду, не глядя: одни упадут меж терний, другие — на камни, третьи — в борозды чернозема; ибо каждый здесь должен рискнуть, добившись отвагой и силой победы в битве. И нет здесь ни сект, ни партий: каждый сам за себя — живи иль умри, расцвети иль увянь. Пусть великий живет, а малый вернется вспять, к корням и истокам жизни. Но это смиренье — не больше того, что требует Необходимость; ибо опоры здесь нет, и ни один не поддержит другого; здесь орала — сталь для мечей, веретёна — древки для стрел, и свищут ветра в доспехах бойцов, идущих на битву за власть над миром природы.

Дождь орошает равно и пустырь, и плодородную ниву; солнце сияет равно и над синью морей и над гладью зеленых полей; и не разбирает роса, где ей опочить,— на куче навоза иль в венчике дикой розы; ибо Храм Мирозданья щедр, и на престоле его неистощимых богатств восседает Царь Жизни: из золотого горла своего он исторгает драгоценные камни, и бросает

их на ветер, и разносят их ветра на все четыре стороны Земли. Природа не знает бережливости, не запасает на черный день; но щедрость ее — не мотовство и не пустые траты, ибо всякий, кто входит в эту Сокровищницу Жизни, сам становится одним из ее сокровищ.

Слова!.. слова!.. слова!.. Они оковали вас своими цепями, о дети туманов и гор; они заточили вас в подземелье, ввергли вас в темницу рассудка, лишенную света. Они сжигают Фантазию на костре Фактов; они тяготят воображенье кандалами насмешек и споров. О, тщета тщетных слов! О, лживое, обманное искусство! В этой борьбе со зловонным дыханьем собственных уст великие мира сего искажают правду вещей, извращая ее и лишая законной силы; словно жадный вампир, они присосались к вашим сердцам и вдыхают вам прямо в ноздри косные символы прав и законов, кои они породили на смертном одре своего пониманья.

О, дети Чудес и Фантазий! Устремимся в дикие чащи, доколе есть еще время! Вернемся назад, к тайнам тенистых дубов, к бунту воображенья, к мятежности душ, к буйным пирам любви в лунном сиянье; вернемся туда, где рыщут вервольфы и бродят ночные фантомы. Вернемся назад, к песнопениям жизни, к великому богу Пану! И там, завернувшись в козлиные шкуры, пейте вино с пастухами Таммуза из шкуры козленка, что не познал рожденья, и станьте, как воды Иштар, как серебристые воды,— чисты и светлы! Скорее идите к нему, ибо он — божественный царь сатиров и фавнов, ореад и дриад; он — Владыка Венцов и Вершитель Судьбы; он — покровитель всего, что вверху, всего, что внизу! И поспешите — не то, проходя по брегам Ионийского моря, услышите плач и стенанья: «Умер великий Пан!» [1]

1 Отсылка к легенде, изложенной Плутархом в трактате «Об упадке оракулов». Согласно этому преданию, в царствование императора Тиберия (14—37 н. э.) египтянин Таммуз, кормчий греческого корабля, проходившего мимо острова Паксос в Ионическом море, услышал с берега голос, трижды окликнувший его по имени. Кормчий отозвался, и голос велел возвестить, что «умер великий Пан», когда корабль будет проходить мимо другого острова, Палодеса. Таммуз исполнил приказ, и, стоило ему прокричать эти слова, как тотчас со всех сторон послышались стенания и вопли.

О, где же вы ныне, висячие сады Вавилона, возносившие за облака свои могучие рощи? Где ты ныне, родосский солнечный бог, чье золотое чело возгоралось с первым огнем зари, когда воды у ног твоих все еще были объяты ночным туманом? Где вы, эфесский храм и все те, кто взывал к Диане? Где ты, фаросское око, сиявшее, словно звезда надежды, над бурными водами моря? [1] Дети богов и чудовищ, как упали вы с неба! [2] ибо поднялся великий вихрь, и вышел из врат небесных, и сошел на царства земные, и, как огонь поядающий, смел на своем пути все творения рук человека, и всё за собою покрыл прахом распада. Иго легло на плечи древних земель; и там, где когда-то блистали меж лилий и роз вавилонских белые стопы царицы Семирамиды, скачут дикие козы и щиплют сухую траву, что скудными клочьями всходит на красных и желтых барханах — на этих безмолвных могильных холмах, кои высятся ныне на месте древних чертогов из мрамора, яшмы и жада. Горе! О, горе! всюду — прах и руины; разверзлись хляби веков, и Время могучим ветром изгладило с лика земли и зубчатые башни царей, и пастушьи землянки. Ушел Меродах, а с ним и Эа [3]; Иштар больше не пламенеет в ночи и не дарит своих поцелуев сверкающим кубкам во дворце Валтасара. Скрылась под темным покровом Исида; и Нут не влечет на высоты свои ладью дневного светила с первым дыханьем зари. Где твоя слава, Амон, бык, прекрасный лицом? Фивы лежат в руинах! О, Господин ликованья, могучий владыка венцов! Пала корона Сехмет с чела твоего, и ушла из тебя вся сила, и очи твои укрыла ночная тьма [4]. Олимп — лишь пустынный холм, Асгард — край угрюмых видений. Только Сфинкс, обветшавший ровесник эонов, одиноко несет свою стражу в пустыне веков, обратившись лицом на восток и жаждая первых лучей восходящего солнца; на загадку его никто еще не ответил, да и нет у нее ответа. Он

1 Перечисляются четыре из семи знаменитых «чудес света»: висячие сады Семирамиды в Вавилоне, Колосс Родосский (гигантская статуя солнечного бога Гелиоса), храм Артемиды (Дианы) в Эфесе и Александрийский маяк на острове Фарос в Средиземном море.

2 Ср. Ис. 14:12: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю попиравший народы».

3 *Меродах* — искаж. Мардук, верховный бог вавилонского пантеона; *Эа* — шумеро-аккадский бог мирового океана и покровитель мудрости, отец Мардука.

4 Обращение к египетскому солнечному богу Ра, дочерью и оком которого считалась *Сехмет*, грозная богиня войны и палящего солнца.

пребывал здесь прежде, чем Хеопс и Хефрен возвели свои пирамиды; он останется здесь и тогда, когда Яхве воссядет на трон, отведенный ему в безмолвных чертогах Забвенья.

Сказал безумец в сердце своем: «Нет Бога» [1]. Но мудрец уселся, дрожа, на руинах былого, и со страхом во взоре следил за крахом Величья, за тем, как вся слава людская пала жертвой мздоимства Времен.

О Боже, кто Ты такой, что покинул царства мира сего, как блудница бросает любовников, взятых на ночь? и отпали они от Тебя, и о Тебе не жалеют. Но Ты так огромен, что я не могу охватить Тебя мыслью; Время бежит пред Тобой, и Пространство — всего лишь игрушка в Твоих руках. О, чудовищная пустота необъятности! Ты превосходишь меня, и я потерялся в созерцанье Твоего величия.

Древние боги убили великана Имира и из пролитой крови его сотворили моря; из плоти его слепили землю; из костей его сделали камни; из глазниц его возвели Асгард, прекрасную обитель богов; из черепа его изваяли пурпурный свод Беспредельности, а из мозга его соткали кудрявые небесные облака. Но Ты — больше, чем Имир; стопы Твои утверждены глубже корней Иггдрасиля, а власы головы Твоей развеваются выше шлема помышлений человеческих. И этого мало: ты больше его безмерно, ибо нет в Тебе крови, костей и плоти; Ты (о мой Бог!) — ничто; ничто из того, о чем я способен помыслить, не может Тебя объять. Да! Ты — ничто, Ты — превыше той Пустоты Пустот, имя которой Вечность!

Так поверили люди в Бога, которого Нет, и поклонились Богу, которого Нет, и стали терпеть гоненья ради Бога, которого Нет, и приняли страданья и смерть ради Бога, которого Нет. И поныне они терзают себя за Него точно так же, как некогда шли на закланье к подножию Бога — Отца Его. Разве не во славу имени Его и не в доказательство бытия Его возвели они великие башни Науки, бастионы огня и пара, и привели в движенье колеса Прогресса, и изобрели все ухищренья, уловки и трюки Знанья? Теперь они держат воду в руках своих; они заковали землю в цепи; они связали огонь, как пучок несушеной соломы; даже ветер они уловили в сети свои, как орла,— и все-таки Дух по-прежнему жив и свободен, и не знают они его, ибо со стен

1 Пс. 13:1.

Вавилонской башни Словес взирают они только вниз: на поля, покрытые сажей, на осквернённый лес, на берега, где цветы не цветут, и на реки, текущие грязью в тускло-кровавых лучах солнца, что еле светит сквозь дым и туманы их колдовства.

Но тот, кто воззрит в небеса и громко воскликнет: «Нет Бога!» — тот для людей как пророк; ибо он опьянен безбрежностью Божества. Лучше не иметь о Боге никакого мнения, чем иметь мнение, не достойное Его. Лучше облечься в черные ризы неверия, чем танцевать в зловонных лохмотьях кощунства. И те, кто это постиг, научились кричать: «Вера и послушание — это для детей; для нас же, для зрелых мужей,— уединенье». Вот монархия Разума, вот пандемониум самодержавного величия Материи!

«Домик с одной комнатой, все украшение которой составляла лежащая на столе Библия,— какое это убожество, какая нищета с точки зрения человека, воображение которого привыкло к пышности монархического режима!» [1]; и, напротив, нагая женщина, что рыдает среди пустыни или распевает в ночи неистовые гимны Иштар с ниневийских высот, и призывает стихийные силы Бездны, и мечет вокруг себя прах веков, и взывает к Белу, Ашшуру и Нисроху, и высекает огонь из опаленных солнцем костей Сеннахирима ржавым мечом Шарецера и Адрамелеха [2],— вот видение, опьяняющее разум искристым вином воображения, вот образ, от которого наши зубы выбивают дробь и язык прилипает к нёбу.

Но книжные черви убили Великого Бога, а щебетуны-пустословы завернули винты своей болтовни в крышке гроба Его. Первых христиан называли атеистами, хотя они верили в Бога; последних христиан называют теистами, хотя они в Бога не верят. Атеистами называли и первых вольнодумцев, хотя они верили в Бога, которого Нет; последних же вольнодумцев — тех, кто утратит веру в Бога, которого Нет,— назовут теистами. И, быть может, тогда, в те последние дни, мы вновь обретем Великого Бога — Бога, который превыше щебета человеческих губ и лепета человеческих языков.

---

1 Неточная цитата из работы У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» (лекция XVI).

2 Аллюзии на IV Цар. 19:37: «И отправился, и пошел, и возвратился Сеннахирим, царь Ассирийский, и жил в Ниневии. И когда он поклонялся в доме Нисроха, бога своего, то Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечом...».

Истекая пеной словес, эти напыщенные глупцы спорят о Боге. Не так, как бард пел об Имире, но как кошка мурлычет над полузадушенной мышью: «Так как Бог есть Первопричина всего существующего, то наука наук утверждает, что Он по существу отличен от всех созданий, ибо обладает бытием *a se* (изначальным)» [1]. Премудрые доктора наук обсуждают Его как труп, разложенный на хирургическом столе, измеряют Его своими складными линейками, растягивают и обрезают Его, чтобы втиснуть в прокрустово ложе своей метафизики. Они забыли, что Он абсолютно безграничен внутри и снаружи, ибо всякое ограничение — это небытие, а Бог есть само бытие, бытие же — все сущее, а все сущее — ничто. Постигнув это, Эпикур покидает храм ветреных слов и рука об руку с Афанасием входит на торжище жизни, в гущу живых, причащаясь этому великому безъязыкому свидетельству щедрости Божией; и теряется в толпе смеющихся мальчишек, осыпая розовыми лепестками Дориду и Бакхиду и посылая воздушные поцелуи Миртале и Эвардиде [2].

Есть ли Бог, нет ли Бога — не все ли равно? Солнце все так же встает и садится, и на ночном ветру, под пальмами, трепещет алое пламя наших факелов, посрамляющих звезды. Смотри! — там, вдали, между могучих лап безмолвного Сфинкса, по-прежнему высится кубический храм божества, которого называли Ра-Хармахисом, Великим Богом и Владыкой Небес, но который на деле безымянен и превыше всех имен, ибо он есть Вечный Дух Жизни.

Тише! музыка систров плывет над темной рекой. Восходит луна, и всё под ее лучами — как серебро с перламутром. Пастушья свирель звенит вдалеке — козленок отбился от стада... О, покой!.. О, таинство Божье... как нежна Твоя кожа... как благоуханно дыхание уст Твоих! Жизнь пылает во мне крепким вином. Неистовство сопротивленье, упоение борьбы и — ах! экстаз Победы! Сама душа жизни простерлась передо мной, взятая силой, и дух меня покидает... Теплая ручка касается губ моих — о, благоуханье любви! О, Жизнь! Есть ли Бог?

---

1 Цитата из работы У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» (лекция XVI).

2 Известные греческие гетеры (реальные или вымышленные); первые три из них упоминаются в «Диалогах гетер» Лукиана.

Как-то раз муха села на ось колесницы и сказала: «Ну и пылищу же я подняла!» И вот нас постигла четвертая казнь[1] — целые полчища мух слетелись на нас, оскверняя всю землю своим зловонием. Сильные мира сего мертвы; не стало на земле исполинов, и сыны Божьи не входят к дочерям человеческим, и мир пришел в запустенье, и канули в небытие величье и слава. На Колесе Фортуны, вяло катящемся вдаль, расселись, жужжа, синие трупные мухи; упиваясь прахом мертвецов, они сосут гниль из плоти павших и пируют на костях Могущества.

О, Рассудок! Ныне ты — как стервятник, пожирающий труп царя, что плывет в забытье по темным волнам Ахерона. Нет, этот образ слишком возвышен; ты подобен дряхлой плешивой старухе с отвисшей грудью, что укрылась в отхожем месте и лижет открытку с портретом нагого юнца. О, Адонис! покойся в объятиях Афродиты и позабудь эту растленную адом дочерь Цереры, обращенную в чудище похотью Змеебога — того, кто предал познанье добра и зла. Посмотри на ее распухший живот и сморщенные груди, покрытые струпьями! Грязь, гниль, мерзость! Слезы ее больше не расцветают весенними анемонами, ибо они лишились былой чистоты и стали как трюмные воды на судне, полном свиней. О, Эрос! лети прочь, поспеши! Не дожидайся, пока раскаленное масло опалит Твою щеку огнем пробужденья, не то увидишь, что возлюбленная Твоя стала безобразной блудницей, что на месте прекрасной девы остался огромный слизняк, пожиратель капустной гнили.

О, Теос! О, Пантеос! О, Атеос! Трехликий Бог братства воинов! Эвоэ! Я поклоняюсь Тебе, о, Троица мощи и славы — о, безмолвное Единство, что правит сердцами великих мужей! Увы! мужи те мертвы, и пусты их златые престолы, и жемчужные их дворцы пали во прах! Ушли Величье и Блеск; на Елисейских полях бродят овцы с заросшими шерстью мозгами — им довольно зеленых вершков от репы рассудка и стерни, что осталась от жатвы на нивах знанья. Ныне весь мир разумен и благочинен, елеен и самодоволен. Те, что боролись с луной и солнцем и уловляли в сети свои звезды небес, те, что искали Бога на горных вершинах и загоняли в недра земли Сатану, давно перешли темные воды Стикса и ныне вкушают блаженство в чертогах Асгарда и рощах

1 *Четвертая казнь* египетская — нашествие «песьих мух» (Исх. 8:20—25).

Олимпа, среди сокровищ Хавилы и нежнораменных гурий. Они покинули нас; вместо них на белые троны их пониманья и в золотые дворцы премудрости их пришли лжецари-трупоеды.

Так вернемся же вспять — в колыбель Искусства, в свивальники Знанья, и будем бродить с пастухами в безлюдных холмах среди миртов, где цветет колокольчик, поющий во славу невинной Весны, и будем учиться у стад их таинствам жизни... Вот из чащи выскочил волк — и ягненок валится наземь, истекая кровью; но тотчас взлетает дубовая палица Гермы и бьет наповал меж зеленых сверкающих глаз [1]. И вот у ног человека лежат уже двое — мертвый и умирающий; а он стоит и дивится распотрошенному брюху и пузырящейся крови. Смотрите-ка! он собирает стадо и гонит его в темный грот на отлогом склоне горы; там он его оставляет, дождавшись восхода луны, и спешит за подмогой к Колдунье, сестре своей: она ему даст притиранья и травы, чтоб исцелить горящие раны от волчьих когтей. Сияют звезды, кружат нетопыри под луной, скачет жаба в подлеске, лягушки плещут в болоте, а Пастырь шепчет Колдунье, как зелены были очи дикого волка, как были остры его когти и белые зубы — и как извивались, выпав на землю, кишки его, как пузырился кровью розовый мозг. А после оба молчат, исполнившись благоговенья, и трепещут, припав к земле меж наперстянок и стеблей болиголова. Но вот Колдунья встает и, покрывши главу свою черным плащом, уходит, оставив брата. Сквозь дремучую чащу лежит ее путь в неверном свете луны; но звезды ведут ее верной дорогой — и вот перед нею город.

Остановившись у башни замка, пред потайною дверью, которую люди прозвали «вратами влюбленных», Колдунья свищет три раза и голосом резким и чистым, словно ночная птица, зовет: «Брат мой, о брат мой, брат мой!» И вскоре звякает цепь на дубовой двери, грохочет засов, и навстречу Колдунье выходит мужчина в красной рубахе и коже — второй ее брат, Палач. В свете звезд она что-то шепчет ему. Его пробирает дрожь. Он смотрит ей прямо в глаза и, развернувшись, уходит. С виселицы, высящейся за стенами, доносится скрежет цепей: то сова, что дремала, примостившись на плече

---

1 *Герма* (Ерма, Ермий) — апостол от семидесяти, которому приписывалось авторство раннехристианской книги под названием «Пастырь». Здесь это имя употреблено как нарицательное, обозначающее пастуха (пастыря) вообще.

повешенного, проснулась и с пронзительным криком умчалась куда-то в ночь.

Наконец меж каменных стен разносится эхо грузных шагов: Палач возвращается, и в руках его — мертвое тело. «Хо, сестренка!» — он прислоняет свою тяжелую ношу к двери. И вот эти двое, Палач и Колдунья, молча крадутся во тьме обратно в лесную чащу со своею добычей — Духом Наук и Искусств, что дремлет в безжизненном теле юноши, чьи золотые власы мерцают в лунном сиянье, а белое горло сжимает змеей красно-багряно-черный след от удавки.

Там, под сенью дубов, у векового дольмена, приступят они к своей полуночной мессе... «Слушай! Мне нужно сказать тебе! Нынче ночью я люблю тебя, как никогда! Ты желаннее всех... Твое юное тело прекрасно... Ах, как давно, как давно я тебя полюбила!.. Но сегодня ночью я жажду, жажду тебя!..»

Так под Золотою Ветвью в лунном свете возносилась гостия; и Пастырь, Палач и Колдунья преломляли хлеб некромантии, и вкушали вино колдовства, и приносили клятву молчания над Причастием Искусства.

Ныне же место дольмена заняла больница; там, где некогда высились трилиты, теперь стоит «Дворец науки». Доктора изгнали друидов; врач погубил отца своего, жреца, и своенравными речами разбил сердце матери своей, колдуньи. Нет больше мистического круга адептов — есть только школа Глупости. Чудеса теперь под запретом, хотя увечные все так же встают и хромые пускаются в пляс по слову сына человеческого. Черти тоже под запретом, и бесовской одержимости не сыскать днем с огнем; впрочем, иные из современных мудрецов снисходительно соглашаются признать ее под именем «истеро-демонопатии» — что за отвратительный, неблагозвучный жаргон! Для каждого найдется свой диагноз. Савл, встретивший Бога лицом к лицу на пыльной дороге в Дамаск [1], всего лишь страдал поражением затылочной коры мозга; Джордж Фокс, восклицавший: «Горе проклятому граду Личфилду!» [2] — расстройством кишечника, а Карлейль — катаром желудка.

1 См. Деян. 9.

2 *Джордж Фокс* (1624—1691) — английский проповедник, основатель Религиозного Общества Друзей (квакеров). Имеется в виду эпизод из его биографии, когда в 1651 году Фокс вышел босым на рыночную площадь города Личфилда (пригорода Бирмингема) и проклял его за грехи.

Но не кто иной, как последний, пишет: «Колдовство, и всяческое общение с призраками, и демонологию мы теперь называем безумием и нервными болезнями; но мало кто удосуживается задать себе новый вопрос: "Что такое безумие, что такое нервы?"» [1]. И впрямь, что такое безумие, что такое нервы?

Однажды в детстве я гулял на вересковой пустоши и меня укусила пчела. Вскоре мне встретился старик-пастух. Достав из металлической коробочки черный табачный жгут, он откусил кусок от него, пожевал и выплюнул мне на укушенную ногу — и боль унялась. Этому старику не понадобилось битый час листать справочник у себя в голове, чтобы отыскать подходящий к случаю «*-itis*» для снятия воспаления, а затем, ничего не найдя, объявить мою боль воображаемой, а меня самого — истероидным мономаниаком и жертвой пчелиного психоза.

Геркулес в наши дни — всего лишь солнечный миф, так же как Осирис и Ваал; палец невозможно поднять без того, чтобы какая-нибудь озабоченная свинья не завопила: «Фаллос! Фаллос! Да это же фаллос! О-о-о, какой фаллос!» Довольно с нас всей этой сексуальности церковных шпилей; довольно с нас дремучего варварства, царящего в акушерстве; довольно этой бесконечной болтовни о выживании и гипнозе; довольно всех этих банальностей, не стоящих выеденного яйца! Вернемся к истинным плодам жизни, в сокровищницу тайн!

Вырвемся же наконец на волю из загона педантства! К чему нам все эти словари-сутенеры, к чему нам это бесконечное перетасовывание крапленой колоды Рассудка? Оставим кость наших философских разглагольствований собакам, а чертополох рационализма — домашним ослам этого грошового культа; покончим раз и навсегда со всей этой псевдонаукой, этой логической мясорубкой, этой одуряющей болтовней оболтусов и болванов, бестолочей, бездарей и безумцев!

О, Борей рационализма! как эти овцы раздулись от ветров суетных слов! Долой этику и мораль этих схоластов, этих лицемерных педантов, распухших от переваренного шпината собственных показных добродетелей; хватит уже потрясать погремушкой медицинского словаря и греметь учеными словесами! Все, что угодно, будет лучше, чем это,— даже ужасные видения

1 Цитата из философского романа Томаса Карлейля (1795—1811) «Sartor Resartus» (лат. «Перекроенный портной», 1833—1834).

маньяка, обретшие плоть. Лучше уж скотобойня, залитая кровью, ибо это — кровь жизни; лучше уж безлюдье дальних болот, ибо оно — как чаша с вином жизни вечной в сравнении с мыльными пузырями, которые пускают нам в глаза эти клистиропоклонники, со зловонными газами, которые они извергают из своих забитых капустой двенадцатиперстных кишок.

Но и это пройдет. О да! настанет конец и гастроэпилептической школе этих маньяков от неврологии. Мы загоним в угол этого облезлого страуса и уничтожим его, как бы он ни пытался спрятать свою затылочную кору в навозной куче гнойных нарывов. И тогда в Эдеме вновь засияет златое древо жизни, и мы станем водить вкруг него хороводы, как малые дети, и пировать под звездами, восхваляя приволье пустыни и свободу холмов. Мы снова станем художниками; мы будем видеть в грозе женщину, льющую слезы, а в громе и молнии — воина-меченосца, что прижимает ее к своей косматой груди. Долой труды и законы... Чу! танец, кружащийся в рощах Пана, уже подхватил нас и несет вперед, за собою! И вот мы несемся вскачь, побросав бурдюки и кубки, и вот уже кудри наши смешались с пурпурными гроздьями лоз, обвивших платаны в Саду Эрота!

Но час еще не настал. Мистическое дитя Свободы все еще сидит в слезах у ног Рассудка — той лицемерной старухи, что, затворившись в вонючем уединенье отхожего места и раскорячившись жабой, пухнет от похоти над дешевой открыткой с портретом нагого юнца.

Дитя

Под сверкающими рогами Козерога, там, где горы севера блещут в холодном свете луны, как зубы черного волка, а широкие равнины, обвитые огненным поясом многогрудой Теллус, пылают алым румянцем в объятиях летнего солнца, Мириам отыскала в полой горе пещеру, не знавшую света, дабы родить там Свет Мира [1]. И вышла она из пещеры на третий день и, войдя в стойло

1 *Теллус* — древнеримская богиня Матери-Земли. *Мириам* — еврейское имя Марии, матери Иисуса. Рождество Христово приходится на день вступления Солнца в знак Козерога (25 декабря), так что упоминание об одноименном созвездии носит здесь, скорее, астрологический характер, не соответствуя наблюдаемой картине ночного звездного неба.

Солнца, положила свое дитя в ясли Луны [1]. Точно так же под сенью Морского Козла родились и Митра, и Хор, и Кришна — все ипостаси мистического Ребенка Света [2].

Я — Древний Ребенок, Великий Смутьян, Великий Податель Покоя. Я есмь Вчера, и Сегодня и Завтра [3]. Мое имя — Альфа и Омега, Начало и Конец. Моя обитель воздвигнута между водой и землей; столпы ее — из огня, стены — из воздуха; кровля ее — дыханье моих ноздрей, дух человеческой жизни.

Я восхожу на востоке, подобно яйцу из серебра и злата, в радужном блеске всех драгоценных камней; и сияньем моим окрасился зверь горизонта в багрянец и пурпур, в оранжевый цвет и зеленый, во все многоцветье, словно огромный павлин, обвитый огненным змеем. Я плыву над столпами Эфира, как печь из блистающей меди; я извергаю вспышки огня из ноздрей своих и омываю страну сновидений своим сияньем. А запад смыкает Око мое, и на землю рушится Ночь сведения счетов; она истребляет зло, сокрушает грешных, ввергает проклятых в пламя.

Облеченный пламенем уст моих, я объемлю собой небосвод, дабы никто не увидел меня как я есть и не терзались смертные очи от неизреченного света. «Пожиратель Миллионов Лет» — имя мое; «Владыка Пламени» — имя мое; ибо я — серебряное око в сердце Солнца. Ты скрываешь лицо под завесой волос, ибо я обжигаю тебя; ты прячешь глаза свои, дабы огнь моей ярости не ослепил их. Я — Тот, кто был, и есть, и грядет; я — Творец, я — Разрушитель, и я — Спаситель людей. Я, как Солнце, пришел из дома львиного рыка; пусть же встречают меня смех и плач, пенье и скрежет зубовный. Будете вы попирать змея и скорпиона, и полчища ваших врагов соломой падут под серпом вашей силы, — если вас, как меня, породят в темной пещере и положат в лунные ясли.

Смотрите же! Я — как дитя, что рождено в колыбели лилий и роз и спеленато шелком июня. Нежны и изящны ладони

---

1 *Стойло Солнца* — зимнее солнцестояние (25 декабря). *Ясли Луны* — звездное скопление Ясли в созвездии Рака; одноименный зодиакальный знак расположен напротив Козерога и является обителью Луны.

2 *Морской Козел* — козел с рыбьим хвостом; в этом образе, восходящем к древнегреческому мифу о бегстве Пана от чудовища Тифон, традиционно изображался Козерог на звездных картах. На зимнее солнцестояние приходились праздники рождения многих божеств, олицетворявших победу света над тьмой.

3 Формула из «Египетской книги мертвых» (глава 64).

мои; пламенами увиты стопы мои, дабы их не коснулись царствия мира сего. Я поднимаюсь, покинув свою колыбель; я обхожу холмы и долины; я блуждаю по выжженной солнцем пустыне дней и в прохладной роще ночей. И повсюду, повсюду я нахожу себя: в глубоких озерах, и в резвых ручьях, и в многоцветье моря; и всюду я светел и дивен — сын прелести и красоты, дитя, воспетое дикими розами и обласканное дыханьем утра.

Ирод убил бы меня; Канса [1] разорвал бы меня своими огненными зубами; но я скрылся от них, как пламя — в облаке дыма, и нашел прибежище себе в земле Птаха, и отыскал себе пристанище в объятьях Геба [2]. И там мне открылось сиянье Света, и стал я как дочь Цереры [3], играющая на полях, средь маков и желтых колосьев; и я же плясал, как вакхант, стопами солнца на пурпурных гроздьях Вакха, и взбил я пенную влагу, вдохнув в нее жизнь, и она забродила, и стала Вином Иакха [4]. А после вкусил я с девой, которою тоже был я, Причастье Любви — вино и пшеницу; и так я обрел единство.

И предстала тогда предо мною жена, тонкая станом, прекрасная ликом: груди ее — как сосуды алавастровые, полные вина, пурпурные власы ее — как темный облак в грозовую ночь; одеянья ее — прозрачный багрец и злато; украшенья ее — смарагды, и перлы, и камни волшбы. И, как паук в паутине из солнечных струн и крови, плясала она предо мной, бросая на ветер свои украшенья, и, обнажившись, пела мне песнь любви: «О, возлюбленный души моей! Члены твои, как халкидон, белы и округлы; румянец на них — как смешанный блеск сапфира, рубина и сарда. Губы твои — как июньские розы, а очи твои — как аметисты в оправе небесного свода. О, приди! поцелуй меня, ибо я трепещу о тебе; наполни меня любовью, ибо меня пожирает жар страсти моей. О, уничтожь меня огнем твоих поцелуев; сожги

1 *Канса* — в индуистской мифологии: жестокий царь Матхуры, которому была предсказана смерть от руки Кришны, в то время еще не родившегося. Чтобы избежать своей судьбы, Канса убивал во младенчестве всех детей, которых рождала будущая мать Кришны; но последнему из них, самому Кришне, чудесным образом удалось избежать гибели.

2 *Земля Птаха* — Египет, в который Мария бежала от гонений Ирода. *Геб* — древнеегипетский бог земли; под его «объятьями» подразумевается пещера, в которой был рожден Иисус, а также, в символическом смысле, подземный мир, в котором умирает зерно, чтобы возродиться к новой жизни.

3 *Дочь Цереры* — Прозерпина (Персефона), еще один символ умирающего и возрождающегося зерна.

4 *Иакх* — см. примеч. 2 на стр. 44.

меня в пламенном царстве своем; пронзи меня насквозь клинком твоего наслажденья!»

И громко воскликнул я ей в ответ: «О, Царица желаний плоти! О, Царица земель, где бродят сатиры! О, Владычица Ночи! О, Матерь таинств рожденья и смерти! Ты опоясана пламенем страсти; украшена ты смарагдом, и лунным камнем, и хризолитом. Се, горит на челе твоем звездный сапфир небес; на лодыжках твоих звенят рубины и гранаты преисподней. Слушай меня, о Лилит! О, Колдунья, владычица крови — вместилища жизни! Губы мои — для тех, кто не вспоен млеком Добра; мои поцелуи — для тех, кто не лелеет Зла. А царство мое — для детей, рожденных от Света, для тех, кто попирает ногами своими покровы стыда и срывает с чресел своих власяницу стесненья. Когда Двое станут Одним, тогда увенчает тебя венец — не из злата и серебра, не из драгоценных каменьев, но из огня, из сияния славы Господней. Да! когда меч мой падет, тогда внешнее станет подобно тому, что внутри; и поцелуи станут как слезы, а слезы — как поцелуи; и все живое взойдет и станет единым целым [1]; и в руке твоей будет скипетр — не из лилий и злата, но скипетр света, о да! скипетр святости и красоты света и славы!»

О, Дети страны Сновидений! О вы, кто хотел бы стряхнуть с себя цепи сна и превратиться в Детей Пробужденья и Света! Горе вам! ибо вы очищаете чашу и блюдо снаружи, внутри же они, как прежде, полны нечистот. Вы пропитаны кровью тленья, вы задыхаетесь от блевотины гневных речей. Закройте глаза ваши, о неофиты в таинствах Бога, а не то поразит слепота вас и возопите вы, как от кипящей смолы, дочерна выжегшей зренье. О, Дети Снов! вы должны распахать поле ночи и приготовить его для Сеятеля Зари. И поспешите, дабы, когда золотые колосья созреют, вы были готовы сорвать и вкусить их и стать как Веселиил, исполненный Духом Божиим, мудростью, пониманьем и знаньем,— как искусный

1 Ср. апокрифическое Евангелие от Фомы: «Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и внешнюю сторону как внутреннюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глаз вместо глаза, и руку вместо руки, ногу вместо ноги, образ вместо образа,— тогда вы войдете в Царствие».

мастер по золоту, и серебру, и меди, и по ткани червленой, и пурпурной, и голубой [1].

Но вам, кто медлит у дороги,— горе вам! Ибо вечер уж близок; нынче — рассвет, завтра — ночь причитаний и плача. Препояшите же чресла свои и поспешите в горы; и, может статься, там, средь дубов и кедров, вы встретите Бога лицом к лицу и познаете [2]. Но не впадайте в отчаянье, коль не увидите Бога в первой же чаше, в пене ее или в осадке; пейте и крепко сжимайте в руке меч решимости вашей — вперед, только вперед, и без страха!

Демоны заступят дорогу праведному; бесы и все стихийные духи Бездны преградят ему путь. Но не страшись! ибо они лишь добавляют величья и славы силе Господней. Смело иди вперед, попирая пятою их выи, ибо там, куда ты идешь, серафим обитает бок о бок со змеем.

Sume, lege [3]. Открой книгу СЕБЯ САМОГО, возьми и читай. Ешь, ибо это — плоть твоя; пей, ибо это — кровь твоего спасенья. Солнце, которое видишь ты днем, и луна, которую зришь ты в ночной темноте, и все звезды небес, что горят над твоей головою,— все это части тебя; все это — ты. Также и чаша Пространства, которая их вмещает, и винная влага Времени, в которой они плывут; и то, и другое — части тебя; и то, и другое — Ты. Также и Бог, который когда-то извлек их из своих сундуков. Он тоже — частица тебя, хоть ты о том и не знаешь; Он — тоже Ты. Всё — в тебе, и ты — во всем; отдельного бытия не существует; оно — лишь тенета снов, в которых слепо блуждают ночные сновидцы. Читай — и станешь; ешь и пей — и ты есть.

---

1 Веселиил — в библейской Книге Исход главный мастер, которому была поручена постройка скинии и изготовление всех ее принадлежностей. Ср. Исх. 30:—35: «И сказал Моисей сынам Израилевым: смотрите, Господь назначил именно Веселиила, сына Урии, сына Ора, из колена Иудина, и исполнил его Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством, составлять искусные ткани, работать из золота, серебра и меди, и резать камни для вставливания, и резать дерево, и делать всякую художественную работу; и способность учить других вложил в сердце его <... > он исполнил сердце их мудростью, чтобы делать всякую работу резчика и искусного ткача, и вышивателя по голубой, пурпурной, червленой и виссонной ткани...».

2 Ср. I Кор. 13:12: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан».

3 «Возьми, читай» (лат.), слова, по преданию, услышанные Блаженным Августином и подтолкнувшие его к чтению Библии, которое помогло избавиться от тяжелого душевного разлада.

Хоть ты и слаб, но ты — сам себе господин; перестань слушать болтунов с их пустыми речами — и станешь сильным. Нет никаких откровений, кроме твоего собственного. Нет никакого понимания, кроме твоего собственного. Нет никакого сознания вне тебя, и оно — полновластный хозяин в твоем божественном царстве. Если ты сознаешь, то ты сознаешь; и нет никого другого, кроме тебя, ибо все прочее — словно доспехи вокруг тебя, а сам ты — неуязвимый и непобедимый воитель Света.

Не слушай педантов, трещащих, как обезьяны на ветках; смотри лишь на мастеров, что вдыхают в творенья свои дыхание жизни в пещере полой горы.

Один из них скажет тебе:

«Оставь то, что легко, и следуй тому, что трудно; вкушай не от лучших яств, но от самых негодных; не потворствуй своим наслажденьям, но питай в себе отвращенье; не утешай себя, но стремись лишь к водам отчаянья; не отдыхай, но трудись в безднах ночи; желай не того, что ценно, а того, что презренно и низко».

Но я скажу тебе так: не слушай этого пустослова, ибо речи его — сущий вздор. Святость есть и в том, что легко, и в изысканных яствах, и в наслажденьях, и в утешеньях, и в отдыхе, и в драгоценных вещах.

Итак, если найдешь ты в себе драгоценный кубок, говорю тебе: пей из него, ибо он — чаша спасения твоего; и не ищи взамен ему тусклую чашу из тяжелого свинца!

Другой же скажет тебе:

«Ничего не желай, не вожделей ничего; стремись не к тому, что лучше, а только к тому, что хуже всего. Презирай себя; клевещи на себя; говори о себе так, словно ты ничего не стоишь».

И еще:

«Чтобы насладиться вкусом всего сущего, избавься от всякого вкуса».

«Чтобы познать все сущее, откажись от всего».

«Чтобы стать всем, стань ничем».

Но я скажу тебе так: этот болтун — как дурак со своей погремушкой, набитой сухим горохом; ибо тот, кто желает всего, будет стремиться к тому, что лучше всего на свете; тот, кто себя уважает, будет гордиться собою превыше всего; и тот, кто говорит о себе в достойных словах, воцарится во Граде Божьем.

«Чтобы избавиться от всякого вкуса, наслаждайся вкусом всего сущего».

«Чтобы отказаться от всего, познай все сущее».

«Чтобы стать ничем, стань всем».

Открой же книгу СЕБЯ САМОГО в глубокой пещере в недрах полой горы и прочти ее при свете собственного понимания; и тогда ты родишься вновь, и положат тебя в ясли Луны в стойле Солнца.

Ибо знайте, о дети: держась за что-то одно, вы не в силах открыться всему остальному. Чтобы достичь Всего, вы должны от всего отречься и всем овладеть. Воистину, вы должны уничтожить все сущее и войти в Ничто; и в этом Ничто обрести и воздвигнуть Храм Божий, подобный тому, который построил царь Соломон. Высится Храм сей между Пространством и Временем; столпы его — Вечность, стены его — Бесконечность, полы его — Бессмертие, а Кровля его... но о ней вы узнаете после! Можешь себя погубить, если сказано так в твоей книге; но если прочел ты в ней: «Украшай себя!» — то не пожалей ничего, чтобы украсить себя всей красотой земной; и ребенок, игравший в песке на морском берегу, превратится в Бога: Его подножие — Бездна, в устах Его — меч спасенья и разрушенья миров, а десница Его возлежит на семизвездье небесном.

Блудница

Юна и прекрасна сия жена, и полна премудростью, и, не старея, идет она в танце своем чрез века; она была от начала и пребудет после конца — вечно юная, вечно манящая, непостижная. Отвратившись лицом от востока, она устремляет взор свой в ночную тьму, и за спиною ее расстилается вся земля. Везде, где пройдет она в танце, отирает мужчина чело свое и спешит за нею. Царь покидает престол свой ради нее, жрец — свой храм, воин — свой легион, пахарь — свой плуг. Все ищут ее, все стремятся к ней; но она остается вовеки неуловимой, полной соблазна и непорочной. Никто не может познать ее, кроме тех малых детей, что родились в пещере полой горы; но власть ее ведома всем. Ей приносили в жертву венцы; ради нее возводили хулу на богов; ради нее мечи возвращали в ножны; ради нее опустошали поля и сады; и от чар ее голоса шлем помышлений

людских раскололся на две половины. Ибо она, как огромный паук, всех завлекает в шелкóвые сети своей паутины, из которой соткала она и прекрасные грады земные, где скорбь восседает в безмолвье, а смех умирает, и плодоносные нивы, средь коих невинность — лишь неоткрытая книга Блаженства. И она же своею рукою ведет в сраженье войскá; она сохраняет утлое судно от жадной пучины; она же возводит на троны жрецов, и венчает царей, и дарует воителю меч; и рабу, изнуренному тяжким трудом, помогает взрезать плодородную землю плугом, а горняку — добывать лучезарное злато из темных недр. Она никогда не спит, она никогда не дремлет, она не знает покоя; днем и ночью ее глаза блещут, подобно алмазам; днем и ночью танцует она, прахом от стоп своих засыпая то, что прошло, волнуя то, что пришло, и скрывая то, что грядет. Она была в саду Эдемском; она пребудет в Райском саду!

Я тоже пошел за нею; для нее я отринул всё; и вот, я лежу, как больной, в жару, бреду и ознобе, в невесомых сетях паутины ее красоты.

Смотрите! колеблется стан ее между вратами Света и Тьмы, в тени Древа Познанья Добра и Зла, плоды которого — смерть; но кто не вкусил от них, не сможет сказать, сладки они или горьки. А посему каждый должен сорвать, и вкусить, и погрузиться в сон. Но когда приблизится срок родиться ребенку тайны, каждый проснется и пламенным взором узрит, что на вершине горы, в средоточии сада, высится Древо Жизни.

И вкруг ствола того Древа и нижних его ветвей обвилась жена, которой даны свобода, страсть и премудрость; тело ее подобно телу могучей змеи; спина ее — киноварь, живот — червонное злато, а груди — пурпур; и три головы исходят от шеи ее.

И первая голова — голова венценосной жрицы; лик ее — серебро, на челе — жемчужный венец; синие очи ее подобны сапфирам, но если узрят человека, то окрасятся в зелень и желть, как воды бурного моря; а уста ее — как лунный камень, расколотый надвое, и в них таится язык, рожденный от вод и огня.

И, увидев ее, я громко воскликнул ей: «О, Жрица Завесы, восседающая на престоле между Столпами Знания и Невежества! Сорви и даруй мне плод от Древа Жизни, дабы вкусил я его, и отверзлись очи мои, и стал я подобен богу своим разуменьем, и жил во веки веков!»

Она же в ответ рассмеялась украдкой и молвила так: «О, премудрый глупец! Разуменье — это Невежество. Огонь иссушает воду, а вода угашает огонь; и один человек бежит от меча, а другой пронзает им свою грудь. Ищи Венец Истины — и облачатся стопы твои в сандалии Лжи; развяжи пояс Добродетели — и облачится тело твое в саван Порока».

И тут изошла из уст ее сеть облачная и огненная, и окутала меня всего; и нежною песнью вновь полилась ее речь: «Ты заблудился в сетях языка моего; ты угодил в западню моего дыханья. Ибо Время придет для тебя, когда станешь искать все на свете, и все на свете станет твоим проклятьем, и разуменье твое будет как волны морские, что вечно стремятся к брегу, откуда они пришли; и на высоте торжества разобьются их гордость и власть о скалы Сомненья, и вся твоя слава рассыплется пеной и брызгами волн и рассеется ветром».

И оплела она меня паутиной коварств своих, и вдохнула мне в ноздри дыхание Времени; и ввергла меня в Бездну, где все укрыто тьмою Сомненья; и там удушила меня коноплею и шелком скверн и гордыней моего разуменья.

Вторая же голова — голова юной девы, укрытая покрывалом, прозрачным, как горный хрусталь; и венец на ее челе — как удвоенный куб, обвитый венком из плюща и лилий; и лик ее — лик Запустенья, но он величав, как лицо Царицы Земли, коя владеет всем сущим, но не находит того, кто достоин владеть ею самою; и очи ее — как опалы, полные света, а язык — как стрела огня.

И, увидев ее, я громко воскликнул ей: «О, Царевна Видений Неведомого, восседающая на престоле, как сфинкс, меж сокровенных таинств Земных и Воздушных! Даруй мне плод от Древа Жизни, дабы вкусил я его, и отверзлись очи мои, и стал я подобен богу своим разуменьем, и жил во веки веков!»

И, горько заплакав, она отвечала мне: «Истинно, если бедняк посмеет войти во дворец, стражники выпустят псов, и те разорвут его в клочья. Если же царь пожелает укрыться в нищей лачуге, вошь проберется в кудри его, не убоявшись короны и шапки с мехами и златом. Ты, премудрый глупец, просишь о Разуменье; но как его дать тому, кто просит о нем? Если его передать, оно исчезает; и всякий, кто просит о мне, недостоин меня принять. Вошел бы ты в царский дворец в лохмотьях? Стал бы молить государя о крохах с его стола? Прежде

чем так поступить, крепко подумай; ибо царь тебя не увидит, но слуги его спустят собак на тебя, и лишишься ты даже тех скудных отрепий, что есть у тебя; и даже если владыка подымет глаза на тебя, как знать, не впадет ли он в ярость от твоего дерзновенья и не велит ли раздеть тебя донага и палками выгнать из царского сада обратно в твою хибару? А если б ты сам был царем и решился искать пониманья и знанья в нищей лачуге, то стал бы добычей для голода, жажды и блох, и холод и зной истерзали бы тело твое; ты лишился бы всех богатств, и народ твой изгнал бы тебя и отнял твою корону. И все же надежда есть и для нищего, и для царя: весы, что не могут прийти в равновесье, утвердятся на новой опоре; солнце иссушит тучи, а тучи поглотят солнце, и не станет ни тьмы, ни света. Но поступись гордыней своей — и превратится она в гнездилище крыс и червей; поступись смиреньем своим — и разденут тебя донага и бросят псам».

И тут обнажила она предо мной свою грудь, что цветом подобна небесному своду в рассветный час; и заключила в объятья меня, и стала меня ласкать; и пламя ее языка скользило по коже моей, как ладони робеющей девы. И испил я дыханье из уст ее, и наполнился духом дремоты и грез, и объяло меня сомненье: вправду ли светят звезды над моей головой, вправду ли реки текут под моими ногами? Так сделалось все для меня великой Загадкой, и узрел я во всем Непостижимость Пространства.

И вновь полилась из уст ее нежная песнь: «Я не знаю, кто ты таков и откуда пришел ты — из-за снежных холмов ли, с огненных ли равнин. Но я люблю тебя, ибо в очах твоих — синь неподвижных вод, а губы твои алы, как заходящее солнце. Голос твой — как вечерний зов пастуха, что сбирает стадо свое на закате.

Дыханье твое — словно ветер из мускусных долов; чресла твои крепки, словно красный коралл из морских глубин. Приди, обними же меня, о мой любимый! Моя сестра уловила тебя в западню коварным своим языком; она дала тебе испить из сосцов Времени; но я дам тебе больше. Ты овладеешь телом моим, ты обласкаешь меня, как любовник, и в награду за эту любовь я дарую тебе все пределы Пространства: всё, от пылинок в лучах дневного светила до звездных чертогов ночи, всё станет твоим — вплоть до бездонных недр Бесконечной глуби».

И она овладела мной, а я — ею.

Третья же голова — голова жены, не молодой и не старой, но прекрасной и милосердной; и венок на ее челе — из ветвей кипариса и маков, скрепленный крылатым крестом. Очи ее подобны звездным сапфирам, уста ее — как перламутр, а на губах покоится Дух Молчанья.

И, увидев ее, я громко воскликнул ей: «О ты, Матерь Чертога Истины! Ты что вечно бесплодна и вечно чревата! Ты, восседающая на престоле суда, перед коим трепещут нагой и одетый, праведный и нечестивый! Даруй мне плод от Древа Жизни, дабы вкусил я его, и отверзлись очи мои, и стал я подобен богу своим разуменьем, и жил во веки веков!»

И, стоя пред ней, я слушал ее ответ, и трепет великий сотряс все члены мои, ибо она не сказала ни слова; но снизошло на меня безмолвие уст ее, и объяло меня всего, как ночные тучи, и затмило душу мою, и покинул меня Дух жизни.

И пал я, дрожа, ибо понял, что я здесь один.

Раб

Лазурь небесного свода окрасилась красным, как рваная рана, как безъязыкий рот: Закат обнажил свой меч, и Солнце пало пред ним, истекая кровью. Море стонет, как новобрачный, охваченный страстью; вздымаются груди ночи, и губы моря трепещут, приникая к ним в поцелуе. Сходятся в пылком объятье волна и туча; и, словно двое влюбленных, обезумев от жара лобзаний, теряют себя друг в друге.

Приди, приготовь нам пир в чертогах вечерней зари! Приди, и наполни чаши темным вином ночей! Принеси дальнозвучную арфу закатного мрака! Сорвем с пылающих тел запыленные ризы утра и, обнажившись, будем плясать в серебряном блеске луны. Долетают из тьмы отголоски таинственных звуков; тишину уходящего дня баюкает шепот несметных губ, словно шелест весеннего ливня в юной зелени буковых листьев. Вот из чащи послышался волчий вой, за ним — голоса шакалов; но ты не страшись, мы надежно укрыты от них; мягок мох в убежище нашем, и сверкает игристый ручей, как сотни цветных каменьев.

О, где же ты, возлюбленная моя, чьи глаза — синь далеких холмов? Где ты, чей голос — шепот дальних вод? Я простираю руки мои, но касаюсь лишь тростника, кивающего на ветру; я

вперяю взор свой во мглу ночного тумана, что застлал озерную гладь,— но ничего не вижу. Ах! вот ты где! вот ты стоишь под ивой, среди камышей и кувшинок, и твой образ сияет сквозь тьму, как перламутр на волнах в лунном свете. Приди же ко мне, сведем эту ночь с ума нашими поцелуями! Приди же ко мне, осушим до дна чаны нашей страсти! Останься! Почему ты бежишь от меня, как туманная дымка утра перед стрелами дня? Я больше не вижу тебя; ты ушла, и тьма поглотила тебя. О, почему ты покинула меня? Я ведь любил тебя, я вплетал поцелуи в кудри твои! Даже луна ушла за тобою следом. И вот я уже не вижу лесных теней; и кувшинки на водной глади стали искрами света во тьме, и смешались в одно пятно, и растаяли в сумраке, словно снежинки под солнцем, и вовсе исчезли; о да! звезды бежали с небес, и я остался один.

Как же теперь холодна эта ночь, как неподвижна! О, где ты? Приди, возвратись ко мне, чтобы я не блуждал вотще; ответь на мой зов, чтобы я не сбился с пути! Озари мне дорогу сияньем своих очей, чтобы я не сошел с тропы и не стал добычею диких зверей!

Я заблудился и больше не знаю, где я; мшистые горы стали холмами из ветра и ветер унес их прочь с прежних мест их; и нивы в долинах безмолвствуют, словно в стране мертвецов; не слышен мне шорох колосьев, и не знаю, куда идти мне. Не шепчет тростник по берегам озер; все умолкло; замкнулись уста небес и не пробудят дыханьем своим этот мир, облеченный сном запустенья. Жадные пасти вод поглотили кувшинки, и сон этой ночи — как дрема могучего змея, пожравшего белую плоть и испившего теплую кровь трепещущих дев рассвета и буйных юношей полдня.

О, голубка моя, любовь моя! Если бы только я встретил тебя как скиталицу в этой глуши и увидел власы твои, что облекают тебя золотою ризой, и груди твои, что сияют румянцем зари! Я бы помчался в слезах навстречу тебе, обезумев от счастья! Но ты не идешь ко мне. Я здесь один; я трепещу в этой тьме, словно белые кости гиганта в недрах гробницы, открытой холодным ветрам.

И вот я познал страну, где не растут деревья, где щебеты птиц — только забытый сон. Это страна запустенья и праха, где не текут ручьи, и не плывут облака над равниной, и нет человеку

спасенья от жгучих песков и от палящего солнца. Многие там заблудились навеки, ибо всякий живущий в Обители счастья стоит на пороге беды. В этой стране всё богатство уходит из рук, как пленная птица — на волю из отпертой клетки; слава уносится прочь, как дыханье слабеющих уст; вместо любви здесь распутство, а младая невинность — лишь плащ для нагого уродства пороков; здесь никто не ведает здравья; радость лежит здесь в могиле, разлагаясь, как труп; и за всем этим высится грозный надсмотрщик по имени Смерть. Вездесущ его кнут; нагое его безобразье и черная тьма всё обращают в пустыню.

«И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их; и вот, всё — суета и томление духа» [1]. Да! все произошло из праха и все возвратится в прах, а мертвые ничего не знают [2]. Лишился я доброго здравья, лишился богатства, и те, кого я любил, отнялись у меня, а ныне и Ты (о, мой Бог!) покинул меня, и замкнул на замок уста Свои, и запечатал воском Свой слух, и длани Свои возложил на очи Свои, дабы не видеть меня, и не слышать меня, и не давать ответа на горестный плач мой. И вот я отвергнут от лица Твоего, и сижу одиноко, словно в пустыне песков, и вопию к Тебе, и жажду Тебя, и, наконец, отвергаю Тебя и кляну в безумье своем, доколь богохульства мои не прервут могильные черви и прах разложенья и я не вырвусь на волю из ужаса этого рабства в оковах страданья.

Я одинок, о да! одинок в этом царстве несчастья и запустенья. Ад был бы раем в сравнении с этой мукой. О, лучше бы вышли драконы из бездны и пожрали меня, или львы разорвали б меня на части в пищу себе; ибо их ярость была бы как млеко и мед против горечи этой пытки. О, пошли мне хотя бы червя, дабы не был я так одинок! В извивах его на песке я прочту Твой ответ на мою молитву! Лучше б я был в темнице — тогда бы я слышал бы стоны других заключенных; лучше б меня казнили — тогда перед смертью я слышал бы грязные шутки толпы, жадной до крови! О, лучше б я был в могиле, оплетенный корнями деревьев, безглазо взирающий ввысь, в смертную тьму!

Я родился после заката, до света солнца; я появился в ночи, словно гриб. Пустыня поила меня молоком, горьким, как уксус; кормила мясом меня, горьким, как сок алоэ. И все же я жил, ибо

1 Екк. 2:11.

2 Екк. 3:20, 9:5.

со мною был Бог; но жил в бесконечном страхе, ибо дьявол был близко. Я не понимал, что мне нужно, и вечно боялся, и страх разъедал мою душу. Но испил я из чаши жизни, и, опьянившись, изведал я радость, и в опьяненье своем кричал богохульства в лицо подступившей буре. А после я протрезвел и растратил свое пониманье, и обманул свое сердце, и, потерявши Бога, был продан в рабство, и стал как могильный червь на останках радости жизни. Так дни мои стали темны, и сказал я себе: «Что́ мне сегодняшний день, если он темен, как ночь? Что́ мне завтрашний день, если он темен, как Вечность? Для чего оставаться в живых, соблазняя собою кнут?» И нашел я на поясе нож, дабы пресечь нить моей скорби; но оставила храбрость меня вслед за радостью жизни, и дрогнули руки мои, и клинок не покинул ножен. И тогда я сказал себе: «Не стоило и пытаться; ибо самая жизнь для меня теперь — как пустые ножны»; и сел неподвижно, угрюмо глядя во тьму.

Воин

Есть равнодушие, превосходящее наслажденье; есть смирение, ниспровергающее победу; есть отречение, разбивающее цепи тревог; есть отдохновенье, освобождающее от оков отчаяния. Это час второго рожденья: из чрева несчастий, превысивших меру, выходит дитя радости без причин. *Solve*! Ибо должно расплавиться всё в тигле печалей, всё должно закалиться в печи страданий, дабы затем, на наковальне силы, преобразиться в блистающий счастьем клинок. *Coagula*!

Плачь, скрежещи зубами — и печаль твоя будет сидеть на престоле, ликуя; так встань же и облекись доспехом последнего одиночества! Убей в себе гнев, удуши свое горе, утопи отчаянье; и родится радость превыше любви и надежды, нерушимая и нетленная. Рай или ад — все равно! Как только Весы придут в равновесье, закончится ночь, и все желанья и муки растают как сон с дуновеньем утра.

Война за Свободу Душ — это не драка рабов в винном притоне и не ссора торговцев на рынке; это возжжение факела жизни, взмах того Меча Силы, что повергает все своим клинком разрушенья. Жизнь ничего не стоит — ни своя, ни чужая. А потому не должно быть ни слабости, ни сантиментов, ни рассуждений,

ни милосердья. Каждый должен вкусить от запустенья войны, каждый должен испить из кровавого кубка смерти. О, воины! да не будет предела свирепости вашей, дикости вашей и силе! О, грозовые сыны пламени жизни! Успех — ваш пароль; разрушение — стяг ваш; Победа — ваша награда!

Не слушайте криков женщин и плача малых детей; ибо все должны умереть, и камню на камне не до́лжно остаться в городе Мира, а не то не отступит тьма. Поспешите! несите кремень и кресало, высекайте огонь, поджигайте солому на крышах хижин и кедровые балки дворца: должно быть разрушено всё! Пусть никто не промедлит, не дрогнет, не повернется спиной и не станет жалеть о том, что он совершил! И тогда из золы Разрушенья восстанет Царь — тот, кто не знал рожденья и не узнает смерти; великий монарх, который стряхнет со своей бороды кровь разрушенья и выпустит меч запустенья из утомленной десницы.

Да! блещет из ночи пламенный меч, мчится из тьмы огненный дрот!

Я один; я стою у кормила Смерти и смеюсь над яростью волн; ибо ладья смеха моего взрезает темные воды смерти и разбивает их на мириады алмазов неизреченной, запредельной радости!

Я один; я стою посреди пустыни Страданья и смеюсь над горем земли; ибо музыка смеха моего взметает пески запустенья и поднимает их золотою тучей неизреченной, запредельной радости!

Я один; я стою в грозовом облаке жизни и смеюсь над свистом ветров; ибо крылья смеха моего сметают внешнюю тьму и являют взору звезды неизреченной, запредельной радости!

Я один; я стою в пламенах гор наслажденья и смеюсь над огнем экстаза; ибо дыханье смеха моего сбирает эти яркие огни в единый столп неизреченной, запредельной радости!

Я один; я стою среди призраков мертвых и смеюсь над дрожью теней; ибо сердце смеха моего бьется, как могучий родник крови, облекающий ночные тени духом неизреченной, запредельной радости!

Я один, о да, я один против всех; но в мече моем — Всё, ибо в нем — крепость мощи моей; и если не явится радость на зов мой, то и радость будет убита, как непокорный раб; и если скорбь не отступит по воле моей, я отправлю ее сей же час долиною смертной тени, как врага, не склонившего шею свою под ярмо.

В цитадели помыслов моих — все снаряженье моей мощи; стоя на башне твердости своей, сметаю я звезды с небес и изливаю огонь и воду на мир смеха и плача. Победить меня невозможно, ибо никто не может ко мне подступить; невозможно прийти мне на помощь, ибо я далеко за пределом людских вспоможений. Но ни того, ни другого я б не желал, даже будь то возможно: если нечто возможно, я того не желаю; и невозможно все, чего б я ни пожелал; ибо я стал как исполин средь людей; я силен, как дано лишь тому, кто пировал на агонии жизни, и упился из чаши страданий смерти, и возвысился надо всем.

Я смеюсь, но смех мой не горек; я смеюсь, но смех мой не весел; мой смех — смех силы и жизни. Я живу, как могучий, победоносный Властитель, и все на свете — мое. Мои — прекрасные рощи и сады, мраморные дворцы и крепости из красного песчаника; и сундуки сокровищницы моей полны золота, серебра и драгоценных камней; и танцуют на пути моем дочери наслаждений с распущенными волосами, усыпая дорогу мою лилиями и розами. Воистину, жизнь есть радость, восторг льнущих губ и красного вина, что стекает каплями вниз по кудрям, бронзовым и багряным, а после, подобно кровавым рубинам, таится меж твердых белых грудей исступленного девства.

Чу!.. Что это, тявкает пес? Нет! Это предсмертный крик человека!.. Эгей! Жала острых клинков, вопли жен! Хо! Чернь ворвалась на пир; серпы сверкают в факельном свете, столы опрокинуты, льется вино рекою в грязные глотки и на пол, мешаясь с кровью убитых — детей Эрота: праздник любви обратился в смертную бойню...

И вот замерло все; от розы родился мак; бронзовые кудри бражников лежат недвижно, как змеи, насытясь запекшейся кровью; и распутно мерцают в серебряном свете луны нагие тела и разверстые чрева. Скоро ползучие черви, что некогда были мозгами людей, пожрут те остатки пира во храме любви — и фарсу конец.

Я поднимаюсь от трупа той, которую я целовал, и смеюсь; ибо прекрасно все, и с каждым днем — все прекрасней; ибо я претворяю безбожную бойню бесов в величавую роскошь смерти. Вот стоит она предо мною: как розы, ее рамена; багряны уста; груди — алый огонь; облаком вкруг нее — власы ее, пламя рубинов; а язык — как влажный карбункул, покрытый густою кровью.

Я смеюсь, и в исступленье счастья моего она — моя; на мягком ложе кровавых трупов я зачинаю в ней презрительный смех над войной, злорадство над скорбью.

Жизнь — это ужас, корчи голодных змей; но нет мне до этого дела: я лишь смеюсь. Пустыни меня не страшат, не смиряют моря моего ликованья. Жизнь — словно пленник в темнице, и все ж я смеюсь; ибо в силе своей породил я такую мощь, что сломит любые стены; ибо жизнь и смерть — отныне одно для меня: и та, и другая — как малые дети, что играют в песке и плещутся в волнах прибоя. Я смеюсь над их милой игрой; и на всплесках этого смеха я строю Великое Царство, где все собрались и пируют за общим столом. Здесь рядом с блудницами — девы; и ни старик, ни мальчик не ведают здесь, что такое премудрость и что такое безумье.

Я покорил леса и пустыни, долины и горы, море и сушу. Дворец мой — из вод и огня, из воздуха и земли, а тайное место во храме моем — обитель вечного счастья. Всё здесь — любовь, жизнь и смех; нет ни распада, ни смерти; всё — чистота, свобода и радость; всё — пламя таинств; всё — всё; ибо царство мое именуется Градом Божьим.

Плачет раб, ибо он одинок; о, не будьте рабами себе, не бичуйте себя порожденною вами же скорбью! Но будьте сильны во вдовстве радости вашей; из ужаса отъединенья извлеките шлем торжества, из одинокого горя — клинок разрушенья желаний. А затем обратите лица свои на запад, и устремитесь следом за ночью великого горя; и, испив из чаши заката, вы обретете силу, как воин, вспоенный кровью быков; и превзойдете и утро, и ночь в мужестве мощи, побеждая самих себя и всходя на Престол Божества!

Царь

Царь — это тот, кто никогда не умрет; он — жизнь и хозяин жизни; он — великий живой образ Солнца; он — само Солнце; он — отец, породивший Солнце. Он — Дитя Божества, Богорожденный и тот, кто рождает Бога. Он — мощный бык, он — драгоценный змей, он — неистовый лев. Он — властитель высоких гор, владыка рощ и лесов, обитатель пламенных сфер. Как величавый орел, он парит в небесах; как исполинский

дракон, он пахтает пучины вод. В руках его — то, что прошло, как ларец драгоценных камней; пред ним — то, что грядет, как серебро зеркал; на поясе у него — то, что есть, как золотой кинжал, не знающий ножен.

Как отважный раб становится воином, так и бесстрашный воин становится царем, сменяя изношенный шлем силы на блистающую корону света; если воин шествует гордо, с бесстрашным презреньем в глазах, то царь идет, склонив голову, и находит красоту и любовь везде, где идет он; и все, что делает он,— истинно и прекрасно, ибо он победил себя самого и отныне правит собой одною только любовью, а не по законам добра и зла,— без гордыни и без презренья, ни сурово, ни милосердно. Он чужд и Добра, и Зла, ибо он стал подобен Высшему Разуму или Искусству в святая святых ума; и нет в его царстве деяний, несущих скверну; и все, к чему склонится сердце его, он совершает в радости и чистоте. И подобно тому, как лицо певца бывает бело иль румяно, светло иль темно, но ни красный, ни белый цвет, ни свет, ни тьма не меняют напева, что льется из уст его, и блаженства музыки его, так и все добродетели и пороки, сочиненные людьми, вся доброта и жестокость, вся сила и слабость не меняют деяний Царя и не управляют ими; ибо он от рожденья свободен от иллюзий и грез и видит вещи такими, как они есть, а не через пять чувств, созидающих их отражения в зерцале ума.

Желающий стать царем должен не отрекаться от царств мира сего, но завоевывать земли и владенья других и занимать их престолы. Если он беден, он должен стремиться к богатству, не отвергая своей нищеты; если же он богат, он должен стремиться познать и бедность, не изымая при том ни единой монеты из сундуков своих. Тот, у кого много имений, должен стремиться забрать под руку свою все царства земли. Ему надлежит достигнуть того, что недостижимо; и, достигнув его, он обретет Ключ Золотой от Царствия Света. Дева должна превратиться в блудницу, но и во власти всего своего вожделенья не должна ни на миг отречься от чистоты девства своего; ибо основания Храма воистину утверждены между Ночью и Днем, а Ступени восходят дугой от Преисподней к Небу. Ибо если дева станет обычной шлюхой, она всего лишь падет и в паденье своем предстанет в глазах всех людей как грязная ветошь, потребная лишь

для того, чтобы вбирать вожделенья плоти. Так же и куртизанка, уподобившись деве, предстанет в глазах людей бесполезной, бесплодной, лишенной любви; ибо что проку в той, которая не плодоносит? Но та, кто ала и бела, как витая колонна из льда и огня, кто исцеляет там же, где обжигает, и согревает там же, где леденит,— предстанет в глазах людей как царица средь жен; ибо в ней обретается всё, и она — как неистощимый родник, над которым растет абрикос и пчелы в ветвях его строят медовые соты; она — как питье и пища сердцам людей; она — как источник жизни мира сего; о да! как славный трактир, где вино подают холодным, и слышен довольный гомон, и всех наполняет безбрежная радость любви.

Этим путем каждый достигнет единства венца и станет царем над собой. Но долог сей путь, и холмист, и полон множества ям, и ведет через глушь и пустыню. Мы различаем там, впереди, башни и шпили, фронтоны и купола; на пурпуре горизонта горят они, словно шлемы и копья дальнего войска. Но, приближаясь, мы видим лишь темный лес в объятьях ночной синевы; и ничто в нем не помнит Венца; и всё в нем — лишь тьма и тленье; и в нем обитает Тиран Мира сего в облачении диких желаний. Но именно здесь обретается Ключ Золотой,— здесь, где пируют вепрь, обезьяна, волк и бородатый козел. Здесь сокрыты беседки грез; здесь — шатры сновидений, в коих накрыты столы для пиршества бесов; и пируют за ними развратники и ханжи, старики и юнцы, и всё, что двояко,— все доблести и пороки. Но тот, кто желает надеть корону, должен найти сей Ключ, а иначе врата Дворца не распахнутся пред ним, ибо никто, кроме него самого, их не откроет. И тот, кто желает найти сей Ключ Золотой, должен искать его здесь, в преддверии Мира, где тунеядцы, льстецы и лицемеры вьются, как жирные мухи, над варевом жизни.

Тот же, кто входит в сей внешний двор, видит перед собою много накрытых столов; и возлежат пред ними сыны обжорства. Это тучные мужи со вздутыми венами, полные страстной алчбы; они набивают рты роскошествами распада, дабы извергнуть их в навозную кучу; они изрыгают из уст друг на друга свой кислый напиток, тем знаменуя доброе братство свое. От пьяного их разгула полнится мир шумом литавр и кимвалов, громом музыки иллюзий и возгласами бесстыдства. Шипение сковород и бульканье мяса в котлах дразнят глаза и уши; и пестуя

жадность свою, вытянув шеи, дабы вдыхать блуждающий пар над блюдами яств, они набивают раздутое пузо свое тленом и прахом и пьют от обжорства жизни. Но тот, кто желает войти на Пиршество Света, должен пройти сим путем и приобщиться на время к этим животным, кои настолько полны свинских хотений и неукротимого блуда, что не замечают, как близко к отхожему месту стоит их корыто с кормом. На время он должен остаться средь них, внимая икоте тех, кто упился вином, и хрюканью тех, кто набил свое брюхо едой; взирая на сих похотливых скотов, позорящих званье мужчины; глядя на то, как они храпят в своем же навозе, как, исполнены блудного зуда, пьяно шатаясь, тянут руки свои к отрокам длинноволосым и полуодетым девицам, и сосут из них юность, как молоко из козьих сосцов. Да! на время он должен остаться средь них, позорящих имя женщин,— средь обезьян, измазанных белой краской, размалеванных и умащенных «крокодильим навозом» и «пеной гниющих соков». Эти мерзкие ведьмы шепчутся меж собою, сидя в кругу над чашей; и, молотя языками, бесстыдно смеются над теми речами скверны, что сами же изрыгают; и срываются с уст их вопли блуда и любодейства. Эти распутные девки с жеманной походкой зазывно качают телами пред взором мужчин, уловляя их в сети искусства соблазна. Дерзко стреляя глазами, они лопочут без смысла и громко кудахчут, как куры, что разгребают навозную кучу в поисках грязи богатства; и сходят в могилу, набитые златом, словно засаленный кошель.

О искатель! Ты должен все это увидеть и, причастившись сему, не осквернить и не отвратиться,— без презренья и без почтенья; и тогда непременно отыщешь тот Ключ Золотой, что изымает засовы зла из петлей Добра и отмыкает врата в Чертоги Царя, в коих высится Храм. Ибо, если найдешь ты Красоту, и Мудрость, и Правду в разбухших венах, раздутых брюхах, в болтливых губах, в похотливых объятьях, в свирепой алчбе и блудливых криках, в лукавых взорах и всей бессмысленной грязи Преддверья, тогда обретешь неложно тот Ключ Золотой, что открывается лишь в сочетанье разврата и чистоты. И, взяв его, вложишь в замок огня херувимов в самом сердце двери в обитель Царя — двери из слоновой кости и черного дерева, украшенной черным агатом и серебром; и распахнется дверь, как если бы пламя вырвалось с той стороны; и узришь ты пред собою жемчужный стол,

а на нем — тайные воды и сокровенный хлеб Пиршества Света. И будешь ты есть и пить, и станешь ты светел, подобно ручью жидкого серебра; и так как свет тела — око, твое настоящее «я» станет оком твоим, и узрит все, что ни есть, вплоть до чаши третьерожденья; и, взяв ее, изопьешь из нее причастье Свободы — напиток, благоуханней сладких фракийских и мускатных лесбосских, слаще всех виноградников Крита, Наксоса и Египта. И будешь ты умащен благовонным нардом и притираньем из лилий и кипарисов, мирта и амаранта, мирры и кассии, смешанных воедино. И украсят твои власы лепестками роз багряного света, и прелестью сочетанья фиалок и лилий, сплетенных, как ночь с рассветом. И будешь овеян ты сладостным ароматом дивных курений, в коих смешались ладан, алойное древо и стиракс; ибо это — дыхание Божьего Храма. И войдешь ты в Чертоги Царя, о воин! и голос, напевнее флейты из кости слоновой и псалтериона златого, чистый, как колокольчик из сплава металлов, звенящий в полночной тиши, к тебе воззовет; и взойдешь ты за ним на престол, что совершенен, как куб из яркого злата средь волн белизны; и совлекут с тебя облачения сна, и увенчают тебя молчаньем Царя — безмолвием песни, мысли и самого рассудка, непостижимым уму молчаньем Престола.

Белая Дозорная башня

Хаос и древняя ночь объяли меня; я ослеп. Я взбираюсь наощупь на башню молчанья и ожидаю пришествия воинств зари.

О, откуда пришел я? Где я? Куда я иду? Я сижу, обезумев от страхов великой тьмы... Что я слышу? Слова тайны реют вокруг меня, музыка голосов, сладость, как аромат дальних курений; о да! я вижу, я слышу, я поднимаюсь ввысь на крылах песнопенья. Но все же... я сомневаюсь и сомневаюсь в своих сомненьях... Я вижу!

Смотри! вздымается ночь, как жена, несущая в чреве дитя, и черные воды трепещут, как шкура зверя, что бьется в предсмертной муке... Горизонт раскололся и пылает, как лоно огня; рассеялись сонмища ночи; я родился, и звезды тают, как хлопья снега, пред моими очами...

Се! вот она стоит, рожденная во зрелости, исторгнутая из чресел тьмы, как радуга — из пурпурных чанов грома. Власы

ее — как прилив танцующих лунных лучей, переплетенных златыми колосьями и телами мерцающих змей из малахита и изумруда. Жемчужный месяц на челе ее светится внутренним светом. Облаченье ее — как сети прозрачного серебра, блистающе-белого, словно капли росы; оно то мерцает всеми красками мира, то пламенеет златом и багрецом, как лепестки красной розы и мака, шафрана и ярких тюльпанов. Вкруг нее — ореол лучезарной тайны, мерцающей тьмой; он отчасти скрывает облик ее; он взметается ризой туманных вод и сверкает бессчетными звездами из серебра; а в центре его — подобье огромного перла, как пламя морских пучин, как серебряный диск луны, что трепещет лучами света — сокровенно и дивно. В правой руке ее — систр, звенящий музыкой земли, а в левой — урей, обвивающий нос золотого челна, в котором сокрыты все тайны неба.

И вот раздается голос, чистый и сладостный, словно дыханье холмов, словно ветер на струнах серебряной арфы:

«Я — Царица небесных сил, Царица Богов и Богинь, слитых в едином обличье. Я — Та, кто была, и есть и грядет; едино мое обличье, но много имен у меня; под пальмами и в пустынях, на снежных горах и в долинах поклоняются люди мне и громы гремят хвалой имени моему. Но в самых глубинах я безымянна; и безымянна я на лучезарных вершинах небесных гор. Одни называют меня Матерью Богов, другие — Афродитой жемчужных морей, Дианой златых силков иль Прозерпиной, Царицей Тьмы; иные — Гекатой, владычицей чар, иные — Иштар в челноке ночей иль Мириам из Пещеры, иные — Исидой, сокровенной матерью Тайны.

Я та — что приходит к каждому из людей; и если не здесь я, то узришь меня во тьме Ахерона, Царицей чертогов Стикса. Я — темная ночь, что ведет за собой светлый день; я — светлый день, поглощающий темную ночь; светлый день, зачатый в давних веках и рожденный в сердцах человеков; я — рассвет, унимающий ярость грозы и усмиряющий волны, дабы морская гладь расстелилась жидким стеклом».

И взлетел я на крыльях восторга; и в исступленье радости моей я спрыгнул с башни Ночи; но она уловила меня в полете, и я прильнул к ней, и стала она как Дочь мира сего, как Дитя Божества, рожденное в сердце людском. И власы ее разметались вокруг меня золотыми облаками, и обвили меня, как солнечные лучи,

изливающиеся из чаш полудня. Ланиты ее сияли нежной киноварью граната, смешанной с белизною лилий. Уста ее приоткрылись, и в глубоких ее очах светились робость и страсть, как в очах жены человеческой, впервые бьющейся в могучих объятиях мужа; ибо я обретал силу в силе ее; я становился достойным славы ее.

И она прильнула ко мне, и исходило дыханье из уст ее, как порывы огня с благоуханьем мирта; и в объятьях моих она пела свою брачную песнь:

«Приди, о любимый мой, о мой драгоценный! Прейдем из земли трудов на поляны и в рощи услад! Будем срывать виноградные гроздья нашего трепета, и рассыпать розовые лепестки нашего желанья, и попирать пятою пурпурные плоды нашей страсти, и смешивать пенные кубки нашей радости в сверкающей чаше нашей любви. О! любовь, какие ключи восторга, какие родники упоительного блаженства изливаются из глубин нашей сути! Пенные струи вина бьют с шипеньем сквозь пламена нашей страсти — и расплескиваются в бесконечности, порождая миллионы солнц.

Я видела зарю, золотую и багряную; я видела ночь, полную звездных очей; я выпила синюю бездну вод, как пурпурный сок винограда. Но только в твоих очах нахожу я блаженство счастья своего; и лишь на твоих устах — урожай любви моей.

Я смотрела на цветы полевые, и на пестрое оперенье птиц, и на дальнюю синеву гор; но все они меркнут пред румянцем твоих ланит; и как рубиновый кубок солнца, осушенный серебряными устами ночи, все они растворяются в беспредельности твоей красоты.

Я вдыхала благоухание роз, и ароматы мирта, и сладостный запах жасмина. Я пила дыханье холмов и благовонье лесов и морей; но вздохи твои ароматнее их и слаще; они опьяняют меня и наполняют меня блаженством, как сосуд густого вина, извлеченный из недр соляной пустыни,— я испила до дна и очарована любовью.

Я внимала жаворонку в небе, ржанке и соловью в зарослях, и всем певчим птицам лесов, лепету вод и пенью ветров; но что они в сравненье с экстазом голоса твоего? Он отдается эхом в долине моей груди и трепещет в недрах моего естества.

Я вкушала сок персика, сладость меда и млека; но вино твоих губ крепко, как душистый урожай виноградников Египта,

и сладко, как сок фиников на благовонных равнинах Евфрата. О, дай мне пить его, пока не сомлею от поцелуев и наслажденья! О, мой любимый!.. О, мой любимый!.. О, мой любимый!»

И я подхватил ее песнь и воскликнул: «Да! О Царица Ночи, о стрела сиянья из колчана луны! О, Ты, уловившая меня в сети своих волос и в лобзания уст твоих; о ты, отринувшая божественность свою, дабы найти прибежище в моих объятиях! Слушай!

Я испил до дна из сосуда страсти с девами Весты, сокрытыми белыми покровами, и с дочерьми Цирцеи, опоясанными багряным, и с сонноокими девами Инда. Я плел тенета любви с гибкими девами Эллады и с нежнорукими девами Египта, персты коих созданы для ласк; все девы Ассирии и красавицы Аравии были моими; но среди них не нашел я ни одной, подобной хотя бы реснице ока твоего. О, Ты — как вино экстаза, тысячекратно сладостней всех их. Ах! отчего же меня охватила эта истома? Сила меня покидает; душа моя смешалась с твоей душой; меня нет, и все же я есть. Не твою ли слабость я ощущаю?»

«Да, о любимый, ибо за наслаждение союза, кое вкусила я в объятьях твоих, я плачу иллюзией силы моей. Красота победила меня и выпила мощь силы моей; я одинока, и все, что есть у меня, окутано тайной моего одиночества.

Эвоэ! Жизнь сгорает на жаровне любви, как рубиновое пламя в сапфирной чаше. Я мертва, и все ж я жива вовеки!»

Восстань, о сновидец, ибо ночь одиночества свернула ложе свое, и сердце мое пылает как солнце расплавленной меди; пробудись, пока Зверь не восстал и не вошел в святилище Эдема и не осквернил детей зари. О Муж-Дитя, сбрось плащ сновидений, прежде сна твоего околдованных силой любви! Светлый и свежий ты вышел из тех лесов, где мир познал свою юность; грудь твоя — как заснеженный холм под лучами солнца; власы твои — словно дубовая роща под буйным ветром; очи твои глубоки и спокойны, словно озера в горах. Вышел ты без покрова; обнаженный, ликуешь под смех Зари; в лобзаниях полдня пляшешь ты вместе с солнцем; нежные руки ночи ласкают тебя в колыбели луны. Мысли не искушают тебя. Рассудок не лицемерит с тобою, воображенье не блудит. Ты — лучезарное дитя; ты вырос во свете очей твоих, и никакая тень не омрачала твой путь; любовь твоя была сильна и чиста — светла, словно звезды ночи, и глубока, как гулкие недра холмов янтаря, смарагда и киновари.

Пробудись! Сбрось пеньковые путы тьмы, восстань! Зажги маяк пробужденья народов, и вздыбится ночь, как блудница, несущая плод во чреве, и порок породит чистоту, и свет вострепещет во мраке, словно сиянье опалов, как многоцветный блеск L.V.X.

Ты прошел ночь сведения счетов, и вился твой путь через земли, укрытые тьмой и облаками сна. Ты расколол горизонт, как рассекает дитя чрево матери своей, и рассеял ты сумрак ночи, и воскликнул в радости: «Да будет свет!» И вот, ты воссел на престол, ты прошел во врата гробницы и вступил во святилище Храма.

Вот, ты стоишь на великой Дозорной башне Дня, где все — пробужденье; ты взираешь на царство вина и на землю домов прохлады. Ты захватишь Империю Скипетра и Царство Короны, ибо ты — как малое дитя, и никто не причинит тебе вреда, никакое зло не поднимется против тебя. Ибо Вчерашний день — по правую руку твою, Завтрашний день — по левую руку твою, а Сегодняшний день — словно дыханье из уст твоих...

Я — тот, кто стоит без покрова между двух горизонтов, как солнце меж Днем и Ночью. Свет мой сияет на всех, и никто не содеет мне зла, никто не свергнет власти моей. Я — тот, кто Открыт; я — тот, кто снимает Покров, и тот, кто Скрывает снова; мир лежит подо мною и предо мною, и в сиянье очей моих — образы того, что грядет. Я разворачиваю Пространство, как свиток, и Время звенит в руке моей, как серебряный колокольчик. Я звоню о рожденье и смерти народов; когда я поднимаюсь, миры разлетаются прочь, как перья дыма пред ураганом...

И все ж, о Божественно Юный, кто сотворил тебя? Кто ты такой? Ты — вне рожденья и смерти, без начала и без конца! Ты раскрасил небеса яркими лучами изумрудного сиянья, ибо ты — Владыка Света. Ты озарил две земли лучами бирюзы и берилла, сапфира и аметиста, ибо имя Твое — Владыка Любви, Владыка Жизни, Владыка Бесконечности, Владыка Вечности. Ты сам стал подобен башне Сияющего Света, основания коей — в сердце моем; о да! ты стал подобен горе хризолита, что дремлет в Венце Сиянья, вершина коей — сам Бог!

Книга II

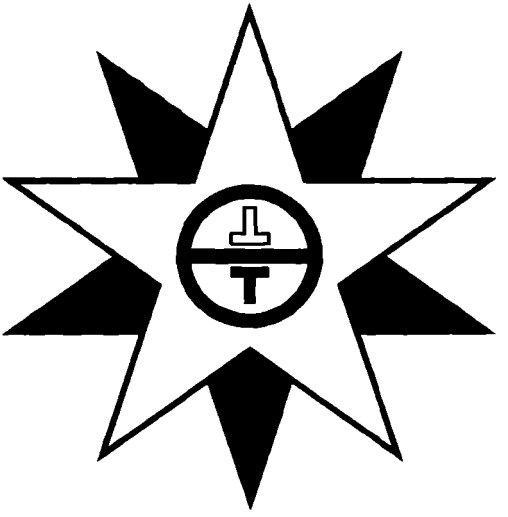
Ступени Храма царя Соломона

и

Десять могучих Опор, утвержденных между Столпами Смерти и Жизни

То, что наверху, подобно тому, что внизу, а то, что внизу, подобно тому, что наверху, дабы вершились чудеса Единой Сущности.

— Гермес [Трисмегист, «Изумрудная скрижаль»]

Одержимый несбыточной мечтой, замкнутый в лабиринте фантазий, Человек блуждает среди теней в стране сновидений, порожденной его же собственным разумом, безвольно принимая одно, яростно отвергая другое, но все же стремясь без устали к некоей недостижимой свободе, к некоей силе, что сможет избавить его от цепей, в которые он по собственной же привычной глупости и непредсказуемому невежеству заковал свои помыслы.

Ничто не может удовлетворить его, ничто не дает насыщения; когда он не плачет, он смеется, когда не смеется — плачет; он ропщет и рукоплещет, презирает и благоговеет, оскорбляет и льстит, любит и ненавидит; он вертит в руках и ощупывает все, с чем столкнется; а когда не остается ничего, что можно было обмусолить, садится и воет на луну или, как та собака, ловит свое отражение в реке собственных грез, теряя все, что имеет, в тщетных попытках добиться большего.

Раб собственной своей тирании, корчащийся под собственным своим кнутом, чем выше он возводит угрюмые стены своей тюрьмы, тем громче вопиет о «свободе» — той свободе, которой он жаждет, по которой томится всем своим существом, за которую борется всеми силами души и тела: свободе плюхнуться в какое-нибудь зловонное болото и барахтаться там, как свинья. Пахарь алчет все новых и новых полей, которые он мог бы возделать; лекарь — все новых умирающих, которых он бы мог исцелить; священник — все новых душ, которые он бы мог привести ко спасению; солдат — все новых стран, которые он мог бы завоевать; судья — все новых негодяев, которых он мог бы отправить на виселицу. Если ему дают «больше», он возмущается, что получил «слишком много»; если не дают — продолжает роптать и сетовать; и чем громче он сетует и ропщет, тем глубже увязает в своем рабстве, полагая при том, что становится все свободнее.

Как только он рождается на свет, его тотчас опутывают по рукам и ногам пеленками Обычая и принимаются качать в колыбели Сословия и вспаивать прокисшим молоком Религии. Не только отдельных людей, но и нации постигает точно такая же участь: и человека, и целый народ с младенчества приучают течь по одной-единственной узкой колее, уподобляясь воде, что тихо струится по трубам водопровода или

канализации между почтенными булыжниками мостовой и респектабельными цементными плитами, чтобы в конце концов, как можно более незаметно и кротко, уйти под землю.

Иногда труба засоряется: накапливается слишком много грязи, и вычистить ее обычными средствами не удается. Начинается потоп (революция), на какое-то время воцаряется ужасный хаос, но вскоре вода уносит всю грязь. Тогда ее опять загоняют в трубы; и вновь она смиренно течет по тому же привычному руслу, среди тех же старых булыжников и цементных плит, — до очередного засора и очередных досадных потрясений. «Так длится сон мой»[1]; и ничего удивительного в том, что цивилизованному человеку из его сточной трубы Бог рисуется эдаким Всемогущим Чистильщиком Канализаций, единственная задача которого — обходить свои владения с черпаком и щеткой и следить за тем, чтобы трубы оставались чистыми и безобидными. Поэтому, когда канализация все же засоряется и начинает вонять, Вольнодумец со смехом кричит: «Ну и дураки же вы все! "Такой особы и вовсе на свете нет!"[2]», — а когда вновь воцаряется тишь да гладь, Верующий отвечает: «Ах, бедный мой, невежественный брат! " Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий"[3]!»

Если цивилизованного человека мы сравнили с водой, текущей по трубам, то дикарь подобен горной реке, пробивающей собственный путь между холмами и неистово, но в полном соответствии со здравым смыслом, устремляющейся в океан. Само собой, с точки зрения работника коммунальных служб водопровод полезнее, рациональнее и вообще куда приличнее, чем своевольная река. Но именно этот жесткий прагматизм, эта мораль сидения на хлебе и воде, эта экономия смены белья не чаще раза в неделю, эта философия снятого молока, эта религия пирожных только по воскресеньям и прочие поиски грошовой выгоды, столь милые сердцу прожорливых

---

1 Цитата из цикла стихотворений Альфреда Теннисона «In Memoriam» («Памяти А[ртура] Г. Г[аллама]», 1833—1850).

2 Фраза из романа Чарльза Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (глава XLIX); обычно цитируется в насмешку над иррациональным отрицанием очевидного.

3 Мал. 3:2; в оригинале каламбур: «fuller's soap» (как в английском переводе Библии) — «щелок сукновала», «Fuller's soap» (с прописной буквы, как здесь) — «щелок Фуллера».

посредственностей, — все это как раз и необходимо раздавить безжалостной пятой, как тараканов, вылезших из самой преисподней, если мы действительно хотим, чтобы в нашем обществе проросли хотя бы зачатки Свободы. Лучше быть дикарем, одноногим готтентотом, кем угодно, только не цивилизованным евнухом, не вдовушкой из Верхнего Тутинга, которая на людях причитает по своему «безвременно почившему супругу», а сама тайком подсчитывает, сколько пенсов завалялось у него в карманах брюк. Если уж суждено случиться потопу, то пусть он будет грандиозным, колоссальным, титаническим — чтобы люди, еще сохранившие обоняние, перестали морщить носы и восклицать, проходя мимо нас: «Право же, какой нездоровый запах!»

Дикарскому ребенку рассказывают мифы его племени — достаточно неиспорченные и красивые; ребенку цивилизованному внушают, выдавая за чистую правду, мифы его народа — не просто порочные, но и совершенно негибкие, в отличие от мифов дикаря. Юноша из племени дикарей проходит великое испытание — битву с Природой; от цивилизованного юноши ожидают, что он выдержит другую битву — со Здравым Смыслом. Первого учат чтить его героических предков, второго заставляют затверживать школьные банальности, всегда отстающие десятилетие-другое от тех идей, которые были в ходу при его рождении.

О том, что происходило с нами в первые пару лет нашей жизни, помнят лишь немногие; да и следующие два года обычно сохраняются в памяти лишь обрывками; эти начальные два, а то и все четыре года мы как будто проживаем в пустоте. Быть может, именно в этом возрасте мы видим вещи такими, как они есть; но затем наших губ касается цивилизация, мы обретаем дар речи и забываем все, что было раньше. Стоит нам только заговорить на человеческом языке, как нас принимаются готовить ко взрослой жизни. Нам вручают книги, и великая торная дорога чудес сужается для нас до узкой тропки; и нам внушают, что идти по этой тропке — большая привилегия и честь. Непослушание объявляется пороком; непостоянство — безнравственностью. Еще не сойдя с материнских колен, мы в невинности своей лопочем слова десяти заповедей — только для того, чтобы нарушить их все, как только мы поймем, что они означают на самом деле. А затем наступает

зрелость со всеми ее обязательствами и супружество — источник одного-единственного наслаждения и сорока тысяч бед, как метко выразился Гейне.

Мы рождаемся на свет по велению природного закона или вследствие игры случая; но и то, и другое — равнозначные символы Неизвестного. Как только мы приходим в этот мир, на нас тотчас же обрушиваются окружающая среда, обстоятельства, общественное положение, всевозможные условности, воспитание и образование; и все эти чудовища, каждое в свой черед, притязают на полную власть над нами и пытаются задушить нас в своих омерзительных объятиях. Но, подобно воде в ручьях или каналах, в сточных трубах или горных реках, все мы, так или иначе, течем, несемся бурными потоками или сочимся тонкими струйками в одно и то же великое неизвестное море, из которого все мы вышли. Иногда Эволюция пренебрегает Этикой и обрушивает на нас наводнения, землетрясения и извержения вулканов; иногда Этика смеется над Эволюцией и превращает нас в искусственные пруды и декоративные фонтаны, но иногда, наоборот, ускоряет наше движение и открывает перед нами трубы от «Ройял Дултон»[1]. Но каждый из нас, чем бы он ни был, слезинкой или Мертвым морем, рано или поздно добирается до вечного океана; и там нас снова согревают своими ласками яркие лучи Солнца, этого неумолимого божества, раз за разом увлекающего нас, как земных возлюбленных своих, на свое небесное ложе, — лишь для того, чтобы коварные ветры снова нас разлучили и чтобы мы пролились обратно на землю слезами дождя. Так вращается колесо Времени — череда рождений, смертей и новых рождений. Осознав это, мы впадаем в отчаяние; но из наших слез рождаются лишь новые тучи, еще больше омрачающие наш унылый путь.

Какой же толк делать в этой жизни хоть что-то, если все мы — лишь капли воды, что плещется без конца в своенравных ладонях Солнца, Ветра и Океана? И впрямь, пути Господни неисповедимы и никому не дано постичь их. Это-то Недостижимое и есть первейший наш соблазн: те крошечные частицы Бога, которые нам удается разглядеть, становятся самыми свирепыми

1 *«Ройял Дултон»* — знаменитая британская компания по производству столовой посуды и коллекционных изделий из керамики, фарфора и стекла. В частности, производила декоративные водопроводные и канализационные трубы.

и ужасными из всех Псоглавых Демонов, сбивающих нас с пути[1]. Да, Он всегда у нас за плечом, наш неизменный наушник, искуситель, насмешник, советчик и помощник; это Он повергает нас в отчаяние, хотя мы не сделали ничего плохого, и дарует нам радость, хотя мы не сделали ничего хорошего; Он — тот, кто вечно вздымается перед нами столпом тумана, застя нам взор или преувеличивая образ нашей цели; и все же Он — не только облак, но и огнь, огнь последний и наивысший. О, если бы только мы могли постичь Его КАК ОН ЕСТЬ! Ах, братья мои, вот это и есть ВЕЛИКАЯ РАБОТА!

«Почему он поступает так, а не иначе, если мог бы поступить наоборот?» — спрашивает Скептик. «Потому, что таков Его выбор», — отвечает Верующий. Но человек, созданный по образу самого Сердца Господня, не помышляет и не рассуждает ни о чем подобном. Он чувствует, что дело здесь не в поступках и не в выборе и понимает, пусть и смутно, что оба эти глупца, считающие себя такими умными, в действительности видят лишь крошечные участки великого круга и что каждый принимает свой участок за полную и совершенную окружность. Но рано или поздно Мистик осознаёт, что и его круг, заключающий в себе все их участки, — сам по себе лишь часть некоего большего круга и что, в конечном счете, все сущее подобно облаку, состоящему из миллиардов крошечных сфер, а те в Действительности не отделены друг от друга, но образуют единый Великий Океан, и он сможет воспринять его, если соединит эти сферы между собой в своем сознании.

Каждая следующая ступень его восхождения становится его Конечной Целью — на некоторое время. Овладев одной из этих крошечных сфер, он устремляется всем своим существом только к тому, чтобы присоединить ее к другой сфере (или, если уж на то пошло, другую сферу — к ней); не сразу к двум или нескольким и не ко всему целому, но только *к Одной*. На некоторое время (хотя ему и кажется, что навсегда) эта *Единственная Другая* Сфера становится для него Богом, Единым Божеством, — Омегой всех его поисков; а *все остальные* — демонами, которые искушают его и сбивают с пути истинного. Вот так и получается,

1 Аллюзия на «Халдейские оракулы», § 197: «Демоны с песьими ликами выйдут из глуби подземной, // истинных знаков они не являют для смертного взора».

что до тех пор, пока сами вы не станете Богом, Сам Бог остается Искусителем, Сатаной и Князем Тьмы, который, облекшись в сверкающие одежды Времени и Пространства, нашептывает на ухо: «Миллионы и миллионы миллионов вечностей — ничто предо мной; как же ты, ничтожная мошка, танцующая в луче ока моего, надеешься объять меня?» Так Бог поначалу приходит к нам в образе старой ведьмы из «Золушки», рассыпая перед нами миллиарды горошин и веля сосчитать все до одной. Но стоит только начать — и, не успеете вы оглянуться, как кухня мироздания останется в прошлом, а вы вступите в заколдованный дворец «Запредельного».

Действительно, поначалу все это кажется очень трудным и сложным. Представим себе человека, который впервые в жизни покинул свою родную деревню, чтобы посетить столицу. Вот он идет по незнакомой дороге — и вдруг его взору предстает огромная гора. Он смотрит на нее с ужасом: ему кажется, что эти неприступные склоны уходят в бесконечность.

«Слишком уж высока эта гора, — скажет один путник. — Конечно, она очень красивая; но лучше я все-таки поверну назад и отыщу другую дорогу».

«Если я пойду через горы, — рассудит другой, — путешествие очень затянется. У меня нет на это времени, так что я, пожалуй, тоже вернусь».

«Как же я пойду без проводника? — возмутится третий. — Нечего и думать, что мне удастся в одиночку одолеть такой высокий пик».

«Мне не хватит сил, — вздохнет четвертый. — Да и карты у меня нет...» «Меня ждут дела...» «Моя жена будет против...»

Так Бог входит в сердце человеческое в тысяче обличий и искушает каждого из нас, как некогда искушал он Еву в саду Эдемском и Авраама на горе Мориа[1].

Но если человек силен, он наполнит свою суму и флягу, опояшется козьей шкурой, возьмет свой посох и выступит в путь — в свое Великое Паломничество к Вершине Горы Господней; и — как ни странно, как ни страшно — Сатана пустится следом. На всем протяжении этого волшебного странствия он будет идти за ним по пятам, как ищейка, и непрерывно нашептывать свои соблазны, искушая свернуть с дороги.

1 Имеется в виду эпизод с принесением в жертву Исаака (Быт. 22:1—19).

И вот нашим путником овладеет ужасное одиночество; он замерзнет, проголодается, истомится от жажды; то, что он поначалу принимал за вершину, окажется лишь одним из гребней, за которым его взору предстанут другие, бесконечной чередой уходящие ввысь. Он продолжает свой путь, и вот, наконец, вершина!.. но нет, снова лишь перевал, а за ним — сотни и сотни других. Тысячи злобных духов вселяются в него, тысячи крошечных псов-ищеек, рвущих его на части: покой, дом, дети, жена... «Какой же я дурак!» — восклицает он.

На этом этапе многие поворачивают назад и, ползком возвращаясь в долину иллюзий, убеждают себя, что читать о восхождениях на горы куда уютнее и интереснее, чем совершать подобные подвиги самому. Именно эти люди громко бахвалятся своими так называемыми достижениями и трезвонят во всеуслышание о своем героизме.

Из тех, кто достиг следующего этапа, вернуться удается лишь немногим — большинство погибает на обратном пути; ибо, чем выше ты забрался на эту великую гору, тем труднее возвратиться целым и невредимым.

Итак, продолжай брести вперед, а когда твои ноги задрожат и подкосятся — ползи, карабкайся, если придется, на четвереньках, и, стиснув зубы, повторяй: «Я достигну!» — но только не останавливайся! Вперед! и вперед! и вперед! И помни, что вслед за тобою, не зная устали, по-прежнему трусит твой давний знакомец — старый седой пес, с каждым шагом насылающий на тебя все новые искусы. Его уловкам нет конца, его коварство не знает предела; и если ты поддашься на его соблазны, он с радостью поведет тебя по ложному пути или обратно в долину. И в конце концов одиночество твое становится таким нестерпимым, что само присутствие этого спутника превращается в соблазн: сопротивляясь ему, ты, по крайней мере, чувствуешь, что ты не один; и в груди твоей пылает надежда, что он тебя не покинет: ведь его искушения и насмешки все же лучше, чем полная тишина. Этот соблазн одолеет тебя лишь на большой высоте — кое-кто утверждает, что уже на самых подступах к вершине; но берегись! ибо здесь разверзлась огромная пропасть; и тот, кто станет сейчас оглядываться на бегущую следом собаку, рискует сорваться с обрыва и рухнуть вниз — к самому подножью горы, откуда он начал свое восхождение.

Здесь, на этих подступах к вершине, царит непроглядная тьма; пути сокрыты во мгле, и сам этот пес, наш спутник, ставший уже привычным, затерялся в ночных тенях. И как рассказать о том, что здесь происходит? Те, кто поднялся так высоко и сумел вернуться, молчат, ибо могли бы поведать только о тьме, закрывшей им очи. Но если верить одной старой притче, тот самый пес, что искушал человека всю дорогу, на вершине этой Мистической Горы наконец пожрал его; и этот Древний ПЕС был не кто иной, как сам БОГ[1].

Служка

Прежде чем мы перейдем к рассказу о Великом Путешествии Брата P[erdurabo] — о тех самых шести годах, на протяжении которых он странствовал по всей земле в поисках мистических знаний разных народов, — необходимо поведать хотя бы кратко о тех обстоятельствах, что привели его в Орден A∴A∴.

Потомок старинного рода, появившийся на свет без малого за пятьдесят шесть равноденствий до Равноденствия Богов[2], он был воспитан и обучен в вере Христовой как ту исповедует одна из строжайших сект, существующих в лоне христианской церкви[3]. Не успел он еще научиться выговаривать первые простейшие слова, как начался отсчет годам его мученичества.

С младых ногтей он боролся с леденящей тьмой невежества, царившей в его окружении; и чем старше он становился, тем сильнее затягивалась на его горле удавка противоестественных требований этой жестокой, калечащей душу среды. Так с наступлением отрочества имя Бога превратилось для него в проклятие, а образ Иисуса — в ужасное чудовище, таящееся во мраке Голгофы, в зловещего вампира, высосавшего все соки радости

---

1 В оригинале игра слов: англ. DOG — «пес», GOD — «Бог».

2 Алистер Кроули родился 12 октября 1875 года. Впоследствии он приписывал своему роду кельтские корни и утверждал, что «представители клана Кроули <...> восходят к тем же предкам, что и бретонские "де Керуайи" или "де Кервали", подарившие Англии герцогиню Портсмутскую» (Алистер Кроули. Равноденствие богов. М.: Ганга, Телема, 2010). Достоверность этой генеалогической реконструкции не подтверждена.

Равноденствие Богов — смена Эонов, совершившаяся, согласно учению Телемы, 20 марта 1904 года. Подробнее см.: Кроули, *Равноденствие богов*, указ. соч.

3 Родители Кроули принадлежали к фундаменталистской евангелической секте «плимутских братьев».

из его детства. Но вот однажды, пробудившись посреди летней ночи, юноша воспрял духом. Он стряхнул с себя терзавших его призраков; он сбросил оковы отвратительных обычаев, в которых погрязло его окружение; он попрал законы своей страны и отверг обветшавшую религию своего детства; он разметал, как гнилую солому, все условности бесплодной и лицемерной культуры, в которой он был воспитан, и нашел себе убежище в диких и прекрасных краях, раскинувшихся на севере и северо-западе его родной страны. Здесь, среди спутанных кудрей острова Британии, шепоты ветра и грезы звезд открыли ему, что жизнь — вовсе не такое уж нестерпимое бремя и что каждая ночь рано или поздно умирает в объятьях зари.

Эти вольные дни продлились недолго; он был водворен обратно в тюрьму; но теперь он знал свою силу, и новая жизнь захлестнула его с головой, как пенный прибой великого моря, и опьянила его красным вином Свободы и Бунта. Он бросил перчатку в лицо своим врагам и отныне был готов сражаться за свои права — о да! и за права всего Мира!

И вот прогремели трубы: час битвы настал! Поднявшись в полный рост, юный воитель сорвал с себя саван истлевшей веры — эти гнилые пелены тысячелетних мумий. Дрожащими от негодования губами он проклял имя Христа и ринулся на поиски врат преисподней — выпустить на волю адские полчища и тем показать человечеству, что дух сострадания все еще жив.

Но вскоре это темное облако безумия, окутавшее чело его, рассеялось под дуновением предрассветного ветерка. Вполне осознав свою правоту, силу и мужество, уверившись в справедливости своей цели и преисполнившись безудержных юношеских устремлений, он, сам того не заметив, вложил свой окровавленный меч в ножны. Угасив огонь под треножником жизни и развеяв завесу дыма, он направил стрелы своего разума на сокрытый и ужасный образ Неведомого и принялся прилежно искать знаменья и знаки в пыльных томах былого и в древней мудрости позабытых веков.

Вот перед нами глубокий знаток поэзии, философии и естественных наук, превосходящий одаренностью многих и многих своих сверстников и сам уже подающий блестящий надежды как поэт. И вдруг, ослепительной вспышкой некоей пророческой звезды, не значившейся доселе на картах, он разрывает

тьму; опрокидывая на своем пути школьные парты и отплевываясь на бегу от пыли учебников, он мчится прочь из душных келий, из логовищ заплесневелого педантства и диалектической догматики. Он ищет — и все еще не может отыскать — свое предназначение в свободе, за которую по юношеской торопливости принимает жизнь в паре сотен шагов от фронтонов и шпилей того города косных доктринеров, который некогда был для него школой, домом и тюрьмой.

Но вот наступает миг великого пробуждения. Как ни удивительно, оно настигло его незадолго до полуночи последнего дня года — в час, когда все старое уходит, чтобы дать место новому. Вот наш молодой искатель истины едет по дороге в полном одиночестве, завернувшись в темный плащ своих невыразимых раздумий. Дальний колокол звонит, отбивая последнюю четверть часа в уходящем году; морозный ветер, стелящийся по-змеиному из-за деревьев и живых изгородей, взметает из-под конских копыт свежий хрустящий снег, и белые вихри кружатся, как призраки, в холодном серебре лунного сиянья. Но мысли всадника темны, ибо мир не оправдал его надежд. Да, он обрел «свободу» — но она оказалась вовсе не тем, что он искал. Кажется, будто кровь сочится по капле из глаз его на белый снег — и на чистом снежном покрове возникает имя Христа. Огромные нетопыри проносятся мимо всадника; кружат стервятники, чьи лысые головы пятнает запекшаяся кровь... «Ах!.. мир, мир... ты разбил мое сердце». Но внезапно все кругом озаряет янтарный свет; чудовищный гобелен мучительных мыслей разорван, и в уши страдальцу льется ангельский хор. «Господи! Господи! — восклицает он. — Я нашел Тебя!.. О, серебряный Христос!..»

И тотчас же все исчезает... пустота... пустота... пустота; и обезумевший конь уносит седока во тьму.

Так P[erdurabo] начал свое мистическое странствие к цели, которую он узрел в тот миг озарения. Тогда ему казалось, что до нее рукой подать; но, как мы увидим, ему предстоял дальний путь.

Читая первый том из собрания его дневников, мы находим нашего героя глубоко погрузившимся в изучение алхимической философии. Размышляя над Парацельсом, Бенедиктом Фигулом, Евгением и Иренеем Филалетами[1], он ищет алхимический Азот,

1 *Бенедикт Фигул* (наст. имя Бенедикт Тёпфер, ок. 1567 — между 1617 и 1630) — немецкий алхимик, автор ряда алхимических трактатов и издатель

Католикон[1], Семя Мира, то Универсальное Лекарство, которое заключает в себе все прочие снадобья и порождает все вещества. В страданиях и в радости он ищет способ закрепить летучее и преобразить бесформенный род человеческий в двуединое дитя мистического Креста Света, то есть разгадать тайну Совершенного Человека. Фладд, Бонавентура, Луллий, Валентин, Фламель, Гебер, Плотин, Аммоний, Ямвлих и Дионисий — всех их он поглощал так страстно и жадно, как это возможно лишь в юности; он шагал вперед без устали, без отдыха:

— Хозяин, отдохни же хоть немного!
— Не время! (В оба бди:
Петляет и сужается дорога,
Опасность впереди.)
И всей душою, жаждущей и пылкой,
Как яростный дракон,
Опять припал, что пьяница к бутылке,
К своим занятьям он.

Стремясь отыскать это великое совершенство, он углубился в темную чащу трансцендентальной физики и в безудержном энтузиазме своем сам не заметил, как оставил позади торные дороги долины и двинулся вверх по горной тропе к той последней вершине, коя сияет белым Камнем Мудрецов и тайна коей заключена в отверзанье «Закрытого Ока» — в истреблении Тьмы.

Что можно сказать о том, кто отвергает Парацельса ради грошового клистира или Раймонда Луллия — ради типографских оттисков по шесть пенсов штука? Он не безумец, нет-нет, — он не стоит прозвания столь возвышенного;

трудов Парацельса. Английский перевод его трактата «Золотой и благословенный ларец чудес природы» был опубликован А.Э. Уэйтом в 1893 году.

Евгений Филалет (наст. имя Томас Воган, 1621—1666) — британский философ-герметист и алхимик, переводчик розенкрейцерского трактата «Fama Fraternitatis» (см. примеч. 1 на стр. 98), член алхимического «Общества неизвестных философов».

Ириней Филалет — псевдоним английского алхимика XVII века, автора многих влиятельных трудов, первые издания которых пришлись на период с 1654 по 1683 гг. Многие исследователи отождествляют его с Джорджем Старки (1628—1665) — уроженцем Бермудских островов и первым ученым-естествоиспытателем Нового Света, эмигрировавшим в Англию в 1650 году.

1 *Католикон* (от др.-греч. καθολικος — «всеобщий, универсальный») — одно из названий панацеи, или универсального лекарства.

он попросту безмозглая вошь, льстящая себе сознанием того, что она копошится в седой бороде Геккеля и остатках кудрей Герберта Спенсера, сосет кровь лженауки из рекламных объявлений в ежемесячниках и объявляет весь мир за пределами той навозной кучи рационализма, где обитает семейство Pediculus, одновременно и смехотворным, и невозможным.

Алхимику не нужно объяснять, чем кухонная плита отличается от печки Гераклита[1], а вода в его ножной ванне — от «воды, что не омочит рук»[2]. Разумеется, о всевозможных «чудодейственных» бальзамах, эликсирах и соках написано немало вздора, но даже новичок, делающий в алхимии первые робкие шаги, отличит подобную писанину от честных исследований с такой же легкостью, с какой бартовский студент отличает рекламу средств против облысения и прыщей от лекций и трактатов Листера и Мюллера[3].

Итак, двадцати двух лет от роду, P[erdurabo] с неистовым рвением устремился на поиски Философского Камня.

Visita Interiora Terrae Rectificando Invenies Occultam Lapidem Veram Medicinam[4] — истинное лекарство души; и в своих поисках универсального растворителя, VITRIOLUM'a, P[erdurabo] соотнес семь букв, составляющих слова VITRIOL, SULPHUR и MERCURY[5] с алхимическими силами семи планет; выпарил SALT из четырех элементов, именуемых Subtilis, Aqua, Lux

1 Подразумевается следующий эпизод из жизни Гераклита, изложенный Аристотелем: «Рассказывают, что некие странники желали встретиться с Гераклитом, но, когда подошли [к его дому] и увидели, что он греется у печки, остановились [в смущении]. Тогда он пригласил их смело входить, "ибо и здесь тоже есть боги"» («О частях животных», I, 5. 645 a 17). Первоначалом всего сущего Гераклит считал стихию Огня.

2 Одно из метафорических описаний «воды жизни», соединяющей в себе противоположные начала (Огонь и Воду, мужское и женское).

3 *«Бартовский студент»* — член лондонского союза студентов-медиков, основанного при больнице святого Варфоломея (Bartholomew). *Листер*, Джозеф (1827—1912) — английский хирург и ученый, создатель хирургической антисептики. *Мюллер*, Генрих (1820—1864) — немецкий анатом.

4 «Посети недра земли: очищением обретешь тайный камень, истинное лекарство» (лат.); аббревиатура этого алхимического афоризма — VITRIOLUM (или, без двух последних букв, VITRIOL). В буквальном переводе это слово означает «купорос», но в алхимии используется как название «универсального растворителя», или алкагеста, — субстанции, способной растворять все без исключения вещества. Получение универсального растворителя — один из этапов Великой Работы.

5 *SULPHUR* — «Сера», *MERCURY* — «Ртуть», два из трех алхимических первоначал. Сера символизирует принцип активно действующей энергии и воли, Ртуть — подвижное начало, принцип взаимодействия и передачи.

и Terra[1]; и, смешав воедино Flatus, Ignis, Aqua и Terra[2], сокрушил их крестом Сокровенной Тайны и воскликнул: «Fiat Lux!»[3]

Юность мчится к цели, не зная удержу; так, летом того же года, 1898-го, мы застаем P[erdurabo] погруженным в духовное общение с великими мистиками и пьющим из той же белоснежной чаши таинств, из которой вкушали Иоанн Богослов, Бёме, Таулер, Экхарт, Молинос, Леви и Блейк:

Ринтра рычит, мечет молнии в небе нависшем,
Алчные тучи клокочут в пучине[4].

Жаждая знания о вещах не от мира сего и не в силах насытиться, он идет дальше; и вот мы видим, как в погоне за миллионом он упускает из виду единство и громоздит горы хаоса во внешней тьме Иллюзий. С безоблачных небес мистицизма он устремляется на крыльях мысли вниз, во мрак преисподней: «Молнии-длани, иглы огня, как севшее солнце в западное море»[5], — и блуждает в гоэтических царствах колдовства, чародейства и дьявольской некромантии. Стаи нетопырей взвиваются у нас над головой от его отчаянных воплей о свете и знании; «Духовный путеуказатель» и «Херувимский странник»[6] оставлены ради «Арбателя» и «Семи тайных молитв»[7]. Но и это еще не конец: торопливо перевернув сотни страниц и изведя сотни свечей, наш герой забывает

1 *SALT* — «Соль», третье первоначало в алхимии, принцип пассивного восприятия. Далее следуют варианты латинских названий четырех стихий, первые буквы которых составляют слово SALT: Subtilis — «тонкий» (здесь метафора Воздуха), Aqua — «Вода», Lux — «Свет» (здесь синоним Огня), Terra — «Земля».

2 Другие варианты латинских названий стихий, составляющих аббревиатуру FIAT (лат. «да будет!», формула творения из Книги Бытия): Flatus — «Воздух», Ignis — «Огонь».

3 «Да будет свет!» (лат.).

4 У. Блейк, «Бракосочетание неба и ада», рус. пер. С. Степанова.

5 Там же.

6 *«Духовный путеуказатель»* (1675) — главный труд испанского католического богослова и мистика Мигеля де Молиноса (1628—1696). *«Херувимский странник»* (1674) — главный труд Ангелуса Силезиуса (Иоганна Шеффлера, 1624—1677), немецкого поэта-мистика.

7 *«Арбатель»* (Базель, 1575) — гримуар, содержащий указания по вызыванию семи «олимпийских духов», правящих планетами. *«Семь тайных молитв»* — фрагмент гримуара под названием «Энхиридион» («Руководство»; Рим, 1523), авторство которого приписывалось папе римскому Льву III; содержит семь молитвенных заклинаний, соответствующих дням недели.

до поры о «Ключах Соломона», гримуарах и ритуалах, талисманах и девственных пергаментах. Перед ним раскрываются древние книги каббалы; и на одно мгновение разум его озаряет блистающая вспышка пламени, как серебристая рыба, что взметнулась из черных глубин морских к звездному свету и вновь исчезла во тьме; ибо он открыл «Книгу Сокровенной Тайны» и прочел в ней:

Пока не установилось равновесие, лицо не видело лица[1].

Возглас «Yehi Aour!» трепещет на устах его; весь хаос его существования как будто содрогается одним могучим толчком и обретает форму — великую и ужасную; но срок еще не настал; и слова эти, уже готовые вдохнуть дыхание жизни в целый новый мир, снова угасли во тьме, так и не прозвучав[2].

За все время с середины лета и до начала осени в дневниках его появляется только одна запись: «Познакомился с г-ном Б. — выдающимся алхимиком»[3]. Само по себе это знакомство было не так уж важно, однако следствием его стала другая встреча, и она в корне преобразила весь духовный путь P[erdurabo] и направила его стопы к тому самому Храму, черную землю из-под фундамента которого он до сих пор громоздил вокруг себя беспорядочными кучами.

По всей видимости, вплоть до осеннего равноденствия мысли P[erdurabo] занимала необъятная сокровищница кабба-

1 «Сифра Дцениута», I, 2. В своем переводе этого каббалистического трактата С.Л. Мазерс дает следующий комментарий: «Под упомянутыми здесь двумя лицами подразумеваются Макропрозоп и Микропрозоп».

2 В то время P[erdurabo] жил отшельником на леднике в горах Швейцарии. Уединение делил с ним лишь один человек — тот, кому суждено было время от времени открывать ему тайны мудрости Великого Белого Братства (хотя тогда P[erdurabo] об этом еще не догадывался). С этим человеком, которого мы обозначим здесь инициалами D.A., мы еще встретимся в нашем повествовании. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Подразумевается Оскар Эккенштейн (1859—1921) — английский химик и альпинист еврейско-немецкого происхождения; один из «трех незабвенных», памяти которых Кроули посвятил свою «Исповедь». Эккенштейн сыграл важнейшую роль в становлении личности Кроули; не будучи магом, он, тем не менее, оказывал ему бесценную помощь в работе над собой, которая легла в основу его дальнейших достижений в области мистицизма и магии.

3 Далее о нем пойдет речь как о Брате C.S. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Имеется в виду Джулиан Бейкер (1873—1958) — английский оккультист, состоявший в Герметическом ордене Золотой Зари под девизом «Causa Scientia» (лат. «Ради знания»).

листической учености, собранная Кнорром фон Розенротом[1]. Затем Б., вышеупомянутый алхимик, познакомил его с неким г-ном С., состоявшим в Ордене Золотой Зари под именем Брата V.N.[2] Именно это знакомство и сыграло решающую роль в судьбе P[erdurabo], как мы увидим уже в следующей главе. Под влиянием этого С. P[erdurabo] на время отложил Розенрота и углубился в «Книгу Священной Магии Абрамелина-Мага»[3]. Переходный этап был пройден; близился час духовного возрождения; и не стоит удивляться, видя, что P[erdurabo], подобно Блаженному Августину, оплакивает свои тщетные поиски в мире внешнем и, вслед за ним, восклицает: «Я "ходил во мраке по скользким стезям"; я искал Тебя вне себя и не находил "Бога сердца моего" и дошел "до глубины морской", разуверившись и отчаявшись в том, что можно найти истину. Вот Ты был во мне, а я был во внешнем и там искал Тебя, в этот благообразный мир, Тобой созданный, вламывался я, безобразный! Со мной был Ты, с Тобой я не был»[4].

Неофит

18 ноября 1898 года по рекомендации Брата V.N. и под его руководством P[erdurabo] вступил в Герметический орден Золотой Зари и стал Неофитом — посвященным степени 0°=0° Внешнего ордена.

---

1 *Кнорр фон Розенрот*, Христиан (1636 [по др. данным 15.07.1631], Альт-Ранден, Силезия, Германия —1689) — немецкий алхимик и мистик, гебраист, христианский каббалист, переводчик каббалистических текстов на латинский язык. В 1677 г. опубликовал сборник «Kabbala Denudata» («Разоблаченная каббала»), включающий фрагменты книги «Зогар» с подробными комментариями, трактаты Исаака Лурии и «Трактат о душе» Моисея Кордоверо. В 1888 году был опубликован выполненный С.Л. Мазерсом английский перевод трех трактатов из этого собрания: «Сифра Дциниута» («Книга Сокровенной Тайны»), «Идра Рабба Кадиша» («Великое Святое Собрание») и «Идра Зута Кадиша» («Малое Святое Собрание»). Рус. пер. см.: *«Разоблаченная каббала»* С.Л. Макгрегора Мазерса. М.: Энигма, 2009.

2 Имеется в виду Джордж Сесил Джонс (1870—?) — британский оккультист, валлиец по происхождению; состоял в Ордене Золотой Зари под девизом «Volo Noscere» (лат. «Я желаю знать»).

3 *«Книга Священной Магии Абрамелина-Мага»* — магический трактат, автором которого считается Авраам из Вормса (ок. 1362 — ок. 1458). Кроули изучал его в английском переводе С.Л. Мазерса, впервые опубликованном в 1897 году. Этот трактат содержит описание знаменитой «операции Абрамелина» — сложнейшего метода инвокации Священного Ангела-Хранителя. Рус. пер. см.: Авраам из Вормса. *Священная Магия Абрамелина*. М.: Ганга, Телема, 2007.

4 Блаженный Августин, «Исповедь», VI, I; X, XXVII.

Мы надеемся, что краткое изложение истории этого ордена не только будет небезынтересно читателю само по себе, но и поможет ему понять то, о чем пойдет речь в настоящей главе. Но надо иметь в виду, что нижеследующий исторический очерк, равно как и приведенные далее описания ритуалов даются здесь в значительно сокращенном и обобщенном виде. В действительности же имеющиеся в нашем распоряжении рукописные материалы G∴D∴[1] занимают около дюжины сотен страниц и содержат более четверти миллиона слов.

Официальная (и, по всей вероятности, вымышленная) история Г∴D∴ изложена в так называемой «Исторической лекции», написанной Братом Q.S.N.[2] В этом документе утверждается:

> *Орден Золотой Зари представляет собой герметическое общество, членам которого преподают принципы оккультной науки и магии Гермеса. В начале второй половины прошлого века умерло несколько видных адептов и вождей Ордена во Франции и Англии, вследствие чего служение в Храмах Ордена временно прекратилось. В числе этих вождей были Элифас Леви, Рагон, Кеннет Р.Х. Маккензи и Фред Хокли[3]. Свои полномочия они получили от предшественников, еще более выдающихся, линия которых восходит к немецким Братьям Розы и Креста. Эзотерическое повествование об О[бществе] Р[озенкрейцеров] опубликовал в 1614 году Валентин Андреэ, который, по всей вероятности,*

---

1 *G∴D∴* — аббревиатура англ. «Golden Dawn» («Золотая Заря»); знак «∴» указывает на посвятительный характер этого ордена.

2 Имеется в виду «Историческая лекция для Неофитов», автором которой был один из основателей ордена — Уильям Уинн Уэсткотт (1848—1925). Приведенная в тексте аббревиатура не имеет отношения к орденским девизам Уэсткотта — «Sapere Aude» («Осмелься быть мудрым») и «Non Omnis Moriar» («Весь я не умру»).

3 *Рагон*, Жан-Батист-Мари (1771—1862) — французский историк и писатель, масон, исследователь древних и современных посвятительных традиций. *Кеннет Маккензи* (1833—1886) — британский масон, автор «Королевской масонской энциклопедии» (1877), по одной из версий современных исследователей — создатель шифрованных рукописей Золотой Зари. *Фредерик Хокли* (1809—1885) — английский оккультист, член Английского общества розенкрейцеров, коллекционер оккультных текстов, каббалист и ясновидец; друг Кеннета Маккензи, наставник С.Л. Мазерса.

также был редактором трактата «Fama Fraternitatis»[1]*, или «История Братства», восходящего, очевидно, к более древним записям учеников самого C.R.*[2]

Первый орден состоит из четырех начальных степеней, Второй орден — из трех степеней адептата.

Всей этой системой руководят великие правители, возглавляющие Третий орден, который включает в себя Три Магических Титула наивысшего достоинства и превосходства. При освобождении места в Третьем ордене самый достойный из обладателей степени 7°=4°[3] *пожинает по распоряжению свыше заслуженную награду. Степени Первого ордена основаны на иудейской системе, Второго — на христианской.*

Ритуалы и Тайны Ордена исходят от Достопочтеннейших Вождей...

Судить о достоверности сведений, которые приводятся в первом абзаце, мы не можем; однако нижеследующая «Историческая лекция», написанная одним из братьев Ордена A.·.A.·., проливает свет на подлинное происхождение G.·.D.·. и, что для нас еще более важно, содержит упоминание о P[erdurabo] и о том, как он в конечном счете разорвал отношения с Орденом Золотом Зари[4]. В этом очерке говорится:

Несколько лет тому назад некие исследователи нашли и расшифровали коллекцию шифрованных рукописей[5]*. Эти документы привлекли к себе большое внимание,*

---

1 См. «Подлинную историю розенкрейцеров» А.Э. Уэйта. — *Примеч. А. Кроули.*

«Fama Fraternitatis» — «Слава Братства» (лат.), розенкрейцерский манифест, авторство которого приписывается Иоганну Валентину Андреэ (1586—1654). Рус. пер. см. в издании: Андреэ, Иоганн Валентин. *Химическая свадьба Христиана Розенкрейца*. М.: Энигма, 2003.

2 Т.е., Christian Rosencreutz [Христиан Розенкрейц]. — *Примеч. А. Кроули.*

3 См. схему путей и степеней [стр. 101]. — *Примеч. А. Кроули.*

4 Следующий далее текст написан Алистером Кроули. Подробную и тщательно документированную историю Герметического ордена Золотой Зари см. в издании: Эллик Хоув. *Маги Золотой Зари*. М.: Энигма, 2008.

5 Подразумеваются У.У. Уэсткотт, обнаруживший рукописи, и Сэмюел Лиддел Макгрегор Мазерс (1854—1918), расшифровавший их и разработавший на их основе ритуалы Ордена. Полный текст этих рукописей см. в приложении к изданию: Хоув, *Маги Золотой Зари*, указ. соч.

так как в них самих утверждалось, что они происходят от розенкрейцеров. Нет нужды пояснять, что вопрос об исторической точности подобных заявлений совершенно несуществен: о достоинствах текстов такого рода судят не по их происхождению, а исключительно по содержанию.

Среди этих бумаг обнаружилась страница с адресом некоей особы из Германии, известной нам под именем S.D.A.[1] Лица, нашедшие шифрованные рукописи, обратились к S.D.A. с письмом и получили от нее указания, в соответствии с которыми был основан полутайный Орден.

Некоторое время спустя S.D.A. умерла; на дальнейшие просьбы о помощи ее коллеги незамедлительно ответили отказом. Они с самого начала не одобряли замысел S.D.A., как сообщил один из них в ответном письме. Но поскольку непреложное правило запрещает адептам противодействовать чужим решениям (и, тем более, вмешиваться в дела собственных собратьев, в особенности столь почтенных, как S.D.A.!), от активного сопротивления они воздерживались. Написавший это адепт добавил, что тех знаний, которыми Орден уже располагает, вполне достаточно установления магической связи с высшими адептами.

Вскоре после этого некто S.R.M.D.[2] заявил, что ему удалось установить такую связь и что он, наряду с двумя другими посвященными, должен возглавить Орден[3]. Ритуалы были переработаны, и новые знания потекли рекой.

Мы вынуждены обойти молчанием прискорбные махинации, отличавшие последующий период истории

---

1 *S.D.A.* — аббревиатура латинского девиза «Sapiens Dominabitur Astris» («Мудрый повелевает звездами»), который носила фрейлейн Шпренгель — гипотетическая посвященная немецкого отделения G∴D∴, предоставившая, по утверждениям Уэсткотта и Мазерса, полномочия на основание английского отделения Ордена. Подлинность существования этого лица вызывает сомнения у большинства исследователей.

2 *S.R.M.D.* — аббревиатура девиза «S Rioghail Mo Dhream» (ирл. «Я королевского происхождения»), принадлежавшего С.Л. Мазерсу.

3 Вместе с Мазерсом во главе G∴D∴ встали У.У. Уэсткотт и Роберт Уильям Вудман (1828—1891).

Ордена. Прояснить истину, стоящую за всеми их хитросплетениями, так и не удалось.

Ограничимся указанием на то, что ввиду смерти одного из трех руководителей и слабости другого единоличным главою Ордена стал S.R.M.D. Ритуалы выродились в высокопарные и претенциозные действа, совершенно бессмысленные, хоть и напичканные ученостью, а знания — даже те, которые были истинны в теории, — оказались бесполезны на практике, ибо тщетно метать перед свиньями перлы, пусть даже самые чистые и драгоценные.

Испытания превратились в фарс: провалить их стало попросту невозможно. Вполне достаточным основанием для приема соискателей сделалось их благополучие в миру.

Коротко говоря, Орден утратил способность даровать истинные посвящения.

Вспыхнул скандал, а за ним последовал раскол.

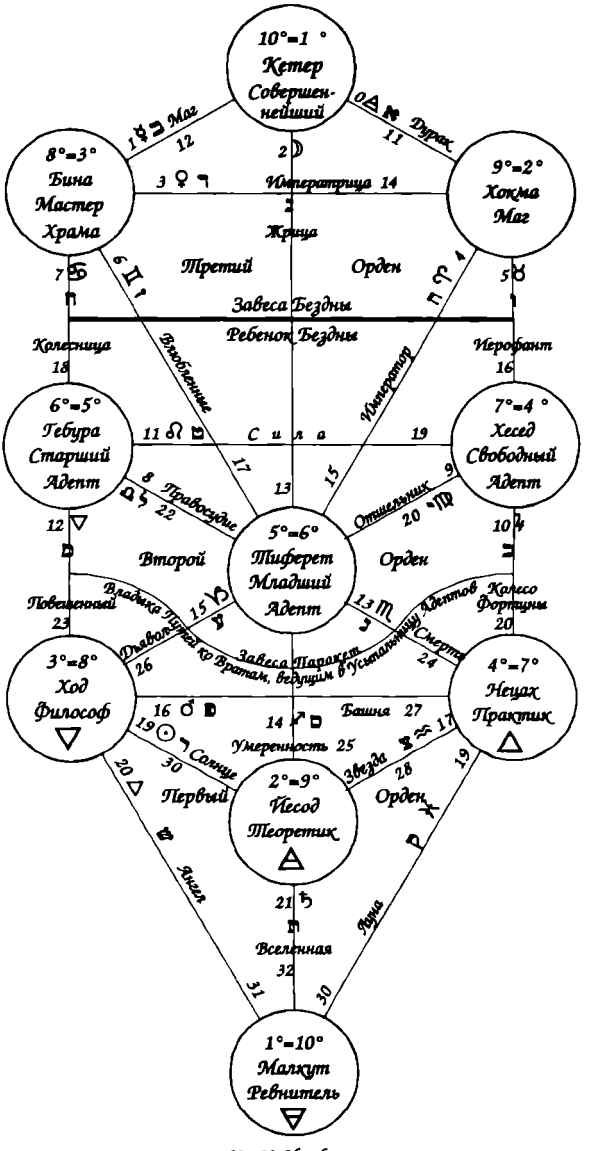
В 1900 году некто P[erdurabo], один из Братьев, подверг суровому испытанию S.R.M.D., с одной стороны, и весь Орден — с другой...

На этом мы прервем «Историческую лекцию» (дабы вернуться к ней позднее, в надлежащем месте) и, разъяснив «Схему путей и степеней», перейдем к ритуалу степени Неофита, 0°=0°.

Читатель без труда заметит, что эта схема есть не что иное, как обычное каббалистическое Древо Жизни, на которое нанесены Старшие арканы Таро, двадцать две буквы еврейского алфавита, номера тридцати двух путей мудрости, перечисленных в «Сефер Йецира», знаки зодиака и символы планет и стихий.

Нижеследующее описание взято из принадлежавшей S.A. второй копии «Ритуала 24-го, 25-го и 26-го путей, ведущих из Первого, или Внешнего, ордена G.·.D.·. на степень 5°=6°»[1]. Речь идет от лица Адепта-Помощника:

1 *S.A.* — аббревиатура латинского девиза «Sapere Aude» («Осмелься быть мудрым»), принадлежавшего У.У. Уэсткотту. Изложение упомянутого ритуала на стр. 103 и далее..

0°=0° Неофит

Схема 2
Пути и степени

Перед тобою на алтаре — схема сефирот и путей, с которой ты уже хорошо знаком. На схему эту нанесены степени Ордена, соответствующие каждой из сефирот, и арканы Таро, соответствующие каждому из путей.

Обрати внимание на сефирот, входящие в Первый орден. Это Малкут, соответствующая степеням Неофита и Ревнителя и стихии Земли; Йесод — степени Теоретика и Воздуху; Ход — степени Практика и Воде; и Нецах — степени Философа и Огню.

Из этих степеней лишь три последние связаны со Вторым орденом, хотя и отделены от него завесой. Завеса эта может раскрыться лишь по приглашению, исходящему от Второго ордена, и только перед Философом, сдавшим пять экзаменов (которые символизируют пять элементов и пять путей, ведущих из Первого ордена во Второй) и снискавшему соизволение Высших Сил.

Второй орден состоит из трех степеней. Степень Adeptus Minor, или Младший Адепт, 5°=6°, соответствует Тиферет, Примирителю, средоточию Древа сефирот. Степень Adeptus Major, или Старший Адепт, 6°=5°, соответствует Гебуре. И, наконец, степень Adeptus Exemptus, или Свободный Адепт, 7°=4°, соответствует Хесед.

Ритуалы Ордена Золотой Зари

Ритуал степени Неофита (0°=0°)

Ритуал степени Неофита — пожалуй, важнейшая (за исключением ритуала степени Младшего Адепта) из всех церемоний G.·.D.·., а потому необходимо привести его здесь полностью, чтобы читатель смог, в некотором роде, посвятить себя сам.

Отметим, что прежде всего надлежит указать читателю верный путь, и сделать это со всею ясностью, дабы паломник уже в самом начале своего мистического странствия не свернул невзначай на одну из тех многих опасных троп, что ведут в унылые и мрачные края сомнений и страха.

Нижеследующее описание Храма и Служителей степени 0°=0° приводится по одной из официальных книг G∴D∴, носящей название «Z-1»[1].

Храм, убранный для степени Неофита Внешнего ордена Золотой Зари, обращен к буквам יה из имени יהוה (J.H.V.H.) в Малкут мира Асия. Буквам י и ה соответствуют сефирот Хокма и Бина на Древе[2], а также Абба и Айма[3], через познание коих только и можно постичь Кетер. Поэтому, проходя священные обряды во Храме, Неофит может постепенно, и как бы даже вопреки себе самому, возвыситься до познания своего Высшего «Я»[4].

Малкут, как и другие сефирот, включает в себя вторичные сефирот и пути[5]. В Храме, убранном для посвящения в степень Неофита, из этих вторичных сефирот присутствуют только нижние четыре: Малкут, Йесод, Ход и Нецах, а также внешняя сторона Парокет[6], расположенной в восточной части Храма.

Убранство Храма для этой степени представлено на прилагающейся схеме. Здесь обращают на себя внимание два столпа, или обелиска. Эти два столпа, расположенные в Нецах и Ход, требуют подробных пояснений.

Они символизируют, соответственно, Милосердие и Суровость. Столп Милосердия бел и располагается

---

1 Следующий далее текст включает в себя прямые цитаты, парафразы и краткие изложения некоторых фрагментов документа Z-1 (полностью этот документ, авторство которого принадлежит С.Л. Мазерсу, представлен в издании: Израэль Регарди. *Полная система магии Золотой Зари*. М.: Энигма, 2011). Кроме того, в тексте и примечаниях к нему содержатся некоторые дополнительные сведения по символике церемонии Неофита, отсутствующие в исходном документе.

2 י соответствует Хокме, ה — Бине, ו — остальным нижележащим сефирот, кроме Малкут, а последняя соотносится с ה конечной. — *Примеч. А. Кроули.*

3 Отец и превознесенная Мать. — *Примеч. А. Кроули.*

4 Вместо этого теософского термина, «Высшее "Я"», в G∴D∴ чаще употребляется термин «Гений». Абрамелин называет то же самое Священным Ангелом-Хранителем (см. «Предисловие» [стр. 35—37]). — *Примеч. А. Кроули.*

5 Напомним, что вся совокупность сефирот подразделяется на четыре мира: Ацилут, Брия, Йецира и Асия. Каждый из миров, в свою очередь, содержит в себе 10 сефирот, и точно так же все 10 сефирот заключены в каждой сефире; таким образом, общее количество сефирот составляет 400. — *Примеч. А. Кроули.*

6 Парокет — это Завеса, отделяющая Ход и Нецах от Тиферет, а также (как мы увидим позднее, при обсуждении Ритуала Врат) Первый орден от Второго. — *Примеч. А. Кроули.*

в Нецах, столп Суровости черен и помещается в Ход. Оба столпа покоятся на черных кубических основаниях, символизирующих стихию Земли в Малкут; сами же столпы окрашены, соответственно, в черный и белый цвета, знаменуя тем самым вечное Равновесия Весов Правосудия. Стволы Столпов следует украсить любыми египетскими орнаментами, символизирующими душу (изображения на черном столпе должны быть белого цвета, на белом — черного). Алые четырехгранные капители символизируют Огонь Испытания, а пространство между Столпами — преддверие Царства Неизмеримого.

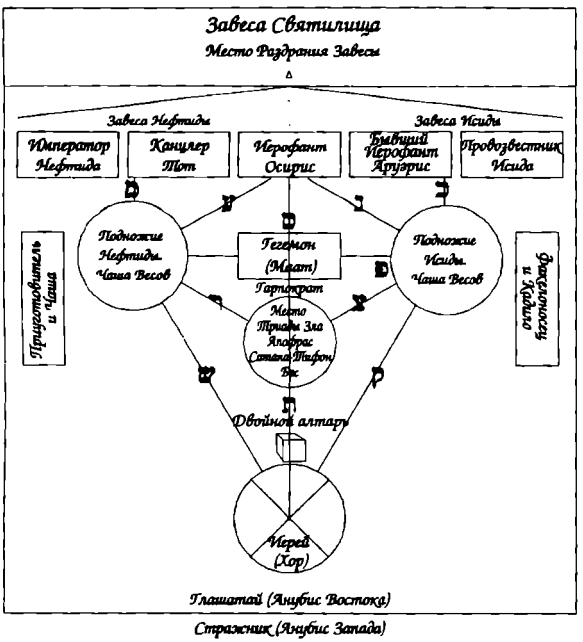

Схема 3
Убранство Храма для ритуала 0°=0°

Два светильника, горящие на вершинах столпов, — «Возвещающие Вечную Истину».

Эти два столпа в действительности представляют собой обелиски с капителями в форме тетраэдров,

слегка усеченных сверху, чтобы на вершинах поместились светильники.

В восточной части Малкут, в месте ее соединения с путем ה, располагается алтарь в форме двойного куба. Он окрашен в черный цвет — цвет Малкут для Неофита; однако для адепта в этой черноте скрыты четыре цвета Земли, должным образом ориентированные по сторонам света[1]. Совершенно черно лишь его основание, а верхняя грань сияет ослепительной белизной, пусть и сокрытой от физического зрения.

Символы на алтаре олицетворяют силы и проявления Божественного Света, сосредоточенные в белом треугольнике Трех Высших Сефирот. На этом священном и возвышенном символе Неофит приносит свою присягу, призывая в свидетели силы Божественного Света. Красный крест Тиферет (сефиры, соответствующей степени 5°=6°) помещается здесь над белым треугольником — не в знак превосходства над последним, но как сила, низводящая его в дольний мир и являющая Внешнему ордену: ибо Распятый, возвысив символ Самопожертвования, коснулся Божественной Триады Света и привел ее в действие в мире материи[2].

Вокруг креста располагаются символы четырех букв Тетраграмматона; буква ו, превращающая это Имя в «Иешуа», Внешнему Ордену не явлена и здесь лишь подразумевается. Символы эти размещаются в соответствии с четырьмя ветрами[3].

Дверь Храма должна находиться за престолом Иерея на западе; ее название — «Врата Возвещающих Приговор», а ее символическая форма — прямой и тесный путь меж двух могучих столпов.

---

1 На востоке — лимонный цвет, на юге — оливковый, на севере — красновато-коричневый, на западе — черный.

2 См. схему 4 на вклейке.

3 Под символами букв Тетраграмматона подразумеваются символы четырех стихий: роза (Воздух) располагается на востоке, красный светильник (Огонь) — на юге, чаша с вином (Вода) — на западе, хлеб и соль (Земля) — на севере.

Трое Вождей

В восточной части Храма, перед Парокет, восседают трое Вождей, которые руководят и управляют всем происходящим во Храме и выступают как наместники Второго ордена, сокрытого от Неофита. Они суть отражения степеней 7°=4°, 6°=5° и 5°=6°, пребывающих за пределами Первого ордена и недоступных его пониманию. Они олицетворяют Сокровенных Божеств, а Парокет, завеса, перед которой они восседают, разделяется в месте раздрания на две части — завесы Исиды и Нефтиды, проникнуть за которые дано лишь посвященным.

Во главе стоит Император, ибо Огонь Гебуры отражается в сефире Нецах, которая соответствует высшей из степеней Первого ордена, степени 4°=7°.

Второй по старшинству — Провозвестник, потому что Вода Хесед отражается в сефире Ход.

Третий по старшинству — Канцлер, ибо Воздух Тиферет отражается в Йесод.

Но в каждом Храме эти трое Вождей совечны и равны друг другу, олицетворяя, таким образом, Триединство, хотя функции их различны:

Император отдает распоряжения;

Провозвестник наставляет;

Канцлер ведет записи.

«Так же пламенеющий Огонь одолевает всё, и недвижная Вода отражает все образы, и вездесущий Воздух приемлет в себя всякий звук».

Собирательным образом троих Вождей может считаться бог Тот, выходящий из-за завесы.

Кроме того, Императора в силу его связи с Гебурой можно рассматривать как образ богини Нефтиды; Провозвестника, связанного с Хесед, — как образ Исиды, а Канцлера — как Тота в его функции писца.

Незримые посты. Боги стихий

Посты богов стихий — незримых стражей, оберегающих пределы Храма, — располагаются по четырем

сторонам света вне храмового пространства. Они размещаются в соответствии с четырьмя ветрами, а именно — за спинами Иерофанта, Факелоносца, Иерея и Приуготовителя[1].

Между ними находятся незримые посты четырех наместников стихий. Они расположены в четырех углах Храма, в местах, отмеченных на его плане четырьмя реками Эдема. Сам план, прилагаемый к учредительной хартии Храма[2], представляет собой символическую копию Храма, Керубим — стражи последнего, а наместники — правители в четырех дворцах: Амсет — на северо-востоке, Дуамутеф — на юго-востоке, Хапи — на юго-западе, Кебексенуф — на северо-западе[3].

Пост Триады Зла

Это место соответствует сефире Йесод и именуется «Постом Владыки Зла, Убийцы Осириса». Это Искуситель, Обвинитель и Палач, вершащий приговор над Братьями; в Египте его изображали чаще всего с головой водяного дракона, телом льва или леопарда

---

1 Эти незримые стражи визуализируются в образах четырех керубим. За спиной Иерофанта на востоке помещается керуб Воздуха (в виде крылатой юной девы), за спиной Факелоносца на юге — керуб Огня (в виде крылатого льва), за спиной Иерея на западе — керуб Воды (в виде Орла с блистающими крыльями), за спиной Приуготовителя на севере — керуб Земли (в виде крылатого быка).

2 Этот документ, предоставлявший права на учреждение Храма [G∴D∴ в Англии], некоторые члены G∴D∴ считали подделкой. Его якобы подписала, наряду с прочими, S.D.A. См. главу «Маг» [стр. 367]. — *Примеч. А. Кроули.*

S.D.A. — аббревиатура от «Sapiens Dominabitur Astris» (лат. «Мудрый правит звездами»), магического девиза фрейлейн Шпренгель — немецкой посвященной, судя по всему, вымышленной У.У. Уэсткоттом, одним из основателей G∴D∴ (подробнее см.: Хоув, *Маги Золотой Зари*, указ. соч.; R.A. Gilbert. *The Golden Dawn: Twilight of Magicians*. Aquarian Press, 1983). Репродукция хартии приводится в работе Эллика Хоува (указ. соч., стр. 72); наряду с подписями двух сооснователей G∴D∴ (С.Л. Мазерса и У. Вудмана), этот документ содержит подпись Уэсткотта, выполненную слегка измененным почерком от имени S.D.A. Хартия украшена изображениями четырех керубим, расположенными в соответствии с их незримыми постами в Храме o°=o°, а по углам ее располагаются четыре двойных концентрических окружности с вписанными в них названиями четырех райских рек на иврите.

3 *Амсет*, *Дуамутеф*, *Хапи* и *Кебексенуф* — в египетской мифологии и погребальном культе: четверо сыновей Хора, отвечавших за бальзамирование усопшего и охранявших его внутренности. Изображались, соответственно, с головами человека, шакала, обезьяны и сокола.

и задними частями водяной лошади[1]. Он — исполнительная сила в Триаде Зла, которую составляют:

Апофрас — Пресмыкающийся Дракон;
Сатана-Тифон — Убийца Осириса; и
Бэс — грубая мощь демонической силы.

Пост Гарпократа

Следующий незримый пост помещается на пути ☋, между постами Маат[2] и Триады Зла. Здесь возвышается лотосовый престол Владыки Безмолвия — великого бога Гарпократа, младшего брата Хора.

Исида и Нефтида

Их посты помещаются соответственно в Нецах и Ход, у оснований двух Столпов. На степени Неофита две эти великие богини проявляются только через связь с Провозвестником и Императором и никаким иным образом.

Аруэрис[3]

Его тайное место — последний из незримых постов. Аруэрис находится рядом с Иерофантом, как бы представляя его Внешнему ордену. Будучи посвященным степени 5°=6°, Иерофант, тем не менее, может предстать Внешнему ордену лишь под видом Владыки Путей ко Вратам, ведущим в Усыпальницу Адепта. А потому, покидая свой престол на востоке (трон Осириса), Иерофант превращается из Осириса в Аруэриса. Таким образом, незримым постом Аруэриса можно считать

---

1 Т.е. гиппопотама.

2 Т.е. Гегемона, см. ниже, стр. 111-113..

3 *Аруэрис* (Хароэрис) — эллинизированное Хор-уэр или Хор-ур («Хор Старший» или «Великий Хор»), ранняя ипостась Хора. Бог, упоминаемый у Плутарха («Об Исиде и Осирисе», 12) как брат Исиды и Осириса и отождествляемый с Аполлоном как солярное божество. В древнеегипетской мифологии Хор Великий — покровитель царского культа, изображавшийся в человеческом облике.

пост бывшего Иерофанта — непосредственного предшественника нынешнего.

Служители и посты служителей

Иерофант

Место Иерофанта — на востоке Храма, у внешней стороны Парокет. Он властвует во Храме от имени и под началом Вождей. Его пост — место Владыки Пути; его задача — вводить соискателя в священные таинства. Его символы и регалии таковы:

Престол Востока на пути ☋ перед Завесой; скипетр, увенчанный короной[1]; Знамя Востока; Великий ламен[2].

---

1 В документе Z-1 сообщается: «Скипетр Иерофанта символизирует силы Срединного столпа. Он окрашен в алый цвет с золотыми ободьями в местах расположения Даат, Тиферет и Йесод (основание соответствует Малкут). Ствол Скипетра символизирует пути Гимел, Самех и Тав. Рукоять — это путь Тав, символ Вселенной, управляемой силами Света и притягивающей их. Имена сефирот и путей не наносятся на скипетр, но Иерофант, будучи посященным Второго ордена, должен помнить о том, сколь возвышенный символ он держит в руках. Этим Скипетром он касается Божественного Света Кетер и низводит его в Малкут по Срединному Столпу. Скипетр Иерофанта называют "Скипетром Власти". Он наделяет Иерофанта правом при необходимости кратко объявлять об открытии и закрытии Храма любой степени. В таких случаях Иерофант говорит: "Властью, данной мною, этим Скипетром, объявляю Храм открытым (или закрытым)".

Но этот метод открытия и закрытия Храма "Скипетром" следует использовать лишь при крайней необходимости, когда не хватает времени. В церемониях, включающих воззвания к Стихийным Духам, ни открывать, ни, тем более, закрывать Храм таким способом не рекомендуется».

2 *Ламен* (lamen, от лат. lamina — «бляха»), или нагрудный знак, — магическая эмблема, подвешенная на ленте, которая надевается через голову и носится на уровне середины груди. Символ оккультной власти, используемый в ритуалах. Обычно представляет собой круглую пластину (металлическую или из иного материала), на которой начертаны магические символы и (или) слова. См. схему 5 на вклейке.

На белом поле, символизирующем свет и чистоту, помещается желтый Крест Распятия из шести квадратов (развертка куба), символизирующий число 6, Солнце и сефиру Тиферет. В центре креста расположена белая буква Тав — символ жизни. Поверх креста изображена гексаграмма — символ Макрокосма. Она состоит из двух треугольников: восходящего красного треугольника Огня и нисходящего синего треугольника Воды. В документ Z-1 символика Знамени Востока трактуется следующим образом:

«Знамя Востока олицетворяет образ действия Божественного Света через посредство природных сил. Цвета изображенного на нем символа макрокосма символизируют действие Огня Духа через посредство Вод Творения и под гармонизирующим влиянием Золотого Креста Примирителя. В центре гексаграммы помещается белый тау-крест, представляющий это действие как проявление [Высшей] Триады; белое же поле, на котором изображен весь символ, представляет Океан Айн Соф Аур. Полотнище знамени крепится красными шнурами к окрашенной в золотой цвет перекладине; древко и подставка

Имя Иерофанта — «Толкователь Священных Таинств». Он — Осирис (Aeshoorist[1]) в Мире Дольнем.

Иерей

Пост Иерея находится на крайнем западе Храма, в самой нижней части Малкут, в той ее четверти, которая окрашена в черный цвет. Олицетворяя ужасного карающего Бога у пределов материи, на границе с клипот, он царит над материальным миром и облачен в одеяние Тьмы. У ног его — гром и молния, две силы, символизирующие влияние путей ♉ и ♓ (Огня и Рыб), впадающих, соответственно, в красновато-коричневую и оливковую четверти Малкут. Символы и регалии Иерея таковы:

окрашены в белый цвет. Подставка символизирует чистоту основания, а древко — Очищенную Волю, устремленную к Высшему. Золотая поперечная перекладина — опора Проявленного Закона Совершенства; само же полотнище Знамени и есть этот Совершенный Закон Вселенной. Красные шнуры и кисти — символ Самоотречения Бога, чьи испытания и страдания уподоблены отделке, украшающей Свершенный Труд. Все Знамя в целом олицетворяет восхождение Посвященного к Совершенному Знанию Света. Именно поэтому Неофит слышит от Иерея такие слова: "Посему склоняется перед Ним даже Знамя Востока". Иначе говоря, этот символ, при всем своем величии и могуществе, остается все же низшим образом Высшего, приспособленным к нашему пониманию».

См. схему 6 на вклейке.

В ламене Иерофанта внутренний круг окрашен в зеленый цвет, а крест (Крест Распятия из шести квадратов, символ Тиферет) — в красный. В сочетании эти круг и крест составляют символ Розы и Креста. В зеленый цвет окрашено также второе (считая от периферии) из концентрических колец, входящих в эту эмблему. Первое (внешнее) и третье кольца окрашены в красный цвет. В документе Z-1 символика этой эмблемы толкуется так:

«Сочетание двух цветов — красного с зеленым, самого активного с самым пассивным, — указывает на практическое применение знания о равновесии. Это символ примирения небесных сущностей Огня и Воды, ибо примиряющий желтый цвет, будучи соединен с синим, дает зеленый, который является дополнительным к красному, а будучи соединен с красным, дает оранжевый, который является дополнительным к синему. <...> Нагрудный знак Иерофанта символизирует ослепительное сияние Солнечного Огня, который взращивает зеленые растения, и без которого Земля оставалась бы бесплодной. А также это символ самоотверженности, необходимой всякому, кто берет на себя труд посвящать соискателей в Священные Тайны. Итак, если Скипетр олицетворяет власть и силу Света, то Нагрудный знак определяет качества, необходимые носителю этой власти. Поэтому он подвешен на белой ленте — в знак чистоты и белого сияния Кетер».

1 *Aeshoorist* — коптская запись имени Осириса. Коптский суффикс -st, добавляемый к некоторым божественным именам в системе G∴D∴, обозначает влияние Кетер.

Престол Запада у пределов Малкут[1]; мантия Тьмы[2]; меч[3]; Знамя Запада; ламен[4].

Схема 8.
Ламен Иерея[5]

Имя Иерея — «Мститель Богов»; он — «Хор в обители невежества и слепоты к Высшему».

Гегемон

Пост Гегемона — между двумя Столпами (основания коих покоятся в Нецах и Ход), на пересечении путей ב и ה, то есть в символических вратах

---

1 В документе Z-1 относительно Престола Запада отмечается: «Престол Запада у нижней границы Малкут — весьма уместное положение для носителя Божественного Возмездия: помещаясь здесь, он как бы возглашает вечное запрещение силам Зла: "Ни шагу далее!" Также престол этот знаменует своим местоположением свидетельство против Зла и кару, присужденную Злу».

2 В документе Z-1 символика мантии Иерея описывается так: «Мантия Иерея — риза Тьмы, для Внешнего ордена грозная и устрашающая, ибо за нею скрывается карающая сила, неизменно готовая обрушить возмездие на предавшегося злу. Белый крест на левой стороне груди символизирует очищение материи для возвышения ее к Свету».

3 Согласно документу Z-1, «меч Иерея олицетворяет Силы Столпа Суровости в целом, но обозначать на нем местоположения сефирот не обязательно. Достаточно знать, что гарда меча — это сефира Ход, изготовлена же она может быть из меди; рукоять меча — это путь ו, и окрашена она может быть в алый цвет; головка эфеса же, сефира Малкут, может быть черной. Рукоять, соответствуя пути ו, символизирует Вселенную под властью пламенной силы Суровости, а также самого Иерея, повелевающего силами Божественной Суровости. Имя этого меча — "Меч Возмездия"».

4 См. схему 7 на вклейке.

5 Поверх черного поля изображен белый треугольник; внешнее кольцо окрашено в белый цвет. В документе Z-1 символика ламена Иерея разъясняется так: «Для Иерея это весьма уместная эмблема, ибо она представляет связующее звено между Первым и Вторым орденом: белый треугольник на фоне Тьмы очерчен, в свою очередь, Кругом Света. В дополнение к этому, Нагрудный Знак Иерея символизирует Свет, который «во Тьме светит, и Тьма не объяла его». Он возглашает возможность Спасения не только для тех, кто подпал под влияние Зла, но и для самого Владыки Зла, — Спасения через самопожертвование. Знак этот подвешен на алой ленте в ознаменование подчиненности той Силе Божественной Суровости, которая неизменно устрашает Владыку Зла и приводит его в трепет. Это символ величайшей Силы и Стойкости».

Тайного Знания, — как бы на Луче Равновесия или на Оси Весов Правосудия. Это точка пересечения низшего из горизонтальных путей с путем ס, образующим часть Срединного столпа. Стоящий здесь Гегемон — Страж Порога и Приуготовитель Пути для Входящего, а, следовательно, Примиритель между Светом с Тьмой и Посредник между постами Иерофанта и Иерея. Символы и регалии Гегемона таковы:

Чисто-белая мантия[1]; скипетр, увенчанный митрой[2]; ламен.

Схема 9.
Ламен Гегемона[3]

---

1 Согласно документу Z-1, «мантия Гегемона символизирует духовную чистоту, необходимую для соискателя Посвящения, — качество, без которого никому не дано пройти между Вечными Столпами. Она олицетворяет Божественный Свет, нисходящий в точку между Столпами и поддерживающий Соискателя. Также она символизирует жертву, приносимую ради блага ближнего, дабы тот мог возвыситься к Свету. Наконец, эта риза — символ искупления заблуждений, открывающего Путь к Божеству. Крест на левой стороне груди, обычно имеющий форму Распятия, окрашен в красный цвет: это знак энергии низшей воли, очищенной и подчиненной Воле высшей. Таким образом, Гегемон — это в первую очередь Примиритель».

2 Символика скипетра Гегемона в Z-1 толкуется так: «Скипетр, увенчанный митрой, — отличительная эмблема поста Гегемона на Древе Жизни, символизирующая силы Столпа Милосердия. Древко Скипетра — алоэ, ободья на нем и основание — золотые. Ободья эти отмечают местоположения сефирот Хесед и Нецах; само древко образовано путями ו и ב, рукоять Скипетра — это путь ר, а основание — сефира Малкут. Митра, венчающая скипетр, окрашена в золотой цвет, а две насадки на ней — красные и каждую венчает шарообразный выступ. На митре изображен красный крест-распятие из шести квадратов. Эта митра — символ Мудрости Хокмы, исходящей от Кетер и привлекаемой символом самопожертвования. Скипетром Гегемона повелевают силы Приливов и Отливов, отображенные в рукояти, которая соотносится с путем ר и символизирует нисхождение во Вселенную Сил Божественного Милосердия. Сефирот и пути отмечены только ободьями. Символическое значение этого Скипетра указывает на то, что Гегемон должен держать его в руке во всех эпизодах церемоний, когда он руководит действиями Соискателя: для последнего этот Скипетр олицетворяет нисхождение сил его собственного Высшего "Я". Скипетр Гегемона именуется "Скипетром Мудрости"».

3 На белом поле — сплошной черный крест; внешнее кольцо — черное. В документе Z-1 эта эмблема трактуется следующим образом: «Эмблема Гегемона — Крест Распятия из шести квадратов, вписанный в круг. Крест этот

Имя Гегемона — «Стоящая на пороге пред ликом Богов»; это богиня Маат (Thmaist[1]), проявляющаяся также в двух других ипостасях: как Thmais[2] и Thmait[3].

Глашатай

Глашатай — это главная ипостась Анубиса, а Стражник — дополнительная. Глашатай — Анубис Востока, Стражник — Анубис Запада.

Глашатай — это вестник, страж и хранитель, пребывающий внутри Храма (тогда как Стражник — внешний хранитель). Поэтому в обязанности Глашатая входит правильная расстановка храмового убранства. Атрибуты его должности — красный светильник и жезл[4].

заключает в себе Тиферет, Нецах, Ход и Йесод, а основанием его служит Малкут. Кроме того, Крест Распятия, состоящий из шести квадратов, является разверткой куба, а, следовательно, символизирует шесть сефирот Микропрозопа: Хесед, Гебуру, Тиферет, Нецах, Ход и Йесод. <... > В дополнение к этому, Нагрудный знак Гегемона соотносится с черным Крестом Страдания. Это символ посвящения через испытание и самоотречение. Он открывает путь к постижению Сил Божественного Света. Именно поэтому его следует носить на черной ленте — в знак того, что страдание изгоняет зло».

1 Приведенные здесь варианты записи имени Маат представляют собой коптские формы. Thmaist — ипостась Маат, связанная с Кетер и Срединным столпом (о суффиксе -st см. примеч. 1 на стр. 110).

2 Огненная ипостась [связанная со Столпом Суровости]. S.R.M.D. утверждает, что имя Thmais содержит буквы אמחש и что от него, вероятно, происходит имя Θεμις, греческой богини правосудия. — *Примеч. А. Кроули.*
S.R.M.D. — см. примеч. 2 на стр. 99.
אמחש — буквы четырех стихий.
Θεμις — Фемида.

3 Водная ипостась [связанная со Столпом Милосердия]. — *Примеч. А. Кроули.*

4 Или Кадуцей; см. схему 24. — *Примеч. А. Кроули.*
Жезл-Кадуцей (см. стр. 144) также изображается на ламене Глашатая и описывается в документе Z-1 следующим образом: «Древо Жизни и три материнские буквы — это Ключи, отмыкающие Кадуцей Гермеса. Верхняя точка этого Жезла помещается в области Кетер, а Крылья простираются к Хокме и Бине. Это — Три Высшие Сефирот. Нижние семь сефирот обвиты Змеями, головы которых покоятся на Хесед и Гебуре. Это две Змеи Египта. Это два потока Астрального Света. Далее, Крылья и верхушка Жезла образуют букву ש, символ Огня; головы и верхние половины Змей — букву א, символ Воздуха; хвосты же Змей обвивают букву מ, символ Воды. Огонь Жизни — наверху, Воды Творения — внизу, а между ними трепещет символ Воздуха. <... >
Кадуцей Глашатая символизирует равновесие сил Вечного Света, незримо действующих во Тьме. Подобно светильнику, несомому в Церемонии Неофита перед Соискателем, чьи глаза закрывает повязка, он символизирует Свет, который направляет его во Тьме мирской, оставаясь незримым и неосознанным. Кадуцей этот — Жезл Гермеса, таящий в себе незримые и неведомые силы. Законы действия его могут быть открыты в медитации. Также это явленная

Имя Глашатая — «Дозорный Богов»; он — Анубис, шествующий перед Ними как вестник.

Приуготовитель

Пост Приуготовителя находится в центре северной стены Храма, к северо-западу от Черного столпа. Его обязанность — следить за храмовыми облачениями и регалиями. Атрибут его должности — Чаша.

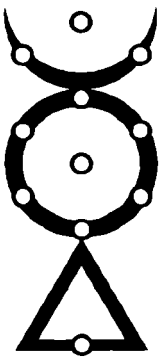

Схема 10.
Чаша Приуготовителя[1]

Имя Приуготовителя — «Богиня Чаши Весов у Черного столпа»; эта богиня — Аурамот, образ Света, сияющий чрез Воды и озаряющий Землю[2].

Внешнему ордену форма Жезла, увенчанного Крылатым Шаром, покоящимся на двух Змеях, — Жезла Верховного Адепта в Церемонии степени 5°=6°».

1 Чаша также изображается на ламене Приуготовителя. Ее символика толкуется в документе Z-1 следующим образом: «Чаша Приуготовителя заключает в себе символику Моисеевой Купели для омовений и Соломонова Медного Моря. На Древе Жизни она охватывает девять сефирот — все, за исключением Кетер. Йесод и Малкут образуют треугольную подставку этой Чаши: Йесод — вершина треугольника, Малкут — его основание. Далее, подобно Кадуцею, Чаша эта символизирует три стихии: Воду, Воздух и Огонь. Полумесяц — это Воды над Твердью, Круг — Твердь Небесная, а Треугольник — истребительный нижний Огонь, противостоящий Огню Небесному, символ коего — верхняя часть Кадуцея <...>

Кроме того, Чаша Приуготовителя — вместилище и восприемник тех энергий Света, которые по природе своей текучи. Также это символ той неистощимой Чаши Возлияний, из коей Адепт может неограниченно черпать силы Света. Постичь принципы ее действия также можно путем медитации».

2 *Аурамот* (коптск. Auramooth) не имеет исторических аналогов в древнеегипетском пантеоне. В системе G∴D∴ она соотносится с Thmait

Факелоносец

Пост Факелоносца находится в центре южной стены Храма, к юго-западу от Белого столпа. Его обязанность — заботиться об огнях, светильниках и благовониях в Храме. Его эмблема — свастика[1].

Имя Факелоносца — «Богиня Чаши Весов у Белого столпа»; эта богиня — Тум-эш-нейт, Совершенство, являемое чрез Огонь на Земле[2].

Степень Неофита[3]

Открытие

После того, как соберутся все служители и члены Ордена, желающие присутствовать на церемонии, Глашатай становится справа от Иерофанта лицом к западу, поднимает свой жезл — символ луча Божественного Света, исходящего из белого Треугольника трех Высших сефирот, — и восклицает:

(см примеч. 3 на стр. 113) как водной ипостасью Маат. Значение ее имени — «образ Света, сияющий чрез Воды и озаряющий Землю», — выводится из составляющих его согласных букв: ר — Солнце, מ — Вода, ת — Земля.

1 См. схему 14. — *Примеч. А. Кроули.*

Свастика (см. стр. 137), изображаемая на ламене Факелоносца, описывается в документе Z-1 следующим образом: «Этот Герметический Крест, который также называют Молотом Тора и Свастикой, состоит из семнадцати малых квадратов, вырезанных из большого квадрата со стороной в пять малых квадратов. Эти семнадцать квадратов символизируют Солнце, четыре стихии и двенадцать знаков Зодиака. <... >

Герметический Крест, он же молния или огненный вихрь, составлен из четырех секир, лезвия которых могут быть как двойными, так и одиночными и повернутыми как по часовой стрелке, так и против. Это символ мощной, устрашающей силы, а также Огня Духа, пробивающего себе дорогу во все стороны сквозь Тьму Материи. Именно поэтому он изображен на эмблеме Факелоносца, чье служение состоит в Очищении и Освящении Огнем. Путем медитации на этот символ можно постичь и несколько других формул силы».

2 *Тум-эш-нейт* (коптск. Thoum-aesh-neith) не имеет исторических аналогов в древнеегипетском пантеоне и никак не связана с богами Атумом (Тумом) и Нейт. В системе G∴D∴ она она соотносится с Thmais (См. примеч. 2 на стр. 113) как огненной ипостасью Маат. Значение ее имени — «Совершенство, являемое чрез Огонь на Земле», — связано с согласными буквами в его составе: ש — Огонь, ת — Земля (Тав).

3 Далее следует подробный пересказ церемонии посвящения Неофита (0°=0°) G∴D∴; полный текст см. в издании: *Полная система магии Золотой Зари*, указ. соч. Указания к церемонии, содержащиеся в материалах G∴D∴, дополнены комментариями и пояснениями Кроули и/или Фуллера.

Hekas! Hekas! Este Bebeloi![1] —

дабы все, кто мог явиться во Храм с дурными намерениями, а также все непосвященные удалились под страхом кары. Только после этого на Алтаре может сформироваться Треугольник.

Затем Иерофант призывает всех присутствующих помочь ему с открытием Зала Неофитов и велит Глашатаю проверить, защищен ли Зал должным образом.

Братья и Сестры Ордена совершают Знак Неофита, после чего Иерей объясняет, что названия должностей трех главных служителей начинаются с буквы «h» — «буквы дыхания»[2]. При этом в имени «Осирис»[3] эта «h» — немая, сокрытая, как бы заключенная внутрь «О»; в имени «Хор»[4] — напротив, проявлена и произносится с мощным придыханием; а в имени «Фемида» — отчасти сокрыта, а отчасти проявлена[5].

Разъяснив значение буквы «h», Иерей переходит к перечислению постов и обязанностей служителей, тем самым скрыто утверждая структуру Храма и призывая Божественный Свет воссиять среди Тьмы.

В заключение смысл своего поста объясняет Иерофант:

«Мой пост — на Престоле Востока, символизирующем восход Солнца Жизни и Света. Мои обязанности — править и повелевать этим Залом в согласии с законами Ордена. Красный цвет моей ризы символизирует Свет. Мои атрибуты — Скипетр и Знамя Востока, символизирующие силу и свет, милосердие и мудрость. Должность моя — Толкователь Тайн».

---

1 Тот же, что и возглас «Eskato Bebeloi», использовавшийся в Элевсинских мистериях. — *Примеч. А. Кроули.*

«Прочь, о, прочь, непосвященные» (др.-греч.), классическая формула, возвещающая о начале церемонии и, в то же время, предостерегающая посторонних о том, что доступ в освященное пространство Храма им закрыт. Восходит к аналогичной латинской формуле «Procul, o, procul este profani» — словам Кумской Сивиллы из «Энеиды» Вергилия (VI, 258—259): «И тут воскликнула жрица: "Ступайте, // Чуждые таинствам, прочь!"» (рус. пер. С. Ошерова).

2 Иерофант, Иерей и Гегемон, англ. Hierophant, Hiereus, Hehemon.

3 Соответствующем Иерофанту.

4 Соответствующем Иерею.

5 Англ. Themis (Божественный образ Гегемона): в этом имени (в отличие от имени «Осирис») буква h присутствует на письме, но как таковая не произносится.

Далее следует очищение Зала и присутствующих Братьев и Сестер водой и огнем, после чего Иерофант повелевает совершить мистический обход Храма по Пути Света.

Служители и присутствующие члены Ордена выстраиваются в процессию на севере, готовясь совершить этот мистический обход. Процессия начинает свое движение от точки севера — от поста Приуготовителя, символа вод творения, влекущих к себе Божественный Дух; в этом заключен намек на сотворение мира. Обратный обход впоследствии начнется от поста Факелоносца — символа конца света, огненного суда.

Но, с другой стороны, прямой обход начинается с путей ♈ и ♑[1], как бы приводя в действие солнечный огонь, а обратный в свое время начнется с путей ♓ и ♐[2], приводя в действие потоки вод.

Порядок обхода таков: первым шествует Анубис, дозорный богов; за ним — Фемида, Богиня Зала Истины; далее — Хор; за ним — присутствующие на церемонии члены Ордена, в порядке старшинства; и, наконец, замыкают процессию богини Чаш Весов. Обход этот подобен вращению великого колеса, о котором сказано: «И вот, на земле колесо подле керуба»[3]. Стоит также вспомнить о Рашит ха-Гилгалим[4].

В прямом обходе часть этого колеса, движущаяся вверх, начинает свой ход из-под столпа Нефтиды, а часть, движущаяся вниз, — из-под столпа Исиды; в обратном обходе они меняются местами. Ступица же, или ось, этого колеса совпадает с незримым постом Гарпократа; бог сей как бы стоит на своем месте неподвижно в Знаке Безмолвия, олицетворяя тайну той единственной центральной частицы колеса, которая не участвует во вращении.

---

1 Путей Огня и Солнца.

2 Путей Рыб и Водолея.

3 Иез. 1:15, в русском синодальном переводе: «...и вот, на земле подле этих животных по одному колесу».

4 Начала кругового движения, Перводвигатель. — *Примеч. А. Кроули.*

Цель мистического обхода заключается в том, чтобы привлечь Божественный Свет во Храм и установить с ним связь. Поэтому Иерофант на время шествия поднимается со своего престола — в знак того, что и он по-своему участвует в обходе, — но остается стоять на месте, привлекая своем скипетром Свет из-за Завес.

Проходя мимо Престола Востока, каждый участник процессии совершает Знак Входящего, проецируя перед собой свет, исходящий от скипетра Иерофанта.

При этом «Хор обходит Храм только один раз, ибо он — Сын Осириса, унаследовавший от него Свет по праву рождения. Совершив один обход, он тотчас же направляется к своему посту, посту Иерея, дабы закрепить Свет в этой точке. Гегемон, Богиня Истины, совершает обход дважды, ибо ее Весы Равновесия имеют две чаши. Затем она отправляется на свой пост между Столпами, дабы окончательно сформировать отражение Срединного столпа. Анубис Востока и прочие участники процессии совершают обход трижды, утверждая тем самым полноту отражения на Алтаре совершенного белого треугольника Трех Высших Сефирот»[1].

По окончании обхода все, кто участвовал в процессии до конца, остаются стоять, а Иерофант произносит слова Поклонения:

«Свят ты, Владыка Вселенной!
Свят ты, не сотворенный Природой!
Свят ты, необъятный и могучий,
Владыка Света и Тьмы![2]»

(После каждой из этих фраз все совершают поклон и Знак[3], а служители в знак приветствия поднимают и опускают свои орудия — знамена, скипетры, меч, жезл).

---

1 Z-1. — *Примеч. А. Кроули.*

2 Это «Поклонение» заимствовано из «Поймандра» Гермеса Трисмегиста (стих 31).

3 Знак Входящего.

Затем Иерофант повелевает Глашатаю объявить, что Зал Неофитов открыт, о чем тот и возвещает в следующих словах:

Именем Владыки Вселенной я объявляю, что Солнце взошло и Свет во Тьме светит[1].

После этого трое верховных служителей произносят мистические слова:

«KHABS AM PEKHT!»
«KONX OM PAX!»
«СВЕТ В УСТРЕМЛЕНИИ!»[2]

На этом *Открытие* завершается и начинается следующая часть.

Прием Неофита в Орден[3]

Соискатель ожидает допуска во Храм за Вратами, под опекой Стражника — «Внешнего Стража», Анубиса Запада.

Иерофант оповещает всех собравшихся, что получил от достопочтеннейших вождей Второго ордена разрешение на то, чтобы положить начало процессу посвящения, благодаря которому Соискатель в конечном счете сможет познать свое Высшее «Я». Но первой из степеней его посвящения станет степень Неофита, которая не имеет числа, ибо скрывает полноту всего сущего под мнимым образом небытия.

Надзирать за подготовкой Соискателя направляют Гегемона, представителя Богини Истины и Справедливости. Это означает, что именно Владыка

---

1 Ср. Ин. 1:5: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

2 Последняя из этих фраз представляет собой перевод первых двух, на древнеегипетском и древнегреческом языках означающих «Свет в устремлении». Греческий вариант, «Konx Om Pax», использовался в Элевсинских мистериях, египетский послужил его прототипом. Подразумевается божественный Свет, единым лучом устремляющийся вовне, из непроявленности в проявленность. Иногда это выражение переводят как «Свет в расширении», подчеркивая идею перехода от Единого ко Множественности.

3 Нижеследующие пояснения к церемонии Приема Неофита в Орден взяты из рукописи под названием Z-3. — *Примеч. А. Кроули.*

Полный текст документа Z-3, авторство которого принадлежит С.Л. Мазерсу, представлен в издании: *Полная система магии Золотой Зари*, указ. соч.

Равновесия распоряжается процессом Посвящения, посредством символов праведности и самоконтроля утверждая силы равновесия в самом Соискателе. Но собственно подготовить Соискателя должен Стражник — «Внешний Страж». Веревка, трижды обвиваемая вокруг пояса Соискателя, символизирует связывание и ограничение низшей природы. Тройственность ее должна напоминать о белом треугольнике Трех Высших Сефирот. Затем Соискателю завязывают глаза. Это означает, что свет природного мира — не более чем тьма в сравнении с сиянием Божественного Света.

Затем продолжается ритуальное действо.

Гегемон: «Дитя Земли! Встань и ступи на Путь Тьмы!»

Иерофант приказывает Приуготовителю и Факелоносцу помочь Глашатаю ввести Соискателя в Зал, но Глашатай преграждает ему путь со словами:

«Дитя Земли! Ты не очищен! Ты не освящен! Ты не можешь вступить в наш священный Зал!»

После этого Приуготовитель очищает Соискателя водой, а Факелоносец — освящает огнем.

Затем берет слово Иерофант; и говорит он не как смертный на собрании смертных, а как бог пред лицом богов. «И пусть направит свой голос так, дабы раскатился он по всей Вселенной, до самых пределов пространства. Соискатель же предстанет пред ним как некий мир, который под водительством Иерофанта вступит на путь к познанию своего Ангела-наставника. Ибо сказано: "...как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого"[1]».

Соискателя в ходе церемонии именуют «Дитя Земли». Это именование указывает на земную и материальную сущность «естественного» человека — того, кто еще только выходит из тьмы Малкут, устремляясь к постижению света. Именно поэтому путь посвящаемого именуется Путем Тьмы: с точки зрения «естественного» человека он — не что иное, как тьма и безумие.

Итак, Иерофант дает Глашатаю дозволение на допуск Соискателя и запечатлевает на последнем его

1 Мф. 24:27.

новое имя — магический девиз. Это имя предназначено не для физического тела; оно — тайный символ устремлений души.

«В знак утверждения этого девиза Осирис тотчас же высылает вперед Богинь Чаш Весов, дабы те окрестили Соискателя водой и освятили его огнем. Ибо сказано: "Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие"[1]».

Однако Глашатай, как было сказано выше, преграждает путь Соискателю, ибо тот еще не очистился. Богини Чаш Весов очищают и освящают его. «Это первое из четырех освящений, необходимых потому, что при проекции Столпов Древа на сферу чувственного восприятия[2] образуются четыре Столпа, окружающие Срединный».

Это освящение проходит в черной части Малкут; когда оно завершается, Соискателя подводят к подножию алтаря — к лимонной части Малкут, воспринимающей влияние Срединного столпа.

Иерофант обращается к Соискателю: «Дитя Земли! Почему ты просишь о приеме в наш Орден?»

За Соискателя отвечает Гегемон: «Душа моя блуждает во тьме и взыскует Света Тайного Знания. Я верю, что в этом Ордене откроется мне Знание Света сего».

Затем Иерофант спрашивает соискателя, готов ли он «перед этим собранием торжественно поклясться в том, что нерушимо будет хранить секреты и тайны нашего Ордена».

На это Соискатель отвечает: «Я готов».

После этого Иерофант проходит на пост между Столпами, как бы провозглашая тем самым, что суд свершился и решение принято. «Минуя незримый пост Гарпократа, он занимает незримый пост Триады Зла: в ипостаси Аруэриса[3] он символически попирает

---

1 Ин. 3:5.

2 См. примеч. 1 на стр. 200.

3 Пока он восседает на престоле, он остается Осирисом; когда же движется по Храму, то облекается божественным образом Аруэриса. — *Примеч. А. Кроули.*

Противника». Затем он проходит к восточной стороне алтаря и оказывается посередине между постом Триады Зла и Соискателем. В то же самое время Иерей становится слева от Соискателя, а Гегемон — справа. Тем самым вокруг Соискателя формируется образ Высшей Триады, после чего он получает право возложить свою правую руку в центр Белого Треугольника трех Высших сефирот на алтаре. Но прежде он преклоняет колени в знак почтения к этому символу: «естественный» человек отрекается от своей воли пред Волей Божественного Сознания.

Итак, Иерофант велит Соискателю (стоящему в центре треугольника, образованного Аруэрисом, Хором и Фемидой) преклонить колени, вложить свою левую руку в левую руку посвятителя, а правую — возложить на белый треугольник в знак активного устремления к своей Высшей Душе. Затем Соискатель склоняет голову, а Иерофант один раз ударяет в пол своим скипетром, подтверждая, что Соискатель полностью покорился Высшему.

И только теперь, наконец, исполинская фигура Тота[1]-Метатрона меняет позу Знака Входящего на позу Знака Безмолвия, дозволяя Гению Соискателя впервые доподлинно снизойти во Храм, дабы занять незримый пост Гарпократа и стать свидетелем Присяги.

Все встают, и Соискатель повторяет слова Присяги за Иерофантом. Он обещает хранить в тайне секреты Ордена, его название и имена его членов, а также все, что происходит на его собраниях; поддерживать добросердечные и благожелательные отношения со своими Братьями и Сестрами по Ордену; ревностно и усердно изучать оккультные науки, и так далее. Все вышеуказанное он клянется соблюдать под страхом ужасной кары: «И, буде нарушу я эту присягу, я заявляю о своем согласии добровольно предаться смертоносному и враждебному потоку воли, направленному вождями Ордена, под ударом коего паду я мертвым и бездвижным, по-

1 Тот — один из незримых служителей. — *Примеч. А. Кроули.*

раженный без оружия, точно молнией»[1]. (При этих словах Иерей внезапно пускает в ход меч[2].) «И да будут мне в помощь Владыка Вселенной и собственная моя Высшая Душа!» — завершает свою присягу Соискатель.

Как только Соискатель упоминает о наказании, которое обрушится на него, если он предаст доверие Ордена, тотчас же поднимается грозная Триада Зла, а мститель богов, Хор, касается лезвием своего меча точки Даат (т.е. основания черепа, где позвоночник соединяется с головным мозгом), утверждая тем самым власть Жизни и Смерти над природным телом. Но уже в следующее мгновение, при словах «И да будут мне в помощь Владыка Вселенной и собственная моя Высшая Душа», вперед выступает Образ Высшего «Я» и впервые возлагает руку на голову Соискателя. Так впервые утверждается связь между Соискателем и его Высшим «Я». После этого Иерофант велит Соискателю подняться, произнося следующие слова:

«Поднимись, присягнувший ныне Неофит Внешнего ордена Золотой Зари! Проводите Неофита в северную часть Зала — в символическую область величайшей тьмы».

Соискателя ведут на север, в область величайшей тьмы, к невидимому посту Быка Земли. Но это — обитель Аписа, спасителя Материи, Осириса в весеннем знаке[3]. И подобно тому, как земля восстает обнов-

---

1 В более поздней редакции ритуала, выпущенной после скандала с Хоросами, формулировку изменили на «ужасному карающему потоку...» и т.д. — *Примеч. А. Кроули.*

Хоросы — супружеская чета мошенников, выдававших себя за посвященных G∴D∴ высокой степени. После того, как Хоросы были арестованы по обвинению в тяжелых уголовных преступлениях, в ходе судебного процесса над ними некоторые сведения о деятельности G∴D∴ стали достоянием широкой публики, что ускорило назревавший в ордене раскол. Подробнее см. ниже (стр. 390 и далее), а также в издании: Хоув, *Маги Золотой Зари*, указ. соч., стр. 353—356, 409—410.

2 Согласно указанию в тексте ритуала, «Иерей внезапно опускает лезвие своего меча плашмя на шею Соискателя, а затем отводит меч».

3 *Апис* — в древнеегипетской религии священный белый бык, почитавшийся как воплощение Осириса; ежегодное празднество в его честь связывалось с разливами Нила и идеей ежегодного обновления природы. *«...в весеннем знаке»*: в знаке Тельца, по которому Солнце проходит приблизительно с 21 апреля по 21 мая.

ленной из тьмы и бесплодия зимы, так и Соискатель утверждает здесь свое освобождение из тьмы невежества. Иерофант и Иерей возвращаются на свои престолы, так что со следующими словами к Соискателю обращается уже не Аруэрис, а сам Осирис:

«Голос моей Высшей Души сказал мне: "Дозволь мне вступить на путь Тьмы и, быть может, я найду Свет. Я — единое сущее в бездне тьмы; из бездны тьмы вышла я до рождения, из безмолвия первозданного сна". И Голос Веков ответил моей душе: "Я — тот, Кто творит во тьме. О Дитя Земли! Свет во тьме светит, но тьма не объяла его"».

Так Иерофант сообщает в словах, внятных Руаху Соискателя, — и тем самым подтверждает, — что между Нешамой и Гением установилась подлинная связь. Иными словами, Осирис говорит здесь от имени Высшей Души, символический облик которой пребывает сейчас перед ним, между Столпами.

Затем совершается второй мистический обход Храма — обход на Пути Тьмы. Шествие возглавляет символический Свет Тайного Знания — светильник Глашатая, означающий, что Высшая Душа — не единственный в мире Божественный Светоч, а лишь искра от Беспредельного Пламени.

За Глашатаем следует Гегемон — толмач Высшего «Я», ведущий за собой Соискателя; далее — Приуготовитель и Факелоносец. Торжественной процессией они полностью обходят Храм один раз, формируя темный угол Бины в Треугольнике Неизреченного Света. Когда шествие минует Иерофанта, тот ударяет в пол скипетром; так же ударяет в пол мечом и Иерей, когда процессия достигает его престола. Тем самым они провозглашают идеи Милости и Возмездия. Когда участники обхода минуют престол Иерофанта во второй раз, начинается формирование угла Хокмы.

После этого Глашатай преграждает Соискателю путь на запад со словами:

«Дитя Земли! Ты не очищен! Ты не освящен! Ты не можешь вступить на путь Запада!»

Это означает, что «естественный» человек не способен постичь «Сына» Осириса, не пройдя очищение и не достигнув равновесия.

Соответственно, Соискателя очищают водой и освящают огнем, после чего ему дозволяется приблизиться к месту Сумерек Богов. Но прежде чем он двинется дальше, с его глаз на краткий миг приподнимают повязку, дабы он узрел отблеск Запредельного.

На западе ему преграждает путь Иерей:

«Ты не пройдешь мимо меня, — молвил Страж Запада, — если не сможешь назвать мое имя».

Подразумевается, что Соискатель должен знать Формулу; и что до тех пор, пока в Соискателе не утвердится формула Хора, он не сможет постичь Осириса.

Но Соискателю Хор пока что видится воплощением Божьего гнева; он еще не понимает, что для проявления истинной Умеренности необходимо сначала познать силы Суровости и Милосердия и овладеть ими.

Поэтому за него дает ответ Гегемон:

«Тьма — имя твое; ты — Великий на Путях Теней».

Тут Гегемон неожиданно поднимает повязку, и Соискатель видит перед собой, на ступенях, ведущих к престолу, Иерея, направившего острие меча ему в грудь.

Медленно опуская меч, Иерей произносит:

«Дитя Земли! Страх — это поражение. А посему будь бесстрашен, ибо в сердце труса нет места добродетели. Теперь ты знаешь меня. Проходи!»

Соискателю вновь закрывают глаза повязкой.

Далее путь ему вновь преграждает Глашатай, объявляющий:

«Дитя Земли! Ты не очищен! Ты не освящен! Ты не можешь вступить на путь Востока!»

Эта очередная преграда на пути по смыслу отчасти подобна предыдущей, но, в то же время, с нее начинается формирование угла Кетер.

Соискателя опять очищают водой и освящают огнем, после чего снова приподнимают повязку, чтобы он узрел отблеск Света, пока еще тускло мерцающий сквозь тьму, но возвещающий о Сиянии Запредельного[1].

Затем Иерофант, медленно опуская свой скипетр, произносит:

«Запомни, Дитя Земли, что неуравновешенная сила есть зло, неуравновешенное милосердие — всего лишь слабость, а неуравновешенная суровость — не что иное, как угнетение. Теперь ты знаешь меня; проходи же к Кубическому Алтарю Вселенной».

Так формируется сила сокровенного Срединного столпа. После этого Иерофант покидает свой престол, проходит между Столпами и останавливается на незримом посту Гарпократа, в месте Триады Зла или к востоку от Алтаря. Иерей становится слева от Соискателя, а Гегемон — справа. Тем самым еще раз утверждается троица Высших сефирот.

Иерофант и Иерей могут держать при этом свои знамена; даже если физически знамена отсутствуют, необходимо удерживать их астральные образы. На незримом посту Гарпократа снова формируется образ Высшего «Я» Соискателя.

После этого Иерофант повелевает:

---

1 Далее следует симметричный встрече с Иереем эпизод встречи с Иерофантом: Иерофант останавливает Соискателя и говорит: «Ты не пройдешь мимо меня, — молвил Страж Востока, — если не сможешь назвать мое имя». Гегемон отвечает за Соискателя: «Свет, во Тьме брезжащий, — имя твое; Свет Золотого Дня!».

«Пусть Соискатель преклонит колени, пока я буду взывать ко Владыке Вселенной!»

После торжественной молитвы Иерофант говорит: «Пусть Соискатель поднимется»[1], а затем:

«Дитя Земли! Долго жил ты во тьме. Расстанься с ночью и взыскуй дня».

Только при словах «Пусть Соискатель поднимется» повязку с его глаз снимают окончательно. Иерофант, Иерей и Гегемон соединяют свои орудия (скипетры и меч) над головой Соискателя, снова формируя Высшую триаду и провозглашая, что он принят в Орден Золотой Зари:

«Брат X Y Z[2]! Мы принимаем тебя в Орден Золотой Зари!»

Затем они повторяют мистические слова «KHABS AM PEKHT», скрепляя ими поток Пламенеющего Света.

Высшая Душа все еще пребывает на незримом посту Гарпократа, и в этот момент духовным взором можно узреть поблескивающий белый треугольник, словно парящий над головой Соискателя и касающийся его лба, — символ белого Треугольника Высшей триады сефирот.

Далее Иерофант призывает Глашатая выступить вперед и, повернувшись к Соискателю, сообщает ему:

«Пока ты скитался во Тьме, светильник Глашатая неизменно освещал тебе путь, хотя и оставался незримым для глаз твоих. Это символ Сокровенного Света Тайного Знания». Здесь этот свет — символ смутного формирования идеала, который Соискатель еще не в состоянии ни уловить, ни проанализировать. Он символизирует не само Высшее «Я» Соискателя, а луч, исходящий от Богов, и направляющий Соискателя к его Высшему «Я».

---

1 Подразумевая также: «Пусть в Соискателе пробудится Свет!» — *Примеч. А. Кроули.*

2 Называется магический девиз Соискателя.

Затем Иерофант продолжает:

«Пусть Неофита подведут к восточной стороне алтаря. Почтенный Иерей! Препоручаю тебе вверить Соискателю тайные знаки, рукопожатие, великое слово и нынешний пароль степени ○°=○° Внешнего ордена Золотой Зари, поместить его между мистическими столпами и проследить за его четвертым, и последним, освящением».

Восточная сторона Алтаря — это место Триады Зла, и Соискателя ведут туда в знак того, что он теперь сможет изгнать и попрать свое темное «я», которое, познав свое истинное место, станет затем для него опорой.

Иерей сообщает Соискателю тайные знаки и т.д.; на протяжении этой части церемонии трое верховных служителей располагаются следующим образом: Иерофант — на престоле Востока, Иерей — к востоку от Черного столпа, а Гегемон — к востоку от Белого столпа. Таким образом, они снова образуют и укрепляют Триаду.

Высшая Душа Соискателя формируется в точке между Столпами — в месте Равновесия. Соискатель стоит на посту Триады Зла, а Иерей по завершении этой части ритуала занимает пост Гарпократа между Столпами.

Разъяснив Соискателю знаки, Иерей проводит его вперед, в точку между Столпами. В этот момент, во второй раз за все время церемонии, Высшая Душа оказывается рядом с Соискателем и готова коснуться его. Иерей возвращается на прежнее место — к востоку от Черного столпа, чтобы трое верховных служителей смогли низвести на Соискателя силы Высшей триады.

Соискатель в этот миг стоит между Столпами, связанный веревкой, словно мумифицированный образ Осириса между Исидой и Нефтидой. Богини Чаш Весов совершают над ним четвертое — последнее — освящение. Сейчас Соискатель впервые за все время Церемонии находится в точке, символизирующей равновесие Весов. Тем временем Глашатай идет на север, готовясь совершить обход, который будет связан с последним освящением Соискателя.

Затем Приуготовитель говорит: «Брат X Y Z, я в последний раз очищаю тебя водой».

А Факелоносец произносит: «Брат X Y Z, я в последний раз освящаю тебя огнем».

Цель этого освящения — окончательно запечатлеть равновесную структуру Столпов в Сфере чувственного восприятия Соискателя. Ибо в «естественном» человеке силы этих символов не уравновешены: одни — слабее, другие — сильнее. И цель всей этой церемонии — укрепить слабые символы и очистить сильные, положив тем самым начало равновесию между ними, и в то же время связать их с соответствующими силами Макрокосма.

Затем Иерофант провозглашает:

«Почтенный Гегемон! Ныне, когда свершилось последнее освящение Соискателя, повелеваю тебе снять с его пояса веревку — последний из оставшихся символов пути тьмы — и вручить ему отличительную эмблему степени».

Гегемон, выполняя распоряжение Иерофанта, произносит:

«По велению Достопочтенного Иерофанта я вручаю тебе отличительную эмблему степени. Она символизирует Свет, брезжащий во тьме».

И только теперь, когда четыре Столпа прочно утвердились, Соискателю вручают эмблему с Белым Треугольником трех Высших сефирот, сформировавшимся среди Тьмы. И только теперь Высшее «Я» Соискателя получило реальную возможность установить с ним связь — если только человеческая воля «естественного» человека даст на это подлинное согласие. Ни Высшая Душа, ни церемония ни к чему не принуждают свободную волю «естественного» человека, но если воля согласна, то церемония укрепляет ее решимость.

Как только Соискателю вручают эмблему, две великие богини, Исида и Нефтида, простирают свои крыла над Осирисом, возвращая его к жизни.

Далее следует Мистический обход Храма по Пути Света, знаменующий восхождение Света в Соискателе через самопожертвование. Как только Соискатель проходит мимо престола Иерофанта, над астральным белым треугольником на его лбу формируется астральный образ красного Креста Распятия; отныне и до тех пор, пока Соискатель принадлежит Ордену, он сможет — *если пожелает* — носить этот мощный и возвышенный символ, связующий его с Высшим «Я» и помогающий в поисках сил Божественного Света.

После этого Высшая Душа, или Гений, возвращается на незримый пост Гарпократа, в точку сокровенного Центра, не теряя, однако, связи с Соискателем.

Далее следует обращение Иерофанта:

«Брат X Y Z, я поздравляю тебя со столь отважно пройденным испытанием! Ты удостоился приема в степень ○°=○° Внешнего ордена Золотой Зари. Выслушай же теперь со всем вниманием краткие пояснения основных символов твоей степени».

После всех разъяснений Глашатай как Страж-Анубис объявляет, что Соискатель посвящен в степень Неофита:

«Именем Владыки Вселенной и по велению достопочтенного Иерофанта я объявляю во всеуслышание, что (*мирское имя Соискателя*), который отныне будет известен среди вас под девизом X Y Z, надлежащим образом посвящен в степень Неофита Внешнего ордена Золотой Зари».

Затем к Неофиту обращается Иерей и также поздравляет его со вступлением в Орден, «ставящий своей задачей практическое изучение Тайных Наук». После этого Иерей непосредственно перечисляет те тайные науки, к изучению которых должен приступить Неофит.

В заключение Глашатай подводит Неофита к своему столу, вручает ему некий раствор и велит перелить несколько капель в стоящее перед ним блюдце. Раствор при этом окрашивается в цвет крови, а Глашатай восклицает:

«Как эта жидкость, прозрачная и чистая, превращается в подобие крови, так да погибнешь ты, если нарушишь словом или деянием свою присягу хранить молчание о тайнах Ордена!»

Затем Иерофант приказывает Неофиту:

«Возвращайся на свое место на северо-западе и помни, что факт твоего приема в Орден не наделяет тебя правом посвящать других соискателей без разрешения достопочтенных Вождей Второго ордена».

На этом церемония приема завершается; далее следует закрытие храма.

Закрытие

Церемония Закрытия начинается с уже известного нам возгласа «Hekas! Hekas! Este Bebeloi!». Бóльшая часть ее символики уже разъяснена в Открытии. Обратный обход предназначен для того, чтобы удалить с алтаря Свет Высшей триады. Далее совершается Поклонение, а за ним следует мистическая трапеза, или причащение телом Осириса. Ее мистическое название — «Формула Оправданного»[1].

Иерофант провозглашает:

---

1 «*Оправданный*», или «Правогласный» (др.-егип. ун-Нефер, эллинизир. оннофрис, букв. «вечноблагой» или «прекрасносущный») — эпитет Осириса, «ставшего Совершенным», как бога мертвых, царя и судьи загробного мира. С Осирисом Правогласным отождествлялся умерший, оправданный на загробном суде и присоединившийся к богам.

Эта Формула Осириса приводится в документе Z-1:

«Ибо Осирис Оннофрис, признанный совершенным перед Богами, молвил:

"Это части Тела моего, Очищенные в страдании, возвеличенные в испытании.

Ибо аромат умирающей розы — словно тихий Вздох страдания моего;

огненно-красное пламя — словно сила неустрашимой Воли моей;

а чаша с вином — кровь, истекающая из Сердца моего, Жертва для возрождения к жизни новой;

«Ныне же нам остается лишь причаститься в безмолвии Мистической Трапезы, состоящей из символов четырех стихий, и еще раз вспомнить о принесенном нами обете молчания».

Глашатай проходит к алтарю и зажигает светильник, стоящий у южного рукава Креста. Иерофант покидает свой престол, проходит к западу от алтаря и, обратившись лицом на восток, совершает Знак Приветствия и продолжает:

«Приглашаю вас вместе со мною вдохнуть аромат этой Розы — символ Воздуха (*нюхает розу*); ощутить вместе со мною тепло этого священного Огня (*простирает ладони над огнем*); вкусить вместе со мною хлеб и соль — формы Земли (*вкушает*) и, наконец, испить вместе со мною этого вина, освященного символа стихии Воды (*отпивает из чаши*)».

Затем Иерофант проходит к восточной стороне алтаря и обращается лицом на запад. Иерей подходит к западной стороне алтаря, совершает Знак Приветствия на восток и принимает из рук Иерофанта элементы причастия. Далее все причащаются в порядке старшинства: Гегемон получает причастие от Иерея, Приуготовитель — от Гегемона, Факелоносец — от Приуготовителя, старшие из присутствующих на церемонии членов Ордена — от Факелоносца. Предпоследним причащается новопосвященный Неофит, от которого, в свою очередь получает причастие Глашатай.

хлеб и соль же — основания Тела моего, Кои разрушил я, дабы они обновились.
Ибо я — Осирис Торжествующий, Осирис Оннофрис, Оправданный:
Я — тот, кто облечен Плотью Телесной, но в ком пребывает Дух Великих Богов;
Я — Владыка Жизни, торжествующий над Смертью.
Причастившийся мне, возвысится вместе со мною.
Я во плоти являю Тех, чья Обитель — Незримое.
Я очищен: под ногами моими Вселенная.
Я — Примиритель с Вечными Богами.
Я — тот, кто ведет материю к совершенству.
И без меня нет Вселенной"». — *Примеч. А. Кроули.*

Глашатай, причастившись, объявляет: «Исполнено!» — и переворачивает чашу вверх дном в знак того, что символическое действо самопожертвования и воскресения совершилось подобающим образом. Верховные служители подтверждают это тремя ударами, символизирующими Мистическую Триаду, и на трех различных языках произносят три мистических слова:

«KHABS AM PEKHT!»
«KONX OM PAX!»
«СВЕТ В УСТРЕМЛЕНИИ!»

Затем Иерофант произносит завершающую реплику церемонии:

«Да обретем мы в этом причастии опору в наших поисках квинтэссенции, Камня Философов, Истинной Мудрости и Совершенного Счастья, Summum Bonum[1]».

Все снимают церемониальные облачения и расходятся.

Вне всякого сомнения, ритуал Неофита оказал большое влияние на образ мыслей и духовный прогресс P[erdurabo], ибо вскоре после прохождения этой церемонии P. удостоился нескольких поистине необычайных видений, о которых мы в свое время расскажем подробнее. Здесь же достаточно будет отметить, что уже к декабрю он успешно сдал несложный экзамен, требовавшийся для соискания степени 1°=10° — степени Ревнителя.

Ритуал степени Ревнителя (1°=10°)[2]

Открытие Храма для этого ритуала совершается почти таким же образом, как для предыдущей церемонии;

---

1 «Высшего Блага» (лат.).

2 Следующие пять ритуалов не представляют особого интереса и ценности с магической точки зрения. Они приводятся в сокращенном виде — главным образом для того, чтобы сэкономить место для более подробного изложения ритуалов Неофита и Младшего Адепта. — *Примеч. А. Кроули.*

Полный текст посвятительных ритуалов в степени Ревнителя (1°=10°), Теоретика (2°=9°), Практика (3°=8°), Философа (4°=7°) и промежуточной сте-

основное отличие состоит в том, что данная степень особо соотносится со стихией Земли[1].

Объявив о благополучном открытии Храма, Иерофант провозглашает:

«Если Адонаи не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Адонаи не охранит города, напрасно бодрствует страж[2]. Брат Неофит! Кто помог тебе прийти сюда и просить о допуске в степень 1°=10°, степень Ревнителя Золотой Зари?»

Гегемон отвечает за Неофита:

«Наставничество Адонаи; владение необходимыми познаниями; дозволение Достопочтеннейших Вождей Второго Ордена; Знаки и Пароли степени 0°=0°; и этот символ Герметического Креста».

Затем Неофита проводят на запад Храма и помещают между мистическими Столпами, где он торжественно клянется хранить тайны степени Ревнителя.

Иерофант обращается к нему с пространной речью и в заключение произносит: «Да вступит Неофит на Путь Зла!» Затем разворачивается следующий диалог.

Иерей: Откуда идешь ты?

Глашатай (за Неофита): Я иду из места между Двух Столпов. Я ищу свет Тайной Мудрости во Имя Адонаи.

Иерей: И Великий Ангел Самаэль, отвечая, молвил: я — Князь Тьмы и ночи. Безумцы и мятежники взирают на лик сотворенного Мира — и не прозревают в нем ничего, кроме ужаса и мрака. Их удел — Ужас Тьмы. Ощупью ходят они во тьме без света и шатаются, как пьяные[3]. Возвращайся, откуда пришел, ибо тебе не пройти здесь.

пени «Владыки Врат Путей, ведущих в Усыпальницу Адепта» см. в издании: *Полная система магии Золотой Зари*, указ. соч.

1 См. схему 11 на вклейке.

2 Пс. 126:1.

3 Иов 12:25.

Иерофант: Да вступит Неофит на Путь Добра!

Гегемон: Откуда идешь ты?

Глашатай (за Неофита): Я иду из места между Двух Столпов. Я ищу сокровенный свет Тайной Мудрости.

Гегемон: И великий Ангел Метатрон (Ангел Добра), отвечая, молвил: я — Ангел Божественного Присутствия. Мудрый взирает на лик сотворенного Мира — и зрит в нем сияющий образ Творца. Но твои глаза пока еще не могут выдержать ослепительный свет этого Образа. Возвращайся, откуда пришел, ибо тебе не пройти здесь.

Иерофант: Да вступит Неофит на Путь прямой и тесный, не уклоняющийся ни влево, ни вправо.

Иерей и *Гегемон*: Откуда идешь ты?

Глашатай (за Неофита): Я иду из места между Двух Столпов. Я ищу сокровенный свет Тайной Мудрости.

Иерофант: И Великий Ангел Сандальфон сказал: я — примиритель Земли с ее Небесной Душою. И во Тьме беспросветной, и при Свете слепящем форма равно незрима[1] <... >.

Затем Иерей и Гегемон возвращаются на свои места, а Иерофант и Неофит остаются стоять лицом к Алтарю. Иерофант открывает Неофиту тайны степени Ревнителя и разъясняет ему символику Храма[2]:

«Эти трое Врат перед тобой на востоке — Врата трех Путей, что ведут во Внутренний орден <... >

Буквы Тав, Коф и Шин образуют слово Кешет (Qesheth) — Лук, отражение Радуги Завета[3],

---

1 Далее поясняется, что ангелы Метатрон и Сандальфон выступают здесь как олицетворения двух столпов Древа (Столпа Милосердия и Столпа Суровости соответственно) и отождествляются с двумя херувимами, украшающими крышку ковчега завета (Исх. 25:18—21: «...и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки; сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; [выдавшимися] из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее; и будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими [будут] друг к другу: к крышке будут лица херувимов. И положи крышку на ковчег сверху»).

2 Следующая далее речь Иерофанта приводится в сокращенном и слегка отредактированном виде.

3 Быт. 9:8—9, 9:11—13: «И сказал Бог Ною и сынам его: вот, я поставлю завет Мой с вами и потомством вашим после вас <... > что не будет более

раскинувшейся над Землей, близ Престола Божия. Огненный Меч Керубим — символ стражей врат Эдемских. Иерей и Гегемон же символизируют два Пути Древа Познания Добра и Зла.

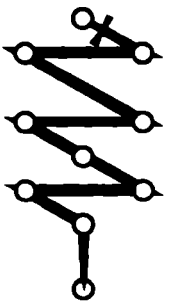

Схема 12
Огненный Меч

В церемонии этой степени красный крест на алтаре помещается внутри белого Треугольника, так же, как и на Знамени Запада.

Треугольник соотносится с тремя упомянутыми Путями, которые соединяют Малкут с вышележащими сефирот, а крест — с тайным знанием Божественной природы, которое можно обрести посредством этих путей. Крест и треугольник вместе символизируют ЖИЗНЬ ВО СВЕТЕ[1].

Эта степень связана со стихией Земли, а, следовательно, одна из главных ее эмблем — Великая Сторожевая Башня, или Земная Скрижаль, Севера. <...>

Этот Герметический Крест, который также называют Молотом Тора и Свастикой, состоит из семнадцати малых квадратов, вырезанных из большого квадрата со стороной в пять малых квадратов. Эти семнадцать квадратов символизируют Солнце, четыре стихии и двенадцать знаков зодиака. На этой степени

истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли. И сказал Бог: вот знамение завета, который Я поставляю между Мною и между вами и между всякою душею живою, которая с вами, в роды навсегда: Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею».

1 См. схему 13 на вклейке.

светильники на Столпах сияют полным светом; это означает, что ты вышел из Тьмы мира внешнего. <... >

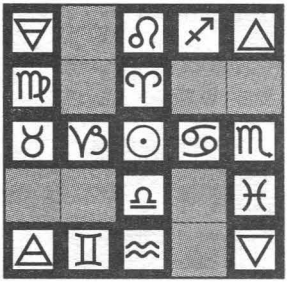

Схема 14
Герметический Крест

Затем Неофит на краткое время покидает Храм, а по его возвращении начинается вторая часть ритуала, состоящая в основном из объяснений символики[1].

Иерофант говорит:

«Степень 0°=0° означала врата Храма, а степень Ревнителя, 1°=10°, откроет перед тобою врата Святилища. Жертвенник Всесожженний, стоящий во Дворе Скинии, символизирует клипот, или злых демонов. Между алтарем и входом в Святилище стоит Медный Умывальник, символ Вод Творения».

Затем Гегемон разъясняет символику схемы зодиака, довольно сложной, но состоящей, главным образом, из двенадцати окружностей со светильником в центре, символизирующим Солнце. «В целом вся фигура символизирует Розу Творения и совокупность Зримой Вселенной. Эти двенадцать кругов — также символы двенадцати оснований Святого Града из Апокалипсиса[2]. А в христианской символике

1 См. схему 15 на вклейке.

2 Откр. 21:19—20: «Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд, пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопрас, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист».

Солнце и двенадцать знаков Зодиака соответствуют Христу и двенадцати апостолам»[1].

Затем Иерей говорит: «В южной части Святилища стоял Семисвечник[2], в котором горело чистое оливковое масло[3]. Это — символ Тайны Элохим, Семи Идей Творения. На рисунке, который ты видишь перед собой, раскрыто тайное значение этого Семисвечника. Семь окружностей вокруг гептаграммы символизируют семь планет и семь каббалистических Дворцов материального мира Асия, которые соответствуют Семи Церквам Азии, или Асии, из Апокалипсиса[4], — а те, в свою очередь, Семи Светильникам, горящим вокруг Престола Божия[5] на ином Плане»[6].

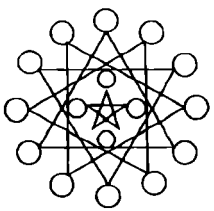

Схема 16
Роза Творения

---

1 См. «777», столбец cxl, «Двенадцать знамен Имени», а также Откр. 21:19—20. — *Примеч. А. Кроули.*

«Двенадцать знамен» — 12 перестановок букв Тетраграмматона, соответствующих знакам зодиака.

2 Исх. 25:31—32, 25:37: «И сделай светильник из золота чистого [...] стебель его, ветви его, чашечки его, яблоки его и цветы его должны выходить из него; шесть ветвей должны выходить из боков его: три ветви светильника из одного бока его и три ветви светильника из другого бока его [...] И сделай к нему семь лампад и поставь на него лампады его, чтобы светили на переднюю сторону его». Исх. 40:24: «И поставил [Моисей] светильник в скинии собрания против стола, на южной стороне скинии».

3 Исх. 27:20-21: «И вели сынам Израилевым, чтобы они приносили тебе елей чистый, выбитый из маслин, для освещения, чтобы горел светильник во всякое время».

4 Откр. 1:11: «...то, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам, находящимся в Асии: в Ефес, и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филадельфию, и в Лаодикию».

5 Откр. 1:12, 1:20: «Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и обратившись, увидел семь золотых светильников [...] Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, и семи золотых светильников [есть сия]: семь звезд суть Ангелы семи церквей; а семь светильников, которые ты видел, суть семь церквей».

6 См. «777», столбец xxxvi. — *Примеч. А. Кроули.*

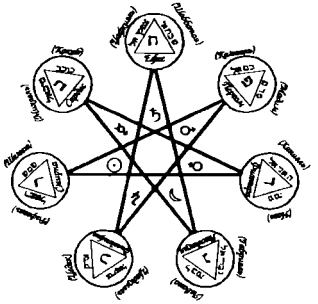

Схема 17
Семисвечник[1]

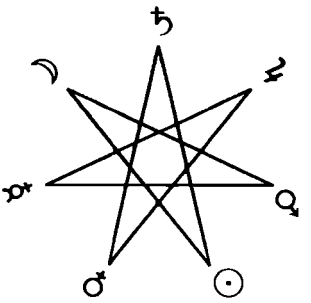

Схема 18
Гептаграмма семи дней недели

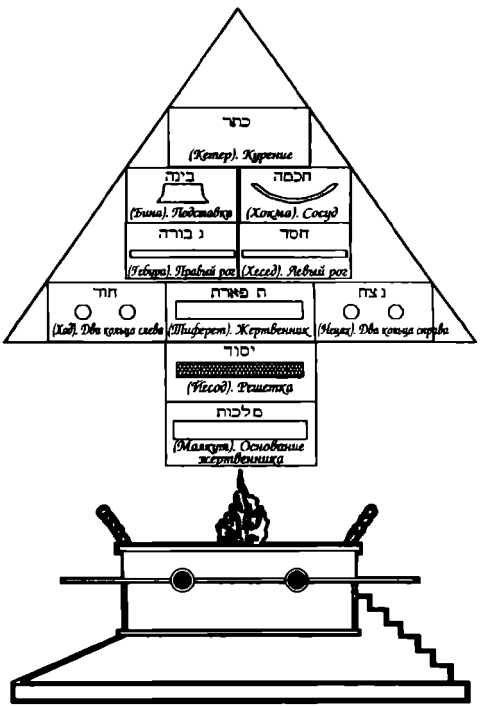

Схема 19
Жертвенник курений[2]

---

1 См. Исх. 37:17—24. На лучах гептаграммы указаны еврейские названия планет, имена архангелов сефирот, соответствующих планетам, и семь церквей Асии, соответствующих планетам (см. «777», столбец XXXVI).

2 См. Исх. 37:25—28.

Сама по себе гептаграмма соответствует семи дням недели и позволяет понять, как образовалась их последовательность, основанная на расположении планет на лучах семиконечной звезды[1].

«...Светильник в центре — символ Астрального Света Вселенной, который сосредоточивается посредством планет».

Далее Иерофант продолжает:

«За этой мистической завесой, отделявшей Святилище от Святая Святых, стоял Ковчег Завета. Перед завесой стоял Жертвенник курений, образом коего является этот алтарь. Он имел форму двойного куба, символизируя тем самым материальную форму как отражение и удвоение духовной. Боковые стенки, верх и низ этого алтаря в совокупности состоят из десяти квадратов, что символизирует десять сефирот <... >. Жертвенник курений был обложен золотом[2], что символизировало высшую степень чистоты; однако алтарь, перед которым ты стоишь, окрашен в черный цвет — цвет земной части Земли. А посему учись отделять чистое от нечистого, благородное алхимическое Золото — от Черного Дракона гниения во зле. <... > Итак, я поздравляю тебя с достижением степени Ревнителя, 1°=10°, и присваиваю тебе мистический титул "Periclinus de Faustis"[3], означающий, что ты все еще очень далек от цели, которой достигли совершенные посвященные».

Вскоре после этого совершается Закрытие Храма. После молитвы духам Земли и отпущения их из Храма Иерофант объявляет во имя Адонаи ха-Эрец[4], что Храм должным образом закрыт.

---

1 Если расположить семь планет в порядке их традиционного соответствия дням недели (понедельник — Луна, вторник — Марс, среда — Меркурий, четверг — Юпитер, пятница — Венера, суббота — Сатурн, воскресенье — Солнце) на лучах уникурсальной (т.е. начерченной без отрыва от бумаги) гептаграммы по мере ее начертания, то вдоль окружности, заключающей в себе эту гептаграмму, выстроится алхимический порядок планет: Сатурн—Юпитер—Марс—Солнце—Венера—Меркурий—Луна). Эту схему часто называют Звездой Магов.

2 Исх. 37:26: «...и обложил его чистым золотом, верх его и стороны его кругом».

3 «Искатель счастья» (лат.).

4 «Господь Земли» (др.-евр.), Божественное имя, соответствующее сефире Малкут; в исходном тексте ритуала использовалось имя «Адонаи Мелех»

К концу января 1899 года P[erdurabo] преуспел вполне достаточно для продвижения на степень Теоретика. Приблизительно в то же время он познакомился с г-ном Д. — одним из Братьев G∴D∴, известным под девизом I.A.[1] Как мы увидим впоследствии, по своей важности это событие уступало разве что знакомству с Братом V.N.

Ритуал степени Теоретика (2°=9°)

Эта степень соответствует стихии Воздуха, а также Луне и тридцать второму пути Древа Жизни — пути Тав, который символизирует Вселенную (как совокупность четырех стихий), керубим, клипот, астральный план и отражение сферы Сатурна. Пояснив это, служители допускают Ревнителя в Храм, после чего начинается ритуал 32-го пути[2].

Иерофант (Ревнителю): Перед тобой — Врата 31-го, 32-го и 29-го Путей, ведущих от степени Ревнителя к трем следующим степеням. Однако ныне тебе открыт лишь 32-й Путь, ведущий к степени Теоретика, 2°=9°. И чтобы достичь степени Теоретика, ты должен пройти этот Путь. Возьми в правую руку Кубический Крест, а в левую — Знамя Света и следуй за своим проводником, Анубисом[3]-Стражем, который поведет тебя от материального к Духовному.

Глашатай: Анубис-Страж сказал Соискателю: «Предстанем же перед Владыками Истины. Встань и следуй за мною».

(«Господь — Царь»).

1 *I.A.* — аббревиатура от «Iehi Aour» (др.-евр. «Да будет свет!»), магического девиза, который носил в G∴D∴ Алан Беннет (1872—1923), английский химик и оккультист, один из первых наставников Кроули в магии, впоследствии ставший буддийским монахом. Сознательно или нет, Фуллер указывает здесь неверный инициал его фамилии.

2 См. схему 20 на вклейке

3 Начиная с этого момента ритуал неоправданно усложняется из-за введения лишних египетских божеств; фактически, мистерия становится довольно «надуманной». Еще более отчетливо эта тенденция проявится в следующем ритуале, до смешного перегруженном воображаемыми персонажами самофракийских таинств. Сами по себе символы верны; но плохо то, что они связываются друг с другом совершенно произвольно, на манер ассорти, и выбор их определяется лишь стремлением автора показать свою эрудицию (в действительности весьма поверхностную). — *Примеч. А. Кроули.*

Иерей: И Сфинкс Египетский заговорил и молвил: «Я — слияние Стихийных Сил. И я же — символ Человека. Я — Жизнь. Я — Смерть. Я — Дитя, рожденное Ночью Времени».

Иерофант: И Жрец в маске Осириса заговорил и молвил: «Ты не пройдешь во Врата Восточного неба, пока не назовешь мое Имя».

Глашатай (за Ревнителя): Ты — Нут[1], богиня Тверди Воздушной. Ты — Хармахис[2], Владыка Восточного Солнца.

Иерофант: С какими знаками и символами ты идешь?

Глашатай (за Ревнителя): С буквой Алеф, со Знаменем Света и символом Равновесия Сил.

Иерофант (отступая и чертя веером знак Водолея, ♒, перед Ревнителем): О, Дитя Воздуха! Ты очищен этим Знаком Человека. Проходи.

Аналогичным образом Ревнитель проходит мимо Льва, Орла и Быка. Затем Иерофант разъясняет Ревнителю символический смысл кубического креста:

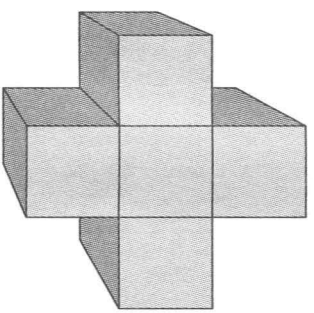

Схема 21
Кубический крест из двадцати двух квадратов

«Кубический Крест — это эмблема сил четырех стихий, приведенных в гармонию и равновесие. На поверхности его — двадцать два квадрата, в каждом из которых помещается одна из двадцати двух еврейских букв. Это двадцать две буквы Вечного Голоса, звук которого разносится под сводом Небес и в глубинах Земли, в бездне Вод и в Огне вездесущем. Небеса не в силах выразить полноту их; Земля не в силах изречь их. Но Творец вложил их во все сущее. Он смешал

1 *Нут* — древнеегипетская богиня неба.

2 *Хармахис* (эллиниз.; др.-егип. Хор-эм-Ахет — «Хор в горизонте», «Хор на небосклоне») — древнеегипетское солнечное божество, ипостась Хора.

их с Водой. Он вплел их в горние вихри Огня. Он запечатлел их в Воздухе небес. Он распределил их между планетами. Он закрепил за ними двенадцать созвездий зодиака».

Затем Иерофант поясняет, что тридцать второму пути по «Сефер Йецира» соответствуют семь Обителей Асии, четыре стихии, керубим и клипот[1]. Этот путь связывает между собой миры Асия и Йецира. Он символизирует раскрытие Завесы Скинии и вхождение во Врата Эдема. После этого Ревнителя знакомят с символикой двадцать первого аркана Таро. Изображенная на этой карте нагая женщина олицетворяет Жену, облеченную в Солнце, из Апокалипсиса, каббалистическую Царицу из Песни Песней и египетскую Исиду Природную. Два жезла, которые она держит в руках, управляют силами Положительного и Отрицательного потоков. В целом эта фигура — обобщенное изображение тридцать второго пути, соединяющего Малкут и Йесод.

Затем Гегемон показывает и поясняет Ревнителю оккультную символику рисунка, на котором изображены Сад Эдема и Святой Град из Апокалипсиса, а Глашатай разъясняет другой рисунок — с семью Обителями Преисподней и четырьмя Морями[2]. После этого Иерофант присваивает Ревнителю титул Владыки тридцать второго пути, и Ревнитель на краткое время покидает Храм.

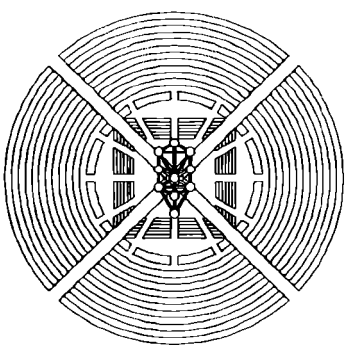

Схема 22
Сад Эдема и Святой Град

1 См. «777», столбцы civ и cviii, а также Откр. 1. — *Примеч. А. Кроули.*
Семь Обителей Асии (материального мира) — семь церквей Азии, перечисленные в Откр. 1:11 (см. примеч. 4 на стр. 138).

2 См. «777», столбцы cvi, cvii. — *Примеч. А. Кроули.*

Затем Иерофант открывает церемонию вступления в степень Теоретика, обращаясь к Ревнителю со словами: «Брат Periclinus de Faustis! При посвящении в степень Ревнителя, 1°=10°[1], тебе были показаны символические изображения Древа Познания Добра и Зла, Врат Эдема и Святилища. Теперь же, при введении в степень Теоретика, 2°=9°, перед тобой — Святая Святых с Ковчегом и Керубим, а также тождественный ей Сад Эдема. Туда ведет только что пройденный тобою 32-й Путь, охраняемый Керубим-Стражами и украшенный пальмовыми деревьями Эдемского Сада. Почтенный Гегемон! Проводи Ревнителя на запад и помести его перед вратами тридцать второго пути, на который он только что символически вступил».

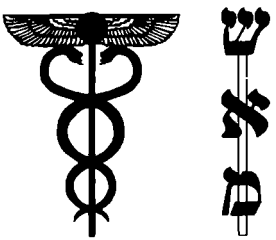

Схема 24
Кадуцей Гермеса[2]

Ревнитель просит о допуске во врата, предъявляя Кадуцей Гермеса, а Гегемон объясняет символический смысл этой эмблемы.

Затем Иерофант говорит: «Символы, которые ты видишь перед собой, представляют Сад Эдема[3] и Святая Святых <...> Перед тобой — Древо Жизни,

1 См. схемы 23 и 25 на вклейке.

2 Символика Кадуцея Гермеса разъясняется в ритуале следующим образом: «Древо Жизни и три материнские буквы — это Ключи, отмыкающие тайный смысл Кадуцея Гермеса. Вершина этого Жезла покоится в Кетер, а Крылья простираются к Хокме и Бине. Это три Высшие сефирот. Нижние же семь сефирот обвиты Змеями, головы которых покоятся на Хесед и Гебуре. Это две Змеи Египта. Это два потока Астрального Света. Далее, Крылья и вершина Жезла образуют букву Шин, символ Огня; головы и верхние половины Змей — букву Алеф, символ Воздуха; хвосты же Змей обвивают букву Мем, символ Воды. Огонь Жизни — наверху, Воды Творения — внизу, а между ними трепещет символ Воздуха».

3 См. схему путей и степеней [схему 2 на стр. 101]. — *Примеч. А. Кроули.*

образованное сефирот и соединяющими их путями. <... > Сефирот соединяются путями, общее число которых — двадцать два. Каждому пути соответствует одна из двадцати двух букв еврейского алфавита. Десять сефирот и двадцать два пути образуют в совокупности тридцать два пути Мудрости, о которых идет речь в "Сефер Йецира"». Буквы, на которые он затем указывает, образуют символ Змея Мудрости, а сефирот — символ Огненного Меча. «Два Столпа, возвышающиеся слева и справа от Древа, — это символы активного и пассивного, мужского и женского Начал, Адама и Евы. <... > Далее, Столпами этими представлены два керубим Ковчега: Метатрон (правый, в мужском облике) и Сандальфон (левый, в женском облике). Над ними горят неугасимые светильники их Духовной Сущности, коя уделена им от Вечного и Несотворенного Единого».

Затем Ревнителю сообщают знак, рукопожатие, великое слово степени и т.д. После этого Гегемон встает и подводит Ревнителя к Иерею, который объясняет ему «две схемы алхимических соответствий сефирот»[1]. Далее Гегемон рассказывает о «геометрических фигурах, соответствующих планетам»[2], а Глашатай — о «шестнадцати геомантических фигурах»[3]. После этого Иерофант поздравляет новопосвященного Теоретика, присваивает ему титул «Poraios (или Poraia) de Rejectis», означающий «Тот (или та), кто приведен из среды отверженных», и вручает ему символ Руаха (то есть, по-еврейски, Воздуха).

Далее следует церемония Закрытия. «Поклонимся Владыке и Царю Воздуха!» — призывает Иерофант. Звучит молитва сильфам, после чего Храм степени Теоретика, 2°=9°, закрывают именем Шаддаи Эль Хаи[4].

В следующем месяце, феврале, P[erdurabo] прошел посвящение в следующую степень, 3°=8°.

---

1 См. «777», столбцы cxii, cxiii. — *Примеч. А. Кроули.*

2 См. «777», столбец xlix. — *Примеч. А. Кроули.*

3 См. «777», столбец xlix и примечание к нему. — *Примеч. А. Кроули.*

4 *Шаддаи Эль Хаи* (др.-евр. שדי אל חי — «Могучий Бог Живой») — Божественное имя сефиры Йесод.

Ритуал степени Практика, 3°=8°

Эта степень соответствует стихии Воды и планете Меркурий, а также тридцать первому и тридцатому путям — путям ש и ק. Она открывается Поклонением Царю Вод, за которым следует введение Теоретика в Храм. Прежде всего Теоретик показывает необходимые знаки[1], а затем, как и прежде, торжественно клянется хранить тайну церемонии. После этого его ведут на восток и помещают между Мистическими Столпами. Иерофант говорит ему:

«Перед тобой Врата тридцать первого, тридцать второго и двадцать девятого путей. Центральный из них, как тебе уже известно, ведет от степени Ревнителя, 1°=10°, к степени Теоретика, 2°=9°. Левый из них, ныне открывающийся перед тобой, — тридцать первый путь, ведущий от степени Ревнителя, 1°=10°, к степени Практика, 3°=8°. Возьми в правую руку Пирамиду Огня и следуй за своим Проводником, кабиром[2] Аксиокерсой[3], который проведет тебя по Пути Огня».

---

1 См. схему 26 на вклейке.

2 *Кабиры* — группа божеств фригийского происхождения, которым поклонялись в Малой Азии и Македонии, а также в Северной и Центральной Греции. Они были подателями плодородия и защитниками мореплавателей. Выделялось два мужских божества-кабира — Аксиокерс и его сын и прислужник Касмилл, и два женских — Аксиер и Аксиокерса. Нередко кабиров отождествляли с Великими Богами острова Самофракия, которым были посвящены знаменитые во всем античном мире Самофракийские мистерии. Наивысшего расцвета культ кабиров достиг в конце IV века до н.э. Сведений о нем и самих кабирах в действительности сохранилось не настолько мало, как утверждается в нижеследующем авторском примечании.

В ритуалах Золотой Зари Аксиокерс и Аксиер — божества мужского пола, Аксиокерса — их сестра, а Касмилл — их брат и соискатель, проходящий посвящение в мистерии и олицетворяющий Тайный Жар, сокровенный потенциал Огня. Аксиер — Создатель, Солнечный Огонь, Разум в творческом акте порождения; Аксиокерс — Разрушитель и Усовершенствователь, Вулканический Огонь, Разум в творческом акте формирования; Аксиокерса — Примирительница и Хранительница, Астральный Огонь, Духовная Душа. Используется реконструкция мифа, лежавшего в основе Самофракийских мистерий: первые три кабира нападают на Касмилла, убивают его, расчленяют тело и погребают у подножия Олимпа (на первом этапе мистерий Касмилл символически погибал от рук своих братьев, на второй — служители находили его останки, а на третьей соискатель воскресал обновленным).

3 Элементы Самофракийских мистерий привнесены сюда попросту для того, чтобы пустить пыль в глаза новичку. Мистерии эти были

Трое кабиров в этом ритуале символизируют треугольник огня. Так, Аксиер, первый кабир, утверждает: «Я — вершина Треугольника Огня. Я — Солнечный Огонь, изливающий лучи свои на нижний Мир. Я дарую Жизнь. Я порождаю Свет». Затем Аксиокерс, второй кабир, говорит: «Я — левый угол при основании Треугольника Огня. Я — огонь вулканов и недр, пламенеющий в Безднах Земли. Я — Огонь разрывающий, Огонь пронзающий, Огонь, раздирающий завесу Материи, Огонь скованный, Огонь, терзающий, бушующий и клубящийся в грозе и буре». И, наконец, Аксиокерса, третий кабир, провозглашает: «Я — правый угол при основании Треугольника Огня. Я — Огонь Астральный и Текучий, вьющийся и блистающий сквозь твердь. Я — Жизнь Сущих, живительный жар Бытия».

Затем Иерофант берет «объемный треугольник», то есть пирамиду-тетраэдр, и объясняет ее символический смысл:

«Сплошная Пирамида-Тетраэдр — это символ Огня. У нее четыре треугольные грани, из которых три видимы, а одна скрыта, но связывает остальные три в единое целое. Три видимых треугольника представляют три вида Огня — Солнечный, Вулканический и Астральный. Четвертый же символизирует Тайный Жар. Три слова — אוד, אוב и אור — обозначают три состояния Жара:

значительно низшего порядка, чем Элевсинские, и суть их гораздо менее ясна; даже в те времена никто не мог внятно объяснить, что представляют собой эти «кабиры». Подробнее об этих полумифических сущностях можно прочитать у Страбона, Диодора и Варрона. Дёллингер пишет: «На основании совместных свидетельств Страбона и Мнасея можно с уверенностью утверждать только одно: богов, посвящение от которых принимали здесь (в Самофракии), звали Аксиер, то есть Деметра, Акисокерс, то есть Аид, и Аксиокерса, то есть Персефона» (Döllinger. *The Gentile and the Jew*. Eng. edition, 1906, vol. i., pp. 172—186). — *Примеч. А. Кроули.*

Страбон — см.: «География», X, III, 19—20; *Диодор Сицилийский* — см.: «Историческая библиотека», IV, XLIII; *Варрон*, *Марк Теренций* — см.: «О латинском языке», V, X. *Дёллингер*, Иоганн Йозеф Игнац фон (1799—1890) — немецкий католический священник, историк церкви; здесь цитируется английский перевод (издание 1906 года) его трактата «Язычник и иудей в преддверии Храма Христова» (1857). *Мнасей* — автор схолий к поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика», которые и являются источником отождествления кабиров с божествами Элевсинских мистерий.

Од — активное, Об — пассивное[1], Ор — уравновешенное; сам же Огонь носит имя אש (Эш).

Тридцать первый путь "Сефер Йецира", соответствующий букве ש, именуется Вечнодвижущимся Разумом, ибо он управляет движением Солнца и Луны на подобающих им орбитах. А посему он является отражением сферы Огня. Этот Путь соединяет Материальную Вселенную, представленную сефирой Малкут, со Столпом Суровости и стороной Гебуры через сефиру Ход».

Затем Иерофант толкует Теоретику двадцатый аркан Таро. Это символ сил Огня. Ангел, увенчанный солнцем, — это Михаэль, повелитель Солнечного Огня. Змеи, обвивающие радугу, символизируют огненных серафим. Труба представляет влияние Духа, нисходящего от сефиры Бина, а знамя с крестом напоминает о четырех реках Рая. Михаэль — также Аксиер; левая из фигур, изображенных внизу, — Самаэль, повелитель Вулканического Огня, и он же — Аксиокерс; правая фигура — Аксиокерса. «Эти три основные фигуры образуют Треугольник Огня и, далее, символизируют Огонь, действующий через посредство трех остальных стихий — Земли, Воздуха и Воды». Центральная из нижних фигур — это Арель, повелитель Тайного Жара, соискатель в Самофракийских мистериях, восстающий из-под земли, дабы воспринять качества остальных трех фигур. «Три нижние фигуры в совокупности представляют еврейскую букву Шин, с которой тесно связана стихия Огня. Семь еврейских букв Йод символизируют семь нижних сефирот, действующих через посредство планет, а также имя Шемхамфораш».

Затем Иерей объясняет две схемы — «Десять сефирот в семи дворцах» и «Соответствия десяти сефирот

---

1 Отсюда «одическая» сила и «оби», или «обеа» — колдовство. — *Примеч. А. Кроули.*

Одическая (в действительности от др.-греч. ὁδός — «ход, путь») *сила* — термин, введенный немецким химиком Карлом фон Рейхенбахом (1788—1869) и в целом синонимичный понятию жизненной силы. *Оби*, или *обеа*, — религиозно-магическая система, распространенная на островах Вест-Индии и в включающая в себя различные формы колдовства, как благотворные, так и вредоносные.

четырем буквам Священного Имени». Гегемон также толкует две схемы — «Семь Небес мира Асия»[1] и «Десять вместилищ зла, или клипот»[2].

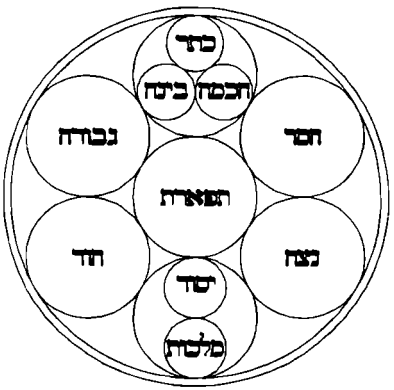

Схема 27
Десять сефирот в семи дворцах

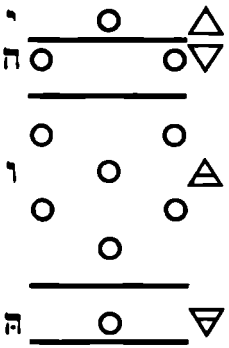

Схема 28
Соответствия десяти сефирот четырем буквам Тетраграмматона

Затем Иерофант присваивает Теоретику титул Владыки тридцать первого пути, и на этом первая часть церемонии 3°=8° завершается.

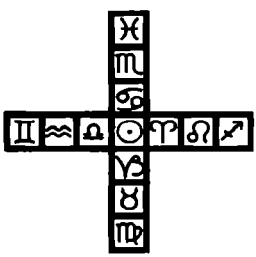

Схема 29
Солнечный Греческий Крест[3]

1 См. «777», столбцы xciii, xciv и xcv. — *Примеч. А. Кроули.*

2 См. «777», столбец viii. — *Примеч. А. Кроули.*

3 Этот символ толкуется в ритуале следующим образом: «Солнечный Греческий Крест состоит из тринадцати квадратов, которые символизируют движение Солнца через знаки зодиака. Знаки эти поровну распределены по четырем рукавам креста, соответствующим четырем стихиям, а Солнце помещено в центре и символизирует дневное светило как средоточие всего сущего».

Вторая часть представляет собой ритуал тридцатого пути. Иерофант поясняет символику Солнечного Греческого Креста, а затем говорит:[1]

«Тридцатый путь "Сефер Йецира", соответствующий букве Реш, именуется Сосредоточивающим Разумом. А назван он так потому, что астрологи с его помощью вычисляют приговоры звезд и небесных знаков, согласуя законы своей науки с их круговращениями. Посему этот путь есть отражение сферы Солнца. Он соединяет сефиру Йесод с сефирой Ход — Основание с Великолепием».

После этого он интерпретирует символику 19-го аркана Таро. У Солнца на этой карте двенадцать больших лучей, символизирующих двенадцать знаков зодиака. Знаки зодиака в своей совокупности подразделяются на 36 деканатов и на 72 полудеканата. Таким образом, Солнце объемлет своими лучами все творение[2]. Семь еврейских букв Йод символизируют нисходящую силу Солнца. «На переднем плане изображены двое детей. Один ребенок стоит ногами в Воде, другой — на Земле. Это символ обобщенного влияния двух этих стихий, пробужденных лучами Солнца. Вода и Земля — две низшие, пассивные стихии, а Солнце и воздушное пространство над ними соответствуют высшим, активным стихиям — Огню и Воздуху». Кроме того, эти двое детей соотносятся со знаком Близнецов (который греки и римляне связывали с образами Кастора и Поллукса), соединяющим земной знак Тельца с водным знаком Рака.

Затем Иерей показывает Теоретику схему «Астрологические символы планет»[3] и таблицу «подлинных

---

1 См. схему 30 на вклейке.

2 *Деканат* — участок зодиака протяженностью в 10°, полудеканат — 5°. Число 72 ассоциируется с именем Шемхамфораш и потому «объемлет... все творение».

3 См. «777», столбец clxxvii. — *Примеч. А. Кроули.*

В ритуале астрологические символы планет получают следующее объяснение: «Изображенные здесь астрологические символы планет составлены из трех простейших фигур: круга, полумесяца и креста, взятых по одиночке или в сочетаниях. Окружность обозначает Солнце и золото, полумесяц — Луну

соответствий арканов Таро буквам еврейского алфавита»[1]. После этого Гегемон подводит Теоретика к схеме «Олимпийских, или Воздушных, Духов Планет»[2] и показывает ему «геомантические фигуры с перечислением Разумов и Гениев, ими правящих, и с соответствующими им талисманическими символами»[3].

Иерофант присваивает Теоретику титул Владыки тридцатого пути, и тот ненадолго покидает Храм.

Чтобы снова войти в Храм, Теоретик предъявляет символ Приуготовителя — Чашу с очистительной водой. Иерофант встает и, стоя лицом к алтарю, обращается к Теоретику со следующими словами[4]:

«Перед тобой раскрывается символика Эдемского Сада. В верхней части этого рисунка — Три Высшие Сефирот. <...> И было в том саду Древо Жизни и Древо Познания Добра и Зла; последнее исходит от Малкут <...> И из Эдема (из трех Высших сефирот) вытекала река Наар, орошающая сад (остальные семь сефирот). В Даат она разделялась на четыре потока <...> Первый поток — Фисон, впадающий в Гебуру <...> Второй поток — Гихон <...> [река,] впадающая в Хесед. Третий поток — Хиддекель <...> [река,] впадающая в Тиферет. Четвертый же <...> — Евфрат, струящийся вниз, к Малкут». Эти четыре реки образуют Крест

и серебро; им соответствуют Красный и Белый цвета в алхимии. Крест — символ ржавления, а металл, покрывающийся ржавчиной, обычно приобретает цвет, дополнительный к его естественной окраске. Так, медь, в естественном виде красноватая, становится зеленой, когда покрывается патиной, и так далее. Единственная планета, в символе которой соединены все три эти исходные формы, — Меркурий. Символ Сатурна состоит из креста и полумесяца; здесь скрыто указание на то, что свинец снаружи подвержен ржавлению, а внутренне имеет лунную природу. Символ Юпитера противоположен сатурнианскому; Марс — солнечный снаружи, а Венера — изнутри, ибо Медь внешне имеет природу Золота, но внутренне подвержена ржавлению. Кроме того, название сферы Венеры — Нога [נוגה] — переводится как Внешнее Великолепие».

1 См. «777», столбец xiv. — *Примеч. А. Кроули.*

2 См. «777», столбец lxxx. — *Примеч. А. Кроули.*

3 См. «Учебник по геомантии», «Эквинокс», I, 2. — *Примеч. А. Кроули.* «Учебник по геомантии», опубликованный в указанном номере «Эквинокса», основан на лекции, которая вручалась посвященным степени $3^{\circ}=8^{\circ}$ после ритуала. Полный текст этой лекции представлен в издании: *Полная система магии Золотой Зари*, указ. соч.

4 См. схемы 31 и 32 на вклейке.

Великого Адама. В Малкут же пребывает Ева, Мать всего сущего и свершение бытия.

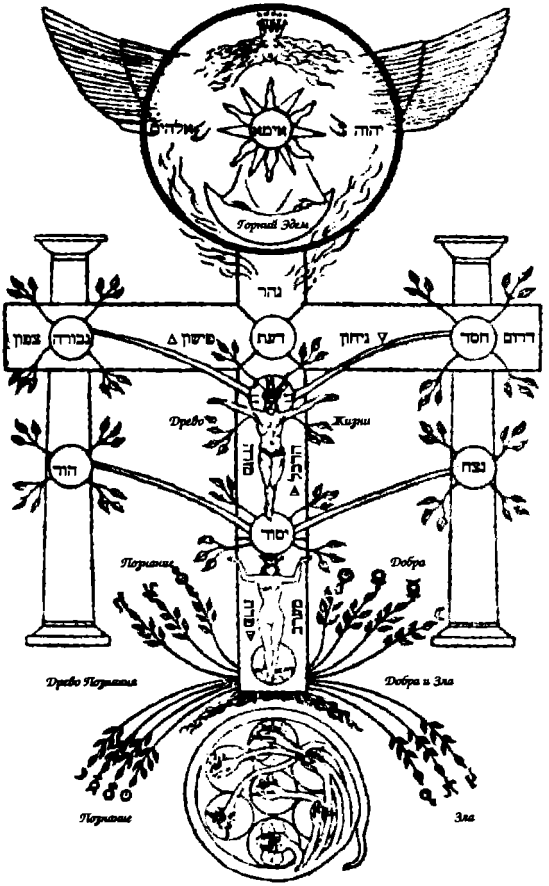

Схема 33.
Сад Эдема

Затем Иерофант сообщает Теоретику знак новой степени и толкует алтарный символ: «Крест над треугольником символизирует силу духа жизни, поднимающуюся над треугольником вод. Этот треугольник — знак Триединого, на которое указывают также

светильники по его углам. Чаша с водой, помещенная в точке соединения креста и треугольника, обозначает материнскую букву Мем».

Вслед за этим Теоретику показывают мистические печати и имена, полученные из Камеи Меркурия[1], а также схему семи планов Древа Жизни, соответствующих семи планетам, схему, иллюстрирующую значение символа алхимической Ртути, наложенного на Древо Жизни, и рисунок, на котором символ Меркурия представлен как совокупность астрологических символов всех планет.

Схема 34
Алхимическая Ртуть на Древе Жизни

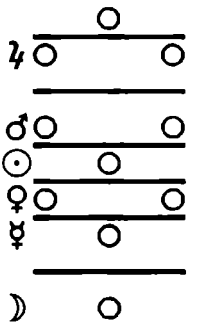

Схема 35
Семь планов Древа Жизни

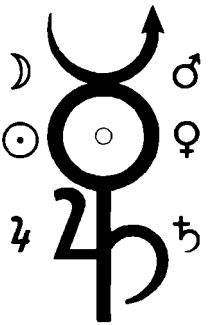

Схема 36
Символ Меркурия как совокупность астрологических символов планет

Затем Иерофант поздравляет новопосвященного Практика, присваивает ему мистический титул «Monokeros de Astris», означающий «Звездный Единорог», и вручает символ Майим — Воды.

После этого проводится Закрытие: служители возносят молитву Ундинам и во имя Элохим Цебаот[2] объявляют Храм закрытым.

В мае 1899 года, через три месяца после церемонии $3^\circ=8^\circ$, P[erdurabo] уже был готов к посвящению в следующую степень — $4^\circ=7^\circ$.

---

1 *Камея* — это магический квадрат. См. «Математические развлечения» У.У. Роуза Болла. — *Примеч. А. Кроули.*

2 *Элохим Цебаот* (др.-евр. אלהים צבאות — «Элохим (Боги) воинств») — Божественное имя сефиры Ход.

Ритуал степени Философа, 4°=7°

Первая часть

Этот ритуал соответствует стихии Огня, а также планете Венере и двадцать девятому, двадцать восьмому и двадцать седьмому путям Древа Жизни — путям Коф, Цадди и Пе[1].

Поклонение начинается с возгласа Иерофанта: «Тетраграмматон Цебаот[2]! Да будет благословенно Имя Твое, о Предводитель Воинств!» На это все отвечают: «Аминь!» Затем Иерофант повелевает всем присутствующим поклониться своему Создателю именем Элохим, могучим и властным, и именем Духов Огня. После этого именем Тетраграмматон Цебаот он объявляет Храм открытым.

За Поклонением следует ритуал продвижения по пути ק. Гегемон проводит Практика между Столпами и обходит с ним Храм. Когда они приближаются к Иерофанту, тот встает и, держа в руке красный светильник, провозглашает:

«Ужасно было то Безмолвие Несотворенного Мира; безмерна была глубина Бездны той. И восстали полуоформленные Лики Тьмы; но не дано им было утвердиться, и не устояли они; и в беспредельности Пустоты витал Дух и озаряли пространство Светоносцы.

"Тьма Тьмы", — сказал я; но разве Лики Тьмы не пали вместе с Царями? Вечны ли Сыны Ночи Времени? Не истек ли срок их?

Прежде всего сущего были Воды, и Тьма, и Врата в Страну Ночи.

И Хаос громко взывал о Единстве Формы, и явился Лик Вечного.

И Ночь отступила перед Сиянием Лика сего, и Тьма бежала прочь.

---

1 См. схему 37 на вклейке.

2 *Тетраграмматон Цебаот* (др.-евр. אלהים יהוה — «Яхве (Бог) воинств») — Божественное имя сефиры Нецах.

И Лик сей отражался в нижних Водах, в Бесформенной Бездне Пустоты.

И Очи Его метали лучи, блиставшие нестерпимым блеском; и скрещивались лучи с потоками, отражавшимися в зеркале Вод.

Чело и Очи Его образовали треугольник Безграничного Неба, а отражение их — треугольник Безграничных Вод.

И так возникла Вечная Гексада, Шестерица, число Зари Творения!»

Гегемон зажигает огни в Храме, после чего Иерофант разъясняет Практику символический смысл Креста Распятия, состоящего из двенадцати квадратов: «Крест Распятия, состоящий из двенадцати квадратов, — это символ зодиака, в коем заключены Воды Нут, как древние египтяне называли Небеса. Это те Воды, что над Твердью. Также этот Крест — символ Вечной Реки Эдема, разделенной на четыре потока, которые соответствуют четырем тригонам зодиака».

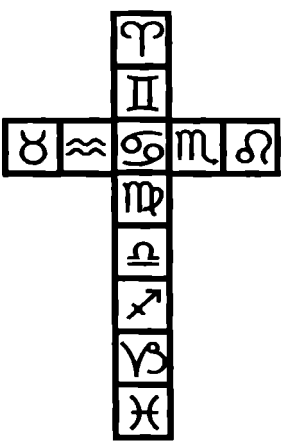

Схема 38
Крест Распятия из двенадцати квадратов

Затем он толкует символику 18-го аркана Таро. На этой карте изображена Луна в фазе приращения,

то есть связанная со стороной Гедулы[1]; у нее шестнадцать больших и шестнадцать малых лучей. С нее падают вниз четыре еврейские буквы Йод. Кроме того, на рисунке присутствуют две дозорные башни, две собаки и рак. «Это Луна под ногами Жены, облеченной в Солнце. Она правит качествами холода и влажности, а также двумя пассивными стихиями — Землей и Водой». Четыре буквы Йод символизируют четыре буквы Священного Имени. Собаки — это шакалы Анубиса, стражи врат Востока и Запада, символически представленных в виде двух башен. Рак — это знак Рака, он же скарабей, или бог Хепри[2], «олицетворение Солнца, скрывшегося за горизонтом с восходом растущей Луны».

После этого Иерофант подводит Практика к изображению Медного Змея и сообщает: «Это Змей Нехуштан[3], которого изготовил Моисей <...> Моисей поместил его на шест, то есть обвил вокруг Срединного столпа сефирот. <...> Этот Змей примиряет Огни Гебуры (серафим, огненных змеев), или Суровости, с Водами Хесед, или Милосердия. Также этот Змей — прообраз Христа-Примирителя[4]. И Змей этот изготовлен из меди — металла Венеры, сфера которой именуется «Нога» — Внешнее Великолепие <...> И, тем не менее, он же — Небесный Змей Мудрости. Однако Змей Искушения — это Змей на Древе Познания Добра и Зла, а не на Древе Жизни».

Затем Иерей показывает Практику «Каббалу Девяти палат» и таблицу соответствий карт Таро элементам

---

1 *Гедула* (др.-евр. גדולה — «величие») — другое название сефиры Хесед и обозначение Столпа Милосердия в целом. Серп растущей луны обращен выпуклой стороной вправо и потому в проекции на Древо Жизни располагается на Столпе Милосердия.

2 *Хепри* (др.-егип. «возникший») — древнеегипетский солнечный бог. Изображался в виде жука-скарабея, катящего перед собой шар — символ солнца. В Древнем Египте считался божеством восходящего, утреннего солнца, но в материалах Золотой Зари и в работах Кроули ассоциируется с «черным солнцем» полуночи, с переломной точкой, после которой погружение во тьму сменяется возвращением к свету.

3 *Нехуштан* — имя, данное медному змею Моисея в IV Цар. 18:4.

4 Ин. 3:14—15: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

Древа Жизни, а Гегемон знакомит его со схемой формирования гексаграммы, известной также под названием «Скрижаль трех Столпов», и объясняет, как пользоваться талисманическими формами, полученными из геомантических фигур[1].

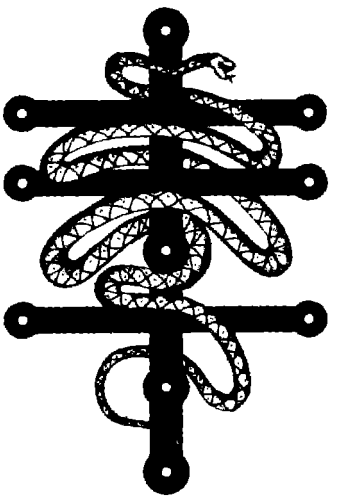

Схема 39
Медный Змей

ח ה ם 8	נ ש ל 3	ד ת מ 4
א ק י 1	ח ד נ 5	ם ץ צ 9
ו ם ס 6	ז ן ע 7	ב ר כ 2

Схема 40
Каббала Девяти палат

После этого Иерофант присваивает Практику титул Владыки двадцать девятого пути, на чем первая часть ритуала завершается.

1 См. схему 41 на вклейке.

Вторая часть

Вторая часть, прохождение пути ב, начинается с обращения Иерофанта к Практику: «Брат Monokeros de Astris! Ныне перед тобой открылся двадцать восьмой путь, ведущий от степени Теоретика, 2°=9°, к степени Философа, 4°=7°[1]. Возьми в правую руку Усеченную Пирамиду Стихий и следуй за своим проводником по этому Пути»[2].

Затем Иерофант, как прежде, поднимается с красным светильником в руке и восклицает: «Жрица в маске Исиды заговорила и молвила: "Я — дождь, ниспадающий с Небес на Землю, несущий в себе силу плодородия и роста. Я — подательница изобильного Урожая. Я — кормилица Жизни"».

[Иерей говорит]: «Жрица в маске Нефтиды заговорила и молвила: "Я — роса, ниспадающая с Небес на Землю незримо и беззвучно, усыпающая Землю бриллиантами без счета, увлекающая силы Небес на Землю под темным покровом Ночи"».

И, наконец, Гегемон провозглашает: «Жрица в маске Хатхор молвила: "Я — владычица туманов и облаков, облекающих Землю влажной ризою, парящих и витающих между Землей и Небом. Я — та, что укрывает Землю туманным покровом Осени; я — Преемница росной Ночи"».

После этого Иерофант разъясняет Практику символический смысл Усеченной Пирамиды. Эта пирамида соответствует четырем стихиям; на верхней грани ее помещается слово את (Эт), состоящее из первой и последней букв алфавита и означающее «сущность». Квадратное основание символизирует материальную вселенную.

Затем толкуется 17-й аркан Таро. На этой карте изображена Звезда с семью большими и четырнадцатью малыми лучами; общее число лу-

1 См. схему 42 на вклейке.

2 См. схему 43 на вклейке.

чей, 21, — это число Божественного имени Эхейе[1]. В египетской символике это Сириус, Песья звезда, звезда Исиды-Сотис[2]. Звезда окружена семью планетами. Обнаженная женщина в нижней части карты — Исида, Нефтида и Хатхор в одном лице. Это Айма, Бина и Тебуна[3], Великая Божественная Мать, Айма Элохим, изливающая на Землю Воды Творения. На этой карте она предстает без покровов, тогда как на 21-м аркане отчасти сокрыта. Два сосуда в ее руках заключают в себе влияния, исходящие от Хокмы и Бины. Справа возвышается Древо Жизни, слева — Древо Познания Добра и Зла, на ветвях которого сидят птицы Гермеса. Следовательно, этот аркан Таро символизирует обновленный Мир

Завершив это разъяснение, Иерофант показывает Практику способы записи Священного Имени в каждом из четырех миров[4], а также методы разбора еврейских слов по соответствиям из «Сефер Йецира». Затем Иерей демонстрирует ему геометрические фигуры, оставшиеся прежде без рассмотрения (декаграмму, эндекаграмму, додекаграмму и некоторые другие) и рассказывает о возможных способах начертания этих фигур. Далее Гегемон сообщает ему, что в «Сефер Йецира» десятерица чисел подразделяется на четверицу и шестерицу, и объясняет, как располагаются геомантические фигуры на Древе Жизни на основе их соответствий планетам[5].

---

1 *Эхейе* (др.-евр. אהיה) — часть библейского выражения *Эхейе Ашер Эхейе*, אהיה אשר אהיה («Я есмь сущий»; букв. «Я есмь Тот, кто есть»). Источник этого выражения — Исх. 3:13—14: «И сказал Моисей Богу: вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: Бог отцов ваших послал меня к вам. А они скажут мне: как Ему имя? Что мне сказать им? Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам». В системе Божественных имен сефирот имя Эхейе соответствует сефире Кетер; по гематрии Алеф (1) + Хе (5) + Йод (10) + Хе (5) = 21.

2 *Сотис* — в древнеегипетской мифологии богиня — олицетворение Сириуса, ярчайшей звезды ночного неба, связанной с разливами Нила и плодородием. Песья звезда — название Сириуса как альфы созвездия Большого Пса.

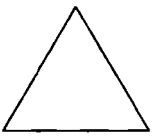
3 *Тебуна* (др.-евр. תבונה) — «Понимание», синоним слова «Бина».

4 См. «777», столбцы lxiii, lxiv, lxv, lxvi. — *Примеч. А. Кроули.*

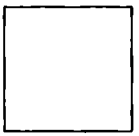
5 См. «777», столбец xlix и примечание к нему, а также «Учебник по геомантии». — *Примеч. А. Кроули.*

На этом вторая часть ритуала подходит к концу; в завершение Иерофант дарует Практику титул Владыки двадцать восьмого пути.

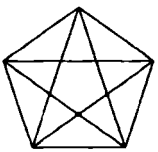
Геометрические фигуры

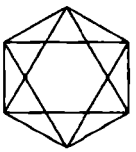
Треугольник

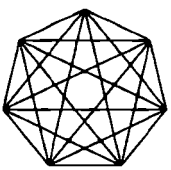
Квадрат

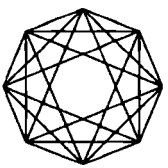
Пятиугольник
(пентагон и
пентаграмма)

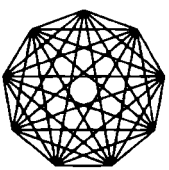
Шестиугольник
(гексагон и
гексаграмма)

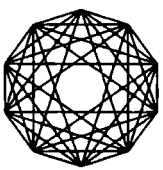
Семиугольник
(гептагон и
гептаграмма)

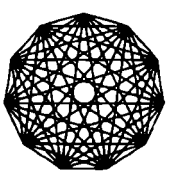
Восьмиугольник
(октагон и
октаграмма)

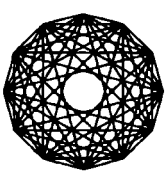
Девятиугольник
(эннеагон и
эннеаграмма)

Десятиугольник
(декагон и
декаграмма)

Одиннадцатиугольник
(эндекагон и
эндекаграмма)

Двенадцатиугольник
(додекагон и
додекаграмма)

Третья часть

Открывая третью часть ритуала, Иерофант говорит: «Брат Monokeros de Astris! Ныне перед тобой открывается двадцать седьмой путь, ведущий от степени Практика, 3°=8°, к степени Философа, 4°=7°[1]. Возьми в правую руку Крест Распятия, состоящий из 10 квадратов, и следуй за своим проводником по пути Марса».

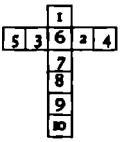

Схема 45
Крест Распятия из десяти квадратов

Затем Иерофант разъясняет символику этой эмблемы: «Крест Распятия, состоящий из десяти квадратов, соответствует десяти сефирот в уравновешенном состоянии, перед которыми отступили безвидность и пустота. Он также представляет собой развертку двойного куба — формы Жертвенника Курений».

Далее толкуется символика 16-го аркана Таро: на нем изображена Башня, разрушаемая молнией, которая исходит из круга с лучами и оканчивается треугольником. Это Вавилонская башня. Очертания молнии в точности воспроизводят астрономический символ Марса. Эта молния — Сила Триады, устремляющаяся сверху вниз и разрушающая Столп Тьмы. Люди, падающие с башни, — образ падения царей Едома. «Справа от башни виден Свет и образ Древа Жизни в виде десяти кругов. Слева от башни — Тьма и одиннадцать кругов, символизирующих Клипот».

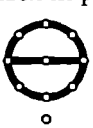

Схема 46
Символ Соли на Древе Жизни

Схема 47
Символ Серы на Древе Жизни

1 См. схему 44 на вклейке.

Затем Практику показывают алхимические символы Серы и Соли в проекции на Древо Жизни. После этого Иерей объясняет символику Троицы, действующей через посредство сефирот[1], а Гегемон — символику семи дворцов из «Сефер Йецира», заключающих в себе десять сефирот[2], а также показывает схему клипот[3] с их двенадцатью князьями, начальствующими над злом двенадцати месяцев года. Затем Иерофант присваивает Практику титул Владыки двадцать седьмого пути, и на этом третья часть ритуала завершается.

Четвертая часть

Практик возвращается в Храм для вступления в степень Философа. В качестве эмблемы допуска он предъявляет Крест Распятия, состоящий из шести квадратов и заключенный в круг[4]. Иерофант сообщает ему:

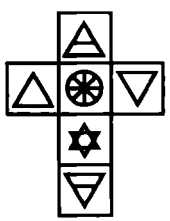

Схема 50
Крест Распятия из шести квадратов

1 Кроме того, Иерей показывает схематическое изображение «истукана» из Книги пророка Даниила, 2:32—33 и поясняет, что это — «истукан Навуходоносора, чья голова была из золота, грудь и руки — из серебра, чрево и бедра — медные, голени — железные, стопы же — частью железные, частью глиняные. В руках его отображены качества Жара и Влажности». См. схему 48 на вклейке.

2 См. «777», столбец хс. — *Примеч. А. Кроули.*

К этой схеме в ритуале дается следующее пояснение: «Это Семь Дворцов из "Сефер Йецира", содержащие 10 сефирот. В каждом Дворце также помещены шесть букв из 42-буквенного Божественного Имени. Имя это составлено из первых 42 букв Истории Творения (начиная с Бет — первой буквы слова "боху"), посредством различных перестановок, подробно описанных в "Сефер Пардес"». *Боху* (др.-евр.) — «пустота» (из Быт. 1:2); *«Сефер Пардес»*, точнее «Сефер ха-Пардес» («Книга Сада») — каббалистический трактат, приписываемый Раши (рабби Шломо бен Ицхаку, 1040—1105).

3 См. «777», столбец viii. — *Примеч. А. Кроули.*

4 См. схемы 49 и 52 на вклейке.

«Этот Крест, как ты видишь, заключает в себе Тиферет, Нецах, Ход и Йесод и покоится на Малкут. Кроме того, Крест Распятия, состоящий из шести квадратов, является разверткой куба, а, следовательно, символизирует шесть сефирот Микропрозопа: Хесед, Гебуру, Тиферет, Нецах, Ход и Йесод».

Затем он разъясняет символику схемы, изображающей Грехопадение:

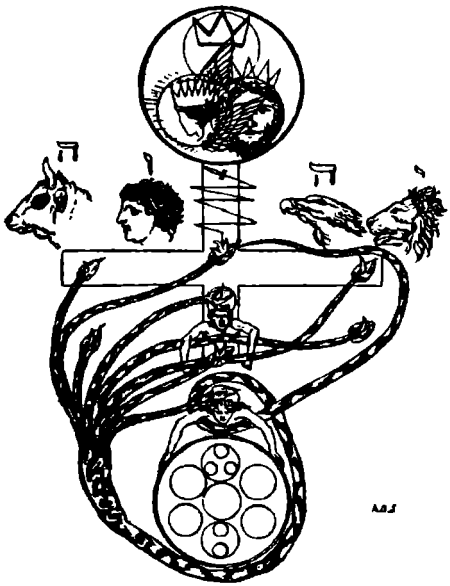

Схема 51
Грехопадение[1]

«Великая Богиня, которая на степени 3°=8° поддерживала Столпы сефирот, восседая в позе Знака Теоретика (т.е. в позе Атланта, поддерживающего мир на своего плечах), соблазнилась плодами Древа Познания <...> и пала в область клипот. Столпы остались без опоры, и весь строй сефирот разрушился. Вместе с ним

1 Подпись «AOS» на рисунке — инициалы Остина Османа Спэра (1886—1956), английского художника и оккультиста, познакомившегося с Кроули в 1907 году и некоторое время состоявшего в А∴А∴.

пал и Адам — Микропрозоп. Тогда поднялся Великий Дракон о семи головах и десяти рогах <... >, обвил кольцами своего тела сефиру Малкут, отрезал ее от остальных сефирот и соединил с Царством Оболочек. А семь нижних сефирот отделились от трех верхних в области Даат, у ног Айма Элохим. И на головах Дракона — имена и венцы восьми царей Едомских, а на рогах его — имена одиннадцати Старейшин Едомских. И поскольку Великий Змей Зла дотянулся до Даат, то в этой области появилась новая сефира, из-за чего преисподних, извращенных сефирот оказалось не десять, а одиннадцать, по числу старейшин Едомских. <... > из пасти Дракона в Даат извергнись Воды Преисподние. И Дракон этот — Левиафан <... >. ...поставил Тетраграмматон Элохим буквы Имени и Пламенный Меч, дабы верхняя часть Древа Жизни не увлеклась в падение Адама».

Затем Иерофант объясняет символику других элементов храмового убранства и провозглашает: «Поздравляю тебя с достижением степени Философа, 4°=7°, и в знак твоего вступления в эту степень присваиваю тебе мистический титул "Pharos Illuminans", что означает "Светозарный маяк". Также вручаю тебе символ ✡ (Эш). Это еврейское название Огня».

Достигнув этой степени, новопосвященный Философ получает титул «Почтенный Брат» и с этих пор может занимать пост Иерея.

Затем проводится Закрытие Храма: совершается поклонение Царю Огня, звучит молитва Саламандрам, и Храм степени 4°=7° закрывают именем Тетраграмматон Цебаот.

Всего за семь месяцев из простого соискателя таинств P[erdurabo] превратился в Философа Герметического ордена Золотой Зари. Ему и впрямь удалось вырвать Свет из клыков Тьмы; и серебряным оком тот воссиял над темным ликом вод. Хаос — багровый, смутный, необъятный — начинал обретать форму. P[erdurabo] прошел ритуалы Земли, Воздуха, Воды и Огня, и теперь для перехода из Первого ордена во Второй ему оставалось выдержать только одно испытание — Ритуал

Врат, объединяющий четыре ритуала стихий под эгидой пятого элемента, Духа.

Этот ритуал заслуживает особого внимания как связующее звено между первыми двумя орденами. Представляем его здесь в сокращенном виде.

Ритуал 24-го, 25-го и 26-го путей, ведущих из Первого, или Внешнего, ордена G∴D∴ к степени 5°=6°

Служители: Достопочтенный Иерофант-Посвятитель, Достопочтенный Адепт-Помощник[1].

Прежде всего Иерофант-Посвятитель просит присутствующих Братьев и Сестер помочь ему открыть Врата Усыпальницы Адепта. Братья и Сестры совершают знаки различных степеней, от 0°=0° до 4°=7°.

Затем Иерофант-Посвятитель обращается к Адепту-Помощнику: «Достопочтенный Адепт! Каков дополнительный мистический титул, присваиваемый Философу в знак связи со Вторым орденом?»

Адепт-Помощник: Фрат.

Иерофант-Посвятитель: Что он означает?

Адепт-Помощник: Четвертую реку Эдема.

Иерофант-Посвятитель: Какой Знак надлежит совершить?

Адепт-Помощник: Знак Разрывания Завесы (*совершает Знак*).

Иерофант-Посвятитель: Какой Знак надлежит совершить в ответ?

Адепт-Помощник: Знак Смыкания Завесы (*совершает Знак*)[2].

Иерофант-Посвятитель: Какое Слово надлежит добавить?

---

1 В Ритуале Врат, представленном в «Полной системе магии Золотой Зари» (указ. соч.), участвуют пятеро служителей: Верховный Адепт, двое Адептов-Помощников, Иерей и Гегемон. Кроме этого, имеется и ряд других отличий в ходе самого ритуала.

2 Указанные Знаки см. в «Liber O». — *Примеч. А. Кроули.*

См.: Алистер Кроули. *Магия в теории и на практике*. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 593.

Адепт-Помощник: Пе. פ.

Иерофант-Посвятитель: Реш. ר.

Адепт-Помощник: Каф. כ.

Иерофант-Посвятитель: Тав. ת.

Адепт-Помощник: Целое слово — Парокет, פרכת, Завеса Скинии.

Иерофант-Посвятитель объявляет, что этим словом и во имя его Врата Усыпальницы Адепта ныне открыты.

Церемония

По велению Иерофанта-Посвятителя Адепт-Помощник проводит Соискателя на запад и помещает его между Знаменем и Черным Столпом, перед Скрижалями Стихий, но лицом на запад. Затем он представляет Соискателя Иерофанту-Посвятителю[1].

Затем Иерофант-Посвятитель обращается к Философу и сообщает ему, что знания, которые он обрел на предыдущих степенях, были доверены ему для испытания его надежности. Далее он говорит: «Ныне же я прошу тебя: прежде чем ты поднимешься на следующую ступень нашего Ордена, возложи руку на эту Центральную Скрижаль, окруженную Скрижалями четырех стихий, и принеси клятву».

Философ клянется ни при каких обстоятельствах не раскрывать тайн этого ритуала; никогда не использовать свои практические познания в оккультизме во зло; пользоваться своим влиянием лишь к вящей славе Господней; не возбуждать раздоров и чтить Вождей Ордена. В завершение клятвы он произносит: «Клянусь блюсти Завесу между Первым и Вторым орденами; и да будут силы стихий свидетелями моей клятвы».

Затем Адепт-Помощник объясняет Философу символику эмблемы допуска (она же — отличительный знак Иерея в Храме Первого ордена), а Иерофант-Посвятитель толкует символический смысл Ламена Иерофанта и Знамени Востока. Теперь Философу знакомы все эмблемы служителей в Храме Первого ордена.

1 См. схему 53 на вклейке.

Затем ему объясняют схему путей Древа, после чего Иерофант-Посвятитель говорит:

«Перед тобой на востоке — пять Врат. Это Врата 21-го, 24-го, 25-го, 26-го и 23-го Путей. Они предвосхищают собою число Вечного Символа Пентаграммы, поскольку числовые значения букв каждого из этих путей делятся на 5 без остатка. Это правило относится к числовым значениям всех пути от ט, 20-го, до ת, 32-го, включительно, а также к сумме их числовых значений.

Взгляни на арканы Таро, соответствующие этим пяти путям. Четыре из них, "Колесо Фортуны", "Смерть", "Дьявол" и "Повешенный", зловещи и ужасны, и только символ "Умеренности" обещает помощь. А посему, следуя путем ס, прямым и тесным, да летит Философ к цели, словно стрела, выпущенная из сердцевины קשת (Кешет), Лука Завета! И поскольку знак Стрельца располагается между знаками Скорпиона ("Смерти") и Козерога ("Дьявола"), то Иисус должен был пройти через пустыню и выстоять против искушений Сатаны.

Однако Стрелец-Лучник — двутелесный знак: это Кентавр, получеловек-полуконь. Вспомни, что было сказано тебе при прохождении 31-го пути, пути Огня, ведущего к степени Практика, 3°=8°: "...следом предстанет тебе как виденье Конь огнеблещущий; узришь Дитя, оседлавшее крепко спину того скакуна, облаченное в пламя иль злато, или нагое, быть может, из лука разящее Светом, стоя верхом на плечах жеребца, что несется по небу; если же дольше продлится твое созерцанье святое, все эти символы в Образе Льва обретут единенье"[1]. Ибо, пройдя путь ס, ты устремишься еще выше, через шестую сефиру на путь ם, соответствующий Льву, путь, примиряющий Милосердие с Суровостью, Хесед — с Гебурой, под точкой объединения которых сияет Солнце-Тиферет.

Достопочтенный Адепт-Помощник! Не разъяснишь ли ты Философу смысл 13-го аркана Таро?»

1 См. предисловие [стр. 35]. — *Примеч. А. Кроули.*

Адепт-Помощник говорит:

«На этой карте, 13-й карте Таро, изображен Скелет. Пять оконечностей тела — голова, две руки и две ноги — указывают на силы числа пять, буквы ה и пентаграммы, то есть на сокровенный Дух Жизни и четыре стихии, на принцип порождения всего живого. Знак Скорпиона ассоциируется со стоячей зловонной водой — тем аспектом качества влажности, который кладет начало гниению и распаду. Вечные превращения жизни в смерть и смерти в жизнь символизирует трава, которая вырастает из разлагающихся тел и питается ими. Рукоять косы образует тау-крест — символ жизни, указывающий на то, что разрушение — это еще и обновление.

Скорпион, Змей и Орел, помещавшиеся перед фигурой Смерти на старинных изображениях этого аркана, указывают на смешанный и преобразующий, а, следовательно, обманчивый характер данной карты.

Скорпион — это эмблема безжалостного разрушения. Змея имеет смешанную и обманчивую природу, она может служить как добру, так и злу. Орел же обладает возвышенной, божественной природой: это алхимический Орел Дистилляции, Обновитель жизни. Сказано: «Обновляется, подобно орлу, юность твоя»[1]. Итак, сей Аркан, внушающий ужас, поистине велик и заключает в себе множество тайн!»

Разъяснив символ Тифона[2], Адепт-Помощник переходит к 15-му аркану Таро:

---

1 Пс. 102:5.

2 Имеется в виду следующая реплика: «На этом рисунке изображен Тифон-Разрушитель. Одиннадцать кругов символизируют одиннадцать Извращенных Сефирот. Одна нога Тифона покоится на земле, вторая погружена в океанские воды; голова его теряется в облаках; и вся эта исполинская фигура — образ зла и разрушения. Лоб Тифона соотносится со смешением противоборствующих стихийных сил в высших слоях Воздуха, а в человеке — с помутнением рассудка и безумием. Его глаза — всепожирающие огни насилия и похоти; его дыхание — буря, опустошительная и яростная, как во Вселенной-макрокосме, так и в Человеке-микрокосме. Руки его — проворные вершители злодеяний, сеятели мора и болезней. Его сердце — злоба и зависть в человеке, а в атмосфере — пища зла, которую также символизируют здесь извивающиеся змеи».

«На этой карте, 15-й карте Таро, изображен сатироподобный демон с головой козла, стоящий на кубическом алтаре. Левой рукой он указывает вниз и держит зажженный факел; правая рука поднята, и в ней Дьявол держит рог, наполненный водой.

Кубический алтарь символизирует Вселенную. Все изображение в целом символизирует грубые производительные силы природы на материальном плане и аналогично греческому Пану и египетскому Козлу Мендеса[1].

В руках Дьявол держит факел и рог — символы Огня и Воды; его поросшее шерстью звероподобное тело связано со стихией Земли, а крылья летучей мыши — со стихией Воздуха. Эту фигуру можно было бы счесть символом Зла, когда бы не Пентаграмма Света у нее над головой, контролирующая и направляющая все ее движения».

Далее объясняется смысл образа Пана[2], после чего Иерофант-Посвятитель показывает Философу 14-й аркан Таро.

В старинном варианте на этой карте изображалась женщина, увенчанная короной с пятью лучами — символом пяти начал природы: Сокровенного Духа и четырех стихий (Земли, Воздуха, Огня и Воды). Над ее головой — ореол Света. На груди ее сияет Солнце Тиферет. Корона с пятью лучами символизирует также пять сефирот: Кетер, Хокму, Бину, Хесед и Гебуру. К поясу женщины прикованы цепью лев и орел; между ними — большой котел, от которого клубами валит пар. Лев олицетворяет Огонь Нецах (Кровь Льва), а Орел —

1 *Козел Мендеса* — египетский бог Амон, которому поклонялись в городе Мендес. В действительности изображался с головой барана, а не козла.

2 «На этом рисунке изображен Пан — греческий бог Природы. Он стоит на кубе — символе Вселенной. В правой руке он держит пастушеский посох — символ власти над природой, а в левой — свирель из семи тростинок, которая олицетворяет гармонию семи планетных сфер. Девять окружностей — это образы сефирот (всех, за исключением Кетер). Румяное лицо Пана — символ земного тепла; его рога — Лучи Света; его тело содержит в себе все четыре стихии; а куб, на котором он стоит, — прочная опора для них. Обрати внимание на то, что верхняя часть фигуры этого божества — человеческая, но по мере приближения к земле тело его приобретает животные черты».

Воду Ход (Клейковину Орла[1]). Эти две стихии достигают примирения в Воздухе Йесод: Воздух соединяется с Водой, испаряющейся из котла под действием Огня. Цепи, привязывающие Льва и Орла к поясу женщины, символизируют пути ל и נ, о чем свидетельствуют изображенные на заднем плане скорпион и козел. В правой руке женщина держит факел — символ солнечного Огня, возносящего ввысь и обращающего в пар Воду в Ход посредством огненного влияния Гебуры. Левой рукой женщина льет из сосуда Воды Хесед, которые умеряют и смягчают Огни Нецах.

Завершив это разъяснение, Адепт-Помощник вкладывает в правую руку Философа красный светильник с алтаря, а в левую — чашу с водой и говорит:

«Напомню тебе еще раз, что путь к истинному тайнознанию и магической власти ведет лишь через примирение противоположностей. Подлинным могуществом обладает только Добро; Истина всегда торжествует. Зло — это не что иное, как слабость: сила злой магии покоится лишь на соперничестве неуравновешенных энергий, которые в конце концов уничтожат предавшегося им. Сказано: "Не снизойди в этот мир, ослепляющий темным сияньем, — в бездну за краем земли, где седмица ступеней уводит в мрачные недра, к престолу погибельной силы. Не снизойди в этот мир, ослепляющий темным сияньем. Не оскверни лучезарное пламя свое одеяньями праха земного. Не снизойди в этот мир, ибо лживо его сиянье: там обитают одни порожденья Злосчастных"[2].»

Затем светильник и чашу возвращают на алтарь, после чего Философу толкуют смысл следующих символов: истукана из видения Навуходоносора; символа Великой Герметической Тайны; Скрижали Единения, окруженной

1 Алхимические термины, обозначения компонентов алхимического процесса, символизирующие соответственно мужское и женское начало, или Солнце и Луну.

2 «Халдейские оракулы», § 145.

Скрижалями четырех стихий; таблицы символических латинских имен; семи дворцов мира Брия и керубим из видений Исаии, Иезекииля и Святого Иоанна.

Схема 54
Символические латинские имена

Затем Иерофант-Посвятитель поздравляет Философа с успешно пройденным испытанием и провозглашает его Владыкой 24-го, 25-го и 26-го путей, ведущих ко Вратам Усыпальницы Адепта.

Далее следует Закрытие Врат. Иерофант-Посвятитель провозглашает: «Словом Парокет я объявляю, что Врата, ведущие в Усыпальницу Адепта, закрыты, как подобает. Твои, о Тетраграмматон, Малкут, Гебура и Гедула[1] во веки веков. Аминь».

Так заканчивается Ритуал Врат, ведущих в Усыпальницу Адепта, — ритуал, связывающий степень Философа со степенью Младшего Адепта и Первый орден — со Вторым. Но прежде, чем мы завершим эту главу, необходимо хотя бы вкратце описать то воздействие, которое эти шесть ритуалов и вся совокупность связанных с ними оккультных знаний оказали на P[erdurabo] и, как мы вправе надеяться, могут оказать также и на других искателей сокровенной Истины.

1 Т.е., «Твои, о Боже, Царство, и Сила, и Слава...».

Даже от не самого внимательного читателя, ознакомившегося с этими ритуалами лишь поверхностно, не укроется то обстоятельство, что они, с одной стороны, содержат немало признаков учености и эрудиции, равно как и множество подлинно глубоких истин, но с другой — полны неуместного, претенциозного и глупого педантства, вследствие чего прозрачная простота уступает место нарочитым неясностям. Паломник, только вступающий на путь посвящения и, как правило, еще невежественный, внезапно попадает в толчею древних богов и героев, несущихся на него с шумом и воплями безо всякого смысла и лада.

Очутившись, образно выражаясь, в Зале Суда, законы которого ему не просто неизвестны, но и записаны совершенно незнакомыми письменами, он подвергается перекрестному допросу на каком-то непонятном языке, после чего ему выносят приговор в неких загадочных словах, лишенных для него даже тени смысла. Казалось бы, по мере продвижения по степеням эти затруднения должны постепенно разрешаться; но ничего подобного! Как мы уже видели, с каждой следующей ступенью ритуалы лишь усложняются. Сначала в церемониях появляются древнеегипетские божества, о которых соискатель, по всей вероятности, не имеет ни малейшего понятия; затем храм наводняют всевозможные древнееврейские, христианские, македонские и фригийские боги, ангелы и демоны, а с ними — великое множество символов, почерпнутых из самых разнородных источников. Все это ошеломляет соискателя настолько, что по выходе из храма пройденный ритуал может показаться ему каким-то грандиозным розыгрышем, карнавалом шутников, нарядившихся богами, бессмысленным спектаклем, способным вызвать у здравомыслящего человека только смех. Или же, оказавшись для него совершенно непостижимым и безмерно превосходя его собственный уровень образования, действо это заставит соискателя острее ощутить свое невежество и склониться в благоговении перед теми, кто владеет языком столь возвышенным, что даже отдельные слова и буквы оного недоступны его разумению.

В обоих случаях результат, естественно, будет один: посвящения не произойдет. В первом случае — потому, что непонятый ритуал станет предметом для смеха, во втором же — собственно, потому, что он останется непонятым, хотя и вызовет благоговение. Вместо того, чтобы преподать соискателю

алфавит, показав простые буквы, эти ритуалы обрушивают на него гротескную и невероятную мешанину каких-то иероглифов; вместо того, чтобы вручить новорожденному адепту тряпичную куклу для игр, они ошеломляют его зловещими угрозами и предостережениями о всевозможных бедах и, сорвав с крыши своего храма горгулью, бросают ее перед этим несчастным младенцем на пол, по которому он еще только учится ползать. Как показывает опыт, это влечет за собой последствия поистине катастрофические и плачевные.

Всему свое время и свое место; и если в одних обстоятельствах выставлять свои знания напоказ хорошо и полезно, то в других — совершенно неправильно. Когда ребенок изучает простые правила сложения, вычитания, умножения и деления, мы имеем полное право задавать ему простые задачки на эти арифметические действия; но до тех пор, пока он не усвоит, что один плюс один равно два, ставить перед ним вопрос: «Если двадцать четыре селедки стоят один шиллинг, а одной селедкой можно накормить двоих детей, то сколько детей можно накормить на два с половиной пенса?» — будет сущей тратой времени. И если этот ребенок вырастет, так и не научившись складывать один и один, то вполне вероятно, что человек, способный решить задачу о селедках, до конца дней будет казаться ему серьезным математиком, а то и «настоящим оккультистом». И, напротив, если он поймет суть простейших операций, то решить эту огромную, неподъемную проблему с селедками для него окажется в итоге не намного труднее, чем сложить один и один или два и два.

Бахвалиться своими познаниями и громоздить горы символов перед человеком невежественным имеет смысл лишь тогда, когда мы хотим ошарашить его яркими образами, а не научить чему-то по-настоящему. В нашей ситуации искателя Истины именуют Сыном Земли и Тьмы; но вместо того, чтобы показать ему прекрасные ризы света, которыми он когда-нибудь удостоится облечься, его швыряют на груду тряпья — дешевой карнавальной мишуры, погребальных пелен, истлевших тог и старого белья обитателей Олимпа и Синая. И если ему не достанет ясности ума, чтобы пробиться сквозь всю эту напускную таинственность, то вся церемония неизбежно произведет на него впечатление театральной игры, от начала и до конца

основанной на условностях и не имеющей ничего общего с реалиями нашего сознания. Он будет цепляться за слова; он не сможет понять, что в египетской системе Тифон занимает такое же необходимое место, как и Осирис, а в христианской Сатана — всего лишь брат-близнец Христа. Вместо того, чтобы освободить его дух, эти ритуалы обернутся для него новыми оковами, не только укрепив старую иллюзию двойственности, но и породив новые бесчисленные заблуждения; и в результате мы получим, с большой вероятностью, отнюдь не адепта, беседующего лицом к лицу с Адонаи, а ограниченного и самодовольного педанта, читающего в Альберт-холле публичные лекции о рациональной подоплеке иррационального.

К счастью, P[erdurabo] избег этой участи; как человек образованный и уже обладавший к тому времени обширным запасом знаний он менее многих других был склонен разевать рот от изумления при виде всех этих древнеегипетских фейерверков; и даже напротив, они помогли ему значительно пополнить каталог разрозненных терминов, пригодившихся затем для большого словаря магического языка, который он как раз в то время усердно старался составить.

В действительности же созданию подобного словаря или языка должны служить все ритуалы; они должны шаг за шагом подводить соискателя все ближе к цели его странствий, то есть помогать ему совершенствоваться во владении этим языком, на котором он надеется в один прекрасный день заговорить свободно. Каждый ритуал, будь то всего лишь буква, слово, фраза или целая книга, написанная на этом магическом языке, должен содержать в себе внятный и верный урок; он должен оставлять по себе столь яркую и сверкающую картину, что одно воспоминание о ней будет тотчас же вызывать к жизни всю мощь, облеченную в его простые, но лучезарные символы.

Ритуал 0°=0° гораздо лучше удовлетворяет этому требованию, чем последующие четыре церемонии. Когда соискателя, будущего Неофита, подводят ко вратам первой степени — степени Неофита, — ему на краткий миг предстает сияющее видение Адонаи, подобно вспышке ослепительного пламени, вырвавшегося из глубин темноты. Оно говорит о том, что и в этой ужасной ночи, среди которой бредет соискатель, тоже есть свет: хотя Адонаи пребывает в Кетер, но Кетер, в свою очередь,

сокрыта в Малкут. Однако ритуалы, следующие за 0°=0° (за исключением Ритуала Врат, состоящего не столько из обрядов и церемоний, сколько из символов с их толкованиями), скорее подавляют, чем просвещают соискателя. Разумеется, можно возразить, что они должны составить четыре великих испытания для соискателя, а получить в провожатые обманщика вместо человека честного — и впрямь великое испытание. Но в таком случае куда лучше было бы предоставить Неофиту, Ревнителю, Теоретику или Практику идти одному, безо всякой помощи; и, к тому же, не стоило бы сбивать его с толку лживыми посулами лишь для того, чтобы чудесным образом избавить от необходимости проходить испытание, когда он, наконец, безнадежно запутается. Ритуал посвящения — это не волшебная сказка, герой и героиня которой, претерпев самые невообразимые тяготы и невзгоды, в конце концов неизменно спасаются, сочетаются браком и с тех пор живут долго и счастливо. Чтобы по-настоящему испытать силы пловца, лучше отправить его в плавание без пробкового жилета. Несомненно, заставить его прыгнуть в воду с мельничным жерновом на шее — испытание еще более суровое, но все же это будет не по-джентльменски, даже если в последнюю секунду вы его вытащите из воды и сделаете ему искусственное дыхание. И, кроме того, подобным образом вы не научите его плавать и не поможете ему достичь мастерства в этом виде спорта.

В ритуале 1°=10° Неофит вступает в первую из стихийных сфер — сферу стихии Земли, в которой он рискует стать легкой добычей для ужасных мирских наваждений пути ת. По этому мрачному пути он восходит вверх — и вступает в сферу ветреной и ненадежной стихии Воздуха, отмеченную знаком переменчивой Луны. Следующий шаг приведет его в столь же неустойчивую обитель Воды и под власть неуравновешенных, на первый взгляд, меркурианских сил. Но если он пройдет пути ש и ק с должным усердием и умом, то поймет, почему на степень стихии Воды необходимо подниматься по путям Огня и Солнца, — точно так же, как на следующем шаге осознáет, почему пути צ и ט, то есть Рыб и Водолея, приводят его к Огню Нецах, а не к Воде сефиры Ход.

Путь, соединяющий друг с другом Ход и Нецах, — 27-й путь по «Сефер Йецира», соответствующий букве ב. Это

отражение сферы Марса и самый нижний из горизонтальных путей. Из арканов Таро ему чрезвычайно уместным образом соответствует 16-й, «Башня»; на этой карте, как мы видели в ритуале 4°=7°, изображается башня, сокрушаемая молнией, — образ Вавилонской башни, пораженной гневом Небес, а также символ влияний Высшей триады, нисходящих по Древу и разрушающих столп тьмы. Это свет Адонаи, пробивающийся сквозь завесы и истребляющий стихийные ритуалы степеней 1°=10°, 2°=9°, 3°=8° и 4°=7°.

Есть основания опасаться, что многие соискатели так никогда и не осознают, почему необходимо уничтожить поверхностные знания и смирить Быка, Орла, Человека и Льва сияющим кнутом Духа. И несмотря на то, что эти ритуалы помогли P[erdurabo] овладеть неким символическим языком, во многих отношениях они затруднили его естественное развитие. Из-за них его Нефеш подпала под влияние клипот, ибо страсти и чувства его пришли в волнение при виде всех этих нагих богов, шествующих непрерывной вереницей перед его глазами; из-за них его Руах оказался во власти призраков мертвых слов, ибо во всякой вещи он стал отделять кожуру от плода; и, наконец, Нешама его покорилась Тетраграмматону[1]; иными словами, P[erdurabo] устремился, в первую очередь, к тому, чтобы овладеть магическими способностями, причем не для того, чтобы они освещали ему путь, подобно пламени лампады, но для того, чтобы они пожрали, как огонь на алтаре, его подношения и жертвы, предназначенные некоему личному Божеству.

Таким образом, мы словно бы видим его стоящим перед пентаграммой и восклицающим: «Без верхнего угла она несовершенна!» Это, вне всякого сомнения, верно; однако в то время он еще не понимал, что, как только силы Высшей триады нисходят на верхний угол пентаграммы, эта ее точка становится важнейшей из всех, а остальные четыре теряют прежнее значение и превращаются всего лишь в опоры — ноги и руки тела, на голове которого отныне покоится *Венец*.

---

1 *Нефеш* — «животная душа», низшая часть души, вместилище страстей и эмоций; *Руах* — разум, сознательная часть души; *Нешама* — высшая часть души, интуиция и Божественное понимание. Подробнее см.: Халдейские оракулы. / Алистер Кроули. *Восемь лекций по йоге*. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 125—129.

Если паломник постигнет, что четыре добродетели Сфинкса[1], четыре стихии, четыре буквы Имени находят разрешение лишь в пятом элементе, то можно утверждать, что ритуал исполнил свое предназначение, то есть доподлинно посвятил соискателя; в противном случае его следует признать неудачным. Совершенно бесполезно (даже если вы — сам Иерофант) пытаться выступать в роли יהוה, не осознав сначала, какой смысл заключает в себе יהשוה[2].

Подлинные знания, которыми P[erdurabo] овладел к тому времени, были приобретены, как мы увидим в следующей главе, не столько благодаря этим ритуалам, сколько благодаря работе под руководством Братьев C.S., V.N. и I.A.[3]; и в своей жажде просвещения он был столь пылок и рьян, что, призвав на помощь Меркурия[4], раздобыл и переписал ритуалы и лекции степени 5°=6°, принадлежавшие Брату F.L.[5], и при этом сказал себе так: «Ничего не пожалею ради Знания! Ни самой жизни, ни чести своей — ничего!»

Духовидец

Неудивительно, что древо магической работы, которую P[erdurabo] столь напряженно вел на протяжении последних семи месяцев, вскоре пробудилось к жизни и покрылось цветами красоты необычайной и дивной. А именно, уже в первых числах ноября 1899 года у него начались удивительные видения, не менее причудливые и сложные, чем многие из тех, которые лицезрели в свое время Блейк или святой Франциск.

---

1 Отсылка к знаменитому утверждению из «Учения и ритуала высшей магии» Элифаса Леви: «ЗНАТЬ, ЖЕЛАТЬ, ДЕРЗАТЬ, ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ — таковы четыре слова Мага, начертанные на четырех символических формах Сфинкса» (т.е. на образах четырех керубим, священных животных из библейской Книги пророка Иезекииля).

2 «Иешуа», Пентаграмматон, пятибуквенное Божественное Имя, образованное посредством помещения буквы Шин (символа Духа) в середину Тетраграмматона, буквы которого символизируют четыре стихии.

3 См. примеч. 1 на стр. 141.

4 Меркурий — не только бог наук, но и покровитель воров.

5 *F.L.* — не аббревиатура орденского девиза, а инициалы мирского имени Фредерика Ли Гарднера (1857—1930), который владел большим собранием оккультных документов и, среди прочего, принимал участие в разработке ритуалов G∴D∴.

Но прежде, чем перейти к описанию этих видений, необходимо пояснить, что под видением вообще мы подразумеваем психологическое состояние, столь же определенное, и факт, столь же истинный и непреложный для духовного зрения, сколь определенным и непреложным для зрения физического является, к примеру, созерцаемый им пейзаж. Поэтому, когда нам случается заявить, что «он увидел ангела», мы имеем в виду столь же подлинный факт, как если бы утверждали, что «он увидел гору» или «он увидел корову». Однако из этого не следует, что мы убеждены, будто ангелы или, если уж на то пошло, коровы существуют сами по себе, независимо от нас. Может быть, они и впрямь существуют, а может, и нет. Мы же хотим сказать только то, что и ангелы, с одной стороны, и горы или коровы — с другой, суть идеи, равные между собой по значимости в тех сферах, к которым они соответственно относятся, то есть первые — в астральной, а вторые — в материальной; что каждой из этих идей отведено свое законное место в бытии, чем бы ни являлось это последнее; что все переживания — нормальные или аномальные, не дотягивающие до нормы или, напротив, далеко ее превосходящие, толкуемые как иллюзии или признаваемые за достоверный факт, — совершенно равноценны друг другу до тех пор, пока обусловлены Временем; и что сон по природе своей столь же реален, как и явь, хотя и относится к другому плану бытия, свойства и условия которого могут быть описаны и измерены только при помощи методов экспериментальной науки.

Наука развивается путем накопления и объединения фактов, из последующего обобщения которых рождается та или иная теория — в случае, если факты эти получат всеобщее признание как некая данность. К примеру, я могу принимать как данность, что, подбросив мяч, я вовсе не обязательно его поймаю. Но если, предположим, я никогда в жизни не подбрасывал мячей, а затем вдруг попробовал подбросить — и поймал, и так неизменно повторялось снова и снова, то, скорее всего, где-нибудь на девятьсотдевяностодевятимиллионом броске я приду к выводу, что подброшенный мяч удается поймать всегда, и заявлю, что это — закон природы[1]. И, тем не менее, если я остановлюсь на этом за-

1 «Почему более чем вероятно, что все люди должны умереть, что свинец не может сам собой висеть в воздухе, что огонь истребляет дерево и заливается водой? Только потому, что эти явления согласуются с законами приро-

ключении, не отдавая себе отчета в том, что в любой момент мне, быть может, придется пересмотреть выведенный мною закон, я выкажу себя тупоголовым догматиком, а отнюдь не прозорливым мужем науки, неизменно готовым смотреть на вещи под новым углом и реформировать отжившие свой век теории[1].

До рождения Коперника все полагали, что Солнце вращается вокруг Земли; это было признанным фактом — быть может, самым непреложным из всех, которые принимал когда-либо на веру человеческий ум; но затем пришел вышеупомянутый просвещенный мудрец и показал, что этот так называемый факт — обычное заблуждение, детская ошибка, бессмысленная оптическая иллюзия. И такая же участь уготована всей псевдонаучной догматике.

Для ребенка, никогда не видевшего обезьяны, обезьяна лежит за пределами сферы его познаний; но после того, как он однажды увидит ее, со стороны других детей глупо будет утверждать: «Ничего подобного, на самом деле никакой обезьяны ты не видел! Обезьян не существует! Мы знаем это наверняка, потому что сами никогда их не видели!» К этому, как нетрудно заметить, сводится старый, как мир, «решающий аргумент» вольнодумцев[2]: «Бога нет, потому что *у нас* нет опыта восприятия Бога»[3]...

ды и требуется нарушение этих законов или, другими словами, чудо для того, чтобы их предотвратить» (Юм, iv, стр. 133).

«Но если умерший человек оживет, это будет чудом, ибо такое явление не наблюдалось никогда, ни в одну эпоху и ни в одной стране» (Юм, iv, стр. 134). — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Цитаты из главы X «Исследования о человеческом разумении» (1748) британского философа-эмпирика Дэвида Юма (1711—1776); рус. пер. С. Церетели.

1 «Если бы кусок свинца оставался висеть в воздухе сам по себе, это действительно было бы "чудом", то есть явлением удивительным; однако человек, сведущий в методах науки, ни на миг не допустит, что это явление нарушает законы природы. Он попросту примется исследовать условия, повлекшие за собой столь маловероятный феномен, и в результате расширит сферу своего опыта и уточнит свои представления о законах природы, оказавшиеся, по свидетельству этого опыта, слишком узкими» (Гекели, трактат о Юме, стр. 155).

«Допустим, некий философ заявил, что лучше пойдет против всех единодушных свидетельств, чем поверит в то, что умерший воскрес; но эти слова были опрометчивы, ибо сама его вера в невозможность воскресения основана на всеобщих свидетельствах. А если случай воскрешения подтвердится, что тогда? Что мы должны будем отвергнуть — свидетельства или здравый смысл? Сама постановка вопроса абсурдна. Мы должны будем сделать вывод, что попросту ошибались, считая, будто воскрешение невозможно» (Элифас Леви, *«Учение высшей магии»*, стр. 121, 158; см. также стр. 192).

Также см.: Дж.Ф.Ч. Фуллер, *«Звезда на Западе»*, стр. 273—278. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Не путать со свободомыслящими людьми! — *Примеч. Дж. Фуллера.*

3 Другое дело, если бы они заявили: «*Для нас* Бога не существует, потому что у нас нет опыта Его восприятия». Это было бы совершенно справедливо,

«Южного полюса не существует, потому что нам не довелось потоптаться вокруг него как следует и вырезать на нем перочинным ножичком свои имена!»

Но что такое знание?

Есть нечто (скажем, что оно *существует*).

Что же существует?

— Существую я, — отвечает Идеалист. — Я, и только я один!

— Ничего подобного! — восклицает Материалист. — Ты, конечно, существуешь, но не ты один! Я тоже существую — ведь я же с тобой говорю!

— Дурак! — огрызается Идеалист. — Ты что, не понимаешь, что ты со своим дурацким аргументом — всего лишь часть меня?

— Но не станешь же ты утверждать, — возражает Материалист, — что не существует вселенной, Эволюции Человека или, на худой конец, этого вот Джуда Мак-Кочана[1]!

— Допустим, все это существует, — вздыхает Идеалист, — но точно так же существуют и отражения обезьяньих гримас в зеркале. Да, конечно, они существуют — но только в зависимости от моего собственного сознания.

— Однако мир слепца, — вмешивается Мистик, — совершенно непохож на мир человека глухого, а оба они, в свою очередь, многим отличаются от мира, в котором живет физически полноценный человек. Точно так же и животные, чьи органы чувств отличаются от наших, обитают в мире, совершенно не похожем на наш. Дать глаза слепому червю — все равно, что наделить нас неким шестым чувством. Поэтому мир во всем зависит от состояния наших чувств; он изменяется сообразно их развитию и угасанию; и сколь же разительно должен отличаться мир человека, вышедшего из тюрьмы своих чувств, от вселенной того, кто все еще остается в стенах этой темницы! Если можно представить себе ребенка, родившегося слепым (в племени слепцов), но под старость лет прозревшего и вступившего тем самым в новый мир, то почему нельзя вообразить человека, обладающего нормально развитыми органами чувств, но внезапно обретшего еще одно чувство или вышедшего в некое

если бы такого опыта у них действительно не было. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

1 *Джуд Мак-Кочан* (Judas McCabbage) — шуточный пример конкретного «обычного человека», встречающийся в некоторых философских работах Кроули того периода.

иное измерение[1]? И если бы слепец, насладившись зрением несколько минут, затем неожиданно утратил его снова, ему составило бы немало труда объяснить своим слепым собратьям, что́ он видел; прежде всего, никто бы ему поверил; да и выразить чудеса страны зрячих на языке страны слепцов оказалось бы настолько сложно, что он, скорее всего, предпочел бы молчание всем попыткам тщетных разъяснений. Именно так обычно и происходит с истинными адептами; а тех, кто все же пытается объясниться, чернь объявляет сумасшедшими.

— Итак, — продолжает Мистик, — вы оба несете чушь, каждый со своей колокольни. Ибо в Материальном Мире полнотой существования обладает Материя, в Мире Чувств — Чувства, а в Мире Духовном — Дух. Но из того, что в Мире Чувств корова или ангел существуют для нас только в качестве идей, вовсе не следует, что корова не может существовать в Материальном Мире в качестве говядины, а ангел — в Мире Духовном в качестве некоего духа.

— А мне, — перебивает Скептик, — внушают сомнение все три ваши позиции. Ведь вы все рассуждаете в категориях некой цепи событий — неважно, материальной, чувственной или духовной; а, значит, подразумеваете, что все эти ваши три мира подчинены Причинно-Следственным Связям. Но что, если мы исключим из рассмотрения Материю, Чувство и Дух? Мы тотчас лишимся Пространства и Времени — этих братьев-близнецов, гипотеза о существовании которых выводится именно из понятий Материи, Чувства и Духа, которые мы только что отправили на покой.

— А не кажется ли вам, — выходит на сцену последователь Научного Иллюминизма, — что неплохо бы проснуться и заняться делом, вместо того чтобы тратить свою жизнь на сны? Вас четверо — так, может быть, вам стоит обратить внимание на тех четырех керубим, о которых говорил Иезекииль?

Истина в том, что, каким бы именем вы ни называли иллюзии этой жизни — зовите их хоть веществом, хоть идеями, хоть галлюцинациями, — все это совершенно неважно, ибо вы все равно

---

1 «...то, что понятно и может быть ясно представлено, не заключает в себе противоречия, и ложность такого суждения никогда не может быть доказана при помощи каких бы то ни было демонстративных аргументов или отвлеченных априорных рассуждений» (Юм, iv, стр. 44). — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Цитаты из главы IV «Исследования о человеческом разумении» Дэвида Юма; рус. пер. С. Церетели.

находитесь в них, а они — в вас. Важно лишь то, что вам необходимо выбраться из них и выдворить их из себя, и чем меньше вы будете спорить и рассуждать об именах, тем лучше, поскольку все подобные споры лишь усугубляют путаницу и ведут к напрасной трате времени и сил.

Поэтому давайте просто назовем вселенную совокупностью существующих явлений и на этом остановимся, потому что до тех пор, пока мы с нею работаем, не имеет ни малейшего значения, что именно мы подразумеваем под каждым из слов этого определения. Итак, и Наука, и Магия, и ангелы, и коровы, и пейзажи за окном, и духовные видения — все это суть части упомянутой совокупности; и разница между ними — не больше, чем между поэтом и торговцем сыром или между слепцом и зрячим. Чем зорче глаз, тем более совершенно зрение физическое; чем яснее духовный взор, тем более совершенны видения. У ястреба глаза острее, чем у совы; и точно так же поэт зорче торговца сыром, ибо в зрелом стилтоне первый видит красоту, а второй — только возможность выручить по два шиллинга шесть пенсов за фунт.

Истинное видение так же относится к обычной яви, как явь — к сновиденью; а идеальное ясное и четко организованное видение представляет собою Реальность настолько близкую к совершенству, что облечь его в слова невозможно; хотя не следует забывать, что по возвращении духовидца на материальный план оно теряет свою истинность.

Таким образом, единственный судья своих видений — сам Духовидец, ибо они принадлежат тому миру, в котором он — самодержавный Царь, и пытаться пересказать их обитателю другого мира — все равно что говорить с испанцем по-голландски. Следовательно, наша задача — создать, если это возможно, некий всеобщий язык. Именно в этой работе и помогли P[erdurabo] ритуалы Золотой Зари и изучение каббалы; итак, когда мы говорим о квадратуре круга, слепящей тьме, безмолвных голосах и т.д., и т.п., все, кто изучил алфавит хоть какого-нибудь из магических языков, легко поймут нас, а остальным стоило бы этим заняться, если они желают и далее читать нашу книгу не без пользы и освоить тот новый магический язык и учение, которые в ней предлагаются.

Зрение адепта настолько вернее обычного зрения, что, однажды достигнув его, усомниться в его истинности впредь

невозможно, ибо оно преображает всю жизнь. Блейк скорее усомнился бы в существовании своей жены, матери или своем собственном, нежели в существовании Уризена, Лоса или Лувы[1].

Сновидения реальны, равно как и галлюцинации, горячечный бред и безумие; но все это, по большей части, реальности клипотические, неустойчивые, неуравновешенные и опасные.

Видения также реальны, равно как и вдохновение, откровение и гений; и они исходят от Кетер; перед тем, кто взберется на мистическую гору выше всех, откроется самый лучший вид, а с вершины этой горы взору предстанет всё сущее.

Ребенка, который еще только учится играть на скрипке, никто не примет за Сарасате или Паганини[2], ибо в извлекаемых им звуках будут явственно слышны ошибки и разлад. Так и здесь, в видениях P[erdurabo] мы поначалу видим хаос на хаосе, много борьбы и шума, рев бурных вод в ночной тьме; но затем сквозь все это смятение проступает мелодия, которая растворяется в безмолвии, порождающем, наконец, мистические книги V.V.V.V.V.[3]

Пройдем же по его стопам в поисках Камня Философов, сокрытого в недрах Горы Абиегнус[4]!

В записях сохранилось восемнадцать видений[5] за период с начала ноября до конца декабря 1898 года, но поскольку привести их все за недостатком места мы не можем, было отобрано только шесть самых интересных. Все записи велись личным шифром Брата P[erdurabo], а потому нам пришлось полностью переписать их и по мере необходимости доработать.

---

1 Персонажи видений Уильяма Блейка: *Уризен* — олицетворение рассудка и закона, зодчий вселенной; *Лос* — его противоположность, «вечный пророк» и властитель воображения; *Лува* — олицетворение любви, страсти и мятежной энергии.

2 *Сарасате*, Пабло де (1844—1908) — испанский скрипач и композитор. Так же, как и Никколо *Паганини* (1782—1840), проявил исключительные музыкальные способности в очень раннем возрасте.

3 *V.V.V.V.V.* — аббревиатура от «Vi Veri Vniversum Vivus Vici» (лат. «Силой Истины я победил Вселенную еще при жизни»), магического девиза Кроули на степени Мастера Храма, 8°=3°. Подробнее о получении Священных книг Телемы, исходивших от V.V.V.V.V. как одного из планов личности Кроули, см. том II, стр. 343 и далее.

4 *Абиегнус* — в учении розенкрейцеров: мистическая гора, расположенная в центре Вселенной. В недрах этой горы символически помещается «Усыпальница Адепта» — Христиана Розенкрейца. Эти образы лежат в основе ритуала Младшего Адепта, 5°=6° (см. стр. 318 и далее).

5 Многие из них были получены совместно с Братом C.S. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

№5. «После пылкой молитвы я был вознесен над начертанным мною кругом[1] и стал подниматься сквозь плотный, густой туман. Вскоре, однако, воздух стал чище и немного времени спустя я очутился посреди красивого ясного неба.

Глядя вверх, в эту голубую бездну, я увидел, как прямо надо мною в небе проступает большой круг; а затем, стоило лишь отвести взгляд от его середины, как на меня внезапно ринулся из этого круга с немыслимой скоростью образ некоего пастыря. Трепеща и не зная, что сказать, я проговорил дрожащим голосом: "Почему ты так спешишь?" На что последовал ответ: "Надо торопиться!" И тут мой взор покрыла глубокая мгла, и ужас скверны объял меня, и все растворилось в сумраке и окуталось непроницаемой тьмой. А затем из тьмы этой выступил человек, облаченный в синее, с кожею цвета сапфира, и вокруг него сиял фосфорический свет, а в руке его был меч.

Видя, что он приближается, я пал перед ним и взмолился быть мне проводником, на что он без лишних слов согласился.

Повернув налево, я увидел неподалеку каменную дверь и тут впервые осознал, что сам я облачен в свои белые ризы[2]. Пройдя в эту дверь, я оказался на склоне высокой скалы, уходившей подо мною вниз, в глубочайшие бездны; внезапно нога моя сорвалась со скользкого камня, я покачнулся и уже наверняка полетел бы стремглав в эту бесконечную пропасть, когда бы тот пастырь не поймал меня и не удержал на месте.

После того мне были даны крылья, и, воспарив с этого огромного каменистого утеса, подобно птице морской, я помчался вперед сквозь недвижный воздух и преисполнился великой радости.

Но полет мой длился недолго: вскоре я различил вдали перед собою холм, поднимавшийся уступами и поросший серебристым мхом. На вершине его возвышался круглый храм из блистающего серебра, с куполом, увенчанным полумесяцем. И по некоей причине, неведомой мне, вид этого полумесяца поверг меня в такой трепет, что я не дерзнул приблизиться; но провожатый мой, который по-прежнему оставался со мною, увидел, что я объят великим страхом, и утешил меня, призывая набраться храбрости, так что я осмелел и наконец вошел вместе

1 Перед началом работы чертился круг, как во многих операциях призывания, и духовидец становился в центре круга. — *Примеч. А. Кроули.*

2 Облачение Неофита в ритуале ○°=○° G∴D∴. — *Примеч. А. Кроули.*

с ним в этот храм. В самой середине храма восседала перед нами некая жена, и лицо ее сияло блеском тысячи лун; и при виде ее страх мой рассеялся. Я приступил к ней и с почтением преклонил колени у ее ног.

И когда я преклонился перед нею так, она вручила мне ветви оливы и мирта, кои я прижал к сердцу моему; и тотчас великий столп дыма поднялся предо мною от земли и унес ее прочь через купол.

Мало-помалу этот могучий столп делался все прозрачней и стал источать струи дыма, что устремлялись ко мне и обвивали меня, как спирали. Я отступил назад, где остался стоять мой провожатый. Но он двинулся вперед, подав мне знак следовать за ним, и вместе мы вошли в этот великий столп и нас вознесло сквозь сияющий купол храма.

Мы поднимались все выше и выше, пронзая слои облаков и чистого воздуха, мимо звезд, оставляя внизу мириады пылающих искр, пока, наконец, не достигли огромного синего моря, на волнах которого покоилась серебряная ладья, подобная белому лебедю. И, не замедлив полета, мы устремились к этой ладье и, сойдя на нее, погрузились в глубокий сон.

Пробудившись, увидели мы, что ладья принесла нас к прекрасному острову, на котором стоял огромный храм, сложенный из серебряных плит, квадратный по форме и обнесенный могучей колоннадой. Перед ним стоял алтарь, на котором лежала как подношение некая ветвь.

Увидав тот алтарь, я подступил, и взошел на него, и принес себя в жертву на нем; и кровь, что была моей жизнью, потекла из груди моей, и окрасила грубый камень, и белый песок жадно впитал ее своими иссохшими губами... Когда же поднялся я с алтаря, то увидел, что стою один на плоской крыше этого квадратного храма, а те, что были со мною, пастырь и мой провожатый, исчезли; я остался совсем один... один...

И пока я стоял там, восток стал как аметист в объятиях сарда, и могучий трепет волненья пронзил все мое существо; и на глазах моих сард стал как лань; а когда я взглянул еще раз, восток задрожал: великий лев дня поднялся над горизонтом и, схватив эту лань, стал терзать ее своими сверкающими зубами, доколе кудрявые облака надо мною не обратились в баранье руно, покрытое каплями крови.

И трепет восторга объял меня снова и снова; и подкосились ноги мои, и я пал на колени на этой храмовой кровле. И тотчас я ощутил, как надо мною восходят другие солнца: одно — на севере, одно — на юге и одно — на западе. И то, что на севере, было как великий бык, извергающий кровь и пламя из ноздрей своих; то, что на юге, — словно орел, рвущий клювом нутро нубийского раба; а то, что на западе, — как человек, поглощающий океан.

И пока я смотрел, как восходят вокруг меня эти светила, оттуда, где я стоял, незаметно успело подняться снизу пятое солнце, и было оно как великое колесо круговращающихся молний. И, взирая на Чудо, что пламенело у ног моих, я приобщился сиянью его и стал как блистающее злато; и великие крылья огня снизошли на меня, и объяли меня, и вырос я до тридцати локтей в высоту или еще того более.

А после то солнце, на котором стоял я, поднялось над прочими четырьмя, а я сей же миг оказался лицом к лицу с неким старцем с белоснежною бородою; лик его сиял милосердием. И, глядя на него, я вдруг почувствовал желание протянуть руку и коснуться его бороды, и желание это становилось все сильнее, как вдруг послышался голос: "Дотронься, тебе дозволено".

И вот я протянул руку мою и робко коснулся сей достопочтенной бороды. Старец же наклонился ко мне и запечатлел поцелуй на челе моем. И так сладок был тот поцелуй, что я хотел продлить его; но время мое истекло, ибо другие четыре солнца поднялись на одну высоту с моим собственным.

И, увидев это, я расправил свои крылья и ринулся вниз, сквозь бесконечные пелены ослепительно блиставшего серебра. Когда же я открыл глаза, все вокруг утопало в густом тумане; и на том я вернулся обратно в тело свое».

По окончании этого видения была вознесена благодарственная молитва.

№7. Это духовное путешествие P[erdurabo] предпринял в поисках сил, способных поддержать его кузена, который в то время находился в трудном положении. Как и видение №5, оно началось с молитвы и начертания круга, в середину которого встал Духовидец.

«Пока я молился, мною овладела сонливость; я заметил, что раскачиваюсь взад-вперед. Но вскоре я уже снова твердо стоял на ногах, а затем начал быстро подниматься вверх. Воспаряя

все выше и выше, я увидел над собою большой круг; я пролетел его насквозь и обнаружил за ним еще один, больше прежнего. Приблизившись к нему, я увидел, что навстречу мне движется ангел; итак, я вошел в этот круг и преклонил колени.

Видя, что я склонился перед ним, ангел подступил ближе и, взяв меня за руку, поднял и поцеловал. После этого приветствия он спросил, чего я ищу; и я сказал ему. Когда я закончил свою речь, он взял меня за правую руку и полетел со мною наискось вверх от того места. Пока он нес меня, я посмотрел вниз и пожалел, что пришлось покинуть тот круг, который уже превратился в малую точку далеко подо мною. Стоило об этом подумать, как под ногами у меня возник мраморный пол, из которого бил прямо в небеса огромный столп огня. Глядя на него в изумлении, я почувствовал, что вокруг меня — множество людей, которые поклонялись этому столпу, хотя из-за яркости его блеска я никого не видел. Но вот мои глаза мало-помалу привыкли к свету, и я понял, что этот огненный столп — не что иное, как правая нога некоего колосса.

И великий трепет объял меня при виде того исполина; а затем я пришел в смятенье, ибо увидел, что на мне — красные ризы вместо белых, в которые я был облачен сначала. Но пока я дивился этой перемене, ангел сказал мне: "Они дарованы тебе", — и тогда я вновь преклонил колени, и наполнила меня великая сила.

И, чувствуя, как вливается в меня эта великая сила, я поднялся, и ангел вручил мне белый жезл, вложив его в правую руку мою; и оросил меня огненный дождь, и каждая капля его, коснувшись меня, распадалась искрами пламени.

Я становился все выше и выше ростом; я тянулся вверх, к лицу исполина. И вот, наконец, я выпорхнул белой птицей из собственного темени — так велико было мое стремление, что я вырвался из своего черепа, как срывается стрела с натянутой тетивы. Я взмыл в небеса — так высоко, что пришлось опуститься ниже; и вот я стал виться вокруг головы колосса и целовать его в губы. Но сколько я ни летал вокруг этой огромной головы, лицо колосса оставалось укрыто туманом и виделось мне как гора сквозь пелену метели. И все же я различил, что великан сей похож на бритоголового ассирийца, и на быка, и на сокола, и на египтянина, и на меня самого.

Опьяненный восторгом, я вновь устремился к губам его и влетел в огромный приоткрытый рот.

Выше! Выше! Я поднимаюсь вверх... и вот я — в зале с двумя квадратными колоннами и сияющим оком... Я купаюсь в свете этого ока и в нестерпимом блеске всей этой залы... этот блеск поглощает меня...

И вновь я расту и становлюсь все больше... Я заполняю собою всю залу... Я вырываюсь наружу сквозь темя этой могучей головы, и еще раз целую колосса в губы, а после спускаюсь вниз и воссоединяюсь с маленькой красной фигуркой, оставшейся у его ног.

Я снова делаюсь выше, и мой белый жезл превращается в жезл живого огня. И тут я чувствую, что ангел меня оставил, а на меня снова льется огненный дождь.

На этом я покинул храм и отправился обратно. В воздухе меня окружили какие-то темные формы, и я приказал им лететь вкруг меня кольцом. Так я спустился вниз, окруженный стаей орлов, и, спустившись, вознес молитву и воссоединился со своим телом.

Тело мое необычайно укрепилось; я чувствовал, как меня наполняют мощь и сиянье. Я вознес благодарственную молитву».

№10. «Квинс-холл[1]. Во время анданте бетховенской Симфонии до мажор (№5) я облекся белым астральным телом и заполнил собою весь зал. Затем я обратился к Богу и мною овладело страстное желание возносить Ему молитвы и хвалы. В конце концов я усилием воли сосредоточился, уменьшился и вернулся в свое тело».

№14. «Я начертил круг и исполнил "Малый ритуал изгнания"[2], но проделал его плохо, пропустив одну важную часть.

Поначалу мне представилось, что на западе разгорается сияние, а восток, наоборот, потемнел. Размышляя об этом в недоумении, я сам не заметил, как оказался на какой-то грязной улице и увидел неподалеку маленького ребенка, сидящего на крыльце убогой нищенской лачуги.

Я направился к этому дому. Ребенок, увидев меня, поднялся на ноги и поманил меня за собой. Я толкнул дверь — та открылась; ребенок указал мне на прогнившую деревянную лестницу,

---

1 «Квинс-холл» — лондонский концертный зал, в котором исполняли классическую музыку.

2 См. «Liber O». — *Примеч. А. Кроули.*
Имеется в виду Малый ритуал изгоняющей пентаграммы; см.: Кроули, *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 576—582.

ведущую на второй этаж. Поднявшись по ступенькам, я оказался в комнате, похожей на кабинет ученого.

Там я увидел маленького старичка. Разглядеть его лицо как следует я не мог — ставни были закрыты.

Он спросил, зачем я пришел.

Я ответил, что хочу расспросить его кое о каких формулах.

Старик раскрыл книгу, лежавшую на столе перед ним, и показал мне один сигил. После того, как я внимательно рассмотрел этот знак, старик объяснил, как его изготовить, и в завершение сообщил мне, что с его помощью призывают "тварей земных".

Я бросил на него недоверчивый взгляд. Тогда старик коснулся сигила — и тотчас же изо всех щелей и отверстий в полу хлынули полчища крыс и прочих гадов.

Схема 55
Сигил из книги

Затем старик повел меня по лестнице еще выше, и мы оказались в чердачной комнате (насколько можно было судить при тусклом свете).

В западном конце комнаты лежала на спине обнаженная женщина. Обернувшись, я потребовал у моего проводника-Адепта подтверждающих знаков, и он тотчас же совершил знаки 0°=0° и 1°=10°, но знака 2°=9° не показал[1].

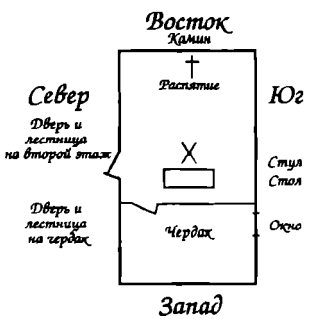

Схема 56
План комнаты Адепта и расположенного над нею чердака

Затем Адепт отвернулся от меня и промолвил: "Она в трансе; она мертва, давно уже мертва". И тотчас же плоть ее истлела и спала с костей.

---

1 Эти знаки приводятся в «Liber O». — *Примеч. А. Кроули.*
См.: Кроули, *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 592.

Я хотел было попросить объяснений, но не успели слова слететь с моих губ, как я увидел, что она снова цела и кости опять облеклись плотью. Медленно поднявшись, она внезапно упала вновь, лицом вниз. Несколько мгновений она лежала неподвижно, но затем поползла по грязному дощатому полу к Адепту; кожа ее блестела и как будто сама собой скользила и вилась вокруг костей. Приблизившись к Адепту, женщина обняла его ноги и, сладострастно извиваясь, поползла по ним вверх.

"Возвращайся в свой хлев", — низким, повелительным голосом приказал он, и тут мне стало очень жаль ее.

Заметив мое сочувствие, Адепт повернулся ко мне и сказал: "Она — само вожделение: плоть ее обновилась и стала прекрасна, но суть ее — тлен. Она лишает мужчину силы".

Я поблагодарил Адепта, но он, не обращая внимания на мои слова, указал мне сквозь прореху в крыше на далекую звезду и велел: "Отправляйся туда".

Я повиновался и взмыл в небеса, как комета, облаченный в длинные белые ризы и со сверкающим ятаганом в руке.

Избежав многих опасностей от попадавшихся мне на пути раскаленных и пышущих жаром солнц, я благополучно достиг своей цели и оказался на берегу озера, по которому плыла лодка, а в лодке стоял человек.

Увидев меня, он крикнул: "Кто ты такой?"

Я объяснил ему, и лодка приблизилась к берегу настолько, чтобы я смог в нее прыгнуть. Так я и сделал, а новый мой проводник взял весла и принялся торопливо грести — куда, я не мог разглядеть, ибо вокруг стало темно.

"Скоро ли я увижу твоего хозяина?" — спросил я. В ответ на что он окинул меня яростным взглядом, и глаза его сверкнули, как пылающие угли в ночи.

"Я — тот, кто стоит в ладье, — молвил он. — И я велик. Звезда на челе моем".

Я не ответил, так как не понял, что́ он имеет в виду, но вскоре мы достигли берега и вошли в пещеру, у входа в которую стоял некто, видом подобный человеку, но покрытый бронзовой чешуей, рогатый и ужасный. Цветом он был как ярь-медянка, но лицо отливало чернотой. В руке у него была палица.

"Назови свое имя! " — крикнул я, приближаясь к нему.

"Йокам", — мрачно ответил он.

"Каков твой знак?" (Тут я повторил пропущенную часть ритуала изгнания.) Он задрожал, и я понял, что он труслив; так ему пришлось вручить мне свой сигил, хоть это и пришлось ему не по нраву.

Выяснилось, что имя его пишется как מכם. Больше у меня не осталось к нему вопросов, и, велев ему отступить с моего пути, я двинулся дальше.

Схема 57
Сигил Йокама

В дальнем конце пещеры, у самого выхода, ко мне в объятия внезапно бросился человек, которого я раньше не видел; обернувшись, я понял, что за ним гонится Йокам. Заслонив его от преследователя, я велел этому незнакомцу совершить знак Каббалистического Креста, чего он, однако, сделать не смог.

Тогда я спросил: "Какому богу ты поклоняешься?"

"Увы! У меня нет бога", — ответил он.

Услышав это, я позволил Йокаму схватить его, и тот поволок свою добычу обратно в пещеру, откуда до меня вскоре донеслись ужасные душераздирающие вопли.

Я же покинул пещеру и снова оказался у озера. Тут с воды поднялся большой альбатрос, и тотчас же я оказался вдали от этой звезды; меня окружили птицы огромной стаей и перенесли обратно на чердак, в жилище Адепта.

Меня это весьма обрадовало; Адепт же, увидев, что я вернулся, подошел ко мне, взял меня за руку и молвил: "Продолжай!" — и я ощутил, как с этим словом в меня влились великие силы.

Тогда я спросил насчет "Абрамелина", об Операции которого я много размышлял в то время; но в ответ старец лишь повторил: "Продолжай!"

"Я добьюсь успеха?" — спросил я.

"Никто не может сказать этого заранее", — с улыбкой ответил он.

"Есть ли нечто такое, без чего нельзя преуспеть, но о чем эта книга умалчивает?" — спросил я.

"Нет!" — сказал он.

На этом я покинул его дом и, став по пути свидетелем какого-то странного поединка, вернулся в свое тело».

№15. Это духовное путешествие было предпринято в поисках отдохновения. Оно проходило в храме, обустроенном самим P[erdurabo], и, как обычно, началось с Малого ритуала изгнания.

«Храм, в котором я находился физически, постепенно преобразился чудесным образом. Я увидел, как по полу стелется перьями сверкающий белый туман; окутав меня пеленою, он собрался в гигантский столп, который вознес меня вверх, через крышу, на огромную высоту. Когда пелена вокруг меня распалась, я увидел, что стою посреди прекрасного зеленого поля, а рядом со мною высится в торжественном молчании некая сияющая сталью и серебром, но невооруженная фигура.

"Добро пожаловать", — со сдержанным достоинством обратился ко мне незнакомец.

Затем он подвел меня к голубому пруду и велел прыгнуть в воду, что я и сделал. Нырнув и пустившись вплавь, я взметал миллионы брызг, сверкавших, словно сапфиры.

Вода была восхитительно прохладной и освежающей; но вскоре я понял, что это еще не конец пути: на дальнем берегу возвышался сияющий серебряный дворец.

Подплыв к берегу, я выскочил на сушу и направился к этому чудесному зданию. Вокруг резвилось множество прекрасных существ. Но тут я понял, что поторопился: на меня внезапно налетела гигантская волна, подхватила и понесла куда-то вверх. Я обнаружил, что превратился в лилию; белый венчик мой был раскрыт; я рос в саду среди бесчисленного множества таких же белых цветов.

Но там я пробыл недолго; вскоре мне вновь вернули человеческий облик. Я поднял руки над головой и раскинул их крестом.

Теперь я был облачен в серебристо-серые одежды, а передо мною высился большой храм из белого мрамора. Я тотчас же простерся ниц перед ним, а затем встал и вошел внутрь. В храме все сияло прекрасной белизной.

Я увидел перед собою серебряный кубический алтарь и преклонил перед ним колени. Тотчас меня окутала влажная прохлада; сладостная свежесть ее, как от утренней росы, наполнила меня ликованьем. Я увидел у себя под ногами прохладный ручей и, наклонившись, омыл руки. Тут ко мне слетел ангел с зелеными одеждами и вручил их мне. Поначалу я не желал надевать их, но затем все же повиновался; поносив немного эти одежды, я снял их и принес в жертву — и они тотчас же превратились в огненный венец.

Затем я услышал голос: "Желаешь ли ты стать стражем?" И, не успел я ответить ни "да", ни "нет", как меня окружили

прекрасные девы и облачили меня в серебряные доспехи и красный плащ.

Меня повели к северному входу во храм, перед которым собралась большая толпа людей; с моим приближеньем они подались назад. Чей-то голос шепнул мне: "Бей!" — и, яростно выхватив меч из ножен, я ударил три раза, и после каждого удара поднимался великий плач.

Сокрушив этими тремя ударами многих и многих, я сошел в толпу, оставив меч там, где раньше стоял. Сперва я подумал, что должен за ним вернуться, но, как ни старался, все было тщетно; и тут у меня в руках оказалось новое оружие — пучок могучих перунов, а из-под ног поднялся огромный полый столп клубящегося дыма. Я заглянул внутрь этой колонны и увидел на дальнем ее конце темную поверхность земли. Глядя, как вращается подо мною земной шар, я внезапно ощутил сильнейшее желание расширить свое сознание так, чтобы оно охватило собою Всё. Я попытался и потратил на это немало времени, но результат оказался скромным.

Из этой колонны дыма я вернулся к храму и вошел в него через западные врата. Обнаружив у себя на голове золотую корону, я снял ее и высоко поднял; она засияла в белесом тумане, как белый огонь. Тут ко мне приблизился ангел и снова возложил корону на чело мое, и мне показалось, будто сквозь меня прохладным дождем льется золото. Затем внезапно я поднялся в воздух и перенесся в другой храм. Меня провели в его южную часть, где я увидел сверкающий алтарь; лучи, исходившие от него, пронзали меня насквозь. Все еще ослепленного этим сиянием меня повели на север, к другому алтарю (Бине); там мои глаза умастили холодным расплавленным серебром, и тотчас же я увидел перед собою некий смутный женский облик.

После этого я прошел к центральному алтарю, и там с меня спали все мои облачения. Вооружившись мечом и облекшись в красную мантию, дабы не пострадать по пути от астральных созданий, я спустился на землю и вернулся в свое тело».

№18. Это духовное путешествие P[erdurabo] предпринял, дабы узреть Сапфо.

«Я был вознесен ввысь с ошеломляющей скоростью; пока я летел, ко мне приблизился некий ангел, по видимости, желая по-

мочь; но я не замедлил хода и продолжал подниматься. Я всё летел и летел; путь оказался долгим на удивленье.

Но вот, наконец, я прибыл в какую-то незнакомую страну и, придя в себя, облекся божественным образом — насколько я понял, то был облик Дианы. Затем я воззвал к Сапфо, и она тотчас же появилась передо мной — невысокая смуглая женщина с дивной кожей и темными с медным отливом волосами. Лицо ее показалось мне очень красивым, но черты его были напряжены от страстного желания, спутанные волосы развевались, а в глазах сверкало безумие.

Увидев меня, она преклонила передо мною колени. Я попытался ее успокоить и протянул к ней руки, но она принялась покрывать их поцелуями. За спиной ее виднелись белые астральные формы плачущих женщин — то были ее многочисленные возлюбленные.

Я привлек ее в круг, в котором стоял сам, и, подняв ее с колен, нежно коснулся ее лба. Затем я вернул себе свой обычный облик, от чего она пришла в невероятное изумление и успокоилась лишь после того, как я поведал о своей великой любви к ней. Обнявшись, мы вознеслись с нею вдвоем в некое место, где нас приветливо встретили ангелы. Нам было велено пройти между столпами во храм; исполнив это, мы увидели перед собою огромную коленопреклоненную фигуру какого-то восточного божества.

Спереди он был с лицом и телом человека, с человеческими руками и ногами, но сзади — с телом льва.

Сапфо совершила знак o°=o°, и я на него ответил, как положено; и тогда исполин поднялся и благословил нас, и мы обнялись. Затем я опустился на колени перед Сапфо и сказал ей:

"Ты уделила мне от своей силы и привела меня в свое святилище; теперь я сделаю для тебя то же".

В ответ она взяла мои руки в свои, и по жилам моим заструился, как живое пламя, дивный поток блаженства и страсти. Поднявши голову, я стал осыпать ее грудь страстными поцелуями, и вдруг заметил, что стал женщиной, как и она!

Тут ко мне приблизился ангел и посоветовал быть воздержаннее. Овладев собою, я с полным спокойствием вошел в ее тело и сразу же ощутил всю ее страсть и томленье. Великая радость и упоенье охватили меня, и тотчас мы с нею преобразились в какую-то большую бурую птицу, которая участвовала

в некоей мистической церемонии, где жрецом был тот исполинский человек-лев. Затем мы вновь поднялись выше и вернули себе человеческий облик, но стали выше ростом, чем прежде.

Мы увидели перед собою некоего благородного, прекрасного и царственного мужа (Тиферет); в руке его был меч, пылавший ослепительной белизной. Он протянул к нам этот меч, а его слуги, ангельские создания, запели какую-то нежную и благозвучную песнь. Затем он вложил свой меч в наши уста, и пламя его тотчас вырвалось из них и полилось бесконечной и нестерпимой песнью; но вот, наконец, все прекратилось, и меч вернулся к царю.

Тут я заметил, что мы поднялись выше солнца: оно сияло у нас под ногами. Снова преобразившись в бурую птицу, мы облетели солнце кругом, купаясь в его огненных лучах и пламенеющей лаве.

Наконец, я захотел вернуться, но никак не мог отделиться от Сапфо — все это время я находился в ней. Уже начиная отчаиваться, я трижды воззвал к Ахейре, и вскоре тот появился. Я объяснил ему, в чем мое затрудненье. Он занес свой меч и ударил нас, и мы с Сапфо разделились, снова став такими же, как при первой встрече. Сапфо стояла с распростертыми руками. Мы ощутили, как в нас входит поток силы, но тут я заметил, что после разделения оказался слева от Сапфо, и снова обратился к Ахейре, пожаловавшись на ошибку: я хотел разделиться таким образом, чтобы Сапфо оказалась от меня слева. Свою любовь я оставил ей, но сила моя принадлежала Богу.

Все это я объяснил Ахейре, но тот сказал, что я ошибаюсь: мы были разделены именно таким образом, чтобы я смог воспринять поток силы, а она — поток милосердия[1].

Затем мы вернулись во храм, беседуя по пути, и я сказал ей: "Войди со мною во храм живого Бога!"

Она подчинилась и вошла следом за мною, а затем преклонила колени у алтаря и, взмахнув кадилом, вознесла хвалы Владыке Вселенной.

На этом мы обменялись рукопожатием степени 1°=10°, поцеловались и простились друг с другом; она пообещала, что будет время от времени навещать этот храм, и присматривать за мной, следить за моей работой и помогать мне, когда я ее позову.

---

1 На Древе Жизни левый столп — Столп Суровости, или Силы, правый — Столп Милосердия.

Затем я также преклонил колени перед алтарем, восхваляя Владыку Вселенной; она же стала подниматься вверх и устремилась на восток, на прощание бросив мне через правое плечо взгляд, полный любви, и помахав рукой. Я произнес ее имя в последний раз и, вновь обратившись к Владыке Вселенной со знаком Каббалистического Креста, вернулся в свое тело».

Таковы некоторые из ранних видений Брата P[erdurabo]. Они представляют собою ряды быстро сменяющихся и, по большей части, не связанных между собою картин, стремительно проносящихся мимо духовидца, подобно городским домам, что мелькают за окном быстро мчащегося поезда. Наблюдатель не замечает улиц, которые соединяют между собой эти дома; зачастую ему не удается рассмотреть целиком даже сами здания; он не различает ни окружающих их участков земли, ни материалов, из которых они построены. Тот, кто никогда раньше не ездил на поезде, — скажем, бушмен, впервые в жизни покинувший свой родной крааль, — придет в недоумение от такого калейдоскопа картин, изумившись их невероятной хаотичности. Будет вполне извинительно, если поначалу он даже усомнится в правоте собственных чувств. Ему почудится, что поезд стоит на месте, а движутся картины за окном, появляясь, преображаясь и скрываясь из виду с головокружительной внезапностью: вот мелькнула кровля... трубы... просвет между домами... дерево... церковный шпиль... вот открылся вид на длинную улицу — и тотчас исчез; вот показалось высокое здание банка... снова просвет... туннель и непроглядная тьма; а вот и снова свет — и вновь это бесконечное мельканье и смена бесчисленных и разнообразных построек.

Но городской клерк ничему подобному не удивляется, потому что знает (и знает даже слишком хорошо, чтобы обращать на это внимание!), что дома, мимо которых он мчится, сложены из кирпича и известкового раствора, построены в соответствии с четкими геометрическими и архитектурными планами и связаны между собою улицами и дорогами, газо- и водопроводами и канализационными трубами; что каждый из этих домов — сам по себе микрокосм, упорядоченный, регулируемый и управляемый определенными нормами, обычаями и законами, то есть некое организованное целое, которому недостает лишь дыхания жизни, чтобы на глазах пораженных ужасом прохожих сняться с места и, подобно какому-нибудь сказочному великану, зашагать прочь по своим делам.

Схожим образом и адепт прекрасно знает, что за подобными видениями стоит некое обширное и упорядоченное царство; он видит закон и порядок за всем их кажущимся хаосом. Он понимает, что все эти внезапные перемены, перелеты от синих морей к серебряным храмам, мелькание образов, все эти огненные столпы, молельщики, красные ризы, ястребы, квадратные колонны, стаи орлов и так далее объясняются отнюдь не беспорядком, царящим в мире видений, а тем, что в сознании самого созерцателя, пытающегося истолковать увиденное в рациональных знаках и словах, отсутствует система для расшифровки этих символов.

Любая последовательность мыслей — это всего лишь цепь вибраций, или волн, возникающая вследствие контакта некоего органа чувств с тем или иным символом или рядом символов. «Находясь под управлением Разума и Воли, эти волны гармоничны и имеют равную длину. Но если низшая Воля и Разум теряют над ними власть, то волны становятся нестабильными и дисгармоничными». Так утверждается в документе G∴D∴ под названием «Тайная Мудрость Малого Мира, или Микрокосм-Человек». Далее из этой рукописи мы узнаём, что

> *...У пьяного человека равновесие в сфере чувственного восприятия, а соответственно и в Нефеш, нарушено. Поэтому каждая волна, порождаемая лучами мысли, испытывает сильные возмущения, так что у границ физического тела, где оканчивается область действия Руаха, сфера восприятия Нефеш постоянно дрожит и колеблется. В результате символы, возникающие в сфере чувственного восприятия, ослепляют мысль, подобно тому как слепит глаза дрожащее или качающееся зеркало. Создается впечатление, будто сфера чувственного восприятия вращается вокруг тела, и это вызывает тошноту, головокружение и потерю ориентации в пространстве.*

Как мы видим, подобные состояния возникают тогда, когда Нефеш становится сильнее Руаха или, иными словами, Чувство подавляет и выводит из равновесия Разум.

В последнем видении (№18) плоды усилий Руаха более заметны, чем в остальных, и это, вне сомнения, объясняется тем обстоятельством, что P[erdurabo] в этом духовном путешествии поставил перед собой четкую и определенную цель, а именно — увидеть Сапфо. На первый взгляд, то же самое можно было бы

сказать и о видении №7, но по здравом размышлении станет очевидно, что это не так. Ибо в седьмом видении P[erdurabo] искал силы для помощи своему кузену, а, следовательно, был слаб, о чем свидетельствовала суть его просьбы; и, кроме того, эта цель была достаточно абстрактной по сравнению с той, которую он преследовал в видении №18, а потому и образность седьмого видения оказалась менее связной. Восемнадцатое видение с момента появления Сапфо развивалось, не считая отдельных редких перерывов, вполне рационально (да простится нам это недостойное слово), в отличие от седьмого, весьма смутного и расплывчатого.

Рассматривая эти, равно как и позднейшие видения Брата P[erdurabo], необходимо иметь в виду, что критерием их ценности является не только непрерывность цепочки идей и возможность их последующего осмысления, но и, превыше всего, простота. Простота — самый надежный наш провожатый; ибо мы пока что имеем дело с видениями ученика, от которого ожидается, что свои видения он будет прорабатывать во всех подробностях, как школьник — математические задачки. Математик, овладевший в совершенстве своей наукой, может при желании экономить время и силы при помощи различных алгебраических и логарифмических уловок; но многие из этих приемов, вполне дозволительных для мастера, покажутся нам столь же непонятными и причудливыми, как блуждания новичка, сбившегося с пути. Кроме того, не следует забывать еще одно обстоятельство: чем глубже мы погружаемся в оккультные науки, тем труднее нам выражать свои мысли в обычных словах и фразах, несмотря на то, что наш язык зачастую становится проще. От сложной терминологии мы переходим к простым парадоксам, от философских и научных символов — в область чисто лингвистической тайнописи, а оттуда — к безмолвию.

Осознанная классификация и интерпретация явлений, открывающихся Духовному Взору (в отличие от обычного физического зрения) — одна из основных задач, предписанных Младшему Адепту, то есть человеку, прошедшему посвящение в степень $5^\circ=6^\circ$. P[erdurabo] к тому времени еще не достиг этой степени. Но в другой части вышеупомянутого документа, так и озаглавленной — «Задача Младшего Адепта», суть этой работы сформулирована кратко и ясно:

Итак, вот задача, за которую надлежит взяться Младшему Адепту.

Он должен очистить сефирот собственной Нефеш от влияния темных сефирот[1].

Он должен привести сефирот Руаха в равновесие и соответствие с сефирот сферы Нефеш.

Он должен следить за тем, чтобы Низшая Воля и Человеческое Сознание не опустились в область, отведенную Инстинктивному Сознанию, и не захватили его место.

Он должен следить за тем, чтобы Царь Тела, Низшая Воля, повиновался Высшей Воле и всегда был готов исполнить ее повеление; чтобы этот Царь Тела не узурпировал власть, принадлежащую по праву Высшей Воле, и не превратился в сладострастного тирана, но стал Посвященным Владыкою, Царем-помазанником, наместником вдохновляющей его Высшей Воли и представителем ее в Царстве Человека.

Тогда Высшая Воля, она же Низший Гений, снизойдет во Дворец Царя сего. И когда Высшая Воля и Низшая Воля сольются воедино, Высший Гений снизойдет в Кетер Человека, озарив его ослепительным сиянием своей Ангельской Природы. И будет с Человеком то же, что стало с Енохом, о коем сказано: «И стал Енох ходить постоянно с сутью Элохим, и не стало его без нее, ибо Элохим взяли его»[2].

<...>

И еще одну великую тайну надлежит узнать Младшему Адепту, а именно, каким образом духовное сознание может действовать за пределами сферы чувственного восприятия.

«Мысль» — могучая сила, если она направляется к цели всею мощью Низшей Воли, остается под управлением разума и озарена светом Высшей Воли.

Поэтому тебе и советуют призывать на помощь в своих оккультных трудах Имена Божественные и Ангельские: когда ты взываешь к ним, твоя Низшая Воля с готовностью воспринимает потоки, исходящие от Воли Высшей, которая есть также Низший Гений, отображающий в себе всемогущие силы.

---

1 Т.е. клипот.

2 Быт. 5:24, в русском синодальном переводе: «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его».

В этом и состоит суть магических действий посвященного при «созерцании духовным зрением».

Собственная его сокровенная мудрость открывает перед ним расположение и соответствия Макрокосмических Сил. Избрав из множества символов один-единственный и уравновесив его дополняющими символами, маг направляет луч мысли из своего Духовного Сознания, озаренного Высшей Волей, непосредственно в ту область своей сферы чувственного восприятия, или М.З.В.[1], которая созвучна с избранным символом. И там перед ним открываются, словно в зеркале, свойства этого символа, отраженные из Макрокосма, сияющие из Беспредельной Глуби Небес. Сосредоточив все части своего сознания, слитые воедино, на избранной точке сферы восприятия, посвященный может воспринять непосредственное отражение луча, исходящего из Макрокосма.

Как только этот макрокосмический луч отразится в его Мысли, посвященный может слиться с лучом своей мысли и тем самым напрямую соединить средоточие своего сознания с соответствующей точкой Макрокосма. И даже если он не сосредоточится на реальной точке сферы восприятия, не сольется с нею, а лишь слегка коснется ее лучом мысли, то и в этом случае он воспримет отражение Макрокосмического Луча, соответствующего данному символу в сфере его сознания. Но поскольку объединенное сознание не смогло сосредоточиться на луче мысли, направленном к избранной точке сферы чувственного восприятия, или М.З.В., то к этому отражению будет примешиваться часть собственной природы мага, а потому оно в известной степени окажется неистинным. По этой причине духовные видения, воспринимаемые без должной подготовки, так часто изобилуют разнообразными неточностями. Ибо неподготовленный ясновидец, даже свободный от иллюзий и одержимости[2],

---

1 Магического зеркала Вселенной. — *Примеч. А. Кроули.*

Магическое зеркало Вселенной — в материалах G∴D∴: синоним понятия «сфера чувственного восприятия». Также она именуется аурой и мыслится как сферическая оболочка из тонкой астральной субстанции, окутывающая и пронизывающая насквозь физическое тело человека. Поверхность этой сферы — граница Микрокосма; все, сущее в Макрокосме, отображается внутри нее. Таким образом, сфера чувственного восприятия человека представляет собой уменьшенное подобие Макрокосма и содержит проекцию Древа Жизни.

2 Под каковой понимается разрыв между Высшей и Низшей Волей. — *Примеч. А. Кроули.*

все равно не знает и не понимает, как слить воедино все ипостаси своего сознания и как гармонизировать свою сферу восприятия со Вселенной-Макрокосмом.

Более подробно искусство созерцания духовным зрением рассматривается в документе G∴D∴ под названием «О путешествиях при помощи духовного зрения», где данный способ установления контакта с Высшей Волей описывается так:

> Избрав для себя символ, место, направление или план, на который предстоит отправиться, Адепт, как было сказано выше, посылает луч мысли в соответствующую область сферы восприятия Нефеш. Луч мысли летит, как стрела, выпущенная из лука. Он пронзает границу сферы чувственного восприятия и попадает прямо в намеченную цель. Как только это произойдет, Низшая Воля, озаренная Волей Высшей, формирует сферу Астрального Света и посылает ее отражение по этому же лучу мысли. Материал для формирования сферы Астрального Света частично притягивается из окружающей атмосферы. Затем вдоль того же луча мысли внутрь сферы света посылается двойник Созерцателя, и в этого двойника проецируется объединенное сознание.
>
> Сфера Астрального Света, таким образом, представляет собой копию Сферы чувственного восприятия. Как сказано, «только уверуй, что ты превознесся над телом, — и, се: так и есть!»[1]
>
> Однако при астральной проекции часть сознания должна оставаться в теле, чтобы охранять от враждебных влияний часть луча мысли, оказавшуюся за пределами сферы восприятия (равно как и саму сферу восприятия в той точке, где ее пронзил луч мысли). Поэтому сознание, заключенное в проекцию, не столь сильно, как сознание, сосредоточенное в человеческом теле в обыденной жизни.
>
> Возвращение выполняется в обратном порядке. Следует помнить, что операции созерцания и путешествия при помощи духовного зрения весьма утомительны,

1 «Халдейские оракулы», §181.

если только Нефеш и физическое тело мага не обладают исключительной силой и здоровьем.

Более опытные и подготовленные адепты пользуются также другой техникой астральной проекции. Сначала они формируют астральную сферу из своей собственной сферы чувственного восприятия, затем помещают в нее свое отражение, а затем, как было описано выше, проецируют эту сферу целиком в желаемое место. Но этот способ непрост, и использовать его могут только опытные маги.

Если научиться выполнять подобную проекцию сферы чувственного восприятия в любое избранное место, то, фактически, можно достичь наивысшего просветления — если избрать местом назначения самого Бога или Кетер.

Однако начинающему магу этот метод Достижения покажется весьма неопределенным и неуравновешенным, ибо его собственные астральные путешествия будут состоять из череды сюрпризов и неожиданностей, — а все потому, что он почти всегда отправляется в путь, не имея четкого представления о том месте, в которое старается попасть, и о маршруте, которым следует двигаться. Его можно уподобить путешественнику в неизведанных краях: чем дальше он отходит от своих родных земель, тем более диковинными и необычными кажутся ему земли, по котором он странствует. По мере того, как он удаляется от дома, язык, на котором говорят встречные, меняется, как будто смешиваясь с элементами другого языка, не совсем уж незнакомого, но все же иного; эта смесь языков, в свою очередь, тоже претерпевает изменения, и так, постепенно, преображается все окружение, пока, наконец, наш странник не окажется в совершенно новых краях, отличающихся от тех, с которых он начал свой путь, не меньше чем экваториальный лес — от заснеженных полярных просторов.

В зависимости от того, насколько путнику хватит сил, окружение может измениться за время путешествия как незначительно, так и весьма существенно; однако в любом случае путешествие окажется бесполезным, если странник не сможет каким-то образом упорядочить для себя тот поразительный хаос, который являет неподготовленному взгляду эта смена впечатлений. Как в географии невозможно было получить точные сведения о форме Земли до тех пор, пока не появились путешественники,

поставившие это своей целью (подобно Колумбу, который отправился в свое великое плавание как исследователь, вооруженный необходимыми инструментами), так и в астральных путешествиях почти или совершенно невозможно получить полезную духовную информацию, если Созерцатель не направляет (или, по крайней мере, не задается целью направить) свою сферу чувственного восприятия в какое-либо конкретное и четко определенное место. И если он ставит своей задачей путешествие по определенным путям или областям Древа Жизни (именуемое Восхождением на планы), то, в конечном счете, избрав своей целью Кетер, может прийти к наивысшему Достижению, как было сказано выше.

Восхождение на планы — это весьма конкретный и определенный мистический процесс. Двое посвященных, устремившихся к одной и той же цели, обнаружат между своими путевыми впечатлениями не меньше сходства, чем двое обычных путешественников, отправившихся, допустим, из Лондона в Париж.

Разумеется, при этом следует принимать в расчет карму и окружение человека: они влияют на характер Восхождения на планы столь же существенно, сколь и на характер путешествия в Париж. Один путешественник может ехать третьим классом, другой — первым; одному дорога может показаться очень красивой, другому — нет; но все равно оба будут знать, когда прибудут в Дувр, оба заметят, что переплыли Ла-Манш, и оба признáют, что добрались, наконец, до Парижа, когда их путешествие окончится, — несмотря на то, что впечатления от всех этих мест могут различаться у них во многих частностях.

Вышеописанный метод Восхождения на планы особенно интересен не только потому, что теснейшим образом связан с восточными методами йоги[1], но и потому, что мы располагаем мас-

1 Вся теория и практика раджа-йоги направлены на пробуждение так называемой силы кундалини (которая в обычном состоянии дремлет, свернувшись кольцами, в области крестцового сплетения) и последующее возведение этой силы вверх по каналу, именуемому «сушумна» и проходящему через центр позвоночного столба. «Когда кундалини пробуждается и входит в канал сушумны, всё восприятие переносится в ментальное пространство, или читтакасу. Когда же она достигает вершины этого канала, впадающего в головной мозг, безобъектное восприятие смещается в пространство знания, чидакасу» [Свами Вивекананда. «Раджа-йога», глава IV]. Как при восхождении по Срединному столпу Древа Жизни путешествующий в духе проходит через определенные центры — Малкут, путь Тав, Йесод, путь Самех, Тиферет, путь Гимел, Даат и Кетер, — так и в сушумне имеются свои центры, или чакры: му-

сой свидетельств о его практических результатах — множеством конкретных фактов, поддающихся обобщению и позволяющих построить некую теорию. Здесь мы приведем лишь два примера подобных свидетельств: стихотворение г-на Алистера Кроули под названием «Лествица» (в котором восхождение совершается по вертикали, то есть вдоль Срединного столпа Древа Жизни) и описание «Восхождения в Даат», сделанное Достопочтенным Братом I.A. В первом из этих «восхождений» целью является Кетер, а подзаголовки стихотворения указывают на различные этапы пути, которые проходит Созерцатель. Выйдя из тьмы Малкут и миновав различные символические цвета, смысл которых будет рассматриваться в следующей главе, и многие уже описанные в нашей работе символы, он в конце концов достигает Кетер. Брат I.A. доводит нас только до Даат — головы Древнего Змея, Знающего Добро и Зло.

Лествица

«Встану, пойду к Отцу моему»[1].

Малкут

Темно, темно кругом! Главою я поник;
Лишь в высях надо мной горит лимонный блик,
Как отзвук алых, синих и златых
Колоколов, чей гул в ночи затих.
Но я и здесь, в изгнанье, — властелин,
Наследник славы, венценосный сын.

Я с Судьбою иду врукопашную,
Я — владыка, на царство венчанный,
И победа — моя по праву.
Поднимите, врата, верхи ваши,
Поднимитесь, о, двери вечные,
И войдет Царь Славы![2]

ладхара, свадхистхана, манипура, анахата, вишуддха, аджна и сахасрара. Другие соответствия см. в книге «777». — *Примеч. Дж. Фуллера.*

1 Эпиграф взят из евангельской притчи о блудном сыне (Лк. 15:18).

2 Три последние строки рефрена представляют собой цитату из Пс. 23:9.

Тав

Лимонный свет истаял позади,
И темно-синий столп воздвигся тенью;
Средь коршунов и детищ наважденья,
Грозящих вырвать сердце из груди,
Лежит мой путь. Спасительною сенью
Укрой меня, о Четверица сил!
Здесь всё — распад и хаос, всё — смятенье,
И тщетны все мечты и устремленья
И робкий плеск новорожденных крыл.
Один лишь круг меня хранит от злобы
Всех этих чудищ, вставших из-за гроба!

Я с Судьбою иду врукопашную,
Я — владыка, на царство венчанный,
И победа — моя по праву.
Поднимите, врата, верхи ваши,
Поднимитесь, о, двери вечные,
И войдет Царь Славы!

Йесод

О, полная луна, о пламя аметиста!
Гигантская гора, ты держишь на плечах
Все восемь вышних сфер; они в твоих очах
Отражены, как в зеркале сребристом.
Но путь мой выше, и сильней мой стан —
И я стрелой пронзаю твой туман.

Я с Судьбою иду врукопашную,
Я — владыка, на царство венчанный,
И победа — моя по праву.
Поднимите, врата, верхи ваши,
Поднимитесь, о, двери вечные,
И войдет Царь Славы!

Лазурный сноп холодного огня,
Сквозь радужный покров быстрее мчи!
О, ангел Сандальфон, храни меня!
В лицо мне бьют свирепые лучи
Планеты гнева: копья и мечи,
И всадники Твои, и колесницы,
Несутся вихрем из Твоей десницы,
О мой Господь! — кометами в ночи,
Перунами во мгле! Но я есмь я —
Сам Хор-воитель, грозный судия:
Простер я длань — и расступилась буря,
И злато воссияло средь лазури.

Я с Судьбою иду врукопашную,
Я — владыка, на царство венчанный,
И победа — моя по праву.
Поднимите, врата, верхи ваши,
Поднимитесь, о, двери вечные,
И войдет Царь Славы!

Тиферет

Хвала тебе, о солнце красоты,
Гармонией миров сияешь ты!
Рубином розы на златом кресте
Несешь ты свет полночной темноте!
О, средоточье замысла Вселенной,
Адама первообраз неизменный!
Свершил я знак Осириса во гробе,
Свершил я знак Исиды омраченной,
Свершил я знак Апопа — духа злобы,
Звезды распада, гибельной и черной,
И ныне твой великий знак свершаю,
Себя в Асаре к жизни воскрешая!

Я с Судьбою иду врукопашную,
Я — владыка, на царство венчанный,

И победа — моя по праву.
Поднимите, врата, верхи ваши,
Поднимитесь, о, двери вечные,
И войдет Царь Славы!

Гимел (и пересечение с путем Тет)

О, лунной девы светлая глава!
Посланница и помысл Божества!
Бела, как снег, ясна, как неба синь,
Геката, Книгу Судеб вопроси
Об имени моем — и дай мне сил,
Чтоб я превыше солнца воспарил!

О ты, Сехмет великая, взреви,
Смиряя льва, что заступил дорогу,
И недругов рассей! Мою тревогу
Копьем очей пронзи и умертви!

Опасность позади, хвала Гекате!
Нехоженой тропою устремись,
Душа моя, в Божественную высь!
Но что за сфера надо мною катит
Свой темный вал — бездушный, безымянный
И неподвластный чистоте Дианы?

Я с Судьбою иду врукопашную,
Я — владыка, на царство венчанный,
И победа — моя по праву.
Поднимите, врата, верхи ваши,
Поднимитесь, о, двери вечные,
И войдет Царь Славы!

Даат

Я обезумел. В голове темно.
Все естество мое сокрушено.
Кругом — страданья, муки и сомненья,
Бесплодны все усилья и моленья.

И только сила прежнего разбега
Чрез Бездну донесет меня до брега.

Я с Судьбою иду врукопашную,
Я — владыка, на царство венчанный,
И победа — моя по праву.
Поднимите, врата, верхи ваши,
Поднимитесь, о, двери вечные,
И войдет Царь Славы!

Гимел (и пересечение с путем Далет)

Я вырвался на свет! Проклятье спало,
И из руин душа моя восстала!
Как прежде, чист и девствен лик Луны;
Она улыбкой ввысь меня манит;
Божественной любовью исцелясь,
В ее лучах я смыл мирскую грязь;
Причастьем претворен, блаженством пьян,
Я умер смертным, а воскрес как Пан!
Но что за брег неведомый лежит
За тайной дверью? О, Любовь и Жизнь,
Зеленая звезда, ты семь лучей
Простерла четырьмя во мгле ночей
И, растворив в экстазе все, что тленно,
Меня возносишь нежно и блаженно
В надлунный мир! И за последней гранью
Сполна открылось высшее сиянье,
И озарилась вся моя дорога:
Вот царственный алмаз! Вот сердце Бога!

Я с Судьбою иду врукопашную,
Я — владыка, на царство венчанный,
И победа — моя по праву.
Поднимите, врата, верхи ваши,
Поднимитесь, о, двери вечные,
И войдет Царь Славы!

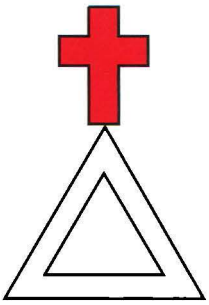

Схема 4
Алтарный символ
в ритуале 0°=0°

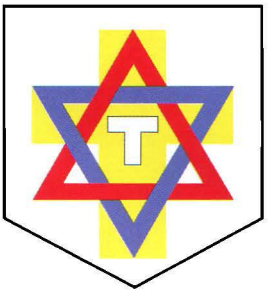

Схема 5.
Знамя Востока

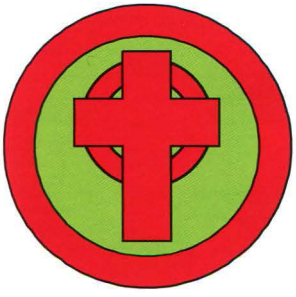

Схема 6.
Ламен Иерофанта

Схема 7.
Знамя Запада[1]

---

1 На черном поле, символизирующем тьму и невежество внешнего мира, помещается белый треугольник — символ Божественного Света. Внутри треугольника, на черном фоне, изображен красный крест с желтой каймой. В документе Z-1 символика Знамени Запада толкуется так:

«Белый Треугольник соотносится с тремя путями, соединяющими Малкут с другими сефирот, а Крест — с Сокровенным Знанием Божественной Природы, достигаемым этими Путями. Крест и треугольник вместе символизируют Жизнь и Свет. <...>

Знамя Запада олицетворяет возможность Спасения, вечно открытую перед Злом. Крест Тиферет здесь помещен внутри белого треугольника Триады Высших Сефирот, а это означает, что спасительная Жертва должна быть принесена только во имя Высшего. Красный крест может быть окаймлен золотой полосой — символом совершенного металла, формирующегося во Тьме Гниения. <...> Знамя Запада — это символ вечерних сумерек, равновесия Света и Тьмы. Древко и подставка этого знамени черны, но поперечная перекладина и копьеобразное навершие могут быть золотыми или медными. Шнуры и кисти — алые, как и на Знамени Востока и по тем же причинам».

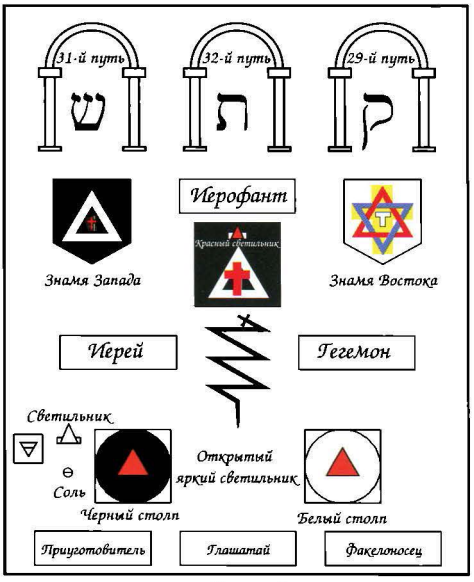

Схема 11
Убранство Храма для ритуала 1°=10° (первая часть)

Схема 13
Алтарный символ в ритуале 1°=10°

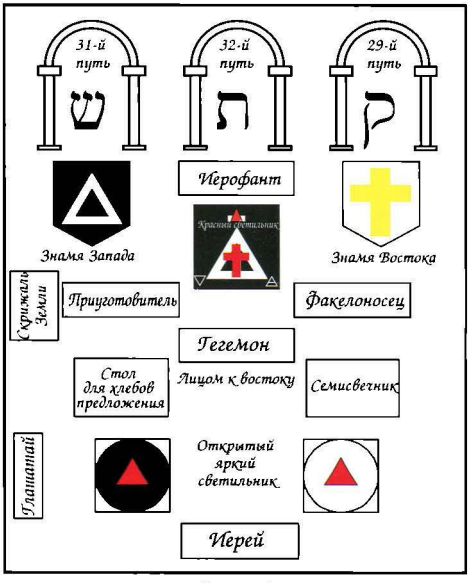

Схема 15
Убранство Храма для ритуала 1°=10° (вторая часть)

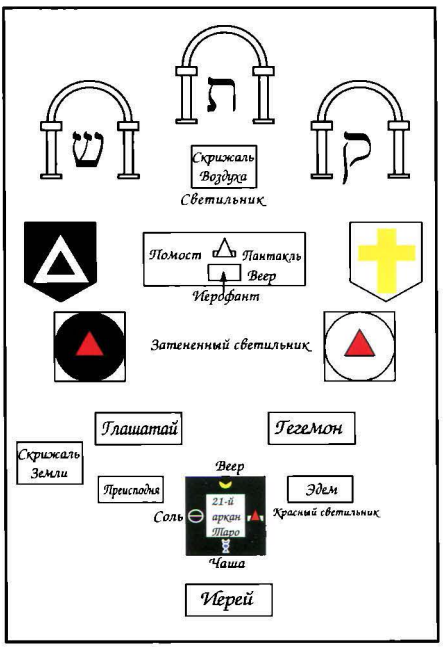

Схема 20
Убранство Храма для 32-го пути в ритуале 2° = 9°

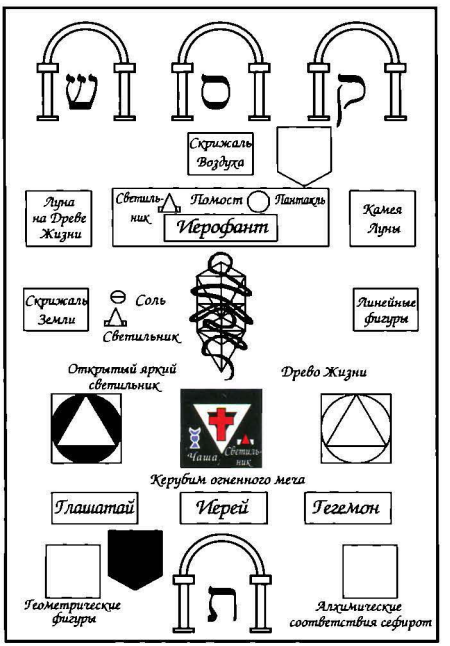

Схема 23
Убранство Храма для церемонии Теоретика в ритуале 2°=9°

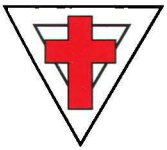

Схема 25
Алтарный символ в ритуале 2°=9°

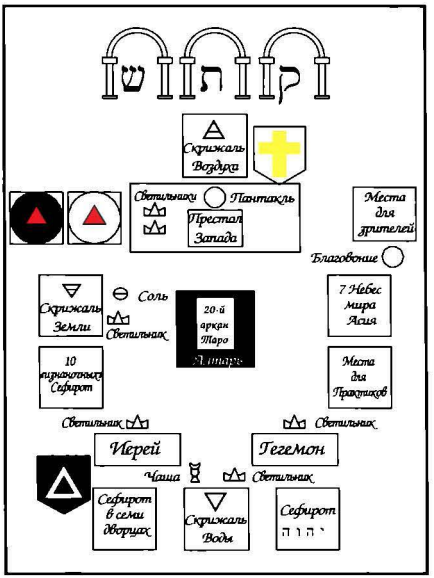

Схема 26
Убранство Храма для 31-го пути в ритуале 3°=8°

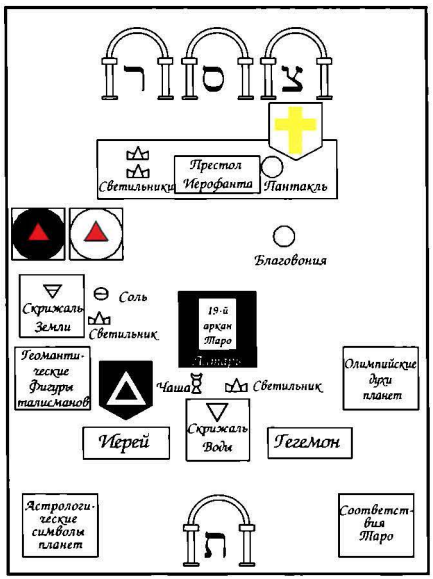

Схема 30
Убранство Храма для 30-го пути в ритуале 3°=8°

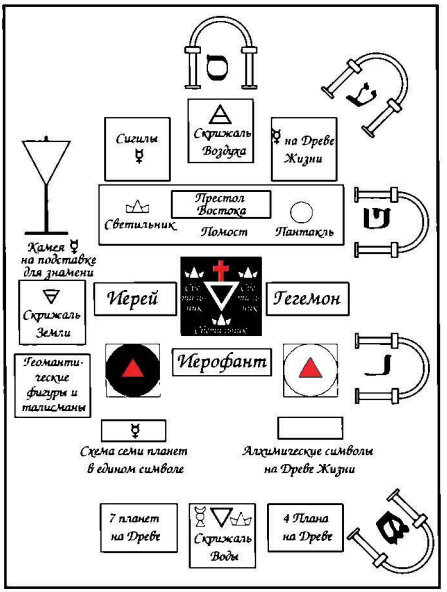

Схема 31
Убранство Храма для 30-го пути в ритуале 3°=8°

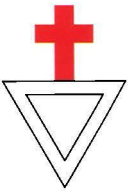

Схема 32
Алтарный символ в ритуале 3°=8°

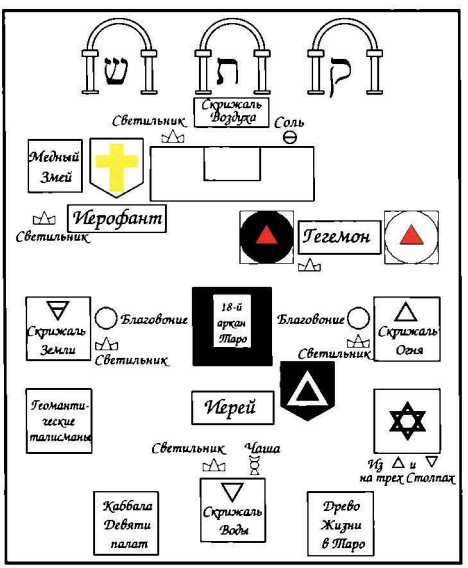

Схема 37
Убранство Храма для 29-го пути в ритуале 4°=7°.

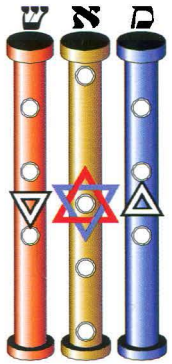

Схема 41
Скрижаль трех Столпов

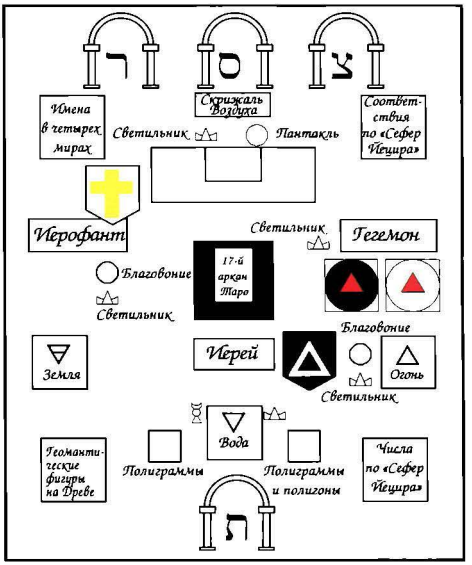

Схема 42
Убранство Храма для 28-го пути в ритуале 4°=7°.

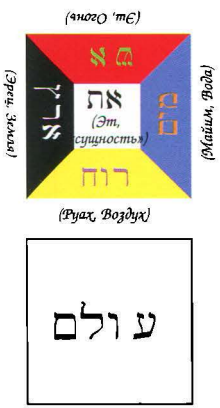

Схема 43
Пирамида четырех стихий

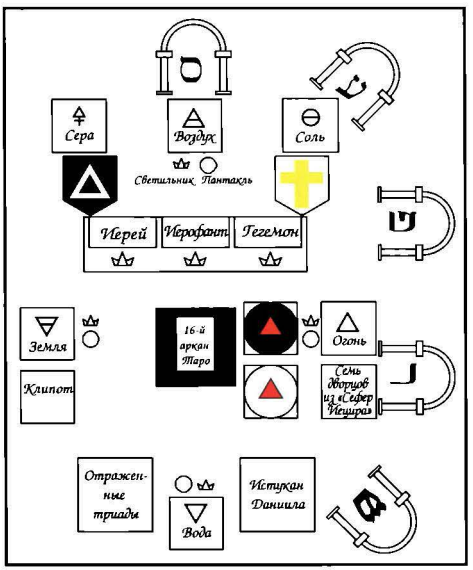

Схема 44
Убранство Храма для 28-го пути в ритуале 4°=7°

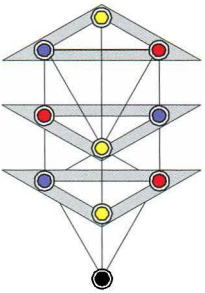

Схема 48
Троица, действующая через посредство сефирот[1]

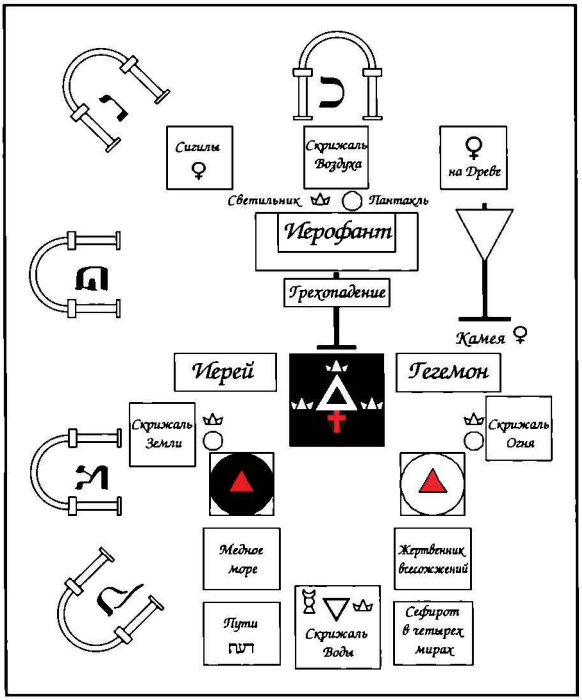

Схема 49
Убранство Храма для Церемонии Философа в ритуале 4°=7°

1 В ритуале смысл этой схемы разъясняет следующим образом: «На этом рисунке изображена Троица, действующая через посредство сефирот, нисходящая по Древу Жизни и отражающаяся в четырех треугольниках стихий. Обрати внимание, что Воздух исходит из Кетер и через Тиферет отражается в Йесод. Вода исходит из Бины и через Хесед отражается в Ход. Огонь исходит из Хокмы и через Гебуру отражается в Нецах. Малкут же — это Земля, принимающая в себя остальные три стихии».

Схема 52
Алтарный символ в ритуале 4°=7°

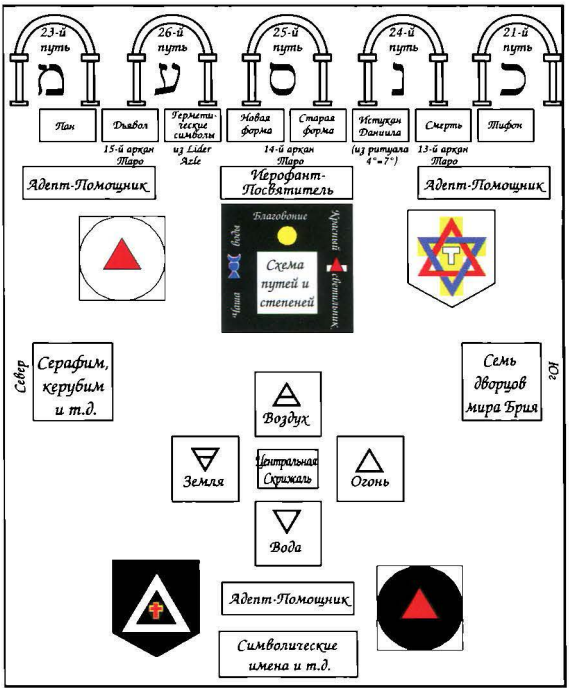

Схема 53
Убранство Храма для 24-го, 25-го и 26-го путей в Ритуале Врат

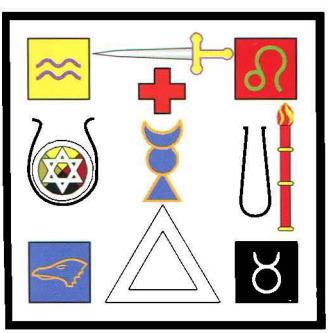

Схема 58
Алтарь для алхимических операций

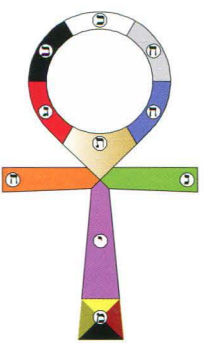

Схема 61
Египетский Ключ к Жизни: Crux Ansata

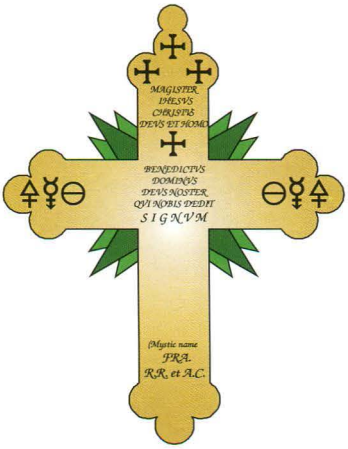

Схема 62
Оборотная сторона полного символа Розы и Креста

Схема 63
Полный символ Розы и Креста

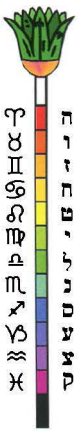

Схема 64
Лотосовый жезл

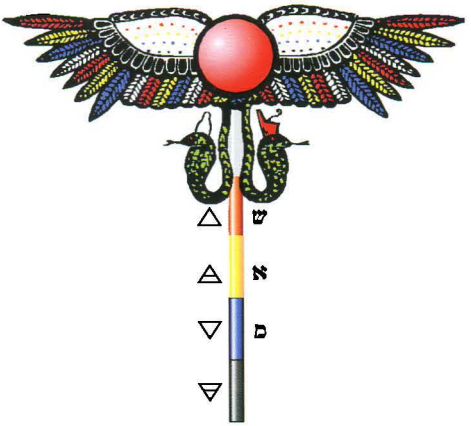

Схема 65
Жезл Верховного Адепта

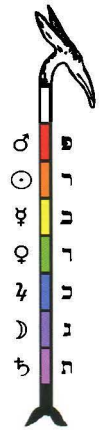

Схема 66
Фениксовый жезл

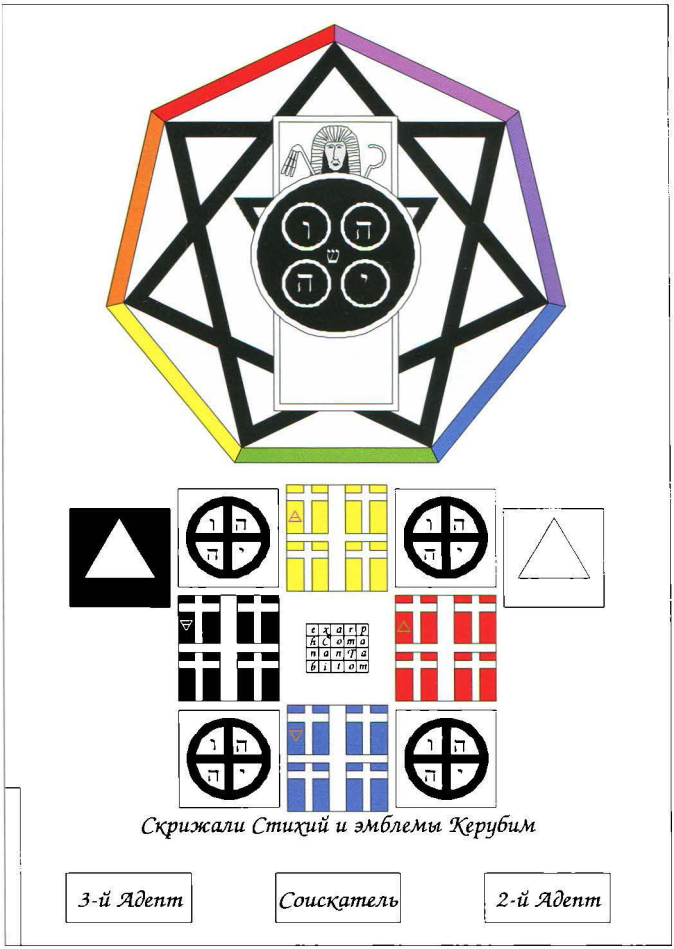

Схема 69
Убранство Храма для второй части ритуала 5°=6°

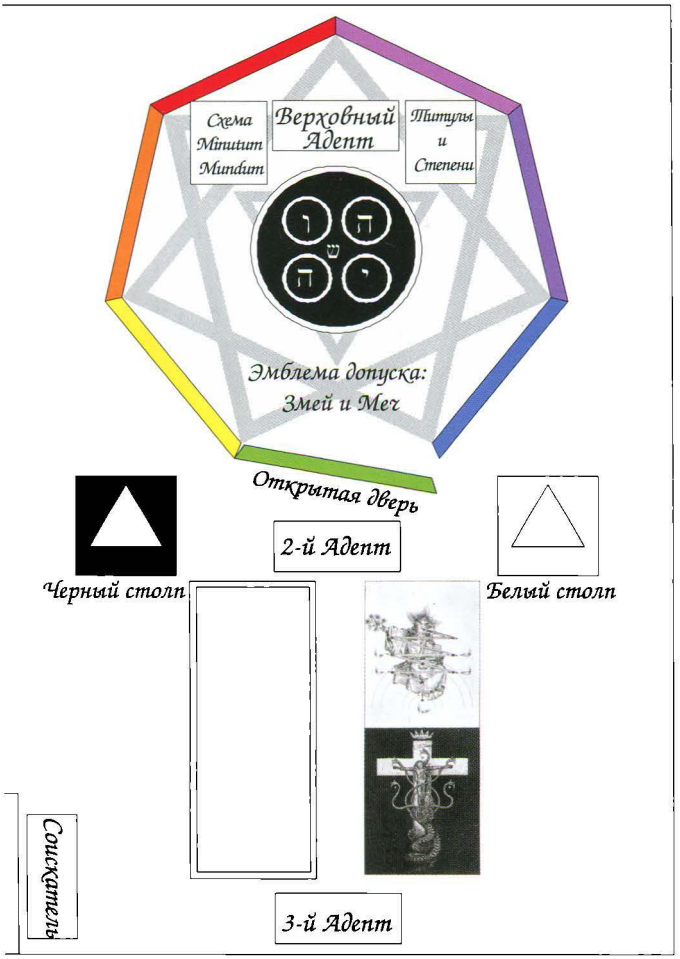

Схема 70
Убранство Храма для третьей части ритуала 5°=6°

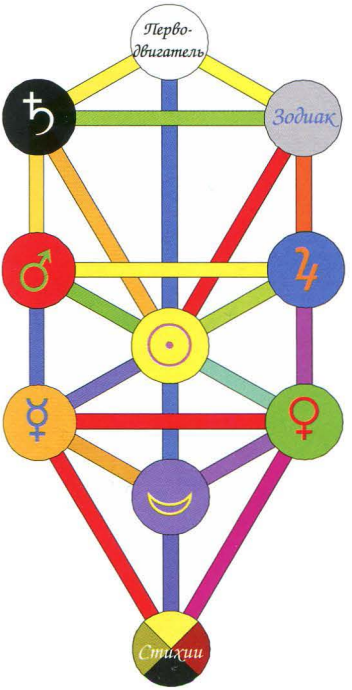

Схема 72
Minutum Mundum

Схема 75
Стена Усыпальницы

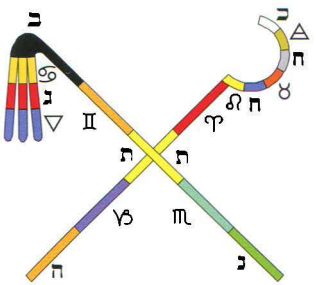

Схема 74
Крюк и Плеть

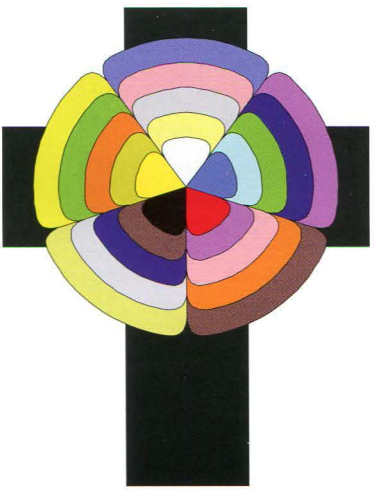

Схема 76
Черный Крест Распятия

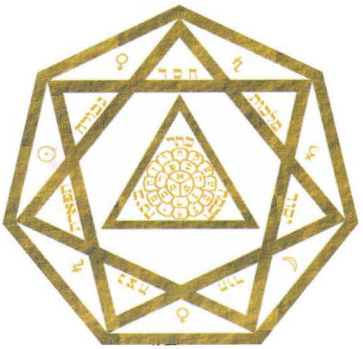

Схема 77
Потолок Усыпальницы

Схема 78
Пол Усыпальницы

Схема 80
Роза и Крест

Схема 82
Боковая сторона
Пастоса

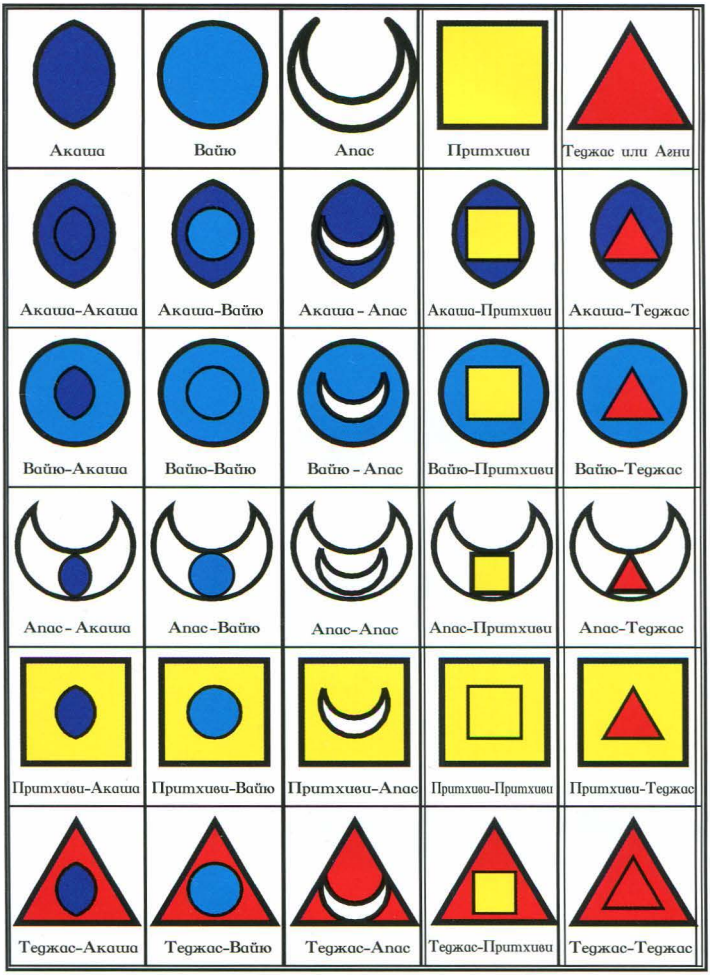
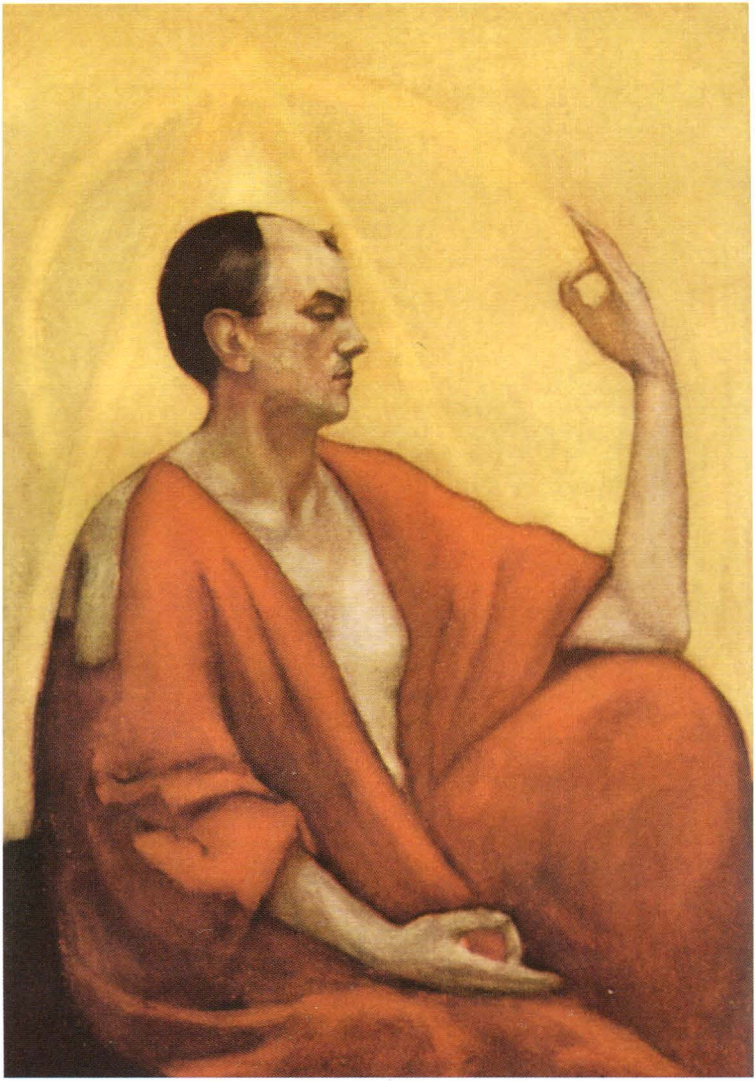

Схема 84
Пять таттв и двадцать пять их подразделений

Портрет Алистера Кроули работы Леона Энгерс-Кеннеди. Впервые опубликован в Эквиноксе (III 1) в 1919 году

Кетер

Я встал из бездны, горний блеск лия,
И возглашаю миру: я есмь я!

Возвращение

Ужасный свет мой взору нестерпим,
Его я телом облеку земным —
Оправою сердечному сиянью,
Уму, которым правит красота,
И своему же высшему желанью! —
Священным Храмом Розы и Креста!
Исторгнул пламя Хор — но в свой черед
Пусть Гарпократ в себя его вберет.
Я был Един — и ныне я Един,
Царит во мне порядок равновесный:
Таков и есть адепта путь чудесный,
И вечно был, и будет ввек. Аминь[1].

---

1 В основу цветовой символики этого стихотворения положена восходящая к системе Золотой Зари схема «Minutum Mundum» («Малого Мира») — Древа Жизни, на котором сефирот окрашены в цвета, соответствующие им по шкале Королевы, а пути — в цвета по шкале Короля.

Малкут («Царство»), сефира Земли, подразделяется на четыре сектора, соответствующим субстихиям Земли. Нижний сектор (Земля Земли) окрашен в черный цвет, верхний (Воздух Земли) — в лимонный. Алый (красный), синий и золотой — цвета влияний, нисходящих от источников чистых стихий: Гебуры (Огня), Хесед (Воды) и Тиферет (Воздуха) соответственно.

Тав, путь Сатурна и стихии Земли. По шкале Короля ему соответствует темно-синий цвет (индиго). «О, Четверица сил» — воззвание к силам Тетраграмматона как высшим ипостасям четырех стихий, а также к 4-й сефире, Хесед — сфере Милосердия. «Круг» — традиционный защитный круг в операциях церемониальной магии.

Йесод («Основание»), сефира Луны. По шкале Королевы соответствует фиолетовому цвету — цвету аметиста. Упоминание о стреле в последней строке строфы — переход к следующему пути.

Самех — путь Стрельца. Ассоциируется с образом стрелы, пронзающей радугу — завесу, которая отделяет сефирот четырех стихий (Малкут, Йесод, Ход и Нецах) от Тиферет, сефиры Духа. Самех — «путь прямой и тесный», которым восходит к совершенству соискатель в мистериях Золотой Зари. По шкале Короля соответствует лазурному (синему) цвету. Сандальфон — архангел, выступающий здесь как страж пути Самех. Ср. в посвятительных ритуалах Золотой Зари: «Добро же, подвластное ему (т.е. Древу Познания Добра и Зла), именуется архангелом Метатроном, а Зло — архангелом Самаэлем, и между ними пролегает путь прямой и тесный, на страже коего стоит архангел Сандальфон». Пе — путь Марса, «планеты гнева», пересекающий путь Самех. «...и всадники Твои, и колесницы» — аллюзия на библейское описание перехода Моисея и сынов Израилевых через Чермное море (см. Исх. 14:15—30), разворачивающаяся далее

Восхождение в Даат

[1] Придите ко Мне, о вы, Божественные Владыки
Сил Разума, чья обитель — Место Стечения Вод!
Придите ко Мне, о вы, в ком обитают Тайны Истины!

в стихе «Простер я длань — и расступилась буря». Хор — египетский бог войны, соответствующий пути Пе; через отождествление с ним (по формуле «я есмь я») достигается власть над этим путем. Упомянутое в последней строке строфы «злато» — указание на переход к следующей сефире.

Тиферет («Красота»), сефира Солнца, соответствующая золотому (желтому) цвету по шкале Королевы. Геометрический центр Древа Жизни, прообраз совершенного человека и точка встречи человека со своим Священным Ангелом-Хранителем, сефира Тиферет связана с мистерией умирающего и воскресающего божества и с идеей символической смерти низшего «я» для перерождения в высшем. Красная (рубиновая) роза на золотом кресте — символ достигаемого на этой ступени соединения Микрокосма с Макрокосмом, эмблема Младшего Адепта в системе Золотой Зари. Перечисляемые в этой строфе «знаки» — четыре знака LVX, соответствующие степени Младшего Адепта и образам основного мифа об Осирисе как умирающем и воскресающем божестве: знак Осириса Убиенного, знак Исиды Скорбящей, знак Апофиса и Тифона и знак Осириса Восставшего. Асар (искаж. от Усир) — древнеегипетское имя Осириса (Осирис — эллинистическая форма имени).

Гимел — путь Луны, связанный с высшей ипостасью этой планеты. Соответствует синему цвету, II аркану Таро («Верховная Жрица») и образам лунных богинь. «Посланница и помысл Божества» — указание на то, что путь Гимел исходит непосредственно от Кетер, наивысшей сефиры. Геката здесь фигурирует не в зловещей своей ипостаси, а в качестве девственной богини Луны. С «Книгой Судеб» в руках изображается Верховная Жрица в Таро. Тет — путь Льва, пересекающий путь Гимел. Сехмет (др.-егип. «могучая») — древнеегипетская богиня войны и палящего солнца, дочь и Око солнечного бога Ра, изображавшаяся с головой львицы. Заключительные строки строфы — переход к Бездне и «ложной» сефире Даат.

Даат («Знание») здесь предстает как олицетворение Бездны, пересекающей путь Гимел и отделяющей троицу Высших сефирот от проявленного мира. Это образ хаотичного и бессодержательного состояния полной раздробленности.

Путь Гимел продолжается выше Бездны. Претерпев распад личности в Бездне, Адепт возрождается вновь, достигая надличностного состояния тождественности всему сущему («воскрес как Пан», где Пан — олицетворение абсолютного всеединства). «Тайная дверь» — путь Далет (букв. «дверь»), пересекающийся с Гимел выше Бездны. Соответствует Венере, планете любви, а также изумрудно-зеленому цвету по шкале Короля. «...зеленая звезда, ты семь лучей // простерла четырьмя» — возвышение принципа Венеры от Нецах (7-й сефиры, соответствующей изумрудному цвету по шкале Королевы и символизирующей земную, «тленную» любовь) к Далет, принципу божественной любви (числовое значение буквы Далет — 4). «Надлунный мир» — здесь: сефира Кетер, лежащая «над» путем Гимел-Луны. Алмаз — камень, соответствующий Кетер.

Кетер («Венец») — наивысшая сефира, конец пути восхождения. «Я есмь я» («Я есмь тот, кто есть») — перевод др.-евр. божественного имени Эхейе, соответствующего Кетер (см. Исх. 3:13-14).

Возвращение. Хор и Гарпократ — здесь: активная и пассивная ипостаси самого адепта; подразумеваются также парные знаки степени Неофита Золотой Зари — знак Хора (символ атаки, проекция силы), за которым всегда должен следовать знак Гарпократа (прекращение проекции силы, погружение в безмолвие).

Придите ко Мне, о Цафкиэль, Аралим, Кассиэль: заклинаю вас белой Звездою о трех лучах и именем IHVH Элохим!

Да откроются предо мною Пути Гнева, дабы взошел я по Древу Жизни в Обитель Реки!

[2] Я стою в северной четверти Материальной Вселенной; вокруг меня рдеет красное Пламя Земли.

Предо мною — Врата Пути Духа Первозданного Пламени; чрез них в Мир Асия нисходит Красное Сиянье.

Поднимите, Врата, верхи ваши,
И поднимитесь, Двери вечные,
И войдет Царь Славы!

[3] Я выхожу из Врат Материи;
Я вступаю на Путь Первозданного Пламени;
Вкруг меня утвердилось Сиянье Огня.
Предо мною видны вдалеке Врата Великолепья.
Я приближаюсь к Вратам Великолепья Божьего;
Я возвышаю свой голос против них и выкликаю имя: Элохим Цебаот.

Поднимите, Врата, верхи ваши,
И поднимитесь, Двери вечные,
И войдет Царь Славы!

[4] Позади меня — Врата Первозданного Огня;
Позади меня — Золотой Путь Солнца;
По правую руку мою — Красный Свет Марса;
А предо мною — Врата Вод Первозданного Моря.
Великим именем Эль Вечносущего
Да будет дозволено мне войти во Врата Вод Первозданного Моря!

Поднимите, Врата, верхи ваши,
И поднимитесь, Двери вечные,
И войдет Царь Славы!

[5] Я выхожу из Врат Великолепья;
Вокруг меня бушуют воды Первозданного Моря;
Путь мой лежит через Глубокие Воды,
Я ступаю чрез Неизвестность.
Предо мною видны вдалеке Врата Гебуры;
За ними блещет Огонь Божьего Гнева.
Я возвышаю свой голос против Тебя и выкликаю имя: Элохим Гибор;
Отворитесь предо мною, Врата Могучего Бога!

Поднимите, Врата, верхи ваши,
И поднимитесь, Двери вечные,
И войдет Царь Славы!

[6] Я одолел Путь Вод;
Я стою в Мире Силы Господней;
Я обращаю направо лице свое — и, се: Врата Льва предо мною.
О, Врата Пути Льва, отворитесь пред лицем моим силою знака Льва!

Поднимите, Врата, верхи ваши,
И поднимитесь, Двери вечные,
И войдет Царь Славы!

[7] Я вступаю на Путь Владычицы Льва
Силою Дщери Меча, что пламенеет Огнем.
Вокруг меня рыкают Львы, устрашая свою добычу.
Но я — сама Сехмет Пламеннооkая,
Я обращаю налево лице свое,
И, се: стала моей провожатой Жрица Серебряной Звезды,
И все мои помыслы — о Месте Слияния Вод.
Я — тот, кто утвердился в Даат!
Во мне — Знанье Добра и Зла!
Во мне — Знанье Божественного Света!
И обращен мой лик долу, к Малкут[1].

1 Восхождение в Даат осуществляется по Левому столпу Древа Жизни. Для удобства интерпретации описание разделено на семь частей.

Судить об этих (как и о любых других) методах — методах Путешествия при помощи духовного зрения и Восхождения на планы, — следует по плодам их. Поставить одну и ту же цель перед всеми практикующими невозможно; одна подойдет одним, другая — другим; и все же необходимо отметить, что два эти метода (или, точнее, две фазы единого метода), несмотря на всю свою плодотворность, позволяют, как правило, сделать лишь небольшой шаг вперед и крайне редко приводят к высшему просветлению. Но в качестве «закуски» они превосходны. Они пробуждают в ученике тот самый голод по Запредельному, тот аппетит к Недостижимому, который в дальнейшем поможет ему преодолевать приступы уныния и сомнения в осуществимости поставленной цели. Впрочем, на деле эти методы способны и на большее; многим

---

[1] Воззвание к силам Даат — сферы Знания и Бины — сефиры Понимания, мыслящейся здесь как мать Даат.

Место Слияния Вод — Даат как исток четырех рек Эдема (см. стр. 151). Цафкиэль — архангел сефиры Бина; Аралим — ангельский чин сефиры Бина; Кассиэль — ангел Сатурна (планеты, соответствующей Бине). Белая звезда о трех лучах — образ Высшей триады сефирот. IHVH Элохим (Яхве Элохим) — Божественное имя сефиры Бина. Пути Гнева — пути Левого столпа (Столпа Суровости). Обитель Реки — Даат как река Наар, источник четырех рек Эдема.

[2]. Начало восхождения из Малкут.

Северная четверть Материальной Вселенной — левый (красно-коричневый) сектор Малкут, огненная часть стихии Земли. Дух Первозданного Пламени (или Огня) — эзотерическое название XX аркана Таро («Суд»), который соответствует пути Шин, соединяющему Малкут и Ход, и стихии Огня. «Поднимите, Врата, верхи ваши…» —см. примеч. 1 на стр. 204.

[3]. Путь Шин (Малкут—Ход).

Врата Великолепья — преддверие сефиры Ход, название которой означает «Великолепие». Элохим Цебаот — см. примеч. 2 на стр. 153.

[4]. Сефира Ход.

Золотой Путь Солнца — путь Реш, соединяющий Ход и Йесод. Красный Свет Марса — путь Пе, соединяющий Ход и Нецах. Врата Вод Первозданного Моря — преддверие пути Мем, соответствующего стихии Воды. Эль — Божественное имя сефиры Хесед, также связанной со стихией Воды.

[5]. Путь Мем.

Огонь Божьего Гнева: сефира Гебура (Сила) связана со стихией Огня и идеями Божественной Суровости и Гнева. Элохим Гибор (др.-евр. הים גבור-אל) — «Элохим (Боги) Силы», Божественное имя Гебуры.

[6] Сефира Гебура.

Врата Льва — путь Тет, соединяющий Гебуру и Хесед и соответствующий зодиакальному знаку Льва. Знак Льва — здесь: символ Керуба-Льва, аналогичный астрологическому символу этого знака (♌).

[7]. Пути Тет и Гимел; Даат.

Владычица Льва и Дщерь Меча, что пламенеет Огнем, — парафразы эзотерических наименований карты Таро «Сила» («Дочь Пылающего Меча, Укротительница Льва», в системе Золотой Зари — VIII аркан), соответствующей пути Тет. Сехмет — см. примеч. 4 на стр. 48. Жрица Серебряной Звезды — эзотерическое название II аркана Таро («Верховная Жрица»). Место Слияния Вод — см. комментарии к части [1].

они приоткрывают потайные двери, а некоторым воистину помогают войти в Царские Врата. Но в любом случае ученику следует работать под руководством человека, имеющего опыт духовных путешествий, и не полагаться во всем лишь на собственные догадки; иначе он почти наверняка собьется с пути и вместо Просветления придет к Одержимости.

Между степенями 4°=7° и 5°=6° должно было пройти семь месяцев; за это время P[erdurabo] исколесил Британские острова в поисках дома, который подошел бы для проведения Операции Абрамелина-Мага, властно приковавшей к себе его внимание еще с осени прошедшего года. В мае месяце он посетил D.D.C.F. 7°=4° — официального главу Ордена Золотой Зари[1]. Но эта встреча не отвлекла его от намерения исполнить Операцию Абрамелина, и P[erdurabo] продолжал подыскивать жилище, пригодное для магического затворничества. В конце концов его поиски увенчались успехом, и в октябре [1900 года] P[erdurabo] обосновался в отдаленном и малолюдном уголке Шотландии, в старинном особняке среди озер и гор[2], и начал вплотную готовиться к этой великой операции Церемониальной Магии.

1 *D.D.C.F.* — аббревиатура латинского девиза «Deo Duce Comite Ferro» («С Богом, моим повелителем, и мечом, моим другом»), который носил С.Л Мазерс в качестве Свободного Адепта (7°=4°) G∴D∴.

2 Имеется в виду особняк Болескин в Шотландии близ Фойерса, на юго-восточном берегу озера Лох-Несс.

Прежде чем мы обратимся к Операции Священной Магии Абрамелина, к которой P[erdurabo] приступил осенью 1899 года, следует, во-первых, хотя бы вкратце ответить на вопрос, что такое церемониальная магия и зачем она нужна, а во-вторых, вернуться на шаг назад и разъяснить читателю те методы и практики, которые P[erdurabo] опробовал в качестве подготовки к этой наивысшей из всех работ.

К этому времени он уже больше года жил инкогнито в центре Лондона, предаваясь усердным изысканиям в различных областях тайного знания, к которым приобщился благодаря посвящениям, полученным в Ордене Золотой Зари. Мы уже поведали читателю и об этих посвящениях, и о методах восхождения на планы и путешествий при помощи духовного зрения, которыми пользовался P[erdurabo], но до сих пор так и не коснулись методов церемониальной магии; однако прежде, чем перейти к частным методам, обратимся к первому пункту нашей программы и постараемся ответить на вопрос о сути и значении церемониальной магии как таковой.

Церемониальная магия как путь духовного достижения в конечном счете преследует ту же самую цель, что и все прочие методики, как восточные, так и западные, а именно — отождествление с Божеством. Кем бы ни был при этом соискатель — теистом или атеистом, пантеистом или аутотеистом, христианином или иудеем, — и каким бы именем — «Бог», «Зевс», «Христос», «Материя», «Природа», «Дух», «Небеса», «Разум», «Нирвана», «Асгард», «Небытие» или «Отсутствие Бога» — он ни называл цель своих устремлений, всё это не имеет значения, если цель у него действительно *есть* и он действительно стремится ее достичь. Без цели он — всего лишь утлое судно, носящееся по волнам жизни без руля и ветрил, во всем покорное порывам безумия, швыряющим его с рифа на риф, и обреченное в конце концов скрыться в черной пучине помешательства и смерти.

Поэтому можно смело утверждать, что все из нас (да, все до единого!), о ком не плачет лечебница для душевнобольных так или иначе — усердно или спустя рукава, добровольно или невольно, сознательно или бессознательно, неторопливо или стремительно — но неизбежно продвигаются к *той или иной* цели, которую поставили перед собой как некий идеал. И тот,

кто пройдет до конца дорогу, ведущую к этой цели, и преодолеет все препятствия, непременно обнаружит, что цель его — в чем бы она ни заключалась, — на деле и есть единственная величайшая ЦЕЛЬ, а дорога, по которой он шел, — всего лишь один из бесчисленных капилляров огромной кровеносной системы, ведущей к Сердцу Всеединства.

Значит, все пути ведут к одной цели? Несомненно, да. Но значит ли это, что все пути одинаково хороши? Конечно, нет! Из того, что все дороги ведут в Рим, отнюдь не следует, что все они одинаково коротки, удобны и безопасны. Путешественник, вознамерившийся добраться до Рима, прежде всего должен положиться на силу собственных ног — своей ВОЛИ, заключающейся в том, чтобы достичь указанной цели. Но если он решит, что этого достаточно; если он отвергнет советы опытных людей, уже исходивших многие дороги и побывавших в искомом городе; если он заявит, что не нуждается в картах других стран, через которые пролегает его путь, — что ж, значит, он просто дурак, уступающий в глупости разве только тому, кто пробует все дороги по очереди, но не проходит ни одну до конца. Точно так же обстоит дело и с Соискателем: начав свой путь с пылкого возгласа «Воля моя — в том, чтобы достичь моей цели!» — он должен с готовностью использовать все средства, какие только могут помочь ему в этом начинании. Осмысляя предстоящую ему Великую Работу и все способы, ведущие к ее исполнению, он мало-помалу научится извлекать из накопленных Знаний тонкую суть Понимания, которое, в свою очередь, позволит ему создавать такие символы силы, находить для них такие точки приложения и направлять свою Волю и Воображение таким образом, что, при условии уравновешенного, сдержанного и здравого их применения, он НЕПРЕМЕННО преуспеет, если на то будет его ВОЛЯ.

Итак, в сущности, неважно, *что именно* провозглашает Соискатель — «Да!» или «Нет!»; важно только, чтобы он вложил в этот возглас волю — ту самую волю, с которой начинается всякое Волшебство. Вспомним слова Элифаса Леви: «Разум, отрицающий что-либо, неизбежно что-то утверждает, ибо даже в отрицании он заявляет о своей свободе»[1].

1 Элифас Леви. Учение и ритуал высшей магии, том II, введение. Здесь и далее цитаты из работ Элифаса Леви приводятся в переводе с английского

Попытаемся же дать ответ на вопрос, что такое эта «свобода», о которой он говорит; но не будем забывать о важнейшем предостережении, которое дает тот же автор своим читателям: «Не довольствуйтесь тем, что мы вам говорим: действуйте по своему усмотрению»[1]. И если вы будете действовать решительно и отважно, вы воистину превзойдете обычные возможности человека и станете сильным среди сильных, так что даже «если скажете горе сей: поднимись и ввергнись в море, — сбудется по словам вашим»[2]. Ибо страна, в которую вы вступаете, непосвященному взору покажется сказочным краем волшебств и чудес. Однако знайте, что нет такого чуда, кое человек мог бы помыслить в уме своем, но не смог бы сотворить; нет такого волшебства, кое могло бы свершиться в его Воображении, но не могло бы исполниться въяве. Воистину солнце стояло над Гаваоном и луна над долиною Аиалонскою[3]; и воистину звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои[4]. Ибо что суть солнца, луны и звезды, как не сны тех детей, что дремлют в колыбели бездны своего сонного разуменья? Для слепого червя солнце подобно трепету теплых крыльев во внешней тьме, а звезд для него и вовсе не существует; для дикаря солнце — как благодатный огненный шар, а звезды — как очи диких зверей, что блещут во мраке; для нас же и то, и другое — гигантские сферы, состоящие из тех же элементов, что и наша Земля, и удаленные от нас на многие сотни миль. Чем они будут для человека, каким тот станет через десять тысяч лет? Кто знает. А через сто миллионов лет? Кому какое дело! Физические чувства — дело наживное; сейчас у человека их пять, но когда-нибудь, быть может, их станет десять или десять раз по двадцать, так что люди этих дальних сумерек грядущего будут отличаться от нас еще больше, чем мы — от земляных червей или от водорослей в морской пучине. Но что за беда! Стань НЕИЗМЕННЫМ — и ты одолеешь

перевода А.Э. Уэйта (1896), которым пользовались авторы настоящей книги.

1 Там же, том II, глава 1.

2 Парафраз Мк. 11:23: «...имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет».

3 Иис.Н. 10:12—13.

4 Откр. 6:13.

пропасть в сто и сто сот миллионов лет во мгновение ока! И даже больше того: Время лопнет, как мыльный пузырь, под перстом твоим, и Пространство растает каплею пота, скатившись с чела твоего!

Дерзай желать и желай знать — и ты станешь велик, как Аполонний, Фламель или Луллий, и превзойдешь их; но знай, как хранить молчанье[1], а не то падешь, как Люцифер, и ослепнут совиные очи людей от блеска знаний твоих; и из великого света родится великая тьма, и в ней сохранится лишь образ, но воображенье угаснет; и кумиры заменят богов; и место таинств лесов и гор, и место экстазов, что обвивают сердца человеков кольцом изумрудного света, займут церкви из кирпича и камня.

Мы не замечаем тех великих мнимых чудес, что каждый миг творит сама жизнь. Глупцы смеются над Рожденьем и Продолжением Рода, а между тем даже мудрейший из мудрых не мог бы нам объяснить, как травинка выходит на свет из черной земли и как превращается эта земля в зелень листвы и во все щедроты лесов. Люди же топчут ногами полевые цветы. Они способны только пускать слюни в своих дворцах наслаждений при виде нагих танцовщиц, ибо рядом с ними они ближе к познанию тайн Творенья, чем в духоте своих чопорных кабинетов. Дивясь фокусам какого-нибудь эстрадного шарлатана, «читающего мысли», они толкуют о сверхъестественном и невероятном, неземном, сверхчеловеческом и о прочих набивших оскомину банальностях, как будто этот ничтожный трюкач — и впрямь какой-нибудь маг, способный выудить из их твердокаменных черепов их жалкое содержимое, а не обычный мошенник, ведущий старую, как мир, игру и пекущийся только о содержимом их засаленных карманов.

Чудеса — это лишь облака, застилающие сонный взор невежды. Провозгласим же раз и навсегда во всеуслышанье: для тех, кто бодрствует, никаких чудес не бывает; чудеса — это для сновидцев, готовых таращить на них глаза, как нищие ребятишки таращатся на банку с изюмом в булочной. Для Адепта же существует лишь Красота. Для него прекрасно всё: и маковый цветок, и навозная куча, на которой тот расцвел; и мраморный

1 Отсылка к знаменитому утверждению из «Учения и ритуала высшей магии» Элифаса Леви: «ЗНАТЬ, ЖЕЛАТЬ, ДЕРЗАТЬ, МОЛЧАТЬ — таковы четыре слова Мага».

дворец, и прилепившиеся у стен его бедняцкие хижины из грязи, обожженной на солнце. Лесные поляны полны для него радости и смеха точно так же, как и выгребные ямы трущоб. Упиваясь Красотой всего сущего, он мчит в своих пламенеющих сандалиях сквозь огонь и воздух, не касаясь земли и воды, и сплетает сети ветров в образ великого Града, где никто не ведает сна и забылось само пробужденье.

Но для того, чтобы творить чудеса, мы должны выйти за пределы условностей, ограничивающих обычного человека; мы должны либо отрешиться от них посредством мудрости, либо вознестись над ними на крыльях безумия, — стать выше всех страстей человеческих или же разорвать их оковы в исступленье или экстазе. Это первое и самое необходимое условие подготовки к магическому действу. Так, волею провидения или судьбы, полнота возможностей мага оказывается в обратной пропорции к его материальной заинтересованности; алхимик произведет тем больше золота, чем более он смирился с уготованными ему лишениями и чем выше ценит ту бедность, которая оберегает тайны magnum opus[1] *от профанов. Только адепт, чье сердце освободилось от страстей, сможет распоряжаться любовью и ненавистью тех, кого он вознамерился превратить в орудия познания; миф о Сотворении Мира — вечная истина, и Господь дозволяет приблизиться к древу познания лишь тем, кто достаточно силен и самоотвержен, чтобы не алкать его плодов. О да, если ты ищешь знания, чтоб утолить свои страсти, остановись на этом роковом пути, ибо ты не найдешь ничего, кроме безумья и смерти. В этом смысл простонародных легенд о том, что дьявол рано или поздно удушает колдуна. Поэтому маг должен быть бесстрастен, хладнокровен и чист, отрешен, неприступен и не подвержен никаким предрассудкам и страхам. В теле его не должно быть изъянов; он не должен быть связан никакими ограничениями и не испытывать никаких материальных затруднений. Первая и наиважнейшая из магических*

1 «Великого Делания» (лат.).

операций — достижение подобного редчайшего превосходства над другими людьми[1].

Via mystica[2], ведущая к этому превосходству, подобна окружности. В какой бы точке Соискатель ни вступил на нее, он обнаружит два пути: один — направо, другой — налево. Цель, что лежит по правую руку, — всё сущее, цель по левую руку — ничто. Но на поверку это не два пути, а единый путь, не две различные цели, а единая цель. Соискатель, только вступивший на эту окружность, должен выбрать, куда он пойдет — налево или направо, и следовать избранной дорогой без оглядки; если он обернется, то превратится в соляной столп, в обиталище духов земных; «Тварям земным свой сосуд обиталищем станет», как говорил Зороастр[3]. Но Маг идет обоими путями одновременно, ибо он постиг тайну, гласящую: «Прямая есть окружность, радиус которой бесконечен»; для сознания Неофита эта прямая бесконечно длинна, но для сознания Мага — бесконечно коротка, если к ней вообще применимы такие понятия, как конечность или бесконечность.

Если разомкнуть эту окружность, то линии, очерчивавшей ее, можно придать любую форму. Если *будет на то воля* Мага, линия эта превратится в треугольник, квадрат или снова в окружность, и по слову его вспыхнет пред ним пентаграммой или гексаграммой, а быть может и звездой об одиннадцати лучах.

Так Соискатель научится создавать из единицы солнца, и луны, и все сонмы небес. Но сперва он должен обойти окружность; и когда он мистическим образом поймет, что цель его странствий — начальная точка пути, и в этой начальной точке круг разомкнется и развернется, как свод, над святилищем центра, тогда Соискатель воистину станет достоин имени Мага.

Замковый камень этого свода одни называют Богом, другие — Брахмой, третьи — Зевсом, иные — Аллахом; иные зовут его IAO, звучным именем Божьим. Но на деле это — ТЫ САМ, о Соискатель! Это — то высшее измерение, в котором внутреннее становится внешним и в котором единое

---

1 Элифас Леви. Учение и ритуал высшей магии, [том II, глава 1], стр. 192. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 «Мистическая дорога» (лат.).

3 «Халдейские оракулы», §95.

Око зрит трепещущее сердце, Владыку всех хитросплетений артерий и вен.

Назовем ради примера это достижение привычным именем «Бог» (подразумевая под ним «Я» как противоположность «я»). Как мы уже видели, путь к единению с богом, или целью наших странствий, двояк:

I. Достижение всего сущего.

II. Уничтожение всего сущего.

И в какую бы сторону мы ни направились от исходной точки — вправо или влево, — метод продвижения также будет двояким, или двуединым:

I. Восхождение посредством безумия.

II. Восхождение посредством мудрости.

В первом случае нас пробуждает от сна иллюзии мгновенная вспышка ослепительного света; во втором мы пробуждаемся постепенно — по мере того, как на смену ночи приходит рассвет.

В первом случае свет знания, пусть и тусклый в сравнении со всей суммой Знания, как огарок свечи — в сравнении с солнцем, может вспыхнуть столь внезапно, что вслед за мгновенным прозрением нас постигнет слепота[1]. Во втором свет всеобъемлющ, как само солнце Знания, но разгорается неторопливо; поначалу он лишь согревает нас своими нежными лучами, затем мягко пробуждает ото сна и, наконец, неспешно проводит сквозь все утренние часы к полудню. Как счастливые дети, мы покидаем свои постели и пускаемся в пляс на росных полянах, средь кружащихся бабочек и пламенеющих цветов, — о, блаженный восторг! В первом случае мы одним прыжком перелетаем из тьмы на свет, от повседневной рутины — к экстазу; во втором — уверенным шагом движемся вперед, покидая закатный край страстей и вступая в земли вечного Рассвета.

Сказать о первом методе нам почти нечего, так как этим путем просветления обычно достигают люди слабые. Многие из них добиваются тех скромных успехов, какие припасла для них жизнь, не потому, что пытаются бороться, но благодаря самой своей слабости: враг не тратит сил на то, чтобы помешать им, не считая их достойными противниками. Сильному же приходится отвоевывать себе место под солнцем: меч — залог

1 Чем глубже тьма нашего невежества, тем более ярким кажется этот свет. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

его права на жизнь; мечом он пролагает себе дорогу к цели; и, добившись своего, правит мечом. Воин становится грозным царем в железной короне; скипетр его — как острый клинок из сверкающей стали. Тот же, кто слаб, остается рабом и жертвой ночных видений, над которыми он не властен. Верно, что подчас гонку выигрывает слабый колесничий; но зачастую он не может сдержать тех самых коней, что принесли ему победу. Промчавшись мимо финишного столба, они сокрушают колесницу о стены арены; сильный же соперник, проехав перед судьями и развернув свою колесницу крепкой рукой, принимает победный венок — а если и нет, он всегда готов к новой гонке.

Научиться изъявлять свою ВОЛЮ — значит, обрести ключ к царствию, к той самой двери, коя, как уже было сказано, заперта на два замка или, точнее, на замок с двумя засовами, один из которых открывается направо, а другой — налево. Либо громозди в своем воображении образ на образ до тех пор, пока не возьмешь царствие Божие силою; либо изымай символ за символом до тех пор, пока стены этого царствия не зашатаются и «башни, увенчанные тучами»[1] не рухнут к твоим ногам. И в том, и в другом случае цель будет достигнута — город взят. Впрочем, есть и третий путь: если ты — великий Полководец, и под началом у тебя — подлинные воины, и в твоем распоряжении — все орудия, пригодные для этой воистину прометеевой борьбы, то бери бастионы штурмом, в то же самое время подрывая крепостные валы, дабы то, что было сверху, обрушилось вниз, а то, что было внизу, вознеслось наверх, и город пал пред тобою, подобно стреле, что, слетев с тетивы, разломилась на две половины. Такая война пристала только великим — нет, величайшим! И, как мы увидим, P[erdurabo] в конце концов отважился действовать именно так. А где прошел сильный, там может *посметь* пройти вслед за ним и слабый.

Этот путь неизбежно труден; тот, кто вступил на него, должен приготовиться к наваждениям и иллюзиям, хранить невозмутимость перед лицом искушений и поражений и бестрепетно встречать любые угрозы и страхи. Подвиги Геракла — хороший пример тех невзгод и тягот, с которыми неминуемо столкнется Соискатель, желающий стать Адептом.

---

1 Цитируется «Буря» У. Шекспира (акт IV, сцена 1, рус. пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник).

Для подробного разбора всех двенадцати мистических деяний этого человека, ставшего Богом, здесь не место, но упомянем особо о трех последних: десятом — убийстве Гериона, *трехголового* и *трехтелого* чудовища преисподней; одиннадцатом — похищении яблок из сада Гесперид, который охраняли *три* дочери Геспера; и двенадцатом — изведении из Аида на землю *трехглавого* пса Кербера, вследствие чего врата загробного мира остались без стража. Схожим образом, последняя задача Адепта — уничтожить ужасы преисподней, низвести на землю Горнюю триаду и утвердить ש[1] в средоточии יהשוה.

Нами должен владеть один-единственный замысел, и все наши силы должны сосредоточиться на нем. Человек, желающий разбогатеть, должен поклоняться богатству и понимать, что такое бедность; человек, желающий стать сильным, должен поклоняться силе и понимать, что такое слабость; и точно так же человек, желающий стать Богом, должен поклоняться божественности и понимать, что такое дьявольщина; образно говоря, он должен напитаться отражениями Кетер в Малкут до такой степени, чтобы земля взошла, как от закваски, и два ока стали одним. Воистину, он должен возводить свою башню — камень за камнем, — до тех пор, пока вершина ее не исчезнет меж звезд, а сам он не затеряется в стране, сокрытой за рубежами дня и ночи, по ту сторону огней и теней.

Чтобы достичь подобного Экстаза, необходимо выполнять все, даже самые примитивные по природе своей, упражнения и операции, если они хотя бы отдаленно соотносятся с этим *единственным* замыслом.

> *У вас нет ни гроша, но вы желаете изготовить золото? Беритесь же за работу и не прекращайте трудов своих ни на миг! Клянусь вам именем науки: вы обретете все сокровища Фламеля и Раймонда Луллия. «С чего начать?» Поверьте в свои силы — и беритесь за дело. «Но что мне делать?» Ежедневно вставайте в один и тот же час, ранним утром; омывайтесь в реке до рассвета, и так в любое время года; никогда не носите грязных одежд и стирайте их собственноручно, как только*

1 Обратите внимание, что Шин (ש) состоит из трех Йод (י) и что ее числовое значение — 300. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

придет в том нужда; приучайте себя к добровольным лишениям, дабы стойко перенести те беды, которые могут прийти незваными; и, наконец, заглушите в себе все желания, не связанные с Великим Деланием.

«Что?! Ежедневные купания в реке помогут мне изготовить золото?» Вам надлежит потрудиться, чтобы добыть его. «Это какая-то шутка!» Нет, это тайна. «Что мне проку от тайны, которая мне непонятна?» Верьте и делайте, как я сказал; со временем вы поймете[1].

Итак, Леви ставит во главу угла веру мага в свои силы. По-своему он, безусловно, прав; однако для обычного человека подобная вера — тяжкий груз, который ему не по силам не то что нести, а даже просто поднять. Разумеется, если школьник будет достаточно долго корпеть над учебником по тригонометрии, в конце концов он усвоит теорию и практику логарифмирования; но к чему тратить время? не лучше ли найти учителя? Само собой, когда он вытвердит все, что написано в учебниках и чему может научить учитель, дальше ему придется продвигаться самостоятельно, но пока этого не произошло, он чувствует потребность полагаться на кого-то другого. Так же и обычному Соискателю необходим некий гуру[2]; и единственная опасность для непосвященного здесь заключается в том, что он может довериться шарлатану вместо адепта. Да, опасность велика; но со временем даже самому невежественному ученику становится понятно, как отличить адепта от шарлатана, подобно тому как слепец обучается отличать день от ночи. Более того, для настоящего Искателя Истины всё это в конечном счете не имеет значения. Причастие остается действенным, даже будучи воспринято из рук недостойного священника; и точно так же любовь к Истине помогает Соискателю обращать во благо даже дурные советы проходимца.

Но вернемся к вопросу о том, как заглушить в себе все разнообразные посторонние желания. Как сосредоточиться на одном-единственном замысле и добиться того, чтобы он поглотил собою все остальные? На этот вопрос у нас есть только

1 Элифас Леви. Учение и ритуал высшей магии, [том II, глава 1], стр. 194—195. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Наставник. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

один ответ: необходимо направить все пять чувств на единую цель, дабы пятиугольник их преобразился в пирамиду и исчез в единственной точке. Основание этой пирамиды должно быть устойчивым, правильным и ровным; ибо каково основание, такова и вершина. Иными словами, все пять чувств должны быть хорошо развитыми и пребывать в добром здравии. Не подобает проводить магические операции во время болезни; если же человек склонен к истерии, занятия магией с большой вероятностью доведут его до падения в Клипот или до Бедлама. Слепец не сможет привести в гармонию свое зрение, а глухой человек — слух, в отличие от человека, способного и видеть, и слышать; но, если уж на то пошло, даже полное отсутствие какого-либо из физических чувств далеко не так опасно, как слабость духа в отношении того или иного чувства.

В работе должны участвовать все чувства и способности человека — таково, по крайней мере, непререкаемое правило западной церемониальной магии. Так, опираясь на все, чем он владеет, маг закладывает камень за камнем в здание своего Храма — иными словами, возлагает пантакль на пантакль, оберегая чистоту своего единственного замысла при помощи мечей, кинжалов, жезлов, колец, благовоний, воскурений, облачений, талисманов, венцов, магических квадратов, астрологических карт и прочих бесчисленных символов вещей, идей и состояний, отражающих это единое устремление. Он возводит могучую насыпь, с вершины которой в конце концов сможет преодолеть одним прыжком высящуюся перед ним великую стену — водораздел двух миров.

Все способности и все чувства должны принимать участие в работе; ничто в жреце Гермеса не может оставаться праздным; знаки должны взращивать разумное понимание, обретающее форму в символах или пантаклях; слова должны определять волю, воплощающую каждое слово в дело; магический замысел должен претворяться в свет для зрения, в гармонию для слуха, в благовония для обоняния, во вкусы для языка, в предметы для осязания; одним словом, оператору надлежит заполнить всю свою жизнь тем, чего он желает добиться во внешнем мире; он должен превратиться в «магнит»,

притягивающий желанную цель, а затем, наполнившись магнетизмом в достаточной степени, твердо уверовать, что об искомом больше не следует думать, ибо оно свершится само по себе[1].

В этом отрывке всё изложено достаточно ясно, и все же мы позволим себе привести еще более внятное объяснение этого наиважнейшего принципа, которое г-н Алистер Кроули дает в предисловии к своему изданию «Книги Гоэтии царя Соломона»:

Я не собираюсь [пишет г-н Кроули] отрицать объективную реальность «магических» явлений: если это и иллюзии, то ничуть не менее реальные, чем многие факты обыденной жизни, не вызывающие у нас сомнений; и, по примеру Герберта Спенсера[2]*, мы вправе утверждать, что по крайней мере какая-то причина у них имеется.*

Итак, положим этот факт в основу нашего рассуждения. В чем причина моей иллюзии, заключающейся в том, что я вижу духа в треугольнике Искусства?

И дилетант, и компетентный психолог ответят одно и то же: «Причина — в вашем мозге».

<...>

В известной нам Вселенной все чувственные впечатления зависят от мозговых процессов; следовательно, иллюзии — которые, в конечном счете, являются такими же чувственными впечатлениями, как и «реальные вещи», — приходится включить в ту же категорию «явлений, зависящих от мозговых процессов».

Однако магические явления выделяются в особый подкласс, поскольку они не спонтанны, а обусловлены волей и возникают вследствие неких «реальных» явлений, составляющих так называемые операции церемониальной магии.

---

1 Элифас Леви. Учение и ритуал высшей магии, [том II, глава 1], стр. 196. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 В главном философском труде Герберта Спенсера (1820—1903) «Основные начала» содержится тезис о том, что наличие Непознаваемого есть свидетельство существования первопричин всего происходящего, недоступных интеллекту.

Последние затрагивают:

1) Зрение.

Круг, квадрат, треугольник, сосуды, светильники, облачения, орудия и т.д.

2) Слух.

Инвокации.

3) Обоняние.

Благовония.

4) Вкус.

Святые Дары.

5) Осязание.

См. пункт 1.

6) Сознание.

Все вышеупомянутые предметы и размышления об их значении.

Необычные впечатления (1—5) вызывают необычные мозговые процессы, поскольку совокупный итог их (6) также необычен. Следовательно, необычным оказывается и обратный перенос последнего в мир так называемых реальных явлений.

В этом и состоит реальность операций церемониальной магии и их результатов, и данное оправдание я считаю вполне достаточным, при условии что под «результатами» здесь понимаются только явления, воспринимаемые самим магом: явление духа, беседа с ним, возможные неприятные последствия неосторожности и так далее, вплоть до экстаза, с одной стороны, и смерти или безумия — с другой[1].

Итак, Соискатель должен превратиться в *магнит*, притягивающий к себе всё желаемое до тех пор, пока вне его не останется ничего, что можно было бы притянуть, или, наоборот, отталкивающий от себя всё, пока не останется ничего, что можно было бы оттолкнуть.

На Востоке пять чувств рассматриваются как единый комплекс, в результате чего магическая операция становится

1 «Гоэтия», стр. 1—3. — *Примеч. Дж. Фуллера.*
В рус. пер. цит. по: Гоэтия. С предисловием и комментариями Алистера Кроули. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 56—57.

чисто ментальной и во многих отношениях гораздо более рациональной и менее эмоциональной. Воля, так сказать, сосредоточивается на самой себе с помощью некой точки созерцания (каковой может служить, к примеру, кончик носа, пупок, лотос) или даже более абстрактным образом — посредством концентрации на вдохах и выдохах, на некоей мысли или ощущении. Йог отвергает созидательный путь: он не выстраивает, а, напротив, разрушает свое сознание, и орудием в этом ему служит чистая интроспекция — способность обратить свою волю как духовное око на себя самого и в конечном счете увидеть свое «я» как «Я».

Однако в обеих системах, и в западной, и в восточной, как метод, так и результат основаны на одном и том же — на равновесии. Западный маг желает превратить тьму в свет, землю — в золото, порок — в добродетель. Он стремится к очищению; поэтому все вокруг него должно быть чистым, дабы главный замысел его не забывался ни мгновение. Грубо говоря, на тот же принцип опирается реклама. Хороший рекламщик умеет так разместить свои объявления, что марка рекламируемого товара будет преследовать вас повсюду, куда бы вы ни направились, куда бы ни повернули. Если, к примеру, он рекламирует порошок от насекомых «Китинг», это название въестся в вашу плоть и кровь так глубоко, что слово «Китинг» будет возникать у вас в сознании непроизвольно при одном только виде или упоминании блохи.

Волю мага можно уподобить светильнику, горящему в темной грязной комнате. Прежде всего маг наводит чистоту в самой этой комнате, затем вешает на одну стену отполированное до блеска зеркало, чтобы оно отражало одно из чувств, затем, на другую стену, — другое, и так далее, до тех пор пока повсюду, куда бы он ни бросил взгляд — вверх или вниз, налево или направо, вперед или назад, — перед глазами его не будет сиять только его единственная воля; и в конце концов этот блеск бесчисленных отражений превращается в один огромный костер, заполняющий все восприятие мага. Йог, напротив, последовательно избавляется от всех зеркал, а затем прикручивает фитиль в светильнике до тех пор, пока комната не погрузится в полную тьму и не исчезнет все, кроме «Я».

Тот, кому доведется пройти обоими этими мистическими путями, увидит, что расход энергии в обоих случаях одинаков.

Сосредоточение — тяжелейший труд; для того, чтобы просто сидеть неподвижно, медитируя на одну-единственную мысль и уничтожая все прочие мысли одну за другой, между тем как они возрождаются снова и снова, подобно головам бессмертной Гидры, требуется такое невероятное терпение, что из всех, кто берется за эту задачу, цели достигают лишь немногие. Но и церемониальная магия сопряжена с колоссальной затратой сил, а зачастую еще и требует денежных расходов; кроме того, обеспечить себе необходимое уединение в наше суетное время весьма и весьма непросто. P[erdurabo], как уже было сказано, в конце концов объединил две эти системы в своей работе. Но следует иметь в виду, что в церемониальной магии, как и в йоге, дилетантский подход чреват опасностями не меньше, чем в игре на бирже. Магия, как и биржевые спекуляции, во многом зависит от случая, хотя и в том, и в другом деле случай всегда подводит тех, кто полагается лишь на него, пытаясь избежать серьезной работы.

Есть, однако, практика, пренебрегать которой не следует никому, за исключением разве что самых слабых, не достойных даже попытать в ней свои силы, — практика скептического отбора.

Элифас Леви приводит следующий пример:

> *Один человек как-то сказал мне: «Я хотел бы стать настоящим католиком, но я вольтерьянец. Чего бы я только ни отдал, чтобы обрести веру!» Я ответил: «Перестаньте говорить "бы", скажите себе — "я уверую", и, обещаю вам, так и случится. Вы говорите, что вы вольтерьянец; значит, изо всех возможных обличий веры отвратительнее всего вам должна быть вера иезуитов, но она же должна казаться самой мощной и желанной. Выполняйте упражнения святого Игнатия[1] снова и снова, не позволяя себе разочароваться и отступить, — и вы обретете веру иезуита. Этот результат неизбежен, и если вам достанет простодушия назвать его чудом, то вы сейчас заблуждаетесь, называя себя вольтерьянцем»*[2].

1 Игнатий де Лойола (ок. 1491 — 1556) — католический святой, основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов), создатель системы духовных упражнений, направленных на достижение мистического единения с Богом.

2 Элифас Леви. Учение и ритуал высшей магии, [том II, глава 1], стр. 195. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Но на деле все это сгодится разве что для миссис Эдди[1]. Позаимствовать меч у одного из противников Вольтера и ударить того в спину, когда он отвернется, — это, конечно, вполне действенный способ избавиться от Вольтера. Но негоже рыцарю интеллекта уподобляться христианским головорезам. Не в пример достойнее — загнать Вольтера в западню, опираясь на собственные его аргументы. Для этого нужно вобрать в себя всего Вольтера без остатка — все восемь томов, или сколько он там написал, — и каждое звено вольтеровых доспехов испытать клыками пирронова Змея[2]; те звенья, что не устоят, надлежит отбросить, а те, против которых зубы окажутся бессильны, — сохранить. Точно такому же испытанию следует подвергнуть и святого Игнатия, а затем, выбрав самые крепкие звенья из доспехов обоих этих мыслителей, сковать себе из них неуязвимую кольчугу, которую не сможет пронзить никто. Вместо того чтобы прятать свой здравый смысл в песок веры, подобно страусу, вы восстанете, как феникс, из пепла обоих подходов — Вольнодумства и Догматики. Это и есть самая суть философии Научного Иллюминизма.

Завершив на этом наш краткий обзор методов западной магии, обратимся снова к Брату P[erdurabo] и посмотрим, как он применял эти методы в своей работе.

Как уже упоминалось, вскоре после вступления в Орден Золотой Зари P[erdurabo] познакомился с Братом по имени I[ehi] A[our], необычайно сильным магом. Их тотчас же связала крепкая дружба, и более полутора лет они тайно проводили в Лондоне различные магические и научные опыты.

За это время P[erdurabo] изучил, так сказать, азбуку церемониальной магии, а именно — операции, предназначенные для вызывания духов, для освящения и использования талисманов, для достижения невидимости, преображения, духовного развития, прорицания и алхимической работы. Эти ритуалы подробно описаны в документе Ордена Золотой Зари под названием «Z-2», разделенном на пять книг в соответствии с буквами имени יהשוה.

---

1 Эдди, Мэри Бейкер (1821—1910) — американская религиозная деятельница, основательница движения «Христианская наука», основанного на Библии и практиках «врачевания верой».

2 Т.е., скептического анализа; см. примеч. 2 на стр. 26.

В этих пяти книгах показано, как применять ритуал степени 0°=0° в качестве магической формулы[1]. Далее следуют ритуалы, построенные на основе этой формулы[2].

---

1 Как поясняется в материалах G∴D∴, «букве Йод и стихии Огня соответствуют операции Церемониальной Магии — вызывание стихийных духов и т.д. Первой Хе соответствуют операции освящения Талисманов, а также формирования природных явлений — бурь, землетрясений и т.д. Великой Священной Букве Шин соответствуют три группы магических деяний: операции духовного развития, преображения и невидимости. Букве Вав соответствуют все разновидности Прорицания, а также искусство формирования Связи между целью магической работы и процессом Прорицания. Конечной Хе соответствуют труды и операции Искусства Алхимии, вся последовательность ее процессов и Трансмутация».

2 Приведем еще один отрывок из материалов G∴D∴, необходимый для понимания структуры нижеследующих ритуалов, — «Указатель для соотнесения магических формул с Церемонией Входящего — Ритуалом степени Неофита»:

«1. A — Церемония как таковая. Пространство Храма.

2. B — Иерофант.

3. C — Служители.

4. D — Соискатель.

5. E — Церемония Открытия.

6. F — Иерофант объявляет, что он получил от Второго Ордена разрешение на прием Соискателя, и повелевает Гегемону подготовить Соискателя. Соискателя готовят к церемонии. Речь Гегемона.

7. G — Введение Соискателя в Храм. Глашатай первый раз преграждает ему дорогу. Первое крещение Соискателя Водой и Огнем.

8. H — Соискателя подводят к подножию Алтаря. Иерофант обращается к нему с вопросом: "Почему ты просишь о приеме в наш Орден и т.д.?" Соискатель отвечает: "Душа моя блуждает во тьме... и т.д.".

9. I — Соискателя спрашивают, готов ли он принести Присягу. Он отвечает утвердительно; ему велят преклонить колени перед Алтарем.

10. J — Соискатель приносит Присягу. Ему помогают подняться.

11. K — Соискателя ведут на север. Речь Иерофанта ("Голос моего Высшего Я... и т.д."). Иерофант повелевает совершить мистический обход на Пути Тьмы.

12. L — Шествие. Соискателю преграждают путь на юге. Второе крещение Водой и Огнем. Речь Гегемона. Соискателю позволяют продолжить путь.

13. M — Повязку на мгновение приподнимают. Иерей бросает Соискателю вызов. Речь Гегемона. Речь Иерея. Соискатель с завязанными глазами движется дальше.

14. N — Обход продолжается. Соискателю преграждают путь на севере. Третье крещение. Речь Гегемона, дозволяющего Соискателю приблизиться к Вратам Востока.

15. O — Повязку приподнимают во второй раз. Иерофант бросает Соискателю вызов. Гегемон отвечает за Соискателя. Речь Иерофанта. Соискатель движется дальше.

16. P — Соискателя подводят к западной стороне Алтаря. Иерофант подходит к Алтарю по Пути Самех. Служители образуют треугольник. Молитва Иерофанта.

17. Q — Соискатель поднимается. Иерофант обращается к нему со словами: «Долго жил ты во Тьме. Расстанься с Ночью и взыскуй Дня». Повязку окончательно снимают с глаз Соискателя. Скипетр соединяется с мечом. "Мы принимаем тебя... и т.д.". Затем звучат Мистические Слова.

18. R — Иерофант указывает на Светильник Глашатая. Затем он повелевает подвести Соискателя к восточной стороне Алтаря и приказывает Иерею вверить Соискателю тайные знаки. Иерей помещает Соискателя между Столпами

Книга I

Вызывание

A. Магический Круг.

B. Маг в алой ризе, с большим ламеном Иерофанта. Ламен Иерофанта изображен на оборотной стороне пантакля, на котором начертаны имя и сигил вызываемого Духа.

C. Имена и Формулы, которые будут задействованы в церемонии.

D. Символ церемонии вызывания в целом.

E. Начертание круга и размещение всех символов, которые будут использованы в церемонии. Тем самым символически воспроизводится обстановка Храма G.·.D.·., подготовленного для Церемонии Входящего[1], и совершается очищение и освящение места, избранного для вызывания.

F. Воззвание к Высшему. Пантакль с тремя концентрическими кругами и с именем и сигилом в центре, окрашенный в подобающие цвета, трижды перевязывается веревкой и заворачивается в черную ткань. Тем самым приводится в действие слепая сила, которая в процессе церемонии будет сфокусирована или направлена на нужную цель. *Объявление* вслух о *цели* операции; произнесение имен духа или духов, которых желает вызвать маг. Эти слова маг произносит, стоя в центре

и сообщает ему знаки и слова, после чего распоряжается совершить четвертое, последнее крещение.

19. S — Гегемон снимает с Соискателя веревку и вручает ему отличительную эмблему Неофита. Иерофант повелевает свершить Мистический Обход на Пути Света.

20. T — Иерофант читает лекцию о Символах. Объявление Глашатая.

21. U — Иерофант повелевает Иерею обратиться к Соискателю с речью.

22. V — Иерофант обращается к Неофиту, указывая на необходимость усердно учиться.

23. W — Опыт с реактивами ("превращение воды в кровь"). Речь Глашатая. Последнее предостережение Иерея.

24. X — Закрытие».

1 Т.е. для посвятительного ритуала степени 0°=0°.

круга и обратившись лицом в ту сторону света, с которой явится дух.

G. Имя и сигил духа, завернутые в черную ткань, помещаются внутрь круга, в точку, соответствующую западу и символизирующую Соискателя. Затем совершается освящение, или крещение, сигила Водой и Огнем. Маг громко, отчетливо и уверенно объявляет, какого именно духа (или духов) он желает вызвать.

H. Сигил, по-прежнему завернутый в черную ткань, помещается у подножия алтаря. Затем маг громко произносит имя духа, повелевая ему явиться и сообщая, для какой цели он его вызывает, чего он желает добиться в результате операции и почему вызывание совершается именно в это время. Наконец, он торжественно объявляет, что в ходе церемонии Дух *несомненно* будет вызван.

I. Маг громко провозглашает, что готов приступить непосредственно к вызыванию. Если он желает вызвать *благого* духа, то сигил теперь следует поместить *внутрь белого треугольника* на алтаре. Маг должен возложить на сигил левую руку, а правой рукой поднять острием вверх используемое для вызывания магическое орудие (обычно в таких церемониях применяется Меч Искусства). Затем он повелевает духу (называется имя) явиться в зримом облике. При этом маг стоит на том месте, которое занимает Иерофант во время клятвы, — независимо от того, с какой стороны света должен явиться дух.

Если же вызываемый дух по своей природе зол, то сигил следует поместить *вне белого треугольника*, к западу от него, а маг должен следить за тем, чтобы острие магического меча было направлено вниз и находилось в точности над центром сигила.

J. Теперь маг должен представить себя *внешне* облеченным в форму вызываемого духа. Здесь нужна осторожность: ни в коем случае не следует отождествляться внутренне с духом, ибо это опасно. Необходимо лишь сформировать своего рода маску и «надеть» ее на время церемонии. Если магу неизвестен символический облик вызываемого духа, то пусть он облечется в форму

какого-либо ангела, относящегося к тому же разряду сущностей. Затем пусть произнесет вслух, голосом громким и торжественным, *подобающее и могущественное заклинание, повелевая духу тому явиться в зримом облике*. В завершение этого заклинания пусть он возьмет окутанный тканью сигил в левую руку и трижды ударит по нему плашмя магическим мечом. Затем пусть поднимет руки так высоко, как только сможет, держа в левой руке окутанный тканью сигил, а в правой — Меч своего Искусства, направленный острием вверх. В то же время пусть трижды топнет оземь правой ногой.

K. Окутанный тканью и перевязанный веревкой сигил следует поместить в северную точку Круга, у самой его границы. После этого маг произносит речь Иерофанта, восседающего на Престоле Востока, слегка видоизменив ее: «Голос Заклинания сказал мне: "Дозволь мне облечься тьмою, и, быть может, я смогу явиться во Свете... и т.д."». Затем маг громко объявляет о начале Мистического Обхода.

L. Маг берет сигил в левую руку и один раз обходит Магический Круг по периметру, затем доходит до точки юга, кладет сигил на пол и останавливается между ним и точкой запада. Здесь он повторяет речь Глашатая и еще раз освящает сигил водой и огнем. После этого он снова берет сигил в левую руку, обращается лицом к западу и произносит: «Творение из рода .....! Ты дважды освящено! Тебе дозволено приблизиться к Вратам Запада».

M. Маг переходит в западную точку магического круга. Держа сигил в левой руке, а меч — в правой, он обращается лицом на юго-запад, *снова облекается в астральную форму духа* и впервые за все время церемонии приподнимает покров с сигила. Затем он один раз ударяет по сигилу плашмя магическим мечом и произносит голосом громким, чистым и уверенным: «Ты не перейдешь из Сокровенного в Проявленное иначе как силою Имени אלהים. Прежде всего сущего были Хаос, Тьма и Врата в Страну Ночи. Я — Тот, Кому Имя — Тьма. Я — Великий на пути теней. Я — Заклинатель, вершащий обряд заклинания. Явись же предо мною без страха,

дабы смог ты следовать дальше». Произнеся эти слова, он снова окутывает сигил покровом.

N. Действия пункта L повторяются на севере; в завершение маг обращается лицом к северу и произносит: «Творение из рода .....! Ты трижды освящено! Тебе дозволено приблизиться к Вратам Востока».

O. Действия пункта M повторяются на северо-востоке. Затем маг перемещается в точку востока, держа в левой руке сигил, а в правой — Лотосовый жезл[1] или Меч. *Снова облекшись формой духа*, он приподнимает покров с сигила, один раз ударяет по нему плашмя Лотосовым жезлом или Мечом и произносит: «Ты не перейдешь из Сокровенного в Проявленное иначе как силою Имени יהוה. Вслед за не имеющим формы, вслед за пустотою и тьмой явилось знание Света. Я — Свет, восходящий во тьме. Я — Заклинатель, вершащий обряд заклинания. Явись же предо мною в зримом облике, ибо я — повелитель сил Равновесия. Теперь ты знаешь меня. Проходи! Ступай к кубическому алтарю Вселенной!»

P. Маг вновь окутывает сигил покровом, подходит к алтарю и кладет Сигил на него так же, как прежде. Затем он подходит к восточной стороне алтаря, касаясь левой рукой сигила, а правой — подняв меч острием вверх. Здесь он произносит самое могущественное повеление и воззвание к Духу, приказывая тому явиться в зримом облике и упоминая все подходящие для этой цели божественные, ангельские и магические Имена, чертя все соответствующие знаки, печати, сигилы, геометрические фигуры, сигнатуры и т.д.

Q. Маг воздевает к небесам сигил, все еще окутанный тканью, после чего срывает с него покров, оставляя, однако, веревку, и восклицает громким голосом: «Творение из рода...! Долго обитало ты во Тьме. Расстанься с Ночью и взыскуй Дня». Затем он возвращает сигил на алтарь и, подняв над ним магический меч

1 Лотосовый жезл — магический жезл, деревянное древко которого разделено на 14 полос (нижняя — черная, верхняя — белая, 12 более узких, но равных между собой по ширине промежуточных полос окрашены в цвета знаков зодиака по шкале Короля), а навершие украшено металлическим цветком лотоса. Подробнее см.: *Полная система магии Золотой Зари*, указ. соч., том IV.

острием вверх — так, чтобы рукоять находилась точно над центром сигила, — восклицает: «Всеми призванными здесь Именами и Силами, всеми совершенными здесь обрядами повелеваю тебе явиться в зримом облике». Затем должны прозвучать Мистические Слова.

R. Маг произносит: «Как из Тьмы может явиться сокрытый в ней Свет, ТАК И ТЫ перейди из Сокровенного в Проявленное». Затем он берет сигил и становится у восточной стороны алтаря, лицом к западу. Здесь маг должен прочесть длинное заклятие, обращенное к силам и духам, которым непосредственно подчиняется вызываемый дух, — дабы те заставили его явиться в зримом облике. Затем маг помещает сигил между Столпами, становится в точке востока лицом к западу и, совершая Знак Входящего, направляет весь поток своей воли на сигил. В этой позе он остается до тех пор, пока не почувствует, что сила воли его слабеет. Тогда он должен будет остановить истечение энергии Знаком Безмолвия и опустить руки. И только теперь он сможет взглянуть в ту сторону света, откуда должен явиться дух. При этом он должен увидеть первые признаки зримого явления духа. Если же этого не произойдет, пусть маг, *стоя на месте Престола Востока*, повторит заклятие — обращение к духам, которым подвластен вызываемый дух. Заклятие это можно повторить в общей сложности трижды, каждый раз совершая после этого проекцию воли в Знаке Входящего. Если же и после третьего раза Дух не явится, это означает, что в церемонии была допущена ошибка. В этом случае пусть Мастер Вызываний возвратит сигил на алтарь, держа меч как обычно. Сделав это, *пусть обратится он со смиренною молитвой к Великим Богам Небес, дабы те ниспослали ему силы для правильного завершения церемонии.*

Затем пусть снова поместит сигил между Столпами и повторит всю последнюю процедуру. *И тогда дух обязательно появится, хотя облик его будет туманным и нечетким.*

(Впрочем, если оператор от природы одарен и имеет особую склонность к вызываниям, то дух может начать проявляться и на более ранних этапах церемонии.

Однако независимо от того, случилось это или нет, церемонию следует продолжать по всем правилам.) Как только маг увидит зримые признаки его явления, пусть он покинет пост Иерофанта и еще раз освятит водой и огнем сигил вызванного духа.

S. Теперь Мастер Вызываний должен будет снять сдерживающую веревку с сигила и, держа освобожденный сигил в левой руке, один раз плашмя ударить по нему мечом и воскликнуть: «Именами ..... призываю на тебя силу совершенного проявления в зримом облике». Затем пусть он трижды обойдет Круг по периметру, держа сигил в правой руке.

T. Пусть маг положит сигил на пол внутри круга, в той стороне света, откуда явился дух. Стоя на месте Иерофанта и обратившись лицом в сторону духа, пусть сосредоточит на духе все свое внимание и произнесет могущественное воззвание к духу, повелевая тому явиться в зримом облике. Воззвание это должно быть достаточно длинным, и в нем должны прозвучать божественные и иные Имена, созвучные операции. После этого дух проявится отчетливо и ясно и станет говорить собственным голосом, если это соответствует его природе. Маг же путь объявит вслух, что дух (называется имя) был подобающим образом вызван в ходе священных обрядов.

U. Маг должен воззвать к Владыкам того плана, на котором обитает вызванный дух. Воззвание это должно принудить духа к исполнению того, что потребует от него маг.

V. Маг должен тщательно сформулировать свои требования, вопросы и т.д.; желательно записывать все ответы, которые он получит от духа.

W. Затем пусть Мастер Вызываний обратится к вызванному духу с заклятием, запрещая ему причинять вред чему бы то ни было, что связано с оператором лично, с его помощниками и с местом, где проводится церемония. Также пусть он запретит духу лгать и отказывать магу в исполнении его требований. После этого маг должен отпустить духа, использовав любой подходящий для этого прием, из числа тех, которыми пользуются посвященные четырех более высоких степеней Внешнего ордена.

Если же дух *не уйдет*, то пусть маг *принудит* его удалиться, воздействуя на него силами, противными его природе. Однако он должен предоставить духу несколько минут на дематериализацию тела, в котором тот явился, ибо развоплощение духов совершается постепенно. И следует напомнить, что ни маг, ни его помощники, если таковые участвуют в церемонии, *не должны выходить за пределы Круга* на всем протяжении церемонии, до тех пор, пока дух полностью не исчезнет. Не следует забывать, что в некоторых случаях и при некоторых особенностях физического и психического склада оператора астральные состояния и потоки, возникающие в ходе церемонии, могут представлять опасность и что дух низкой природы, даже не намереваясь поначалу вредить магу, может осмелиться на это, если тот покинет пределы Круга.

Поэтому оператор должен заранее поместить в Круг все предметы, которые могут понадобиться ему в ходе церемонии.

Если же возникнет настоятельная необходимость прервать работу, то пусть оператор остановит церемонию, окутает сигил покровом и перевяжет его веревкой (если в тот момент он был открыт и развязан), обратится к духу с разрешением уйти или произнесет формулу изгнания, а затем совершит Малые ритуалы изгоняющей пентаграммы и изгоняющей гексаграммы[1]. Только после этого выйти из Круга будет сравнительно безопасно.

ה

Книга II

Освящение талисманов
Операции с природными явлениями

A. Место, в котором проводится операция.
B. Маг-оператор.

1 См. «Liber O», «Эквинокс», I, 2. — *Примеч. А. Кроули.*
Рус. пер. см.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 576—579 и 585—587.

C. Привлекаемые в ходе операции природные силы.

D. Телесма или материальная основа.

E. При телесматических операциях — выбор материала для формирования телесмы; подготовка места для церемонии; начертание и формирование тела телесмы. При операциях с природными явлениями — подготовка к операции; формирование Круга и выбор материальной основы, каковой может стать ком земли, чаша воды, пламя огня, пантакль или иное материальное проявление избранной стихии.

F. Маг взывает к наивысшим Божественным силам, обвивает черной веревкой телесму или материальную основу и окутывает ее черным покровом, приводя тем самым в действие слепую силу. Вслух, громким голосом, он объявляет о *предназначении* телесмы или операции.

G. Телесма или материальная основа помещается на западе и освящается водой и огнем. Голосом громким и чистым маг объявляет о цели операции и о том, какого результата он желает достичь.

H. Маг помещает талисман или материальную основу к подножию алтаря, громко объявляет о цели операции, торжественно провозглашает, что цель эта *обязательно будет достигнута*, и называет причины, по которым это необходимо.

I. Маг громко объявляет о том, что все готово к началу церемонии — либо к насыщению телесмы силой, либо к Операции, направленной на пробуждение какого-либо природного явления. Благую телесму или материальную основу следует поместить внутри белого треугольника на алтаре, а злую — снаружи, у западной стороны этого треугольника. Меч следует держать в правой руке: если операция совершается с благой целью — острием вверх, а если с дурной — острием вниз, направив его к центру треугольника.

J. Далее маг проводит инвокацию, дабы привлечь избранного духа к телесме или материальной основе. С этой целью он чертит над нею в воздухе подобающим орудием фигуры, сигилы и т.д. Далее, взяв телесму в левую руку, он трижды ударяет по ней плашмя своим

Мечом Искусства. Затем он высоко поднимает ее левой рукой (при этом правой рукой следует высоко поднять меч, направив его острием кверху, а правой ногой — трижды топнуть оземь).

K. Талисман или материальную основу следует поместить в точке севера. Затем оператор повторяет обращение Иерофанта к Соискателю, видоизмененное таким же образом, как в разделе K ритуала Вызывания. Затем он объявляет о начале Мистического Обхода.

L. Маг берет телесму или материальную основу, проносит ее по кругу, кладет на пол в точке юга, становится между нею и точкой запада, очищает и освящает ее водой и огнем, поднимает левой рукой, поворачивается лицом к западу и объявляет: «Творение из рода Талисманов! Ты дважды освящено! Тебе дозволено приблизиться к Вратам Запада».

M. Маг перемещается в западную точку Круга. Держа телесму в левой руке, он обращается лицом на юго-восток, временно приподнимает покров с телесмы, один раз ударяет по ней плашмя магическим мечом и произносит ту же реплику, что и в разделе M ритуала Вызывания. Произнеся эти слова, он снова окутывает телесму покровом.

N. Повторяются действия пункта L.

O. Действия пункта M повторяются на севере; при этом произносится такая же реплика, как и в разделе O ритуала Вызывания.

P. Производятся те же действия, что и в разделе P ритуала Вызывания, с той лишь разницей, что требование «явиться в зримой форме» заменяется призывом наделить неодолимой силой телесму или материальную основу или же положить начало такому-то природному явлению.

Q. Производятся те же действия, что и в разделе Q ритуала Вызывания. В завершение звучат Мистические Слова.

R. Повторяются те же действия, что и в разделе R ритуала Вызывания. После этого маг сможет бросить взгляд на талисман. Он увидит вспышки света, мерцающие

и поблескивающие на талисмане или материальной основе; если же операция направлена на формирование некоего природного явления, то проявятся первые его признаки.

S. Совершив это, маг должен будет снять сдерживающую веревку с талисмана или материальной основы. Держа освобожденную телесму в левой руке, пусть один раз плашмя ударит ее мечом и воскликнет: «Именами ..... призываю на тебя силу .....». Затем пусть он трижды обойдет Круг по периметру, держа талисман или материальную основу в правой руке.

T. Повторяются те же действия, что и в разделе T ритуала Вызывания, с той лишь разницей, что вместо явления духа последует яркое свечение талисмана или же четко проявятся признаки формируемого природного явления.

U. Те же действия, что и в разделе U ритуала Вызывания.

V. Оператор должен тщательно сформулировать свои требования, четко заявив, для чего именно предназначен этот талисман или же какое именно природное явление он стремится сформировать.

W. Повторяются те же действия, что и в разделе W ритуала Вызывания, с той лишь разницей, что при работе с талисманом не следует проводить операцию вызывания, чтобы не разрядить его, а при работе с природным явлением желательно объявить, какое именно действие от него ожидается. Материальную основу следует хранить завернутой в белый лен или шелк на протяжении всего срока действия природного явления. Когда же срок истечет, оператор должен уничтожить материальную основу. Если это вода, пусть выльет ее; если земля — измельчит ее в порошок и развеет по ветру; если твердое вещество, как, например, металл, — то его следует разрядить, совершив над ним ритуалы изгнания, и выбросить; если огонь — его нужно погасить; наконец, если это сосуд с воздухом, пусть оператор откупорит его и тщательно вымоет чистой водой.

Книга III

Часть א: невидимость

A. Пелена Сокровенного.

B. Маг.

C. Стражи Сокровенного.

D. Астральный свет, из коего будет соткана пелена.

E. Уравновешивание символов в сфере чувственного восприятия.

F. Воззвание к Высшему; установление преграды за пределами астральной формы; облечение астральной формы незримостью с помощью подобающих воззваний.

G. Маг четко высказывает вслух свое желание стать невидимым. Он обозначает точные границы, на которые должна простираться пелена вокруг физического тела. Далее производится освящение водой и огнем, дабы их испарения начали формировать основу пелены.

H. Маг начинает мысленно формировать вокруг себя пелену Сокровенного и заявляет вслух о причине и цели операции.

I. Маг громко объявляет, что готов приступить к операции. На этом этапе он стоит на месте Иерофанта, возложив левую руку на центр белого треугольника, а правой рукой держа Лотосовый жезл за черный конец и готовясь сгустить вокруг себя пелену Тьмы и Тайны. (N.B. — В этой операции, как и в двух других, находящихся под властью буквы ש, можно использовать по правилам обращения с талисманами подходящий пантакль или телесму.)

J. Оператор обращается к пелене Тьмы с заклинанием, повелевая ей сделать его незримым. Держа жезл за черный конец, пусть он трижды повернется вокруг своей оси (тем самым трижды описав вокруг себя окружность концом жезла) и произнесет: «Во Имя Владыки Вселенной.... и т.д. заклинаю тебя,

о пелена Тьмы и Тайны, окутать меня и сделать меня незримым, дабы, глядя на меня, люди меня не видели и не замечали, а видели бы то, чего нет, не постигая, что они видят! Да будет так!»

K. Теперь пусть Маг перейдет в точку севера, обратится лицом к востоку и произнесет: «Утвердил я стопы мои на севере и молвил: "Облекусь я Тайною и покровом"». Затем пусть произнесет речь Иерофанта: «Голос моей Высшей Души сказал мне... и т.д.», — и объявит о начале Мистического Обхода.

L. Дойдя, как обычно, до точки юга, пусть Оператор остановится и мысленным взором увидит себя облеченным во тьму. Пусть по правую руку от него будет столп огненный, а по левую — столп облачный; и пусть облик его поднимается из Тьмы до Сияния Небес.

M. Затем пусть оператор пройдет между созданными его мыслью столпами на запад, обратится там лицом к западу и промолвит: «Не дано мне пройти незримым во Врата Незримого иначе как силою имени "Тьма"». Затем пусть со всею решительностью облечется пеленою Тьмы и промолвит: «Тьма — Имя мое, и сокровенность. Я — Великий Незримый на путях Теней. Я не ведаю страха, хотя и окутан Тьмою, ибо во мне горит, хотя и незримо, Магия Света».

N. Оператор повторяет пункт L.

O. Оператор повторяет пункт M, однако произносит при этом следующее: «Я — Свет, облеченный Тьмою. Я — повелитель сил Равновесия».

P. Теперь, мысленно сгустив над собою пелену Сокровенного, оператор подходит к западной стороне алтаря, становится на место Неофита лицом к востоку и, стоя здесь, произносит заклинание с именами, подходящими для формирования пелены Сокровенного, которая должна облечь и окутать его.

Q. Далее пусть маг обратится к этой пелене Сокровенного с такими словами: «О Пелена Сокровенного! Долго была ты сокрыта. Расстанься со Светом, дабы смогла ты сокрыть меня от людей». Затем пусть тщательно сформирует вокруг себя

пелену Сокровенного и промолвит: «Принимаю тебя как покров и как стража». Затем должны прозвучать Мистические Слова.

R. Все еще формируя покров, пусть Оператор произнесет: «Прежде всякого магического явления приходит знание Сокровенного Света». Затем пусть подойдет к Столпам и совершит тайные знаки и шаги, произнесет тайные слова и т.д. Совершив Знак Входящего, пусть направит всю свою волю в едином величайшем усилии на то, чтобы ощутить, как облик его исчезает и становится незримым для смертных глаз; он должен добиться того, чтобы его физическое тело на самом деле стало отчасти незримым для его телесного взора, как если бы между магом и его телом появилась туманная или облачная пелена. В этот момент маг должен быть очень осторожен, чтобы не потерять контроль над собой. Однако желательно также, чтобы он испытал и некий Божественный Экстаз и экзальтацию, ибо один из эффектов правильно исполненной церемонии — ощущение восторга и прилив сил.

S. Затем Оператор снова должен сформировать окутывающую и скрывающую его пелену. Не снимая этого облачения, пусть трижды обойдет Круг по периметру.

T. Напрягая силы и удерживая пелену, пусть встанет маг на востоке и провозгласит: «И вот я облекся покровом Тьмы и Тайны, который будет скрывать меня и служить мне стражем».

U. Теперь пусть оператор воззовет ко всем божественным именам сефиры Бина, дабы он мог в дальнейшем удерживать пелену Тьмы в повиновении и под контролем.

V. Пусть Оператор ясно и четко сообщит этой пелене, что именно он желает совершить с ее помощью.

W. Добившись своей цели и пожелав избавиться от пелены Сокровенного, пусть маг воззовет к Силам Света, дабы они устремились на покров Тьмы и Тайны и рассеяли его; в противном случае некая враждебная сила может использовать этот покров как орудие для овладения магом. Произнеся это воззвание, как описано выше, пусть

оператор распахнет на себе покров и выступит из него, а затем пусть развеет его, направив силы сефиры Бина на рассеяние его частиц, но объявив, что в дальнейшем они с готовностью будут собираться воедино по приказу мага. Но ни в коем случае не следует оставлять сей покров великой Тайны нерассеянным, ибо тогда он быстро привлечет захватчика — чудовищного вампира, который станет неотступно преследовать того, кто вызвал его к бытию. Если повторять эту операцию часто, то формировать пелену заново можно будет почти без усилий.

Часть ת: Преображение

A. Астральная форма.

B. Маг.

C. Силы, служащие для изменения формы.

D. Форма, которую маг желает принять.

E. Уравновешивание символов в сфере чувственного восприятия.

F. Воззвание к Высшему. Определение желаемой формы как описание слепых сил и пробуждение этой формы посредством ее определения.

G. Четкое мысленное созидание формы, которую маг намеревается принять. Ограничение и определение ее как чистой формы, крещение ее водой и огнем и наречение *мистическим именем адепта*.

H. Маг произносит воззвание к форме, которую он желает принять, призывая ее появиться перед ним и утверждая свое *желание* и его *причину*.

I. Маг объявляет вслух о том, что все готово к операции преображения астрального тела. Затем он мысленно придает форме позу Входящего (настолько точно, насколько это возможно в данных обстоятельствах), а сам занимает место Иерофанта, держа жезл за черную полосу и приготовившись вслух произнести речь.

J. Затем маг должен произнести могущественное заклинание, обращенное к тому облику, который он желает принять. В этом заклинании следует использовать имена и т.д., которые принадлежат плану,

планете или прочему Образу, гармонирующему с этим обликом. Затем, держа жезл за черный конец и направляя цветок лотоса на голову формы, маг произносит: «Во имя Владыки Вселенной, предстань предо мной, о форма (такого-то), в которую я желаю преобразиться, дабы, глядя на меня, люди меня не видели и не замечали, а видели бы то, чего нет, не постигая, что они видят!»

K. Далее маг произносит: «Ступай на север, облеченная тьмою, о форма (такого-то), в которую я желаю преобразиться». Затем пусть он произнесет обычную речь с Престола Востока, а затем свершит Мистический обход.

L. После этого маг должен провести форму на юг, остановить ее и мысленно поместить между двух великих столпов — огненного и облачного. Пусть он очистит ее водой и огнем, поместив эти стихии по обе стороны от формы.

M. Маг приходит в западную точку Круга, обращается лицом на юго-восток и мысленно помещает Форму перед собой, стараясь на этот раз сделать ее физически зримой. Затем он произносит речи Иерея и Гегемона.

N. Действия пункта L повторяются на севере.

O. Действия пункта M повторяются на юго-западе.

P. Маг подходит к восточной стороне алтаря и придает форме позу Неофита, воспроизводя ее как можно более точно. После этого маг должен произнести торжественное воззвание и заклинание, упоминая все божественные и прочие имена, благодаря которым форма станет пригодной для операции Преображения.

Q. По-прежнему стоя у восточной стороны алтаря, маг должен обратиться к форме со словами: «Дитя Земли... и т.д.», снова стремясь увидеть ее физически. Затем, со словами: «Мы принимаем тебя... и т.д.», — он притягивает форму к себе так, чтобы она полностью окутала его, и в то же время усердно взывает к Божественному Свету, произнося Мистические Слова.

R. Все еще облеченный формой, маг произносит: «Прежде всякого магического явления приходит знание Божественного Света». Затем он подходит к Столпам

и совершает Знаки и т.д., всею силою своей воли стремясь *реально* и *физически* ощутить себя пребывающим в облике избранной им формы. И в этот момент он должен увидеть туманный, облачный контур окутывающей его формы — видимой еще не полностью и не в совершенстве. И лишь когда он увидит эти расплывчатые очертания, но не раньше, пусть представит себя стоящим между двумя исполинскими столпами — огненным и облачным.

S. Теперь маг должен еще раз попытаться узреть облекающую его форму очами тела. Удерживая вокруг себя эту форму — все еще на астральном плане — пусть трижды обойдет Круг по периметру.

T. Стоя на востоке, маг должен сформировать избранную форму со всем возможным усердием, дабы та наконец явилась его телесным очам полностью зримой. Затем пусть произнесет он громко и отчетливо: «И вот я совершил над собой это Преображение!».

U. Пусть теперь маг призовет все высшие имена и т.д. того плана, который соответствует принятой им форме. Воззвание это должно помочь ему сохранять над формой полную власть.

V. Обращаясь к форме, маг должен четко объявить, для чего именно он намеревается ее использовать.

W. Маг производит те же действия, что и в пункте W ритуала Невидимости, за тем лишь исключением, что взывать здесь он должен не к силам Бины, а к силам плана, соответствующего форме.

Часть ☿: Духовное развитие

A. Сфера чувственного восприятия.

B. Авгоэйд.

C. Сефирот и т.д.

D. Соискатель, или естественный человек.

E. Уравновешивание символов.

F. Воззвание к Высшему. Ограничение и подчинение низших сил и замыкание материальных чувств ради пробуждения духовного.

G. Попытка естественного человека постичь Высшее — сперва посредством ограничения пользы, которую может принести ему обычный интеллект, а затем посредством очищения мыслей и желаний. При этом Соискатель должен мысленным взором увидеть себя стоящим между двумя столпами — огненным и облачным.

H. Всецелое устремление естественного человека к Высшему «Я» и молитва к Владыке Вселенной о том, чтобы через это Высшее «Я» ему были ниспосланы Свет и наставничество.

I. Соискатель ревностно и горячо взывает с молитвой о Божественном Наставничестве и преклоняет колени у западной стороны алтаря. Оставив свое физическое тело в позе Входящего, он совершает астральную проекцию сознания в мысленную форму, стоящую к востоку от алтаря. В этой форме он обращается лицом на запад, к своему физическому телу, и на астральном плане берет свое тело за левую руку астральной левой рукой. Правую же астральную руку он воздевает вверх, держа в ней за белую полосу направленный вертикально вверх образ Лотосового жезла.

J. Пусть теперь Соискатель медленно произнесет речь, обращенную к божествам и к Высшему «Я» (речь Второго Адепта при вступлении в Усыпальницу), проговаривая слова устами своей астральной формы, стоящей у восточной стороны алтаря. Если в этот момент Соискателю покажется, что его вот-вот охватит слабость, пусть он тотчас же прекратит проецировать астральную форму и полностью овладеет собой, прежде чем продолжать операцию. Затем, полностью сосредоточив свой разум в физическом теле, пусть Соискатель трижды возложит лезвие своего меча на точку Даат на своей шее и, собрав всю свою волю, произнесет слова: «Так помогите же мне, о Владыка Вселенной и моя высшая душа!» Затем пусть он поднимется, обратившись лицом к востоку, и несколько мгновений постоит в безмолвии, подняв и вытянув над головой обе руки: левую — с раскрытой ладонью, а правую — с Мечом Искусства. Голова его должна быть запрокинута, а очи — возведены горé. Стоя

так, пусть устремится он всею своею волей к своему наилучшему и высочайшему Идеалу Божественного.

K. Пусть Соискатель пройдет в точку севера и, повернувшись лицом к востоку, торжественно обратится к себе с речью Иерофанта устами собственной астральной формы, в данном случае спроецированной на Престол Востока. Затем пусть он медленно сформирует перед собой Образ Великого Ангела-Факелоносца, словно бы направляющего Соискателя и освещающего ему путь.

L. Следуя за Ангелом, пусть Соискатель совершит мистический обход и пройдет в точку юга. Здесь пусть остановится и устремится всею своею волей сперва к стороне Милосердия в своем Божественном Идеале, а затем — к стороне Суровости. Затем же пусть представит себя стоящим между двумя великими столпами — огненным и облачным, основания коих укрыты вечно клубящимися черными тучами тьмы, символизирующей хаос мира Асия, вершины же теряются в прекрасном свете бессмертного, поднимаясь вплоть до Белого Сияния Престола, на коем восседает Ветхий Днями.

M. Далее пусть Соискатель пройдет на запад, обратится лицом к юго-востоку и произнесет таким же образом речи Иерея и Гегемона.

N. Совершив еще один обход, пусть Адепт-Соискатель остановится в точке юга и повторит медитацию, описанную в пункте L.

O. Далее пусть пройдет он на восток и таким же образом произнесет речи Иерофанта и Гегемона.

P. И пусть приблизится к западной стороне алтаря, по-прежнему следуя за Ангелом-Факелоносцем. Здесь Соискатель вновь должен совершить астральную проекцию и переместить свое сознание в астральную форму; физическое его тело остается коленопреклоненным, пока душа его проходит между Столпами. Здесь он возносит Великую Молитву Иерофанта.

Q. Теперь душа Соискателя возвращается в его грубую телесную оболочку; и в Божественном Экстазе он грезит о Неизреченном Сиянии Нерожденного и Запредельного; и, погруженный в эту грезу, восстает

и возносит к Небесам руки и очи и все надежды свои, и сосредоточив на этом Сиянии всю свою волю, шепотом произносит Мистические Слова Силы.

R. Немедленно вслед за этим он произносит слова Иерофанта о Светильнике Глашатая, после чего проходит вдоль восточной стороны алтаря в точку между Столпами; и, стоя между ними (или, если ритуал совершается не в Храме, убранном по всем правилам, стоя в точке, где должны находиться Столпы, и мысленно сформировав их образы по обе стороны от себя), возвышает свое сердце к высочайшей Вере и размышляет о наивысшем из божеств, какое только может себе представить. Затем пусть вытянет руки перед собою, ища опоры во тьме невежества, и в Знаке Входящего призовет силу сего божества, дабы сняла она покровы мрака с его духовных очей. Затем же пусть попытается узреть пред собою, на месте Престола Востока, некий светоч или слабое сияние, постепенно обретающее форму. Узреть его можно лишь мысленным взором. Но в этом возвышенном состоянии духа адепту иногда может казаться, что он созерцает это сияние очами смертного тела. Далее пусть отвлечется он ненадолго от этого созерцания и, дабы удержать равновесие, еще раз сформирует образы Столпов Небесного Храма.

S. И вот опять стремится Соискатель узреть Сияние, обретающее форму, — совершив же это, он трижды обходит Круг по периметру, благоговейно приветствуя Знаком Входящего место этого Сияния.

T. Затем пусть Соискатель встанет напротив места, где сияет этот Свет, и погрузится в глубокую медитацию, созерцая это Сияние. И пусть при этом представляет, что Свет сей обволакивает его и окутывает всего целиком; и пусть стремится он слиться воедино с сиянием этого Света. И да возвеличит он себя, уподобившись мысленно некой исполинской сущности и стараясь осознать, что это и есть его Истинное «Я», а Естественный Человек — лишь подножие и престол этого «Я» и должен служить ему таковым с благоговением и почтением. Совершив это, пусть Соискатель тотчас же возгласит

громким голосом: «Вот наконец дозволено мне начать постижение формы моего Высшего "Я"».

U. Затем Соискатель взывает к этому Авгоэйду с горячей мольбой, дабы Он позволил ему постичь все, что необходимо сейчас для его руководства и обучения.

V. Далее он обращается к Нему за советом по тому вопросу, в котором сейчас желает получить руководство от Запредельного.

W. В заключение пусть Соискатель постарается установить связь между этим Сиянием и своей личностью; и пусть обновит он пред Ним свой обет душевной чистоты, дабы избегнуть опасностей фанатизма и духовной гордыни. И пусть не забывает адепт о том, что описанный здесь ритуал ни в коем случае нельзя применять для вступления в контакт с Высшей Душой, или Гением, другого человека. Любая такая попытка неизбежно ведет к иллюзиям и заблуждениям, а подчас и к безумию.

ו

Книга IV

Прорицание

A. Форма Прорицания.

B. Прорицатель.

C. Силы, действующие в процессе Прорицания.

D. Предмет Прорицания.

E. Подготовка всего необходимого и достижение правильного представления о предстоящем процессе, благодаря чему будет установлена связь между процессом Прорицания и Макрокосмом.

F. Воззвание к Высшему; подготовка плана Прорицания и призвание соответствующих сил.

G. Первое прикосновение к теме. Первое утверждение границ и соответствий: начало работы.

I. Прорицатель объявляет вслух о том, что все принятые соответствия верны и совершенны. Он возлагает руку на орудие Прорицания. Стоя у восточной

стороны алтаря, он готовится воззвать к силам, необходимым для Прорицания.

J. Прорицатель торжественно взывает к духовным силам, которые окажут ему необходимую помощь в Прорицании. Затем он произносит: «О магическое зрение, необходимое для свершения этого Прорицания! Явись предо мною чистым, как зеркало!»

K. Прорицатель четко формулирует вопрос. Он должен в письменной форме изложить, что ему уже *доподлинно известно*, что он *предполагает* или *подразумевает*, и что именно он желает узнать. И пусть не забудет тщательнейшим образом проверить, соответствует ли действительности то, что он определил как доподлинно известное.

L. Затем пусть прорицатель четко сформулирует две группы аргументов — *«за»* и *«против»* успеха дела, о котором он вопрошает. Это даст ему возможность вынести взвешенное предварительное суждение.

M. Предварительная формулировка вывода из рассмотренных к этому моменту предпосылок.

N. Аналогично пункту L.

O. Вторая формулировка вывода — на сей раз о последствиях, вытекающих из вывода в предварительной формулировке.

P. Прорицатель должен сравнить первый, предварительный вывод со вторым, вытекающим из него. Это позволит ему, призвав ангельскую форму, соответствующую процессу Прорицания, составить представление о влияниях *сил, действующих за пределами материального плана*. Будь осторожен! Да не введут тебя в заблуждение твои предвзятые мнения! Полагайся после должной проверки лишь на указания, которые будут ниспосланы сей ангельской формой. И помни, что если призванная на помощь форма будет иметь не ангельскую, а какую-либо иную природу, то указания ее будут ненадежны: ведь стихийные духи обитают ниже того плана, на который необходимо проникнуть прорицателю.

Q. Затем прорицатель полно и подробно формулирует целостное суждение как о ближайшем будущем,

так и о более отдаленных последствиях, принимая в расчет сведения и указания, предоставленные ангельской формой.

R. На основе достигнутых выводов, служащих основой для дальнейшей работы, прорицатель должен сформулировать тему дополнительного Прорицания.

S. Прорицатель формулирует аргументы «за» и «против» успеха дела, о котором он вопрошает в дополнительном Прорицании, и выносит суждение.

T. Затем прорицатель тщательно сопоставляет целостное суждение и вынесенные решения с вытекающими из них последствиями и приходит к окончательному краткому выводу.

U. Прорицатель дает лицу, обратившемуся к нему с вопросом, совет о том, какую пользу он может извлечь из вынесенного суждения.

V. Основываясь на результатах Прорицания, прорицатель перечисляет силы, с которыми необходимо работать в целях противостояния Злу или укрепления Добра.

W. И, наконец, запомни твердо и не забывай, что Прорицание для тебя должно быть священным деянием Божественной Магии Света. И не должно совершать его ради потворства своему любопытству, из желания проникнуть в чужие тайны. Если же чужие тайны откроются тебе посредством прорицания случайно, то чти их и не выдавай.

Книга V

Алхимия

A. Реторта или перегонный куб.

B. Алхимик.

C. Алхимический процесс и задействованные в нем силы.

D. Материя, подлежащая трансмутации.

E. Алхимик выбирает материю, подлежащую трансмутации, и изготавливает, очищает и размещает в должном порядке все необходимые для алхимического процесса сосуды, материалы и т.д.

F. Общее воззвание к Высшим Силам. Помещение материи в реторту (философское яйцо[1]) и обращенный к слепой силе призыв приступить к действию в темноте и безмолвии.

G. Начало алхимического процесса. Алхимик устанавливает и ограничивает жар и влажность в должных степенях. За первым воззванием следует первая дистилляция.

H. Алхимик извлекает из реторты осадок, оставшийся после дистилляции, помещает его в ступу и перетирает в порошок. Затем он возвращает порошок в реторту и заливает его дистиллированной жидкостью. После этого реторту (философское яйцо) следует закупорить.

I. Герметически закупорив реторту (философское яйцо), алхимик вслух объявляет о том, что все готово для воззвания к силам, необходимым для свершения алхимического труда. Затем он помещает материю на алтарь с символами стихий и четырьмя орудиями. Он кладет ее на белый треугольник и сверкающую скрижаль общего характера, гармонирующую с материей, избранной для трансмутации. Стоя на месте Иерофанта, у восточной стороны алтаря, алхимик должен возложить свою левую руку на реторту, а правую руку поднять, держа в ней Лотосовый жезл за полосу Овна (ибо Овен — это рождение года), и приготовиться призвать силы Божественного Света к участию в работе.

J. Алхимик произносит вслух общее воззвание к силам, соответствующим данному классу алхимических операций. Воздействие этих сил на реторту — необходимое условие для совершения процесса. Дабы привлечь их, оператор чертит в воздухе подобающим орудием все необходимые в данном случае геометрические

1 Философское яйцо — овальный стеклянный сосуд, в котором собирается жидкость, предназначенная для дальнейших операций. Этот сосуд можно герметически закупорить.

фигуры, знаки, сигилы и т.д. Затем пусть алхимик произнесет: «Да будут мне в помощь Владыка Вселенной и моя Высшая Душа». Затем пусть он поднимет реторту обеими руками и промолвит: «Вступите же в действие, о силы Света Божественного!»

К. Затем Материя должна гнить на *Balneum Mariae*[1] на очень слабом огне — до тех пор, пока не начнет окутываться чернотой, и даже дольше, пока не почернеет вся. Если по своей природе избранная для трансмутации материя не способна достичь совершенной черноты, то алхимик должен следить за ней астральным зрением и дожидаться, пока полная чернота не сгустится на астральном плане; можно также призвать на помощь стихийную сущность и выяснить у нее, достаточна ли достигнутая степень почернения. Однако, вопрошая стихийного духа, маг должен остерегаться обмана, ибо под действием символа Тьмы стихийные духи становятся лживыми. А потому да не вопрошает алхимик его *ни о чем более*, кроме как о степени почернения, и пусть подвергнет проверке полученный ответ, изучив облик стихийного духа: если должная степень почернения достигнута, дух также предстанет черным или облаченным в черную ризу. Для этого вызывания следует использовать имена и прочие соответствия Сатурна. Когда материя почернеет в достаточной степени, алхимик должен извлечь реторту из *Balneum Mariae*, поместить ее у северной стороны алтаря и совершить над ней торжественное воззвание к силам Сатурна, дабы они вступили в работу над материей. Затем, держа жезл за черную полосу, пусть алхимик промолвит: «Услышал я Голос Алхимика... и т.д.» Затем следует откупорить реторту и укрепить на ней колпак перегонного куба. При всех подобных воззваниях следует помещать реторту на соответствующую сверкающую скрижаль. Некоторые процессы могут продолжаться несколько недель или даже месяцев; скорость процесса здесь зависит не столько от выбранной материи, сколько от самого алхимика.

---

1 Т.е., на водяной бане — в сосуде, помещенном для нагревания в другой сосуд с горячей водой.

L. Затем пусть алхимик полностью дистиллирует содержимое реторты на умеренном огне. Пусть соберет осадок и перетрет его в порошок, вернет этот порошок в реторту и зальет дистиллированной жидкостью. Затем пусть снова поместит реторту на водяную баню и нагревает на умеренном огне. Когда содержимое вновь разжижится в достаточной степени (независимо от цвета), реторту следует извлечь из бани. После этого можно приступать к следующей магической церемонии.

M. Пусть алхимик поставит реторту у западной стороны алтаря и, держа Лотосовый жезл за черный конец, совершит магическое воззвание к ущербной Луне и Хвосту Дракона. Затем реторту следует поместить под лучами луны, идущей на ущерб, на девять ночей подряд, начав с полнолуния. После этого на реторту следует вновь установить колпак для очередной дистилляции.

N. Повторение процесса, описанного в пункте L.

O. Затем реторту следует поставить у восточной стороны алтаря. Алхимик совершает воззвание к растущей Луне и Голове Дракона (держа Лотосовый жезл за белый конец), дабы вступили они в работу над материей. Затем реторту следует поместить под лучи растущей луны на девять ночей подряд, завершив ночью полнолуния. В этой, как и в других подобных процедурах, облачность не имеет значения: важно лишь, чтобы сосуд стоял в таком месте, где, не будь на небе облаков, на него падали бы прямые лучи.

P. Реторту следует снова поставить на белый треугольник на алтаре. Алхимик совершает воззвание к силам Солнца, дабы они вступили в работу над содержимым сосуда. Затем реторту следует помещать под лучи солнца ежедневно на двенадцать часов, с 8:30 утра до 8:30 вечера[1]. (Желательно, чтобы Солнце при этом находилось в сильном положении в зодиаке. Впрочем, это не обязательное условие; важно лишь, чтобы Солнце не находилось в знаках Скорпиона, Весов, Козерога или Водолея.)

1 В оригинале количество дней, на протяжении которых должна повторяться эта операция, не указано.

Q. Реторта снова устанавливается на белый треугольник на алтаре. Алхимик провозглашает: «Дитя Земли! Долго обитало ты во тьме... и т.д.». Затем, держа над ретортой Лотосовый жезл за белый конец, он произносит: «Помещаю в тебя призванные силы Света», — и произносит Мистические Слова. В этот момент в реторте появятся резкие и яркие вспышки света, и сама материя очистится (насколько это позволит ее природа). Увидев эти вспышки, маг должен вызвать из реторты стихийного духа, соответствующего природе материи, и по цвету и яркости его одежд сделать вывод о том, достигла ли материя должного состояния. Но если вспышек не будет и если одежды стихийного духа не будут сверкать и сиять, то реторту следует вновь поставить на белый треугольник и оставить на семь дней, положив по правую сторону от вершины треугольника сверкающую скрижаль Солнца, а по левую — скрижаль Луны. И не следует ни передвигать реторту, ни прикасаться к ней до истечения этих семи дней; и не следует оставлять ее в темноте, кроме как по ночам. Затем пусть алхимик повторит вышеописанную операцию над ретортой; и весь этот процесс можно повторять в общей сложности до трех раз, если в сосуде не появятся вспышки. Ибо без последних дальнейшая работа бессмысленна. Если же вспышки не появятся и после трех раз, это означает, что в предшествующих операциях была допущена ошибка: либо сам алхимик взялся за дело в неподобающем состоянии, либо в действиях с ретортой не были соблюдены все необходимые правила. В этом случае пусть алхимик повторит воззвания к лунным и солнечным силам, и если это будет проделано усердно и тщательно (особенно при обращениях к Голове и Хвосту Дракона, сопутствующих обращениям к Луне, — ибо эти сущности обладают великой силой на материальном плане), то в конце концов вспышки света в сосуде обязательно появятся.

R. Держа Лотосовый жезл за белый конец, пусть алхимик начертает в воздухе над ретортой символ Огненного Меча, нисходящего в сосуд. Затем пусть он

поместит реторту у восточной стороны алтаря. Далее алхимик должен стать между Столпами и совершить торжественное воззвание к силам Марса, дабы они вступили в работу над содержимым сосуда. Затем реторту следует поместить между Столпами (или символическими изображениями Столпов) на семь дней, поставив ее на сверкающую скрижаль Марса. По истечении этого срока пусть алхимик полностью дистиллирует содержимое сосуда вначале на водяной бане, а затем в *Balneum Arenae*[1].

S. Затем пусть алхимик соберет дистиллированную жидкость и совершит над нею воззвание к силам Меркурия, дабы они вступили в работу над чистой жидкостью и образовали в ней алхимический Меркурий — Ртуть Философов. (Над осадком — Мертвой Головой — работать пока не следует: его нужно собрать и отложить до поры до времени.) После воззвания к Алхимическому Меркурию вся жидкость должна засветиться ярким светом: теперь она должна стать не только чистой, но и сверкающей. Когда это свершится, алхимик должен подставить жидкость в герметически закупоренном сосуде солнечным лучам на семь дней; по окончании этого срока в сосуде появятся отчетливо различимые вспышки света. (Можно использовать философское яйцо, но подойдет и плотно закупоренный приемник перегонного куба.)

T. Теперь следует изъять из реторты осадок (Мертвую Голову), тщательно растереть его в порошок и вернуть в реторту. Над этим порошком алхимик должен совершить воззвание к силам Юпитера. Затем реторту с порошком следует поместить на семь дней в темное место, поставив ее на сверкающую скрижаль Юпитера. По окончании этого срока над осадком должно появиться слабое свечение, но если этого не случится, операцию можно повторять до трех раз. Тогда наверняка появится хотя бы слабый блеск.

U. Далее следует возложить на алтарь сверкающие скрижали четырех стихий и четыре магических

1 Т.е., в песочной бане — в сосуде, помещенном для нагревания в другой сосуд с горячим песком.

элементальных орудий (как показано на схеме). Сосуд с жидкостью следует поместить между скрижалями Воздуха и Воды, а реторту с Мертвой Головой — между скрижалями Огня и Земли. Теперь пусть алхимик свершит воззвание к стихиям, используя Большой ритуал призывающей пентаграммы[1] и то из малых магических орудий, которое подходит для данной цели. Во-первых, следует воззвать к силам Огня, дабы они вступили в действие над Мертвой Головой. Во-вторых, следует воззвать к силам Воды, дабы они вступили в действие над дистиллированной жидкостью. В-третьих, следует воззвать к силам Духа (с помощью белого конца Лотосового жезла), дабы они вступили в действие и над осадком, и над жидкостью. В-четвертых, следует воззвать к силам Воздуха, дабы они вступили в действие над жидкостью; и, наконец, к силам Земли — дабы они трудились над Мертвой Головой. И пусть оба сосуда останутся стоять на алтаре на протяжении пяти дней подряд; по истечении же этого срока в обоих сосудах будут видны вспышки света. И вспышки эти приобретут легкую окраску[2].

V. Сосуды должны оставаться в прежнем положении. Убрав с алтаря сверкающие скрижали стихий, алхимик должен заменить их скрижалью Кетер. Последняя же должна быть белой с золотым блеском, и возложить ее следует поверх белого треугольника или внутрь его, между сосудами. Затем алхимик самым торжественным образом взывает к силам Кетер, дабы они привели весь алхимический труд к желаемому исходу, и чертит в воздухе над каждым сосудом символ Огненного Меча.

Это самое важное из всех воззваний. Алхимик преуспеет в нем лишь при условии, что при подготовке к нему и при изготовлении сверкающей скрижали установит теснейшую связь со своим Высшим «Я». И если воззвание будет свершено успешно, то по окончании его сосуд с жидкостью, прежде лишь слабо светившийся,

---

1 См. «Liber O», «Эквинокс», I, 2. — *Примеч. А. Кроули.*
Рус. пер. см.: Кроули, *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 582—585.

2 См. схему 58 на вклейке.

вспыхнет ярким сиянием, и вся жидкость заискрится, как бриллиант; порошок же в реторте станет слегка поблескивать мерцающим светом.

W. Теперь дистиллированную жидкость следует слить в реторту с осадком (Мертвой Головой). Поначалу смесь будет мутной. Но следует подставлять ее солнечным лучам в течение десяти дней подряд (10 = Тиферет, проводящая влияние Кетер). Затем следует вновь поместить реторту на белый треугольник на алтаре, на сверкающую скрижаль Венеры, и совершить торжественное воззвание к Венере, дабы вступила она в работу над содержимым реторты. И пусть остается реторта в этом положении семь дней. По истечении же этого срока посмотри, какую форму, какую окраску и вид приобрела жидкость: теперь она будет сиять свечением более мягким. Чтобы проверить, дошла ли она до нужного состояния, можно вызвать стихийного духа. Когда появится это мягкое свечение, помести реторту на водяную баню и выпаривай жидкость на слабейшем огне в течение семи дней. Затем дистиллируй содержимое реторты на водяной бане, начав со слабого огня и постепенно увеличивая жар до очень сильного. И продолжай до тех пор, пока жидкость не перестанет выделяться даже при самом мощном жаре. Полученную жидкость собери и храни в плотно закупоренном флаконе: этот Эликсир будет действовать сообразно тому веществу, из коего был получен. Эликсир из лекарственного вещества будет целебным снадобьем, а из металла — очистителем металлов; используй его по своему усмотрению. Осадок же помести в тигель, не растирая. Закупорь этот тигель со всем возможным тщанием и запечатай все щели. И помести этот тигель в атанор[1] и разогрей сперва до красного каления, а после и до белого. И повторяй эту операцию семь раз в течение семи дней кряду, всякий раз извлекая тигель из печи, как только он будет доведен до наибольшего возможного жара, и оставляя его остывать постепенно.

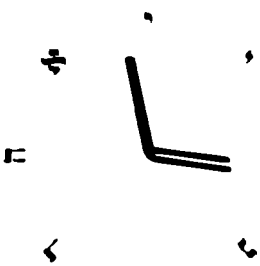
1 Атанор — жаровня, иногда рассматриваемая как инкубатор. Упоминается, когда речь идет о мягком или умеренном нагревании. — *Примеч. редакции.*

Лучшее время для этой операции — самое жаркое время дня. На седьмой день, повторив нагревание в последний раз, открой тигель и узри, какую форму и окраску обрела *Caput Mortuum*[1]. А будет она подобна либо драгоценному камню, либо сверкающей пудре. И этот камень или пудра будет обладать магическими свойствами, сообразными природе вещества.

На этом завершается описание Формул Магии Света.

На основе указаний, изложенных в первой из этих пяти книг — «Книге ⁵», Брат P[erdurabo] составил ритуал «Вызывания Тифона-Сета в зримом облике», при помощи которого, возвысив сигил Тифона до степени 1°=10°, околдовал одного своего строптивого собрата по ордену — Брата D.P.A.L., досаждавшего в то время Брату D.D.C.F. судебным преследованием[2]. Но вместо этого Вызывания в качестве примера подобной операции мы приведем здесь другой ритуал — «Вызывание Великого Духа Тафтартарата[3]», составленное Братом I[ehi] A[our].

Ритуал вызывания Великого Духа Тафтартарата в зримом облике

Во имя Бога да будет свет — предел пустоте!

---

1 «Мертвая Голова» (*лат.*).

2 D.P.A.L. — аббревиатура от «De Profundis Ad Lucem» (лат. «Из бездны — к свету»), орденского девиза Фредерика Ли Гарднера (см. примеч. 5 на стр. 177). D.D.C.F. — С.Л. Мазерс (см. примеч. 1 на стр. 214). В действительности Гарднер не преследовал Мазерса в судебном порядке, но угрожал опубликовать некие материалы Ордена с тем, чтобы погасить финансовую задолженность, по которой Мазерс не мог с ним рассчитаться.

3 Тафтартарат — дух Меркурия.

Сестра S.S.D.D.[1] преобразовала этот ритуал Брата I[ehi] A[our] в операцию, призванную установить связь между магом и богом Тотом. Это нелепо; правильная версия ритуала, в которой связь устанавливается между магом и духом Тафтартаратом, приводится здесь.

Общие соображения

Ритуал надлежит проводить в день и час Меркурия; приступать собственно к Вызыванию — в магический час Тафрак[2], под властью Великого Ангела Меркурия רפאל *[Рафаэля].*

13 мая 1896 года час Тафра[к] приходится на промежуток от 8:32 до 9:16 пополудни[3]; в это время ☿ *находится в 17°*♊, *на куспиде седьмого дома, лишь немногим южнее точки запада.* ☽ *в 14°*♊ *приближается к соединению с* ☿, ☿ *приближается к соединению с* ♆ *и образует аспект в 150° с* ♄.

О форме Круга, необходимого для этой операции

Магические символы Меркурия следует начертать, как показано здесь, на земле желтовато-оранжевым мелом. В той стороне, с которой должен появиться вызываемый дух, чертится треугольник в круге; по трем углам его надлежит поместить три сосуда с горящим на углях благовонием Меркурия. Вокруг большого круга размещаются светильники, в которых горит оливковое

---

1 S.S.D.D. — аббревиатура от «Sapientia Sapienti Dono Data» (лат. «Мудрость есть дар, врученный мудрецам»), орденского девиза Беатрис Флоренс Фарр (Farr, 1860—1917), английской актрисы, оккультистки и писательницы, на протяжении нескольких лет возглавлявшей лондонский храм G∴D∴. Успешный ритуал вызывания Тафтартарата Флоренс Фарр провела 13 мая 1896 года с участием трех помощников — Алана Беннета (I.A.), Ф.Л. Гарднера (D.P.A.L.) и Чарльза Рошера (Æ.A., от лат. «Aequo Animo» — «Со спокойствием духа»).

2 Тафрак (Tafrac) — 8-й час ночи, связанный с Меркурием в силу соответствия этой планеты 8-й сефире, Ход.

3 Здесь использована система, по которой ночные часы отсчитываются от полудня; продолжительность каждого часа рассчитывается как $^{1}/_{12}$ от времени между полуднем и последующей полночью. Уточненные астрологические данные на указанный момент времени (13.05.1896, 20:32, Лондон, Англия): ☿ — 15°16′ ♊; ☽ — 5°21′ ♊; ♆ — 16°50′ ♊; ♄ — 15°12′ ♍; куспид VII дома — 3°21′ ♊.

масло, насыщенное змеиным жиром. C — это престол главного оператора. D — алтарь, E и E — столпы, а G и G — удобные столики, на которых располагаются письменные принадлежности, ингредиенты для адского варева, уголь, благовония и т.д., одним словом, всё, что может понадобиться для этой работы. В точке F помещается небольшой медный котел, подогреваемый снизу светильником, горящим на спирту, в котором прежде была заспиртована змея.

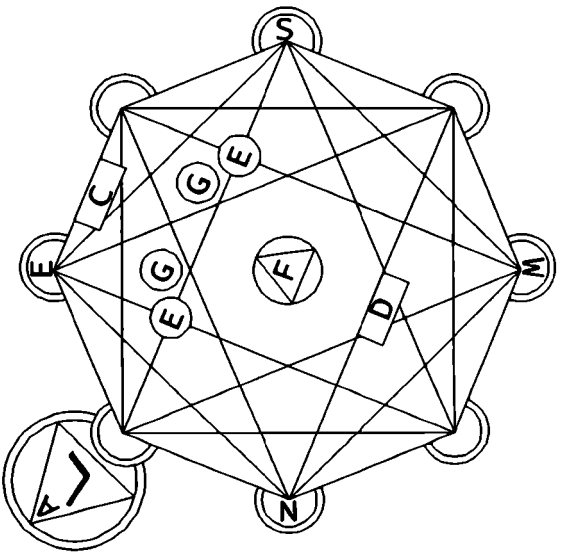

Схема 59
Круг Искусства

Operationis Personae[1]

- *Достопочтенная Сестра S.S.D.D. [Флоренс Фарр], именуемая Могучим Магом Искусства*
- *Достопочтенный Брат I.A. [Алан Беннет], именуемый Помощником Мага Искусства*
- *Достопочтенный Брат Æ.A. [Чарльз Рошер], именуемый Магом Огня*

1 «Действующие лица» (лат.).

- *Достопочтенный Брат D.P.A.L. [Ф.Л. Гарднер], именуемый Магом Воды*

Маг Искусства проводит операции Призывания как таковые, а также управляет Помощниками и отдает им приказания.

Помощник Мага Искусства действует подобно Глашатаю при обходах храма; надзирает за кипением Адского варева в центре Круга; при необходимости повторяет Призывания вслед за Магом Искусства по его повелению; а также подготавливает место работы перед началом операции.

Маг Огня надзирает за всеми магическими светильниками, огнями, свечами, благовониями и т.д.; по приказанию Мага он совершает ритуалы призывания и освящения, освящает храм Огнем, а также освящает положенным способом все Огни, используемые в операции.

Маг Воды надзирает за всеми жидкостями, используемыми в операции, за Водой и Вином, Маслом и Молоком; совершает все ритуалы изгнания при открытии церемонии; очищает Храм водой и освящает положенным способом все жидкие субстанции, используемые в операции.

Облачения и регалии

Могучий Маг Искусства должна облачиться в белую ризу, надеть желтую перевязь, красную мантию и немес цвета индиго. На грудь она должна возложить большую Скрижаль с магической печатью Меркурия, а поверх нее — ламен с сигнатурой Тафтартарата и, на оборотной стороне, ламеном Иерофанта. Также Маг Искусства должна надеть перевязь с кинжалом и возложить себе на сердце красную розу; в левой руке она должна держать Анх Тота, а в правой — Ибисовый жезл.

Помощник Мага Искусства должен облачиться в белую ризу и подпоясаться змеиной кожей, надеть черный головной убор и возложить на грудь ламен вызываемого духа, на оборотной стороне которого изображен ламен Иерея. В правой руке он должен держать меч,

а в левой — Магическую Свечу; на шею же он должен возложить черную цепь.

Маг Огня должен облачиться в белую ризу, надеть желтую перевязь и возложить розу на грудь. В правой руке он должен держать меч, а в левой — красный светильник.

Маг Воды должен облачиться в белую ризу, надеть желтую перевязь и возложить на грудь Розу-и-Крест. В правой руке он должен держать меч, а в левой — чашу с водой.

Открытие

Как указывалось выше, Помощник Мага Искусства должен подобающим образом приготовить Палату Искусства.

Пусть он начертит на земле все необходимые геометрические фигуры и обведет их магическим мечом; пусть расставит должным образом храмовую утварь. Затем пусть соберутся и облачатся участники церемонии. Верховный Маг встает, держа Ибисовый жезл за черный конец, и провозглашает:

Hekas, hekas este bebeloi!

Братья Ордена Розы и Креста! Мы собрались сегодня, чтобы призвать духа Тафтартарата явиться перед нами в зримом облике. Но прежде, нежели приступить к операции, сопряженной со столь великой опасностью, нам надлежит воззвать к божественной помощи и защите, без коих вся наша работа будет бесполезна и тщетна. Так пусть же все собравшиеся здесь преклонят колени и вознесут молитву.

[*Все преклоняют колени в четырех сторонах света.*]

Из Руки Твоей, о Господь, исходит всякое благо! Из Руки Твоей — вся благодать и милость! Перстом Своим Ты начертал Буквы в Книге Природы, но прочесть их может лишь тот, кого Ты обучил в школе Своей. И потому как слуга взирает с надеждой на руки своего господина или служанка — на руки своей госпожи, так

и мы устремляем к Тебе свой взор, ибо Ты один — нам опора, О Господи Боже наш!

Как не славить Тебя, о Владыка Вселенной? Как не хвалить Тебя?

Все в этом мире — Твое! Все вернется к Тебе — и Любовь Твоя, и Твой Гнев. Ничто не теряется втуне, ибо все сущее движется к Славе Твоей и Величью! Ты — единый Господь, никто не сравнится с Тобой. Могучей Десницей вершишь Ты волю Свою, и никто Тебя не избегнет. Ты один помогаешь в час их нужды смиренным, нищим и кротким сердцами, покорным власти Твоей; и ко всякому, кто смиряется перед Тобою в пыли и во прахе, Ты благосклонен!

И как же Тебя не хвалить, о Владыка Вселенной, как не славить Тебя? Никто с Тобой не сравнится; дом Твой — на Небесах и в каждом праведном сердце, постигающем страх Господень.

О Бог Необъятный! Ты — во всем сущем!

О Природа! Ты — Сущее из Ничто; ибо как мне назвать Тебя по-иному?

Сама в себе я — ничто! В Тебе я — всецелое «я» в твоем «Я», явленном из Ничто! Живи же во мне и веди меня к тому «Я», что в Тебе! Аминь[1]».

[*Все встают. Пауза.*]

Маг Искусства: Братья Ордена Розы и Креста! Очистим и освятим это место как Чертог Двойной Истины! О, Маг Воды! Повелеваю тебе исполнить малый ритуал изгоняющей пентаграммы[2], освятить очистительную Воду, вино, масло и молоко, а затем очистить место работы освященной Водой!

---

1 От слов «Из Руки Твоей» — речь Второго Адепта из ритуала посвящения Младшего Адепта (5°=6°) G∴D∴. Источником ее служит так называемая «Розенкрейцерская молитва», впервые опубликованная во второй части «Тайных фигур розенкрейцеров» (Альтона, 1785).

2 См. «Liber O», «Эквинокс», I, 2. — *Примеч. А. Кроули.*
Рус. пер. см.: Кроули, *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 576—579.

Маг Воды: О, Могучий Маг Искусства! Все твои повеления будут исполнены, и все будет сделано по желанию твоему.

[*Маг Воды проходит на север, где стоят на виду сосуды, вода, вино, масло и молоко. Чертя над ними изгоняющую пентаграмму воды, Маг Воды говорит:*]

Изгоняю вас, о нечистые, недостойные и злые духи, обитающие в этих творениях из родов воды, масла, вина и молока! Именем ЭЛЬ, сильным и могучим, и именем Габриэля, великого Ангела Воды, повелеваю вам: изыдите и впредь не оскверняйте присутствием своим сей Чертог Двойной Истины!

[*Начертив над ними уравновешивающую пентаграмму пассивных стихий и призывающую пентаграмму воды, он продолжает:*]

Именем HCOMA[1] и именами Empeh Arsel Gaiol[2] я освящаю вас для служения Магии Света!

[*Маг Воды помещает вино на алтарь, воду оставляет на севере, масло ставит на юге, а бронзовый сосуд с молоком на треножнике — в центре круга. Маг Искусства взывает про себя к Владыкам Ключевой Скрижали Союза[3], а затем продолжает про себя же:*]

Призываю вас, о Владыки Ключевой Скрижали Союза, напитать эти стихии Воды и Огня вашими тайными силами и поместить в средину этих враждующих стихий священные силы великой буквы Шин, дабы воссияла она в средоточии Равновесия, словно в Котле Искусства, где смешаны пламя и влага.

---

1 См. Скрижаль Духа и Зовы Стихий д-ра Ди (Sloan MSS [3191]) в Британском музее, а также схему 67 [стр. 363]. — *Примеч. А. Кроули.*

2 См. Скрижаль Воды и Зовы Стихий д-ра Ди. — *Примеч. А. Кроули.*

3 См. Скрижаль Духа. — *Примеч. А. Кроули.*

[*Освятив Воду, Маг Воды берет чашу с водой и окропляет водой весь круг по краю, говоря при этом*:]

Жрец, совершающий действо Огня, да омоется прежде чистою, звучной водой многошумного моря[1].

[*Затем он проходит в центр круга и кропит водой на четыре стороны света, произнося при этом*:]

Я очищаю водой.

[*Маг Воды возвращается на свое место на севере.*]

Маг Искусства: О, Маг Огня! Повелеваю тебе освятить это место изгоняющим ритуалом гексаграммы[2], освятить магический огонь и светильники, зажечь светильники и разместить их в должном порядке по кругу, а затем освятить это место священным огнем.

Маг Огня: О, Могучий Маг Искусства! Все твои повеления будут исполнены, и все будет сделано по желанию твоему.

[*Маг Огня собирает на юге благовония, масло, уголь и магическую свечу и совершает малый ритуал изгоняющей гексаграммы в четырех сторонах света; затем, погасив все огни, кроме одного, чертит над ним изгоняющую пентаграмму Огня и произносит*:]

Изгоняю вас, о злые и враждебные духи, обитающие в этих творениях из рода огня! Священным и грозным именем Бога Великого, Элохим, и именем Михаэля, великого Архангела Огня, повелеваю вам: изыдите и впредь не оскверняйте присутствием своим сей Чертог Двойной Истины!

---

1 «Халдейские оракулы», §193.

2 См. «Liber O», «Эквинокс», I, 2. — *Примеч. А. Кроули.*
Рус. пер. см.: Кроули, *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 585—587.

[*Маг Огня зажигает от единственного горящего огня магическую свечу и, начертав ею активную призывающую пентаграмму Духа, восклицает*:]

BITOM[1]!

[*Затем, чертя призывающую пентаграмму Огня, он произносит*:]

Именем BITOM и именами Oip Teaa Pedoce[2] я освящаю вас, о творения из рода огня, для служения Магии Света!

[*Маг Огня зажигает от магической свечи восемь светильников и уголь для жаровен, затем кладет благовония на угли в кадиле и обходит круг по краю, окуривая его благовониями и произнося*:]

Если же узришь Огонь сей, святой и безвидный, что из глубин мирозданья исходит сияющим блеском, Гласу Огня ты внемли[3].

[*Маг Огня проходит в центр круга и, взмахнув кадилом на четыре стороны света, произносит*:]

Я освящаю огнем.

[*Маг Огня возвращается на свое место на юге.*]
[*Верховный Маг берет веер и, взмахивая им, говорит*:]

О, творение из рода Воздуха, заклинаю тебя этими Именами, дабы все нечистые и злые духи покинули тебя немедля.

[*Обходя круг, произносит*:]

---

1 См. Скрижаль Духа. — *Примеч. А. Кроули.*

2 См. Скрижаль Огня. — *Примеч. А. Кроули.*

3 «Халдейские оракулы», §199.

Узришь ты Пламя, что реет, блистая, в потоках воздушных, или безвидное Пламя, из коего Гласа подобье исходит, или сияющий Свет изобильный, что мчится, вращаясь, с ревом и грохотом[1].

[*Чертит изгоняющую пентаграмму Воздуха и говорит*:]

О, творение из рода Воздуха! Именами EXARP[2] Ого Ibah Aozpi[3] я посвящаю тебя деяньям Магии Света!

[*Чертит призывающую пентаграмму. Все обращаются лицом к западу.*]

[*Помощник Мага бросает по щепотке соли на четыре стороны света за пределы круга, затем проходит на запад, становится лицом к востоку и чертит своей цепью изгоняющую пентаграмму Земли, говоря*:]

Заклинаю тебя, о творение из рода Земли, божественными именами Адонаи ха-Эрец Адонаи Мелех Намен и именем Ориэля, Великого Архангела Земли, дабы все нечистые и злые духи покинули тебя немедля.

[*Обходя круг, произносит*:]

Не снизойди в этот мир, ослепляющий темным сияньем, где вероломная глубь распростерлась и тучи клубятся, облик Аида скрывая, где вечно бурлящая бездна черно-коварная кружится, зыбкими тешась тенями, в вечном объятии с телом безвидным, пустым и бессветным[4].

[*Чертит призывающую пентаграмму.*]

---

1 «Халдейские оракулы», §198.

2 См. Скрижаль Духа. — *Примеч. А. Кроули.*

3 См. Скрижаль Воздуха. — *Примеч. А. Кроули.*

4 «Халдейские оракулы», §145.

О, творение из рода Земли, именами NANTA[1] Emor Dial Hectega[2] я посвящаю тебя служению Магии Света!

Верховный Маг: Мы призываем вас, о великие владыки Сторожевых башен Вселенной[3]! Охраняйте наш Магический Круг, и да не войдет в него ни единый нечистый или злой дух; укрепи и вдохнови нас в этом нашем деянии Магии Света. Да свершится Мистический Обход на Пути Света.

[*Первым идет Помощник Мага Искусства, держащий в левой руке Магическую Свечу, а в правой — Меч Искусства, очерчивая последним внешнюю границу Магического Круга. Все трижды обходят круг. Затем Помощник Мага Искусства останавливается на востоке и, обратившись лицом на восток, произносит*:]

Свят Ты, Владыка Вселенной!
Свят Ты, не сотворенный Природой!
Свят Ты, необъятный и могучий!
Владыка Света и Тьмы!

Верховный Маг Искусства: О, Маг Огня! Повелеваю тебе совершить в четырех четвертях Вселенной призывание сил Меркурия при помощи Печати Соломона[4].

Маг Огня: О, Могучий Маг Искусства! Все твои повеления будут исполнены, и все будет сделано по желанию твоему.

[*Исполняет повеление.*]

[*Верховный Маг проходит в центр круга, становится рядом с Магическим Котлом, в котором уже начинает нагреваться молоко, поворачивается к светильнику с горящим спиртом и произносит следующую инвокацию.*]

---

1 См. Скрижаль Духа.

2 См. Скрижаль Земли. — *Примеч. А. Кроули.*

3 Четыре Скрижали Стихий. — *Примеч. А. Кроули.*

4 См. «Liber O», «Эквинокс», I, 2. — *Примеч. А. Кроули.*
Призывание Меркурия с помощью Большого ритуала гексаграммы; рус. пер. см.: Кроули. *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 587—588.

Воззвание к Высшему[1]

О, Величье Божественной сути! О, Тот, увенчанный Мудростью! Властелин Врат Вселенной! Тебя, Тебя призываем! Ты, предстающий для смертного взора как Ибисоглавый! Тебя, Тебя призываем. Ты, предержатель Жезла Двух Владений! Тебя, Тебя призываем! Ты! В левой руке Твоей — Роза и Крест Света и Жизни: Тебя, Тебя призываем! Ты! Голова Твоя, как изумруд; Твой немес — ночных небес синева! Тебя, Тебя призываем! Ты! Словно в печи обожженная, кожа Твоя — оранжевый огнь! Тебя, Тебя призываем!

Смотри! Я есмь Вчера и Сегодня и Брат Грядущего дня! Тебя, Тебя призываем! Я рождаюсь снова и снова. Во мне — Незримая Сила, из коей исходят Боги! Та, что как Жизнь для живущих в Дозорных башнях Вселенной.

Я — Колесничий Востока, над Былым и Грядущим Властитель. Собственным внутренним светом я зрю; я — Властелин Воскресения; я — выходящий из Сумерек; тот, кто рожден в Обители Смерти.

О, вы, два Божественных Сокола на остриях своих башен!

Вы стоите на страже Вселенной; вы провожаете смертное ложе в Обитель Покоя; вы пролагаете путь Ладье Ра, восходящей к небесным высотам!

Владыка Гробницы, стоящий в Центре Земли![2]

Смотри! Он — во мне, и я — в Нем!

Во мне — Сияние, в коем парит Пта над небесной твердью!

Я странствую в горних высях!

Я ступаю по тверди Ну!

Я вздымаю блистающий пламень молнией Ока! Мчусь неустанно вперед в сиянии Ра, день за днем восходящего к славе, жизнь свою предавая живущим внизу, на Земле.

---

1 Следующий текст почти без изменений вошел в «Книгу Исрафель под номером 64». Рус. пер. с комментариями см.: Кроули, *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 664—667.

2 Аллюзия на символическую гробницу Христиана Розенкрейца в недрах священной горы Абиегнус; в традиции Золотой Зари эта гробница связывается с солярными образами и сефирой Тиферет.

Если я повелю: «Сойдите на горы!» — хлынут Небесные Воды по Слову сему.

Ибо Я — воплощенный Ра!

Во плоти сотворенный Хефра!

Я — Образ отца моего, Тму, Владыки над Городом Солнца!

В устах моих — Бог-повелитель!

Бог Мудрости — в сердце моем!

Язык мой — Святилище Правды!

На губах моих Бог восседает.

Ежедневно свершается Мной изреченное Слово,

И желание сердца становится явью, как у Пта при Творенье!

Я — Вечносущий! И посему в этом мире всё таково, как Я и замыслил; и посему всё повинуется Слову, что Я изрекаю.

Также и Ты посему снизойди на меня из Своих безмолвных покоев, — Неизреченная Мудрость! Всесветлый! Всесильный! Тот! Гермес! Меркурий! Óдин! Как ни назвать Тебя, все же пред Вечностью ты безымянный. Приди же, я говорю, и помогай мне, и охраняй меня в этом деянье Искусства.

Ты — Звезда на востоке, шедшая перед Волхвами! Ты — в неизменности сущий на Небе и в Преисподней! Ты — вечно трепещущий между Светом и Тьмой, восходя, нисходя, непрестанно меняя обличья и все ж не меняясь!

Солнце — Отец Твой!

Матерь Твоя — Луна!

Ветер носил Тебя в чреве своем; вскормила Земля в Тебе вечную Юность Божественной сути!

Приди же, приди, говорю!

И сделай меня владыкой над всеми духами мира:

Каждый дух, что под сводом небесным,

В Эфире и на Земле,
Под Землей,
На суше
И в Море;
В вихре Воздуха;
В беге Огня;
Каждая чара и каждый бич Бога Великого — мне да будут послушны!

[*Маг Искусства трижды обвивает черной веревкой сигил духа Тафтартарата и окутывает его черным шелком со словами*:]

Услышьте меня, о Владыки Истины в Чертоге Фемиды! Услышьте мои слова, ибо я — подобие ваше! Ныне, в сей день и час, я намереваюсь вызвать с божественной помощью Духа Меркурия, Тафтартарата, чей магический сигил я ныне связую тройным вервием Пленения и укрываю черным покровом непроглядной тьмы и смерти! И как я связую сей сигил тройным вервием Пленения, так и магическая сила воли и слов моих да проникнет в него и свяжет его, дабы утратил он всю свободу движений, но Властью и Величием сих обрядов силы да был принужден явиться здесь перед нами, за границею сего Круга Искусства, в магическом треугольнике, приуготовленном мною для его явления.

И как я укрываю от Света Дня сию сигнатуру духа Тафтартарата, так же да станет он там, где находится ныне, слеп, глух и нем. Дабы не мог он покинуть место свое, ни призвать на помощь богов своих, ни услышать чей-либо голос, кроме лишь моего или помощников моих, ни увидеть пред собой никаких путей, кроме лишь одного пути, ведущего в это место, где находится сигил его.

[*Помощник Мага Искусства помещает сигил в треугольник за пределы круга.*]

Причина же этого деянья моего — в том, что я желаю получить от духа Тафтартарата знания о сфере

Кокаб[1], и с этой целью я молю о божественной помощи именами Элохим Цебаот, Тот, Метатрон, Рафаэль, Михаэль, Бени Элохим, Тириэль[2].

[*Верховный Маг возвращается на свое место. Остальные трое проходят на запад и в знак угрозы направляют острия своих мечей на сигил, окутанный тканью и перевитый веревкой. Затем Помощник Мага переносит сигил к границе круга и вопрошает*:]

Кто дозволил допустить это творение из рода сигилов в Зал Двойной Истины?

Маг Искусства: Я, S.S.D.D., Сестра Ордена Золотой Зари, Младший Адепт-Теоретик Ордена Красной Розы и Золотого Креста!

I.A.: О, творение из рода сигилов! Ты не очищено и не освящено! ты не можешь войти в наш Магический Круг!

D.P.A.L. Творение из рода сигилов, я очищаю тебя Водой.

Æ.A. Творение из рода сигилов, я освящаю тебя Огнем.

[*Маг Искусства громким голосом выкликает имя Духа* семь раз, *мощно вибрируя, а затем говорит:*]

Помощник Мага Искусства! Повелеваю тебе поместить этот сигил у подножия Алтаря.

I.A. О, Могучий Маг Искусства! Все твои повеленья будут исполнены, и все будет сделано так, как ты желаешь.

---

1 Кокаб (др.-евр. כוכב, букв. «звезда») — планетная сфера Меркурия.

2 Элохим Цебаот — см. примеч. 2 на стр. 153. Метатрон — архангел сефиры Кетер, но см. ритуал Неофита (стр. 135), где он отождествляется с Тотом. Рафаэль — здесь: ангел планеты Меркурий. Михаэль — архангел сефиры Ход. Бени Элохим — ангельский чин сефиры Ход. Тириэль — разум планеты Меркурий.

[*Выполняет повеление. Затем Маг Искусства, стоя на престоле Востока, произносит следующую речь.*]

Призывание

О, могучий и сильный дух Тафтартарат! Связую и крепко Тебя заклинаю, дабы явился Ты в зримом облике перед нами, в этом магическом треугольнике за пределами Круга Искусства! Повелеваю Тебе без промедления прибыть сюда из темных обиталищ и убежищ Твоих, что в сфере Кокаб, и предстать перед нами в приятном обличье, не тщась устрашить нас пустыми видениями, ибо мы вооружены словами двойной силы и посему не ведаем страха! И, сверх того, я связую Тебя и заклинаю и повелеваю Тебе Могучим Именем Элохим Цебаот, дабы Ты научил нас, как нам обрести способность познать всё то, что относится к знанию Тота, владыки тайной мудрости и власти. Ныне я призову Тебя в магический час ТАФРАК, в день сегодняшний, ибо в день сей и час правит великий ангел Кокаб, Рафаэль, коему Ты подвластен; и я клянусь Тебе здесь, в зале двойного явления Истины: как истинно то, что Владыка Вселенной живет и царствует вечно; как истинно то, что я и сотоварищи мои пребываем в Ордене Красной Розы и Золотого Креста; как истинно то, что мы обладаем знаньем обрядов неизреченной силы,

ТАК ЖЕ И ТЫ

в день сей явишься перед нами в зримом обличье, в магическом треугольнике за пределами этого Круга Искусства.

[*К этому моменту уже должен наступить магический час Тафрак, начинающийся в 8 часов 32 минуты пополудни; если нет, то Адепты садятся и ждут начала часа. Когда начнется указанный час, Помощник Мага возлагает сигил на Алтарь, в правую четверть; Маг подходит к восточной стороне Алтаря и возлагает на сигил левую руку, держа в правой меч, направленный острием к центру сигила. Помощник Мага держит Магическую Свечу, при свете которой Маг Искусства будет читать*

следующую речь, а Маг Огня держит Книгу Заклинаний, при необходимости переворачивая страницы, дабы можно было читать без перерывов. Маг Искусства читает:]

Услышьте, о владыки Истины, и вы услышьте, о призванные силы сферы Кокаб, что ныне все приготовлено, дабы начать Вызыванье!

Могущественное заклинание

[*Маг Искусства произносит его, облекшись формой Духа Тафтартарата.*]

ת[1] О Ты, Могучий Дух Меркурия, Тафтартарат! Связую Тебя, повелеваю Тебе и крепко Тебя заклинаю

פ Величием грозного Имени
אלהים צבאות [Элохим Цебаот],
Богами Воинств
בני אלהים [Бени Элохим],
Именем
מיכאל,
[Михаэля], Великого Архангела Божьего, правящего сферой Кокаб, именем и во имя
רפאל
[Рафаэля], Великого Ангела Меркурия; именем и во имя
טיריאל
[Тириэля], Могучего Разума сферы Кокаб;
Именем и во Имя сефиры Ход,
и именем сферы твоей, КОКАБ:
Ныне, в сей день и час, прииди сюда и предстань перед нами в зримом обличье в великом магическом треугольнике за пределами этого Круга Искусства.

ת И снова связую Тебя и заклинаю: магическими фигурами, начертанными здесь на земле; Магической

1 Обозначения разделов этого заклинания составляют начало имени «Тафтартарат» в записи еврейскими буквами.

Печатью Меркурия, кою ношу я на груди своей; Восемью Магическими Светильниками, горящими вокруг меня; Твоей печатью и сигилом, кои ношу я на сердце: ныне, теперь же, в сей день и час прииди и появись перед нами в зримом и вещественном обличье в великом магическом треугольнике за пределами этого Круга Искусства.

ר И снова связую Тебя и заклинаю: Мудростью Тота, Могучего Бога; Светом Магического Огня; Неизреченной Славой Божества во мне; всеми могущественными именами и обрядами: ныне, теперь же, в сей день и час прииди и появись перед нами в зримом и вещественном обличье в великом магическом треугольнике за пределами этого Круга Искусства.

ת И снова связую Тебя и заклинаю: силами Слова и Воли; силами Числа и Имени; силами Цвета и Формы; силами Сигила и Печати: ныне, теперь же, в сей день и час прииди и появись перед нами в зримом и вещественном обличье в великом магическом треугольнике за пределами этого Круга Искусства.

ר И снова связую Тебя и заклинаю: всею Магией Света; Рубиновой Розой на Золотом Кресте; Славою Солнца и Луны; блистающим сияньем Магических Талисманов; Именами Бога, пред коим трепещешь Ты каждодневно! Ныне, теперь же, в сей день и час прииди и появись перед нами в зримом и вещественном обличье в великом магическом треугольнике за пределами этого Круга Искусства.

ת Если же ты не подчинишься и не пожелаешь прийти,

То я прокляну Тебя Могучими Именами Бога!
И отлучу Тебя от Силы Твоей и Места!
И буду терзать Тебя именами новыми и ужасными!
И уничтожу место Твое во Вселенной;
И Ты не восстанешь *вовеки*!

Так приди же немедля, о Могучий Дух Тафтартарат, поспеши из своих убежищ и обиталищ! Приди к нам и предстань перед нами в зримом и вещественном обличье в великом Магическом треугольнике за пределами этого Круга Искусства, и учтиво ответь на все наши вопросы, и смотри, не смей обмануть нас, не то...

[*Маг Искусства берет окутанный тканью сигил и трижды ударяет по нему плашмя лезвием Магического меча, затем высоко поднимает сигил левой рукой, в то же время трижды топая оземь правой ногой. Помощник Мага берет сигил и кладет его на севере. S.S.D.D. возвращается на свое место, берет лотосовый жезл (или ибисоглавый скипетр) и произносит*:]

Голос Заклинателя сказал мне: «Дозволь мне облечься Тьмою, и, быть может, я смогу явиться во Свете. Я — единое Сущее в бездне Тьмы; из Тьмы вышел я до рождения, из безмолвия первозданного сна». И Голос Веков ответил моей душе: «О, Творение Меркурия, имя коему — Тафтартарат! Свет во тьме Твоей светит, но тьма твоя не объяла его!» Да свершится Мистический Обход на Пути Тьмы, и пусть Магический Свет Тайного знания указует дорогу!

[*I.A. берет в левую руку сигил, а в правую — свечу. Начиная от точки севера, служители вначале обходят Храм один раз. Затем S.S.D.D. встает и присоединяется к обходу, заняв место во главе процессии. У Врат Запада она останавливается. I.A. приоткрывает сигил, очищает и освящает его; S.S.D.D. в качестве Иерея, облекшись образом соответствующего Духа, один раз ударяет Магическим Мечом сигил (теперь уже приоткрытый) и произносит*:]

Ты не перейдешь из Сокровенного в Проявленное иначе как силою имени Элохим! Прежде всего сущего были Хаос, и Тьма, и Врата в Страну Ночи. Я — тот, кому имя — Тьма; я — Великий на Пути Теней!

Я Заклинатель, вершащий обряд Заклинания. Явись же предо мною без страха, ибо Я есмь Тот, в ком Страха нет! Теперь ты знаешь меня! Проходи!

[*Маг Искусства проходит по кругу к Престолу Востока. Помощник Мага снова укрывает сигил покровом и несет его по кругу за Магом Искусства. У Врат Востока они останавливаются, приоткрывают, очищают и освящают сигил, как прежде. S.S.D.D. один раз ударяет сигил лотосовым жезлом:*]

Ты не перейдешь из Сокровенного в Проявленное иначе как силою Имени IHVH. Вслед за не имеющим формы, вслед за пустотою и Тьмой явилось знание Света. Я — Свет, восходящий во тьме; я — Заклинатель, вершащий обряд Заклинания. Явись же предо мною в Зримом Облике, ибо я — повелитель сил Равновесия. Теперь ты знаешь меня. Проходи! Ступай к Кубическому Алтарю Вселенной!

[*Сигил снова окутывают покровом, несут к Алтарю и кладут у западной стороны треугольника на Алтаре. S.S.D.D., подойдя к Алтарю, держит сигил и меч так же, как прежде. По правую руку от нее — Æ.A. с Магической Свечой; по левую — D.P.A.L. с текстом ритуала. За спиной S.S.D.D., к востоку от Магического Котла, стоит I.A. По мере необходимости он должен добавлять в молоко ингредиенты, которые будет называть Маг Искусства. Затем, когда S.S.D.D. станет произносить Магические Имена, I.A. будет чертить над Адским Варевом соответствующие сигилы и так далее. S.S.D.D. произносит:*]

Более сильное и действенное заклинание

Приди! Приди! Приди к нам, Дух Кокаб, Тафтартарат! Заклинаю Тебя! Приди! Прими от нас сии магические жертвы, приготовленные дабы наделить Тебя телом и формой.

Вот смесь магических элементов Твоего тела, символов Твоего могучего естества.

Сладкий запах мускатного цвета — это то, что очистит Тебя окончательно от Рабского Служения Злу.

Жар магического огня — это воля моя, окрыляющая грубую материю Твоего Хаоса и позволяющая Тебе явиться пред нами в приятном обличье.

Плоть змея — это символ тела Твоего, который мы разрушили водой и огнем, дабы оно предстало перед нами обновленным.

Кровь Змея — это Символ Магии Слова «Мессия», коим мы торжествуем над словом «Нехеш»[1].

Всесвязующее Молоко — это магическая вода Твоего очищения.

Огонь же, что пламенеет над этим всем [*помощник зажигает Адское Варево*], — это высшая сила наших священных обрядов!

Приди! Приди! Приди к нам, Дух Меркурия, о Тафтартарат! Связую и заклинаю Тебя во имя Того, кто восседает вовеки на Престоле Планеты Твоей, — Сведущего, Искусного, Всевластного в Мудрости Своей, Великого Царя Тота, Владыки Верхнего и Нижнего Венцов! Связую и заклинаю Тебя Великим Именем

IAHDONHI,

коего Мощь пламенеет над Твоими Дворцами и правит Тобою среди мрачных Твоих Обиталищ.

И силами могучей буквы Бет, коя есть обитель Бога нашего и Венец нашего Понимания и Знания. И великим Магическим Словом

StiBeTTChePhMeFShiSS,

кое вызывает Тебя из дворца Твоего так же верно, как бежишь Ты пред Духом Света и Венца! И именем

ZBaTh —

символом Твоего нисхождения от Меркурия в Близнецах к нам, в Малкут:

Приди, приди, приди!
Тафтартарат!

1 По еврейской гематрии נחש («змей») = משיח («Мессия») = 358.

Именем IAHDONHI
Я призываю Тебя: явись! явись!
Именем Элохим Цебаот!
Я призываю Тебя: явись! явись!
Тафтартарат!
Именем Михаэль
Я призываю Тебя: явись! явись!
Именем Рафаэль
Я призываю Тебя: явись! явись!
Именем Тириэль
Я призываю Тебя: явись! явись!
Тафтартарат!
Именем Асбога[1]
Я призываю Тебя: явись! явись!
Тафтартарат!
Именем Дин и Дони[2]
Я призываю Тебя: явись! явись!
Тафратарат!
Именем Тафратарат
Я призываю Тебя: явись! явись!

О, Могучий Ангел, Владыка 17-го градуса Близнецов, в котором ныне нашел себе пристанище Меркурий! Направь ко мне сию могущественную, но слепую силу в облике Тафтартарата! Заклинаю тебя Именами Махиэль и Онуэль — именами пребывающих ныне в радости[3].

Так приди к нам, о Тафтартарат, Тафтартарат, и появись перед нами в зримом и вещественном обличье

---

1 Точнее, Азбога (אזבוגה), Божественное Имя 12-го пути (Бет) в мире Асия. Это имя упоминается в древних талмудических текстах как синоним восьмерицы. 8 — число сефиры Ход, соответствующей Меркурию.

2 Дин и Дони (דני и דין) — разумы Меркурия в Близнецах; оба эти имени соответствуют числу 64 (8^2) — второму из чисел, управляющих камеей (магическим квадратом) Меркурия.

3 Махиэль (Mahiel) — возможно, ошибка; имя ангела 17° Близнецов, согласно книге III «Лемегетона», — Тахоэль (Tahoel); имя же Махиэль носит ангел 28° Льва — точки, не акцентированной в астрологической карте на момент операции. По уточненным данным (примеч. 3 на стр. 262) Меркурий находится не в 17-м, а в 16-м градусе Близнецов, ангел которого — Хадиэль (Chadiel). Онуэль (Onuel) — в книге II «Лемегетона» один из «восьми герцогов ночи», подчиненных Асириэлю (Asyriel), Королю юго-запада (четверти, в которой на данный момент времени находится Меркурий, — «немного южнее точки запада»).

в великом Магическом треугольнике за пределами этого Круга Искусства! Если же некий иной Маг Искусства из школы иной, не нашей, призывает Тебя в час сей могучими заклинаниями; или если Ты связан обетом Своим, или долгом Своим, или ужасными узами Магии Ада, — то я озаряю Тебя сиянием символа Розы и Креста и провозглашаю этим символом, что Ты свободен от всех обетов и уз на то время, что явишься Ты пред нами, дабы повиноваться воле моей!

Если же некий иной Мастер иль Мастера Магии Света из Ордена Красной Розы и Золотого Креста ныне связуют Тебя и призывают высшей, совершенной и ужасной силой нашего Искусства, то повелеваю Тебе и заклинаю Тебя всеми вышеназванными именами и обрядами, дабы Ты прислал нам вестника, коий объявит нам о причине Твоего непослушания.

Если же ты не подчинишься и не пожелаешь прийти, то я прокляну Тебя Могучими Именами Бога, и отлучу Тебя от Силы Твоей и Места, и буду терзать Тебя обрядами ужасными и грозными. И уничтожу место Твое во Вселенной, и Ты не восстанешь ВОВЕКИ!

Так приди же, о Дух Меркурия, Тафтартарат! Говорю и повелеваю Тебе: поспеши предстать перед нами!

Приди из Своих убежищ и обиталищ. Приди и явись перед нами в этом Магическом треугольнике за пределами этого Круга Искусства, в прекрасном человеческом обличье, и учтиво ответь на все наши вопросы внятным голосом. Ибо сказано:

Почтите Сына, чтобы Он не прогневался!
Ибо гнев Его возгорится вскоре!
Блаженны все, уповающие на Него![1]

[*Могучий Маг Искусства воздевает сигил к небесам, срывает с него Черный Покров и восклицает*:]

Творение Кокаб! Долго жило ты во Тьме! Расстанься с Ночью и взыскуй Дня!

1 Из Пс. 2:12.

[*Маг возвращает сигил на алтарь, у западной стороны треугольника. Держа Меч прямо, острием кверху, над центром сигила и возложив на сигил левую руку, Маг произносит:*]

Всеми вышеназванными именами, силами и обрядами я заклинаю Тебя и призываю к зримому явлению:

KHABS AM PEKHT.
KONX OM PAX.
СВЕТ В УСТРЕМЛЕНИИ.

[*Затем Маг Искусства продолжает:*]

Как Свет сокрыт во Тьме, но может из нее явиться,
ТАК ЖЕ И ТЫ,
перейди из Сокровенного в Проявленное!

[*Маг Искусства берет сигил, становится к востоку от Алтаря, лицом на запад, и произносит:*]

Заклинание Разума Тириэля

Тириэль, Ангел Божий! Именем
IAHDONHI
Я заклинаю тебя прислать к нам этого духа, коему имя —
ТАФТАРТАРАТ
Заставь его явиться перед нами, за пределами этого Круга Искусства.

Тириэль! Именем Элохим Цебаот, пришли к нам в вещественной форме этого духа, коему имя — Тафтартарат.

Тириэль! Именем Бени Элохим, пришли к нам в вещественной форме этого духа, коему имя — Тафтартарат.

Тириэль! Именем Михаэль, пришли к нам в вещественной форме этого духа, коему имя — Тафтартарат.

Тириэль! Именем Рафаэль, пришли к нам в вещественной форме этого духа, коему имя — Тафтартарат.

Тириэль! Именем Ход, пришли к нам в вещественной форме этого духа, коему имя — Тафтартарат.

О, Тириэль, Тириэль! Всеми могучими знаками, и печатями, и символами, собранными здесь воедино, я заклинаю тебя во Имя Всевышнего: заставь этого Духа Тафтартарата явиться перед нами в зримом обличье, в великом треугольнике за пределами этого Круга Искусства.

[*Маг помещает сигил между мистическими столпами и совершает в его сторону Знак Входящего, направляя на сигил всю свою волю; после этой проекции совершается Знак Молчания. Если Дух до сих пор не явился, Маг повторяет призывание Тириэля с Престола Востока. Эту процедуру можно повторить трижды. Но если Дух не явится и после этого, значит, была допущена какая-то ошибка. В этом случае надлежит вернуть сигил на алтарь и, держа меч как обычно, произнести*:]

Молитва Великому Небесному Богу

О, великие Владыки Зала Двойного Явления Истины, надзирающие за взвешиванием Душ в Месте Суда пред AESHOORI[1]!

Дайте мне руки ваши, ибо я преобразилась и стала подобна вам! Дайте мне руки ваши, дайте мне магические силы ваши, дабы я обрела силу, и Власть, и Мощь неодолимую, с коими смогу принудить этого непокорного и злонамеренного духа, Тафтартарата, явиться передо мною, дабы сие магическое вызывание завершилось согласно всем моим трудам и моим желаньям. Сама в себе я — ничто; в вас я — все сущее и сущее в сущем Могучего в Вечности! О, Тот, дарующий победу слову AESHOORI против врагов его! Дай слову моему — ибо я есмь Осирис — восторжествовать и обрести победу над этим духом, коему имя — Тафтартарат.

Аминь.

1 Т.е., Осирисом; примеч. 1 на стр. 110.

[*Возвращается на место Иерофанта и повторяет повеление. Теперь Дух явится наверняка.*

Как только он появится, пусть Маг Искусства снова очистит и окурит сигил. Затем пусть снимет с сигила Вервие Рабства и, держа сигил в левой руке, ударит по нему плашмя своим магическим мечом и скажет:]

Именами IAHDONHI, Элохим Цебаот, Михаэль, Рафаэль и Тириэль: призываю на тебя силу совершенного проявления в зримом облике!

[*I.A. берет сигил в правую руку и трижды обходит Храм. Затем он кладет сигил на землю в место явления духа. S.S.D.D. произносит следующую речь с места Иерофанта. (При этом I.A. с мечом охраняет место явления духа, D.P.A.L. держит Книгу, а Æ.A. — магическую свечу, при свете которой Маг будет читать.)*]

Наимогущественнейшее заклинание

Се! Великий и Могучий Князь и Дух Тафтартарат, мы вызвали тебя в сей день и час, дабы вопросить Тебя о неких предметах, относящихся к тайному магическому знанию, кои могут быть открыты нам чрез Тебя великим господином Твоим, Тотом. Но прежде, чем мы продолжим, Тебе надлежит принять форму и облик более вещественный и зримый. И для того, чтобы мог Ты явиться в облике более зримом, и дабы Ты знал, что мы владеем способами, обрядами, силами и правом связать и принудить Тебя к повиновению, мы снова произносим пред Тобою могучие слова. То Имена, Сигилы и Силы заклинаний грозных и неодолимых. И знай: даже если ты скован неким иным заклятьем, или находишься в дальних краях, или занят иным порученьем, ничто не поможет Тебе устоять против нашего грозного заклинанья; ибо если Ты не повинуешься и не пожелаешь явиться, мы наложим на Тебя наиужаснейшее проклятье Страшными Именами Великого Бога; и лишим Тебя Твоего чина

и силы Твоей, и низвергнем Тебя в ужасную обитель узников и скорлуп, и Ты не восстанешь вовеки!

Посему поспеши, о могучий дух Тафтартарат, и явись в самом зримом обличье пред нами, в магическом треугольнике за пределами этого Круга Искусства. Связую Тебя и заклинаю к явлению в самом зримом обличье Божественным и Грозным Именем

IAHDONHI,
Именем IAHDONHI,
и во Имя IAHDONHI,

Повелеваю Тебе облечься пред нами самой зримой и вещественной Формой.

Могучим Именем Бога Великого,
ЭЛОХИМ ЦЕБАОТ,
Именем ЭЛОХИМ ЦЕБАОТ,
И во Имя ЭЛОХИМ ЦЕБАОТ,

Связую Тебя и заклинаю явиться пред нами в самом зримом обличье.

Связую Тебя и заклинаю Тебя явиться более зримо, о ты, Дух Тафтартарат.

Именем МИХАЭЛЬ,
И во имя МИХАЭЛЬ
Именем и во Имя МИХАЭЛЬ,

Я связую Тебя и заклинаю предстать в самом зримом обличье и голосом ясным и внятным говорить только Правду на том Языке, на котором я Тебя вызвала.

Пусть IAHDONHI, ЭЛОХИМ ЦЕБАОТ, МИХАЭЛЬ, РАФАЭЛЬ, БЕНИ ЭЛОХИМ, ТИРИЭЛЬ, АСБОГА, ДИН, ДОНИ, ХОД, КОКАБ, и всякое имя, и всякая чара и бич Бога Великого свяжут Тебя и принудят повиноваться моим словам и воле моей.

Узри знамена и символы, печати и эмблемы Бога нашего; повинуйся им и бойся их, о Ты, могучий и сильный Дух, Тафтартарат!

Узри наши облачения, украшения, регалии и орудия; и скажи — не это ли те вещи, которых страшишься Ты?

Узри магический огонь, мистические светильники, ослепительный блеск Сверкающих Скрижалей!

Узри Магические Соки Материальной Основы: это — то, что придало Тебе Форму!

Внемли Магическим Заклинаньям, и Именам, и песнопеньям, что связуют Тебя!

Тафтартарат!
Тафтартарат!
Тафтартарат!
Тафтартарат!
Тафтартарат!
Тафтартарат!
Тафтартарат!

Восстань! Приди! Появись!

Zodâcar Èca od Zodamerahnu odo kikalè Imayah piapè piamoel od VAOAN[1]!

[*Если к этому времени дух материализуется должным образом и в правильной форме, то Могучий Маг Искусства должен изложить ему свои требования. Если же нет, то Маг Искусства принимает Божественную форму Тота и произносит:*]

Ты не приходишь! Тогда я буду трудиться еще и еще. Я уничтожу Тебя и вырву Тебя с корнями из сфер Небес, Земли и Преисподней!

Место Твое опустеет; и ужас ужасов завладеет сердцем Твоим, и вселю я в Тебя страх и трепет, ибо «ДУША, повелевающая Ужасом», — Имя мое.

[*Если Дух после этого явится, Могучий Маг Искусства должен изложить ему свои требования; если же нет, надлежит продолжать, держа руки в знаке Апофиса:*]

Брат Помощник Мага! Напиши мне имя этого злобного змея, этого духа Тафтартарата, на чистом пергаменте, и начертай также на нем Его печать и знак, дабы могла я проклясть, осудить и бесследно уничтожить Его

1 Искаженная фраза из 1-го енохианского ключа, означающая: «Выйдите же. Явитесь и покажитесь; объявите нам тайны сотворения вашего, равновесие праведности и правды».

за непослушание Его и насмешки над Священными и Ужасными Именами Великого Бога!

[*Помощник Мага выполняет указание.*]

Услышьте мое проклятье, о Владыки Двойного Явления Thmaist[1]!

Я вызвала Духа Тафтартарата по всем правилам, при помощи формулы Тота.

Но Он не повинуется мне, Он не принимает зримого и явного обличья.

Так будьте же свидетелями мне и вложите силу свою в это мое проклятье на Осквернителя ваших Таинств!

Проклинаю тебя, о Дух Тафтартарат! Проклинаю жизнь Твою и сущность Твою! Низвергаю Тебя в глубочайшую преисподнюю Абаддона!

Всею мощью Ордена Красной Розы и Золотого Креста — ибо Ты ослушался повеления адептов его и неповиновением своим надсмеялся над познаниями их, идущими от Господа, — Орденом сим, возвышающимся до белого престола Господня, проклинаю жизнь Твою и сущность Твою, и низвергаю тебя в наиглубочайшую преисподнюю Абаддона!

Именами IAHDONHI, Элохим Цебаот, Михаэль, Рафаэль, Бени Элохим и Тириэль:

Я проклинаю Твою Жизнь
и Сокрушаю Твою Сущность!
Низвергнись! Кань бесследно в ужасные бездны!

Всеми именами, символами, знаками и обрядами, к коим прибегли мы ныне в этом Магическом Круге; всеми силами души моей, Богов и Могучего Ордена, к которому все мы принадлежим!

Я проклинаю Твою Жизнь
и Сокрушаю Твою Сущность!
Падай же, падай в свирепый поток чудовищной силы!

Если Ты не явишься тотчас, я свершу над Тобою сей ужасный приговор!

1 См. примеч. 1 на стр. 113.

И Бог не поможет Тебе. Ты, Ты сам насмехался над Именем Его.

[*Берет кусок пергамента с именем и знаками Духа и бросает его в магический Огонь.*]

Повелеваю Тебе, о священный Огонь Искусства, Именами и Силами, породившими Дух Первозданного Огня; связую и заклинаю Тебя всеми именами Бога Великого, имеющими над Тобою власть и силу, дабы Ты духовно сжег, истребил, разрушил и уничтожил этого духа Тафтартарата, имя и печать коего начертаны здесь; и лишил Его всех Его сил, мест и достоинств; и подверг Его самым ужасным мученьям в вечном Огне поядающем до тех пор, пока Он не явится на мой зов. Земля будет душить Его, ибо силы Земли мне подвластны; и Огонь будет терзать Его, ибо мне подвластна магия Огня. И Воздух не овеет Его, и Вода не остудит Его. Только невыразимая Мука, неутихающий Страх, неотступный Ужас, нестерпимая Боль; и слова проклятья моего пребудут на Нем вечно; Бог не услышит Его и не поможет Ему никогда, и это проклятье пребудет на Нем во веки и веки веков!

[*Как только Дух появится, надлежит залить огонь освященной водой и воскликнуть:*]

О, Могучий Дух Тафтартарат! Коль скоро Ты все же явился, хотя и не без промедления, я отзываю свое магическое проклятие и освобождаю Тебя от всех налагаемых им уз, за исключением лишь тех, что удерживают Тебя на этом месте.

[*Помощник Мага Искусства поднимает свой меч и произносит:*]

Услышьте, о Великие Владыки Зала Двойной Истины; услышьте, о Бессмертные Силы Магии Света, что Дух Тафтартарат был призван должным

и положенным образом, в соответствии со священными обрядами Неизреченной Силы.

[*Могучий Маг Искусства провозглашает:*]

О, Великие Владыки Славы и Света сияющей Сферы Кокаб! О вы, владеющие знанием Могучих сил, знанием всех сокровенных Искусств и Наук Магии и Тайны! Вы! Вы! Вас призываю я и заклинаю! Сделайте так, чтобы этот могучий Змей Тафтартарат исполнил все наши повеления; явите чрез него Величие ваших сущностей и божественность вашего знания, дабы все мы приблизились еще на шаг к завершению Могучего Делания, еще на шаг — к великому белому престолу Божества; и дабы от этого собственная Его сущность стала более славной, светлой и восприимчивой к Влиянию того Божественного Духа, коий обитает в сердце Человека и Бога!

[*Затем S.S.D.D. высказывает свои желания в следующих словах:*]

О, Великий и Могучий Дух Тафтартарат! Повелеваю Тебе и крепко заклинаю Тебя Величием Тота, Великого Бога, Властелина Аменти, Царя и Вечного Владыки Магии Света, дабы ты наставлял нас постоянно в Тайнах Магического Искусства и ныне же объявил нам, каков для каждого из нас наилучший путь к свершению Великого Делания. Наставляй нас в Тайнах всех Сокровенных Искусств и Наук, пребывающих под властью Меркурия. И, наконец, поклянись на этом Великом Магическом Сигиле, коий я держу в руке моей, что впредь Ты всегда будешь являться перед нами без промедления, приходя всякий раз, как Твой сигил будет освобожден от покрывающего его желтого шелка, и принимая зримый облик всякий раз, как мы дадим Тебе такую возможность посредством жертв и подношений, сообразных Твоей природе! Дабы Ты служил постоянным посредником в общении между нами и Великим Богом Тотом в трех ипостасях Его.

Последнее предостережение

О, могучий и сильный князь Духов, Тафтартарат! Коль скоро Ты подчинился всем нашим веленьям, я связую и заклинаю Тебя в последний раз: дабы Ты отныне и впредь не смел причинить вреда ни мне, ни этим сотоварищам моим, ни кому бы то ни было, кто с нами связан; дабы Ты честно исполнял всё то, в чем поклялся Ты нам великим и всесильными Именами Великого Бога; и дабы ни в чем нас не обманывал. И коль скоро Ты подчинился нашему зову и поклялся повиноваться нашим приказаньям, то ощути и прими в знак благодарности нашей эти ароматы тонких благовоний нашего Искусства, Тебе приятные.

[*Маг Огня в изобилии возжигает благовония.*]

Ныне же я велю Тебе именем IHSVH: ступай с миром в Твои жилища и обиталища в мире незримом. Я дарую Тебе благословение Божие именем IAHDONHI: пусть поток Божественного Света вдохновит Тебя и направит на мирные пути!

Да будет мир между Тобой и нами; и являйся тотчас же на зов, когда мы призовем Тебя.

Шалом! Шалом! Шалом!

[*Обратные обходы, закрывающие ритуалы Меркурия и т.д.*]

Многие освящения, проводившиеся в Ордене Золотой Зари, строились по схеме, изложенной в «Книге Т», — в частности, Освящение Лотосового Жезла, Розы и Креста и Магического Меча; однако здесь мы их пропустим, приведя вместо них ритуал, проведенный самим Братом P[erdurabo][1] и называемый:

1 В 1899 или 1900 году.

Ритуал огненного талисмана Юпитера

Инвокации, потребные для освящения Сверкающей Скрижали Керуба-Орла Юпитера

Часть I

Прежде всего Зал надлежит очистить изгоняющими ритуалами Пентаграммы и Гексаграммы. Затем — Огнем и Водой.

Далее следует Общее Введение[1]; затем —

[Частное] Введение[2].

Я, P[erdurabo], пришел сюда освятить с помощью Q.F.D.R. and T.T.E.G.[3] талисман Керуба-Орла Юпитера, дабы талисман сей обрел способность врачевать недуж-

---

1 Подразумевается следующий текст из материалов Золотой Зари:
«Речь в Безмолвии;
Слова против Сына Ночи;
Глас Тота пред Вселенною и пред ликом вечных Богов;
Формулы Знания;
Мудрость Дыхания;
Корень Вибрации;
Сотрясание Незримого;
Рассеяние Тьмы;
Явление Материи;
Пронзание Колец Дракона Пресмыкающегося;
Воссияние Света:
Все это — в Мудрости Тота».

2 Подразумевается следующий текст из материалов Золотой Зари:
«Близ завершенья Ночи;
У предела Света;
Тот стоял пред Нерожденными Времени!
Затем была сотворена Вселенная;
Затем вышли из нее Боги;
Эоны Нерожденного Запредельного;
Затем вострепетал Голос;
Затем прозвучало Имя.
На Пороге Врат,
Между Вселенной и Бесконечным,
В Знаке Входящего стоял Тот,
Пред ними были возвещены Эоны.
В Дыхании изрек он их;
В Символах запечатлел он их;
Ибо стоял он между Светом и Тьмой».

3 Зашифрованные аббревиатуры орденских девизов миссис Эллис Симпсон («Perseverantia et Cura Quies» — лат. «Стойкость и забота о ближних») и ее дочери, Элейн Симпсон («Donorum Dei Dispensatio Fidelis» — лат. «Верные стражи даров Господних»). Талисман предназначался для исцеления леди Холл — матери Эллис (и бабушки Элейн).

ных, успокаивать боль и даровать здоровье и силу. И я клянусь пред лицом Вечных Богов: как истинно живы Владыка Вселенной и собственная моя Высшая Душа, так же истинно я сотворю обитателя для сего талисмана, наделенного неодолимой мощью во врачеванье недужных, в успокоенье боли и в дарованье здоровья и силы: ради блага людей и во славу Божию.

[*Я взываю к Высшему, вознося первую молитву из ритуала 5°=6°[1], и осеняю талисман знаком Креста.*

Очищаю талисман Огнем и Водой.

Совершаю ритуал Призывающей Гексаграммы Юпитера.]

Великое призывание Амона[2]

Слава Тебе, о Владыка Милости! Слава, я повторяю, Тебе, о Отец Богов!

Ты! Перья златые Твои струятся по небу в потоках священного света!

Ты! Голова Твоя — словно сапфир или свод неизменного неба!

В сердце Твоем — состраданье; Роза Рассвета сияет в нем среди злата!

Ты в неизменности все сохраняешь и сам неизменен.

Летит за Тобою Орел; Тебя обнимает Змей;

---

1 «Из руки Твоей, Господи, исходит всякое благо...» (полный текст см. на стр. 265—266).

2 В ходе великих призываний Амона и Тум-Мала T.T.E.G. и Q.F.D.R. соответственно заряжают талисман энергией, стоя в Знаке Входящего.

На протяжении всей первой части T.T.E.G. воображает себя облеченной фиолетовым светом и стоящей меж двумя великими столпами — облачным и огненным.

Сверху должен литься белый свет, пронизывая собою фиолетовый.

Пост T.T.E.G. — место Юпитера. — *Примеч. А. Кроули.*

Амон — древнеегипетский солнечный бог, чье имя означает «сокрытый», «потаенный». Почитался как божество, в котором незримо пребывает все сущее, и как бог-творец, создавший остальных богов, людей и все сущее в мире. Ему поклонялись как мудрому и всеведущему небесному владыке. Фараон считался воплощенным сыном Амона (родившимся от брака Амона и царицы-матери, к которой бог явился в образе ее мужа). В своей ипостаси всеегипетского бога — царя всего сущего, заботливого правителя мира, небесного заступника и защитника угнетенных, — Амон соотносится с символикой Юпитера.

Попираешь Ты Скорпиона!

Тебя, Тебя, Тебя, Тебя призываю!

О Ты! родитель Вселенной!

Ты, Всеотец! Перья власти твоей вздымаются ввысь, до Престола Того, кто Сокрыт!

Милосердный! Могучий! Великий!

Тебя, Тебя, Тебя, Тебя призываю!

Се! Ты возвысил Свой Голос — и сотряслись холмы! О, да! Ты вскричал громогласно — и вечные горы склонились! Прочь бежали они, словно и не было их!

А Грозное Море Твое нахлынуло в Бездну!

Ибо взглянул Ты в лицо мое и промолвил: «Ты — Сын мой; я зачал Тебя ныне!»

Да, Отец мой, заговорил Ты со мною и молвил: «Воссядь от меня одесную!»

Но сокрыл я лицо свое. Укрылся я от Тебя. Преклонил я колени пред Славой лица Твоего!

Встань, о Господь мой, Бог, встань и сияй! Я есмь Сегодняшний День, и я есмь Вчерашний День! Я — Брат Золотой Зари!

На Колеснице Жизни — престол мой, и кони мои скачут по тверди Ну[1]!

Приди же ко мне, Отец мой, ибо знаю я Имя Твое!

АМОН!

[*Провибрировать по формуле Срединного столпа и Мистического обхода*[2].]

Я призываю Тебя, о Грозный Незримый Бог!

Я призываю Тебя с лазурного Трона!

Я возвышаю свой голос над Бездною Вод!

Я возвышаю душу свою, дабы узрела Лик Твой!

АМОН!

Прииди ко мне! Внемли мне! Предстань во славе пред теми, кто склонился у Ног Твоих!

---

1 Ну — вариант имени египетского бога Нуна, олицетворения первозданного водного хаоса, здесь отождествляемого с «бездной» неба.

2 Эти формулы подробно описаны в статье И. Регарди «Древо Жизни в ауре» (см.: *Полная система магии Золотой Зари*, указ. соч., т. III).

Ибо кто я пред Ликом Твоим? Что есть человек, что Ты помнишь его, и Сын Человеческий, что Ты посещаешь его[1]? Немного Ты умалил его пред Элохим: Славою и Честью увенчал его![2]

АМОН!

Внемли мне! Прииди ко мне!

Сам в себе я — ничто; в Тебе Я — Все Сущее! Живи же во мне и веди меня к тому Сущему, что в Тебе!

АМОН!

О, мой Отец! мой Отец! Колесницы Сынов Исраэля и всадники их!

[*Все склоняются в благоговении. Стоя в Знаке Осириса Убиенного, промолвить*:]

Я — Abi-agnus[3], Убиенный Агнец в недрах твоей Горы, о Всевышний Господь!

Я — Сила Рода Людского, и от меня проистекает вся Жизнь Земли!

Я — Амон, Сокровенный, Начало Дня!

Я — Осирис Оннофрис[4], Оправданный. Я — Владыка Жизни, торжествующий над смертью! Нет во мне ни единой части, что не от Богов[5].

Я пролагаю Путь; Я — Спаситель, выводящий к Свету!

Из Тьмы да воссияет Свет!

---

1 Пс. 8:5.

2 Пс. 8:6, парафраз.

3 «Агнец Отца» (лат.), одно из толкований, которые даются названию мистической горы розенкрейцеров, «Абиегнус», в ритуале Младшего Адепта Золотой Зари; см. ниже, стр. 320.

4 См. примеч. 1 на стр. 131.

5 Это изречение (как и значительная часть данного ритуала в целом) восходит к ритуалу Младшего Адепта Золотой Зари, где его произносит Верховный Адепт в Усыпальнице. Первоисточником этого выражения, как и многих других фраз из этого ритуала, является ритуальная формула из египетской «Книги Мертвых»: «En aat am-a shu-t em neter», — известная в нескольких вариантах перевода («Нет во мне ни единой части, что не от богов», «Нет во мне ни единой части, что не была бы богом», «Нет части тела моего, что не была бы частью богов» и т.п.). Произнося эту фразу, умерший провозглашал тождество частей своего тела аналогичным частям тела различных божеств («Мои волосы — волосы Нуна. Мое лицо — лицо Диска [Ра]...» и т.д.). Формула «Нет во мне ни единой части...» фигурирует также в Гностической мессе (где ее произносят прихожане в качестве формулы причастия) и в «Ритуале перехода через Дуат» («Liber CXX»).

[*Воздеть руки к небесам.*]

Ты было слепо и глухо, о творенье из рода талисманов!

Ныне же я говорю Тебе: прими свою Жизнь! Прими свое Зренье!

Я — Примиритель с Неизреченным! Я — Обитатель Незримого!

ДА СНИЗОЙДЕТ БЕЛОЕ СИЯНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО ДУХА!

[*Опустить руки. Коснуться талисмана белым концом Жезла.*]

Будь живым существом! И да будет твой разум открыт Высшему!

Будь живым существом! И да будет сердце твое средоточием Света!

Будь живым существом! И да будет тело твое Храмом Розы и Креста!

Числом 21[1], именем אהיה, именем יהשוה, Паролем INRI я возвещаю, что я сотворил тебя, о живой Дух сей Сферы Цедек[2], дабы ты исполнял мою волю и трудился во спасение свое!

Разберем Ключевое Слово.

Верховный Адепт: I.

2-й Адепт: N.

3-й Адепт: R.

Все: I.

Верховный Адепт: Йод, י.

2-й Адепт: נ.

3-й Адепт: ר.

Все: י.

Верховный Адепт: Дева, Исида, Могучая Мать.

2-й Адепт: Скорпион, Апофис, Разрушитель.

3-й Адепт: Солнце, Осирис, Убиенный и Восставший.

---

1 21 — число Божественного Имени Эхейе (אהיה) (см. примеч. 1 на стр. 159), а также мистическое число 6-й сефиры, Тиферет.

2 Цедек (др.-евр. צדק, букв. «праведный») — планетная сфера Юпитера.

Все: Исида, Апофис, Осирис.

ΙΑΩ.

(Все совершают знак Креста.)

Верховный, 2-й и 3-й Адепты: Знак Осириса Убиенного.

(*Верховный Адепт*: L. Знак Исиды Скорбящей.)

(*2-й Адепт*: V. Знак Тифона, Разрушителя.)

(*3-й Адепт*: X. Знак Осириса Восставшего.)

Все: LVX, Lux, Свет Креста.

Часть II[1]

Очистить талисман Водой и Огнем.

Совершается Призывание Воды как в 3°=8° и Призывание ♏ (σλη)[2] — с помощью 10-го, 4-го, 11-го и 12-го енохианских Ключей[3] на востоке, западе, севере и юге соответственно.

Инвокация Великого Бога Тум-Мала[4]

О Ты! Величье Божества!

Тум-Мал! Тебя, Тебя призываю!

Владыка Аменти! Владыка Энемехитт [Enemehitt]!

Ты! Голова Твоя — золото солнца, твой немес — ночных небес синева!

Ты суров, словно ветер!

Ты творишь чудеса на земле!

---

1 На протяжении второй части Q.F.D.R. воображает себя в облике синего орла меж двумя могучими столпами. Сверху должен литься белый свет, пронизывая собою синий. Пост T.T.E.G. — на Западе. — *Примеч. А. Кроули.*

2 См. «777». Египетское название Скорпиона. — *Примеч. А. Кроули.*

Подразумевается др.-егип. (seru, «скорпион»). Кроули приводит греческую транслитерацию коптской записи этого слова (ϹΑΛΗ). Скорпион — керубический знак стихии Воды.

3 Текст Призывания Воды, используемого в ритуале степени Практика (3°=8°) см. в издании: Алистер Кроули. Видение и Голос. Книга Еноха. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 289—290. Тексты указанных енохианских Ключей см. там же, стр. 290—291, 296—298.

4 Т.е., Атума «Водного». В «777» Атум, египетский бог заходящего солнца, соотносится с путем Мем, Воды, «как Солнце, погружающееся в океан».

Неизменен Ты, как Та-Ур[1]!

Ты изменчив, как воды!

Непрестанно меняешь обличья, и все ж неизменен!

Ты! Воды Запад — пояс твоих облачений!

Ты, кто Внизу и Вверху одинаков, Себе же подобен!

Властелин Отражений! Властелин Превращений! Творец!

Тебя, Тебя призываю!

Се, утвердил я на Западе стопы свои, как Ра, завершивший труд свой!

Тум спускается в Воды твои, завершается день и сгущаются тени!

Но я остаюсь! Я не ухожу на закате!

Свет Божественной Сути моей вечно блещет в Твоих небесах, полных сиянья;

Имя мне — Хор, Обитель моя — Город Тьмы;

Тот стоит на носу моей барки, я же — Хефра[2], дарующий Свет!

Прииди ко мне! Прииди ко мне, говорю, ибо я — Стоящий на месте Твоем!

Вы, орлы, что собрались в Небе, узрите! Вот я пришел на Запад! Я возношусь на ваших крылах! Вы, провожатые смертного ложа в обитель Покоя! Вы, над Осирисом льющие слезы в сумраке мира!

Зрите: Он — во Мне, Я же — в Нем!

Я есмь Он, властитель Аменти!

В σλῃι — обитель моя, и в Смерти — царство мое!

Мои — те орлы, что взирают на Око Хора[3]!

Моя — Барка Тьмы, и сила моя — в Заходящем Солнце!

---

1 Та-Ур — вариант имени Таурт, египетской богини — покровительницы рожениц и новорожденных, изображавшейся в облике самки гиппопотама.

2 Вариант имени Хепри — еще одного из египетских солнечных богов, который изображался в виде жука-скарабея, катящего перед собой шар — символ солнца. В Древнем Египте Хепри считался божеством восходящего, утреннего солнца, но в работах Кроули ассоциируется с «черным солнцем» полуночи, с переломной точкой, после которой погружение во тьму сменяется возвращением к свету. В «777» (столбец XIX) он ставится в соответствие 24-му пути — Нун, Скорпиону и «Смерти» (Ату XIII).

3 Отсылка к легенде, согласно которой орел может смотреть прямо на солнце, не мигая.

Я — Владыка Аменти!

Тум-Мал — Мое Имя!

Слава Тебе! Слава Тебе! О, мой орел лучезарного Запада,

Тум-атеф[1]!

[*Провибрировать по формуле Срединного столпа и Мистического обхода.*]

О, венчанная тьмою! Птица — матерь Священных[2]! О, Душа златоглавая сна! О, крепкие, мощные плечи! О, тело в лазурно-златом оперенье! О, темные стопы, как небеса в ночи! О, когти и клюв, непобедимые в Силе священной!

О, блеск исполинских Крыл!

Мчись к нам верхом на Буре!

Тум-атеф!

[*Провибрировать по формуле Срединного столпа и Мистического обхода.*]

Через темные воды,

Из страны Заходящего Солнца,

Ты идешь, Ты идешь к нам, ибо Слово из Уст моих — слово силы.

Приди, ибо гости собрались, и стол накрыт пред Тобой!

Приди, ибо тот, кто Тебе предназначен в супруги, ждет Твоего поцелуя!

---

1 Тум-Атеф — контаминация Дуамутефа (одного из сыновей Хора, в системе Золотой Зари связывавшегося со стихией Воды) и Атума, чье имя трактуется как «[А]тум-Атефа» (Атум, увенчанный короной атеф — короной верховных божеств, состоящей из двух высоких перьев).

2 Дальнейшее отождествление божеств по созвучию имен. Отсюда и далее подразумевается Мут (др.-егип. «мать») — древнеегипетская богиня неба, жена Амона, носившая эпитет «мать матерей». Вслед за египтологами своего времени Кроули ошибочно называет ее «богиней-коршуном» (см., например, «Книгу Тота», Ату 0); но в действительности Мут изображалась в антропоморфном облике и священным животным ее была корова, а не коршун. Эта путаница связана с тем, что имя богини записывалось иероглифом коршуна, который читался как «мут».

С розами и вином, со светом, любовью и жизнью! Душа Цедека ждет!

Приди же, приди ко мне!

Ибо знаю, что Искупитель мой жив и восстанет в последний день на земле[1].

Я сражался за добро на земле. Я очищен. Я завершил свой путь. Я вошел в Незримое! Я — Осирис Осороннофрис, Оправданный. Я — Владыка Жизни, торжествующий над Смертью! Нет во мне ни единой части, что не от Богов.

Я пролагаю Путь; Я — Спаситель, выводящий к Свету!

Из Тьмы да воссияет Свет!

[*Воздеть руки к небесам.*]

Ты было слепо и глухо, о творенье из рода талисманов!

Ныне же я говорю Тебе: прими свою Жизнь! Прими свое Зренье!

Я — Примиритель с Неизреченным! Я — Обитатель Незримого!

ДА СНИЗОЙДЕТ БЕЛОЕ СИЯНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО ДУХА!

Часть III

Химическое и герметическое бракосочетание Орла Вод с Душою Юпитера

[*Очистить талисман Водой и Огнем.*]

Q.F.D.R.: Я — Орел Вод, и Сила моя — на Западе!

T.T.E.G.: Я — Душа Юпитера; во сфере Цедек открывается имя мое!

P.: Я — Примиритель между вами!

1 Ср. Иов 19:25—26: «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога». Отсюда и до конца призывания вновь используются реплики из ритуала Младшего Адепта Золотой Зари.

Q.F.D.R.: Во власти моей — даровать отдохновенье и сон!

T.T.E.G.: Во власти моей — даровать здоровье и силу!

P.: Я — Примиритель между вами!

Q.F.D.R.: С этой целью создал меня Тум-Мал!

T.T.E.G.: С этой целью создал меня Амон!

P.: Я — Примиритель между вами!

Q.F.D.R.: Боль отступит пред нами, если мы сочетаемся браком.

T.T.E.G.: Смерть не приблизится к нам, если мы сочетаемся браком.

P.: Я — Примиритель между вами!

Q.F.D.R.: Синий — цвет облачений моих; где же ныне лазурь их?

T.T.E.G.: Фиолетовый — цвет облачений моих; где же ныне их пурпур?

P.: Я — Примиритель между вами!

Q.F.D.R.: Я — орел, и я сохраняю свой облик.

T.T.E.G.: Я — квадрат, и я остаюсь квадратом.

P.: Я — Примиритель между вами!

[*Q.F.D.R. и T.T.E.G. соединяют руки в рукопожатии 5°=6° над талисманом и произносят хором*:]

Нас было двое; не стали ли мы одно?

P.: Я — Примиритель между вами!

О, Создатель, Творец и Хранитель!

Внемли нашему зову!

О, Могучий Владыка Жизни, даровавший нам жизнь и любовь, кто сравнится с Тобой?

О, Бог! внемли нашему зову!

И помолись за нас, дабы мы стали одно!

Да вознесется молитва Твоя к Великому Богу!

[*Маг должен преклонить колени и произнести:*]

Тебе, единому мудрому, единому сильному, единому милосердному, да будут хвала и слава во веки веков! Ты дозволил мне подбирать колоски на поле Твоем!

Ты дозволил мне взять искру Твоего неизреченного света! Ты дозволил мне призвать двух могучих созданий из сфер, подвластных Тебе! Ты дозволил мне сочетать их и сделать двоих одним в действе Твоей Божественной Мудрости!

Даруй же сему Керубу-Орлу во Сфере Юпитера истинную мощь на Земле! Даруй ему силу врачевать больных, укреплять недужных, избавлять смертных от боли!

И сделай так, чтобы труд сей был ему самому спасеньем, и воззваньем к Твоему Божественному свету, и связью с Бессмертной Душой Человеческой!

Да будет он чист и силен, дабы в конце концов возвысился он до вечного Бога, как то обещает воистину

KHABS AM PEKHT!
KONX OM PAX!
СВЕТ В УСТРЕМЛЕНИИ!
АМИНЬ.

За нас же молимся мы, дабы сей труд милосердия, коий свершили мы нынче ночью, укрепил нашу связь с Божественной Милостью и были мы милосердны, так же, как Ты милосерд, о наш Отец, сущий на Небесах!

Дабы отверзлось на нас Око Благоволенья Сокровенного и Пресвятого, Ветхого Днями, во славу Твоего Неизреченного Имени.

АМИНЬ.

Призовем же в завершенье Божественный Свет на этого кроткого духа, коего мы сотворили, дабы дороги его были светлы и путь его верно вел к Блистающе-Белой Славе!

Принеся Себя в Жертву, достигнешь ты цели своей!

Милость и мир да будут твоим путем!

Ибо знаю, что Искупитель мой жив и восстанет в последний день на земле.

Да будет твой разум открыт Высшему!

Да будет сердце твое средоточием Света!

Да будет тело твое Храмом Розы и Креста!

И, наконец, я призываю на тебя неодолимую мощь: врачевать недужных, успокаивать боль, укреплять силы и возвращать ко здравию!

21. AHIH. IHSHVH. INRI.

Достопочтенная Сестра Q.D.F.R.! Ныне я препоручаю этот чистый и могущественный талисман твоему попечению!

Исполняй же эту обязанность как подобает.

Храни его с почетом и любовью, как священный предмет!

Храни его чистоту и силу!

Омывай его росой небесной в ночную пору!

Возжигай пред ним священное благовоние в дневные часы!

Исполняй это часто; в особенности же — после того, как ты прибегнешь к нему ради труда милосердья.

Если же будешь обращаться с ним дурно, использовать его недостойно и открывать его взглядам непосвященных, то да вернется дух его к Богу, ниспославшему его, а сила его да обернется своею злою противоположностью, и обратится во зло, и превратится в ужасного вампира, который будет преследовать тебя во веки веков, дабы Кара Богов свершилась полною мерой. Но если ты будешь честно исполнять все, как подобает, то будете вы с этим талисманом друг другу опорой и благословеньем, и вечно пребудет на тебе Благословенье Великого Бога во имя Его

יהשוה:

Ныне же этим самым именем я отпускаю всех духов, кроме того Одного, чью Двойную Природу я привязал к сему талисману. Прочие же пусть удалятся в мире к Божественным Чинам своим во имя Jeovah Jeovaschah! и да будут всегда готовы прийти на зов!

אתה שלם:

שלם:

Этот талисман — Сверкающая Скрижаль Керуба-Орла Юпитера, призванная исцелить леди I.[1], мать сестры Q.D.F.R., от тяжелой болезни, — был лишь одним из многих, которые довелось изготовить Брату P[erdurabo]. Результаты это дало

1 В действительности — леди Холл (Hall); инициал зашифрован тем же способом, что и большинство аббревиатур в данном тексте, то есть заменен буквой, следующей за ней в алфавите.

необычайные. Справив ритуал со всем тщанием, он велел Сестре Q.F.D.R. насыщать талисман благовонием и поить росой. Она пренебрегла указанием. В результате, когда она возложила талисман на свою недужную мать, у этой почтенной пожилой госпожи начались припадки сильнейших конвульсий и она едва не скончалась. Однако Q.F.D.R. освятила талисман заново, благодаря чему леди I. скоро полностью восстановила силы и дожила до преклонного возраста, до девяноста двух лет.

При помощи похожего талисмана, изготовленного, правда, чересчур поспешно, P[erdurabo] излечил одного своего друга от боли в ноге; но он забыл замкнуть круг и в результате пострадал сам. Ровно через двадцать четыре часа у него самого точно так же заболела нога, только не левая, как у друга, а правая.

Приблизительно таким же образом, как описано выше, ранней осенью 1899 года P[erdurabo] призвал к зримому явлению могучего, но падшего духа Буэра, дабы принудить его к повиновению и заставить излечить Брата I.A.[1] В тот же период было проведено еще много других работ. Но все эти операции с путями Древа Жизни сыграли далеко не такую важную роль в его магическом развитии, как его продвижение по Срединному столпу. В связи с этим мы приводим далее ритуал, составленный Братом I.A. для «магического призывания Высшего Гения».

Магическое призывание Высшего Гения

(по формуле Книги Голоса Тота)

[Церемония Входящего совершается в Сфере чувственного восприятия. Иерофант — Авгоэйд. Служители — призванные Божественные сефирот. Сам Входящий — природный человек.]

[Прежде всего необходимо уравновесить символы в Сфере чувственного восприятия. Для этого проводится Открытие Зала Истины[2]*.]*

---

1 Буэр — 10-й дух «Гоэтии», врачующий недуги; I.A. (Алан Беннет) страдал тяжелой формой астмы. Результатом этой операции, проведенной совместно с Дж.С. Джонсом (Братом V.N.), Кроули счел представившуюся вскоре возможность отправить Беннета на Цейлон, где тот вскоре поправил здоровье благодаря более благоприятному для астматика климату. Данный эпизод описан в «Исповеди» Алистера Кроули и в 57-м письме «Магии без слез». См. также предисловие к изданию: *Гоэтия* Алистера Кроули. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 11—13.

2 Т.е., Открытие церемонии Неофита.

Первое Призывание

Приди ко мне, о Ты, кто есть мое настоящее «Я»; мой Свет; о Душа моя! Приди ко мне, Ты, увенчанный Славой; Ты, Неизменный; Ты, Безымянный; Бессмертный Бог, коего Место Неведомо, коего Дом — Обитель Бессмертных Богов! Сердце моей Души; Огнь, сияющий собственным светом, Величие Света, я призываю Тебя! Приди ко мне, мой Господин; ко мне, пустому отраженью Твоему в могучем море Материи! Внемли мне, Господь и Ангел! Внемли мне в обителях Вечности; приди; и очисти до Славы Твоей Мой разум и Волю! Без Тебя я — ничто; в Тебе я — Всецелое «я» в Твоем «Я» во веки веков!

[*Теперь закрой каналы, ведущие от Материальных чувств в Руах, постаравшись в то же время пробудить Внутренние зрение и слух. Сидя так, пытайся уловить луч Божественного Сияния своего «я»; размышляй о том, сколь мал и ничтожен природный человек; сколь суетны его желания; сколь немощен его хваленый разум. Помни, что без этого Света ничто не поможет тебе доподлинно продвинуться на пути твоем и только чистота Ума и Воли дает тебе надежду когда-либо достичь Славы сей. Итак, помолись об этом очищении, сказав в сердце своем:*]

Первое очищение и освящение Соискателя Огнем и Водой

Вода: Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега[1].

Огонь: Пошли Свет Твой и Истину Твою; да ведут они меня и приведут на Святую Гору Твою и в Обители Твои[2].

Я стою перед Прекрасными Вратами, пред могучими Вратами Вселенной; по правую руку мою — Столп Огненный, а по левую — Столп Облачный. У оснований их — темные клубы туч Материальной Вселенной; верхами своими они пронзают Небесный Свод. И на верхах их пламенеют Светочи их Духовной Сути!

1 Пс. 50:9.

2 Пс. 42:3.

Ты, живущий во Славе за Вратами сиими; Сердце моей Души; я призываю Тебя!

Приди же ко мне, о ты, кто есть мое «Я»; моя Суть; мой Свет; и охраняй меня, и веди меня по всем разноликим путям этой жизни, дабы в конце концов стал я един с Твоею Бессмертной, Нетленной Сутью!

Тебе, о Единый Премудрый, Единый Могучий, Единый Вечный, да будут Хвала и Слава во веки веков; Тебе, кто допустил меня уже так далеко в Святилище Тайн Твоих. Слава не мне, но имени Твоему!

Да снизойдет поток от Божественных на главу мою и поможет постичь мне великую ценность Жертвы «Я» моего. Да не устрашусь я в час испытанья, но Имя мое да будет начертано в Вышних, и да предстанет мой Гений перед Лицом Святого в тот час, когда Сын Человека встает пред Владыкою Духов, и Имя Его — пред лицом Ветхого Днями. О, Владыка Вселенной! Пусть осияет меня Свет моей Высшей Души! Да ведет меня Гений мой к Престолу Славы Твоей — к Неизреченному центру Мира Жизни и Света.

[*Теперь подойди к Алтарю и сформируй перед собой блистающий Свет; представь, что он вопрошает, откуда ты пришел и т.д., и произнеси:*]

Слава Тебе, о Ты, восходящий во Злате!
Ты, плывущий по Небу в Ладье Рассвета!
Тьма пред Тобою подобна Златому Сиянью;
Радуга блещет в Тебе всеми своими цветами.

Да буду я шествовать так же, как Ты, о Святость, над коей нет господина, о Ты, великий Скиталец в Пространстве, для коего все миллионы, и сотни, и тысячи лет — как единый Миг! Дай мне войти с Тобою в Твою Ладью! Дай мне вступить с Тобой во Врата Заката, когда ты озаришь сияньем вечерний мрак и примет тебя в объятия Мать Твоя, Нут!

[Преклони колени перед Алтарем, возложив правую руку на Белый Треугольник, а левую — вложив в левую руку твоего астрального двойника, который стоит на месте Иерофанта и правой рукой своей держит за белую полосу астральный образ Лотосового Жезла. Промолви от его лица, перенеся в него свое астральное осознание:]

Хвала вам, о вы, Владыки Истины в Зале Thmaist[1], о круг великих Богов, о предтечи Осириса! О вы, что ушли до меня, дайте мне ваши руки, ибо я стал как вы!

О вы, воины Hotepischim [?]! Освободите меня от всякого зла!

Как очистили вы тех Семерых Преславных, кои идут за гробом Того, Кто во Гробе, и коим Anubist[2] назначил места до самого дня «С-нами-пребудь».

О Тот [Thoth], сделавший Истиной слово Aeshoori[3]! Сделай истиной слово мое пред кругом Великих Богов!

Слава Тебе, Anubi, страж порога Вселенной!

Слава Тебе, Auramooth[4], очисти меня Водами Жизни!

Слава Тебе, Thaumæshneith[5], освяти меня Тайным Огнем!

Слава Тебе, о Темно-Светлый! Хор [Hoor]! Царевич Города Слепоты[6]!

Слава Тебе, о Thmaist, Царица Правды, Госпожа Весов Истины! Слава Тебе, о Asi[7]; слава Тебе, о Nephthyst[8]!

О AESHOORI, Владыка Аменти! Ты — Владыка Жизни, Торжествующий над Смертью; нет в Тебе ничего, кроме Божественной Сути!

TOUM[9]! Toum в великой Обители!

---

1 Ипостась Маат; см. примеч. 1 на стр. 113.

2 Т.е. Анубис; о суффиксе -st см. примеч. 1 на стр. 110.

3 См. примеч. 1 на стр. 110.

4 См. примеч. 2 на стр. 114.

5 См. примеч. 3 на стр. 115.

6 «Царевич» — сын царя, т.е. Осириса; «город слепоты» — одно из описательных названий Аменти, загробного мира, в древнеегипетской традиции.

7 Исида.

8 Нефтида.

9 Атум.

Самовластный Владыка Богов, избави меня и спаси!

Избави меня от того грозного Бога, что пожирает падших, псоликого, но с головой человека;

От того, кто живет в огненном Озере в Зале Суда;

От пожирателя Теней, от поглотителя Сердец, от Незримого врага!

Пожиратель Бессмертия — Имя ему!

Тебе, о Единый Премудрый, Единый Могучий, Единый Вечный, да будут Хвала и Слава во веки веков; Тебе, кто меня допустил уже так далеко в Святилище Тайн Твоих. Слава не мне, но имени Твоему!

[*Коснись мечом затылка и промолви:*]

Да будут мне в помощь Владыка Вселенной и собственная моя Высшая Душа!

[*После этого встань, и воздень руки над головой (левая рука — пустая, в правой же — по-прежнему магический меч), и возведи очи свои к небесам, всей своей волей стремясь к наивысшему Божеству, и скажи:*]

Из Руки Твоей, о Господь, исходит всякое благо! Из Руки Твоей — вся благодать и милость! Перстом Своим Ты начертал Буквы в Книге Природы, но прочесть их может лишь тот, кого Ты обучил в школе Своей. И потому как слуга взирает с надеждой на руки своего господина или служанки — на руки своей госпожи, так и мы устремляем к Тебе свой взор, ибо Ты один — нам опора, О Господи Боже наш!

Как не славить Тебя, о Владыка Вселенной? Как не хвалить Тебя?

Все в этом мире — Твое! Все вернется к Тебе — и Любовь Твоя, и Твой Гнев. Ничто не теряется втуне, ибо все сущее движется к Славе Твоей и Величью! Ты — единый Господь, никто не сравнится с Тобой. Могучей Десницей вершишь Ты волю Свою, и никто Тебя не избегнет. Ты один помогаешь в час их нужды смиренным, нищим и кротким сердцами, покорным власти

Твоей; и ко всякому, кто смиряется перед Тобою в пыли и во прахе, Ты благосклонен!

И как же Тебя не хвалить, о Владыка Вселенной, как не славить Тебя? Никто с Тобой не сравнится; дом Твой — на Небесах и в каждом праведном сердце, постигающем страх Господень.

О Бог Необъятный! Ты — во всем сущем!

О Природа! Ты — Сущее из Ничто; ибо как мне назвать Тебя по-иному?

Сам в себе я — ничто! В Тебе я — всецелое «я» в твоем «Я», явленном из Ничто! Живи же во мне и веди меня к тому «Я», что в Тебе! Ибо победа моя — Крест и Роза!

[*Пройди на север и обратись лицом к востоку; помести на место престола Востока своего астрального двойника и изреки оттуда*:]

И Голос Моей Высшей Души сказал мне: «Дай мне вступить на путь Тьмы; может быть, *так* я сумею добиться Света! Я — единое сущее в Бездне Тьмы; из Тьмы вышла я до рождения, из Безмолвия первозданного Сна». И голос веков ответил моей душе: «Дитя Земли! Свет во Тьме светит, но Тьма не объяла его!»

[*Сформируй образ великого Ангела-Факелоносца и произнеси*:]

Восстань! воссияй! ибо Свет Твой пришел!

[*Начни обход Храма; дойдя до точки юга, повернись лицом к западу и остановись. Сформируй Идеалы Божественного Милосердия и Божественной Справедливости*[1]*; устремись всем Своим сердцем к каждому из них и скажи*:]

Приди ко мне, о Господь Любви и Сострадания! приди ко мне и дозволь мне жить в Любви Твоей!

1 Это два столпа Древа Жизни: первый содержит в себе сефиру Хесед, второй — Гебуру. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Да буду я сам милосерден, как милосерден Отец мой Небесный, ибо сказал Ты: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут»[1]. Дай мне достичь твоего Покоя, в коем жизнь — на веки веков.

При ко мне, о Господь Совершенной Справедливости! Могуча Рука Твоя, сильна Твоя Длань; Справедливость и Суд — обитель Престола Твоего! Укрепи мою волю и сердце, о ты, Господь Крепости, дабы смог я изгнать и разрушить те Силы Зла, что вечно сражаются с теми, кто ищет Тебя!

[*Сформируй перед собой Два Столпа — Облачный и Огненный — и скажи:*]

Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега!

Пошли Свет Твой и Истину Твою; да ведут они меня и приведут на Святую Гору Твою и в Обители Твои.

Я стою пред Вратами Запада, и Столпы Вселенной вздымаются передо мною в Величии своем. По правую руку мою — Столп Огненный, а по левую — Столп Облачный. Основания их сокрыты Тучами Тьмы, вершины их — в Небесах, в неизреченной Славе. Да будет дозволено мне пройти, о Врата Запада!

[*Пройди на юго-запад и направь ко Вратам Запада своего астрального двойника. И вот Страж Западных Врат говорит:*]

Ты не пройдешь мимо Меня, — молвил Страж Запада, — если не сможешь назвать Мое Имя!

[*Соискатель отвечает:*]

Тьма — имя твое; ты — Великий на Путях Теней.

[*Тогда Великий в Ночи Времени*[2] *молвит:*]

1 Мф. 5:7.

2 Здесь: Иерей, Страж Запада.

Дитя Земли! Помни, что страх — это поражение. А посему будь бесстрашен, ибо в сердце Труса нет места Добродетели. Теперь ты знаешь Меня. Проходи!

[*Пройди на север и снова возвысь свой разум к созерцанию Милосердия и Справедливости нашего Бога, повторив вышеприведенные молитвы, а затем скажи:*]

Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега!

Пошли Свет Твой и Истину Твою; да ведут они меня и приведут на Святую Гору Твою и в Обители Твои.

Вот предо мною выступают из мглы могучие Врата Востока. По правую руку мою — Столп Огненный, а по левую — Столп Облачный; простерлись они от темных туч Мира Тьмы до Сияющей Славы Небесного Света; они утверждают в Вечности Равновесие Сил Великого Бога. Да будет дозволено мне пройти, о Врата Востока! Да будет дозволено мне пройти чрез врата Дуата и восстать вместе с Ра в Сиянии Красной Зари!

[*Пройди на северо-восток и направь на место престола Востока своего астрального двойника со словами:*]

Ты не пройдешь мимо Меня, — молвил Страж Востока, — если не сможешь назвать Мое Имя!

[*Соискатель отвечает:*]

«Свет, во Тьме брезжащий», — Имя Твое; Свет Золотого Дня!

[*Осирис*[1] *молвит:*]

Запомни, Дитя Земли, что Неуравновешенная Сила есть Зло: Неуравновешенное Милосердие — всего лишь Слабость, а Неуравновешенная Суровость —

1 Здесь: Иерофант, Страж Востока.

не что иное, как Угнетение. Теперь ты знаешь Меня; пройди же к Кубическому Алтарю Вселенной!

[*Пройди и встань к западу от Алтаря; направь своего астрального двойника в место между Столпами. Преклони колени перед Алтарем и произнеси от лица двойника:*]

Молитва Осириса

О Владыка Вселенной, Необъятный и Могучий! Повелитель Света и Тьмы! Мы склоняемся перед Тобой и взываем к Тебе! Милостиво взгляни на сего Неофита, преклонившего колени перед Тобой, и ниспошли ему помощь Твою, дабы сбылись возвышенные устремления его души, дабы стал он верным и преданным Братом, одним из нас, во славу Твоего Неизреченного Имени. Аминь!

[*После этого встань, и воздень руки над головой, и возведи очи свои к небесам, сосредоточившись на Славе и Великолепии Того, кто восседает на Священном Престоле во веки веков, и скажи*:]

KHABS AM PEKHT!
KONX OM PAX!
СВЕТ В УСТРЕМЛЕНИИ!

Пока я скитался во Тьме, Свет Анубиса [Anubist] шел предо мной, но я не видел его. Это символ Сокровенного Света Тайного Знания.

[*Пройди в место между Столпами и сосредоточься на Высочайшем Божестве; стоя в Знаке Входящего, произнеси:*]

О Слава Неизреченного Божества! Вечный Владыка! Ветхий Днями! Тебя, Тебя призываю я в нужде моей! Темен весь мир — и вовне, и внутри; и только

в Тебе — свет! Сорви, о Владыка Вселенной, Завесу Святилища; да узрят очи мои Бога, Царя моего! Ибо сказано: «Как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой»[1]!

[*После этого ты увидишь свет, медленно собирающийся в образ могучего Ангела; но отстранись на время от этого зрелища и промолви:*]

Видел я Воду, истекающую из левой стороны Храма; и все, кого достигает эта Вода, исцеляются и восклицают: Блажен Тот, кто грядет во Имя Господне, аллилуйя[2]! О Агнец Божий, берущий на себя Грехи Мира! Даруй нам мир Твой[3]!

Я прошел Врата Тьмы; я вышел из Врат Аменти и Врат Дуата [Taot]! Узрите! Я приступил ко Вратам Сияющих в Небе. Я стою между могучими Столпами Врат сиих; по правую руку мою — Столп Огненный, а по левую — Столп Облачный. Отворитесь же предо мною, о вы, врата Бога, Владыки Недвижного Сердца; я прохожу через Врата Тесер [T'eser]; я восхожу по путям, кои я знаю, я знаю; и обращен мой Лик ко стране Маат!

[*Снова сформируй Авгоэйда.*]

Приди же, приди, Бог мой, мой Царь; приди ко мне, Ты, увенчанный звездным светом; Ты, кто сияет среди Владык Истины; Ты, коего место — обитель Небесных Духов!

[*Когда ты вновь увидишь Сияющего, приветствуй его Знаком Входящего; пройди между Столпами и обойди*

---

1 Лк. 17:24.

2 Парафраз реплики из пасхальной литургии римско-католической церкви: «Видел я воду, истекающую из правой стороны храма, аллилуйя; и все, кого достигает эта вода, исцеляются и восклицают: аллилуйя, аллилуйя».

3 Реплика из чина римско-католической мессы, восходящая к Ин. 1:29: «... вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира».

Храм трижды, всякий раз благоговейно приветствуя тем же знаком Восток. Затем остановись перед образом Света и встань лицом к Нему; возвысь свой разум ко славе Его и представь, как она объемлет тебя всего и проникает в Твою глубочайшую Суть. Скажи:]

Я есмь воскресение и жизнь. Верующий в Меня если и умрет, оживет; и всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек[1]. Я есмь Первый и Последний; и живый; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи Ада и Смерти[2]. Ибо знаю, что Искупитель мой жив и восстанет в последний день на земле[3].

Я есмь Путь и Истина и Жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня[4]. Я очищен; через Врата Тьмы я вышел ко Свету! Я сражался за добро на Земле. Я завершил свой Труд. Я вошел в Незримое. Я — Солнце на восходе, прошедшее Час Облаков и Ночи!

Я — Амон, Сокровенный[5], начало дня. Я Осирис Оннофрис, Оправданный, Владыка Жизни, восторжествовавший над смертью. Нет во мне ни единой части, что не от богов. Я пролагаю Путь. Я — Спаситель, выводящий к Свету[6]. Да снизойдет Белый Свет Божественного Духа!

[*Длинная пауза.*]

Итак, наконец, мне дозволено было узреть Облик моего Высшего «Я»! Хвала Тебе, о Владыка Жизни моей, допустивший меня уже так далеко в Святилище Тайн

---

1 Ин. 11:25—26.

2 Откр. 1:17—18.

3 Ср. Иов 19:25—26: «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога».

4 Ин. 14:6.

5 Амон — в египетской мифологии бог солнца, изначально небесное божество; почитался как царь всех богов и творец всего сущего. Его имя в переводе означает «сокровенный». — *Примеч. перев.*

6 Реплики начиная от слов «Я очищен»,составлены на основе речений из египетской Книги Мертвых.

Твоих и соизволивший явить мне сей малый отблеск Света Твоей Сути! Слушай меня, о Ангел Великого Бога; слушай меня и исполни молитву мою! Да не отступлюсь я от этого Символа Самопожертвования! Да постигну я все, что поможет мне стать ближе к Тебе! Учи меня, звездный Дух, Тайнам Твоим и Искусству Твоему; и пусть каждый день подводит меня к Тебе все ближе и ближе! Дай мне разделить страдание Твое, дабы в конце концов я причастился и Славы Твоей — в тот час, когда Сын Человека предстанет перед Владыкою Духов, и Имя Его — пред лицом Ветхого Днями!

Но покамест открой мне одно: как мне учиться у Тебя Тайнам Высшей Магии Света? Как получить мне от Обитателей светлых Стихий их Силы и знания? И как мне направить эти силы и знанья на благо ближних моих?

И, наконец, я молю Тебя: пусть укрепится Связь между нами, дабы впредь я всегда мог воззвать к Тебе и получить от Тебя помощь и совет, — о Ты, Кто Есть я сам! И я обещаю и клянусь пред Тобою, что с помощью Того, кто восседает на Святом Престоле, я так очищу свое сердце и ум, что однажды достигну истинного единения с Тобою — с Высшим Гением моим, моим Учителем и Вожатаем, моим Владыкой и Царем!

Результаты этих магических экспериментов были двоякими. Во-первых, P[erdurabo] постепенно восстанавливал против себя силы зла, которые теперь только и ждали подходящего момента, чтобы наброситься на него и уничтожить[1]. Это естественное

1 Когда P[erdurabo] погрузился в эти магические практики с головой, его лондонский дом окутала такая мощная аура зла, что даже посещать его стало небезопасно. Причина была не только в его собственных экспериментах; не будем забывать о злодеяниях других членов Ордена, таких как E.F.E.J., который, завидуя успехам P[erdurabo] и благосклонности Вождей к нему, пытался его уничтожить (см. «На развилке дорог» в 1-м номере I тома «Эквинокса», стр. 101). То в одной, то в другой комнате часто появлялись некие зловещие и ужасные фигуры; гости и рабочие, заходившие в дом, падали в обморок от внезапных приступов оцепенения и слабости. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

E.F.E.J. — зашифрованная (путем смещения на одну букву вперед) аббревиатура D.E.D.I. (лат. «Daemon est Deus Inversus» — «Демон — оборотная сторона Бога»). Этот магический девиз носил ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс (1865—1939), состоявший, как и Кроули в тот период, в Герметическом ордене Золотой Зари. Художественно переосмысленная история вражды

следствие всякой магии такого рода, которая основана на создании магического круга и, следовательно, на противопоставлении внутреннего внешнему — противопоставлении, утверждающем вечное проклятие двойственности. Мысль, остающаяся всего лишь элементом нашего внутреннего мира, почти ни на что не влияет; но если мы целенаправленно выбираем ее, освящаем и вызываем ко зримому явлению, она может стать по-настоящему опасной. Дело в том, что, продвигаясь от степени к степени и проникая все глубже и глубже в тайны оккультного знания, P[erdurabo] с каждым шагом все яснее осознавал, что большинство членов Ордена Золотой Зари не заслуживают даже презрения; но, невзирая на глупость учеников, он хранил верность учителю — D.D.C.F. Он еще не понимал, что учитель таков же, как и ученики, хотя и наделен большей властью. Ибо подобное притягивает подобное. Во-вторых, эти практические занятия помогли ему (и гораздо лучше, чем годы чтения и учебы) понять, что все бесчисленные пути, открывающиеся взору новичка, ведут лишь к одной-единственной цели и что окончательный результат стадии 🜍 операции 🜍[1], наивысшей из всех церемониальных операций Золотой Зари, подобен итогу «восхождения на планы». Совершив это важное открытие, P[erdurabo] отказался от экспериментов в области церемониальной дивинации и алхимии и под конец 1899 года удалился в уединенное поместье, которое приобрел с целью проведения Священной Операции мага Абрамелина.

Адепт

Необходимым приготовлениям к упомянутой великой операции P[erdurabo] посвятил всю осень 1899 года. Помимо этих приготовлений он не занимался почти ничем, и единственным свидетельством его прогресса за истекшие три месяца остается набросок статьи под названием «Силы чисел».

Сама по себе эта рукопись достаточно интересна, но не настолько важна, чтобы приводить здесь из нее цитаты; впрочем,

---

Йейтса и Кроули легла в основу упомянутого рассказа «На развилке дорог»; см. также: П.Р. Стивенсен. Легенда об Алистере Кроули. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 277—281.

1 Т.е., алхимического Великого Делания, см. пункт W на стр. 244.

можно отметить, что из нее явствует, насколько сильное влияние оказал на P[erdurabo] Орден Золотой Зари, а также сколь стремительным было его продвижение по пути магии.

В январе 1900 года P[erdurabo] наведался в Париж, чтобы получить степень 5°=6° перед началом Священной Операции Абрамелина и, таким образом, стать Младшим Адептом Второго ордена Золотой Зари.

Церемония 5°=6° довольно длительна, но настолько глубока и красива, что трудно представить себе, чтобы человек, прошедший ее, не стал совершеннее и просвещеннее прежнего. Если бы она не была так длинна, мы непременно привели бы ее здесь полностью. От наших сокращений она, несомненно, многое теряет; и все же мы сделали все возможное, чтобы передать ее суть, и постарались возместить ущерб, присовокупив к нашему изложению ясное и глубокое истолкование, которое дает этому ритуалу сам P[erdurabo].

Ритуал Ордена Rosae Rubeae et Aureae Crucis[1]
Ритуал степени Младшего Адепта, 5°=6°

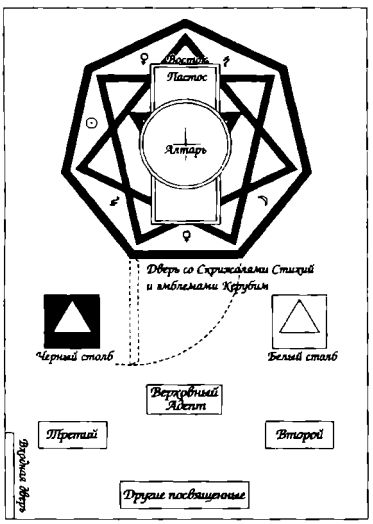

Схема 60
Убранство Храма для церемонии Открытия и первой части ритуала 5°=6°

1 «Красной Розы и Золотого Креста» (лат.).

(В ритуале этой степени участвуют трое служителей:

Верховный Адепт, 7°=4°, Милостивый Свободный Адепт;

Второй Адепт, 6°=5°, Могучий Старший Адепт;

Третий Адепт, 5°=6°, Младший Адепт-Помощник.)

Открытие

(Верховный Адепт призывает присутствующих помочь ему открыть Усыпальницу Адепта и велит Младшему Адепту-Помощнику удостовериться, что двери храма закрыты и охраняются должным образом, после чего обращается ко Второму Адепту.)

Верховный Адепт: Могучий Старший Адепт! Властью какого знака ты вошел в эти Врата?

Второй Адепт: Властью Знака Раскрытия Завесы[1].

Верховный Адепт: Младший Адепт-Помощник! Властью какого знака ты закрыл эти Врата?

Третий Адепт: Властью Знака Смыкания Завесы.

Второй Адепт: Пе: פ.

Третий Адепт: Реш: ר.

Второй Адепт: Каф: כ.

Третий Адепт: Тав: ת.

Второй Адепт: Парокет: פרכת.

Третий Адепт: Завеса Sanctum Sanctorum[2].

Верховный Адепт: Могучий Старший Адепт! Каково мистическое число этой степени?

Второй Адепт: 21.

Верховный Адепт: Младший Адепт-Помощник! Какой Пароль образуется от этого числа?

Третий Адепт: Алеф: א.

Верховный Адепт: Хе: ה.

Третий Адепт: Йод: י.

Верховный Адепт: Хе: ה.

---

1 См. «Liber O» («Эквинокс», I, 2). — *Примеч. Дж. Фуллера.* Рус. пер. см.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 570.

2 «Святая святых» (лат.).

Третий Адепт: Эхейе: אהיה.

Верховный Адепт: Могучий Старший Адепт! Что такое Усыпальница Адепта?

Второй Адепт: Символическое место погребения нашего мистического Основателя, Христиана Розенкрейца, которое он создал по образу Вселенной.

Верховный Адепт: Младший Адепт-Помощник! В какой части Усыпальницы он погребен?

Третий Адепт: В центре семиугольника под Алтарем, головой к востоку.

Верховный Адепт: Могучий Старший Адепт! Почему он погребен в центре?

Второй Адепт: Потому что центр — это точка равновесия сил.

(*В этом диалоге разъясняется вся символика Усыпальницы. Так, сообщается, что имя Основателя означает Розу и Крест Христовы, неувядаемую Розу Творения и бессмертный Крест Света. Сама Усыпальница символизирует гробницу Осириса Осоронофриса, Оправданного. Семь ее сторон — это семь нижних сефирот, семь дней творения и семь Дворцов. Она располагается в центре Земли, в недрах Горы Пещер — мистической горы Абиегнус, а гора Абиегнус — это гора Бога в центре Вселенной, священная розенкрейцерская гора Посвящения. Далее Второй Адепт разъясняет смысл названия «Абиегнус»*.)

Второй Адепт: Это Abi-Agnus — Агнец Отца. При перестановке букв это Abi-Genos — Рожденный Отцом и Bia-Genos — Сила нашего Рода. Вместе эти четыре слова составляют фразу: «Гора Агнца Отцова и Сила нашего Рода».

(*Далее сообщается, что ключ к этой Усыпальнице — Роза и Крест*[1], *возрождающие Жизнь Природы, и Силы, сокрытые в слове I∴N∴R∴I∴. Затем демонстри-*

1 См. схему 80 [на вклейке]. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

руется другая форма Розы и Креста — Crux Ansata[1]*, символ сил десяти сефирот в природе, разделенных на Шестерицу и Четверицу. Овальная его часть охватывает шесть верхних сефирот, а расположенный под ней тау-крест — четыре нижних, соответствующих четырем стихиям. После этого разъясняется символика полного символа Розы и Креста — эмблемы, которую носит на груди Верховный Адепт. Сообщается, что этот символ есть «Ключ к Сигилам и Ритуалам»*[2] *и что он олицетворяет силу двадцати двух букв в природе, разделенных на три части, в одной из которых — три буквы, во второй — семь, а в третьей — двенадцать; «много великих тайн сокрыто в нем».)*

(Когда завершается разъяснение символики Розы и Креста, Третий Адепт сообщает, что его жезл окрашен в цвета двенадцати знаков зодиака между Светом и Тьмой и увенчан Лотосом Исиды — символом развития Творения. Затем Второй Адепт говорит, что его жезл «опирается на символ Двоицы и увенчан Тау-Крестом как символом Жизни[3] *или головой Феникса, священной птицы Осириса». Он окрашен в семь цветов радуги между Светом и Тьмой, соответствующие семи планетам. Жезл этот символизирует возрождение и воскресение. И, наконец, Верховный Адепт поясняет символику своего жезла: «Мой Жезл увенчан Крылатым Шаром, вокруг которого обвиты две Змеи Египта*[4]*. Он символизирует равновесие сил Духа и четырех стихий под сенью вечных крыл Святого».*

Дверь в Усыпальницу охраняется Скрижалями Стихий[5] *и эмблемами Керубим*[6]*. На ней начертаны*

---

1 «Крест с ушком» (лат.), другое название анха — древнеегипетского символа жизни.

2 См. схемы 61-63 на вклейке.

3 См. схему 64 на вклейке.

4 См. схему 66 на вклейке.

5 Подробнее о Скрижалях Стихий см. «Зовы стихий доктора Джона Ди» в манускриптах Слоуна (Британский музей). — *Примеч. Дж. Фуллера.*
См.: Алистер Кроули. *Видение и Голос. Книга Еноха.* М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 267-271.

6 См. схему 65 на вклейке.

слова: «Post Centum Viginti Annos Patebo»[1]*, — которым Верховный Адепт дает следующее объяснение*:)

Верховный Адепт:

Эти 120 лет символически соответствуют пяти степеням Первого ордена и полному круговороту Сил Пентаграммы, а также пяти экзаменам, предшествующим данной степени.

Сказано: «Пусть будут дни их сто двадцать лет»[2], а число 120, деленное на 5, дает 24 — число часов в сутках и число престолов, на которых восседают двадцать четыре старца Апокалипсиса[3]. Далее, 120 — это число десяти сефирот, помноженное на число двенадцати знаков Зодиака. Тайный смысл его — деяния Духа и четырех Стихий, символически отраженных в моем Жезле.

(*Затем все поворачиваются лицом к востоку, Верховный Адепт распахивает настежь дверь Усыпальницы, проходит внутрь и становится в изголовье Пастоса. Второй Адепт занимает место с южной стороны Пастоса, Третий — с северной. Затем все трое поднимают свои жезлы, образуя ими пирамиду над алтарем; при этом анхи, висящие у них на запястьях, соприкасаются друг с другом под жезлами.*)

Верховный Адепт: Разберем Ключевое Слово. I.

Второй Адепт: N.

Третий Адепт: R.

Все хором: I.

Верховный Адепт: Йод: י.

Второй Адепт: Нун: נ.

Третий Адепт: Реш: ר.

Все хором: Йод: י.

Верховный Адепт: Дева, Исида, Могучая Мать.

Второй Адепт: Скорпион, Апофис, Разрушитель.

---

1 «Через 120 лет буду открыта» (лат.).

2 Быт. 6:3: «И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет».

3 Откр. 4:4: «И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца».

Третий Адепт: Солнце, Осирис, Убиенный и Восставший.

Все хором: Исида, Апофис, Осирис — И.А.О.

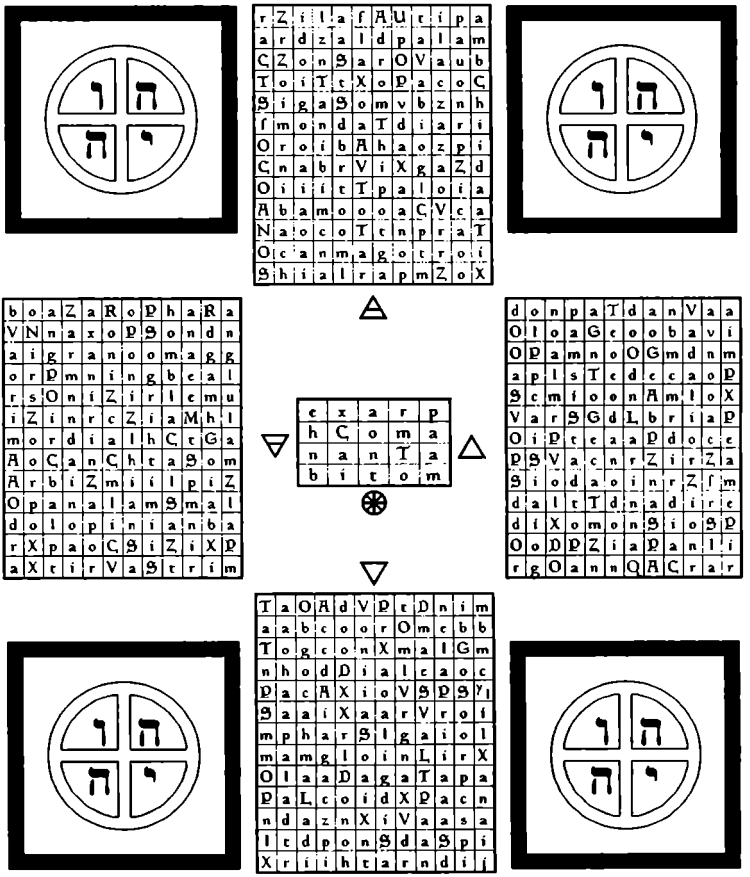

Схема 67
Скрижали Стихий и эмблемы Керубим

(*Служители разъединяют свои жезлы и анхи. Все совершают знак креста и произносят:*)

Все хором: Знак Осириса Убиенного.

(*Верховный Адепт, совершая знак L со склоненной головой*[1]*, произносит*:) L — Знак Исиды Скорбящей.

(*Второй Адепт, совершая знак V с высоко поднятой головой, произносит*:) V — Знак Тифона и Апофиса.

(*Третий Адепт, совершая знак X со склоненной головой, произносит*:) X — Знак Осириса Восставшего.

(*Все хором, совершая знаки Осириса Убиенного и Осириса Восставшего, произносят*:) L V X (Lux), Свет Креста.

(*Все выходят из Усыпальницы и возвращаются на прежние места.*)

Верховный Адепт: Властью Великого Имени יהשוה, Ключевого Слова INRI и сокровенного Слова LVX я открыл Усыпальницу Адепта.

(*Все присутствующие совершают знаки LVX, как описано выше.*)

Первая часть

(*В этой части церемонии участвуют Второй Адепт, который теперь становится Главным, Третий Адепт и Спутник Соискателя, которого именуют «Достопочтенный Брат Hodos Chamelionis»*[2].

Второй Адепт приказывает Достопочтенному Брату Hodos Chamelionis подготовить ожидающего снаружи Соискателя, а Младшему Адепту-Помощнику — встать на страже у двери храма с внутренней стороны.

Затем Соискателя впускают в храм, и он начинает зачитывать список степеней и титулов, которых он уже удостоился. Когда он заканчивает свою речь, Второй Адепт обращается к нему со следующими словами:)

Второй Адепт: Допуска к Усыпальнице Адепта Красной Розы и Золотого Креста можно добиться не прово-

---

1 Описание этих знаков см. в «Liber O» («Эквинокс», I, 2). — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Рус. пер. см.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 570.

2 «Путь Хамелеона» (лат.), титул Младшего Адепта.

зглашением своих достоинств и заслуг, сколь бы велики они ни были, но лишь смирением и чистотой духа, приличествующих соискателю столь возвышенных таинств.

(*Соискателя выводят за дверь, снимают с него все украшения, облачают его в черную мантию скорби, связывают ему руки за спиной и возлагают цепь на шею. Затем Спутник Соискателя снова подводит его к двери храма и громко стучится.*)

Третий Адепт (открывая дверь): С каким символом вы идете?

Спутник Соискателя: С Огненным Мечом и со Змеем Мудрости.

(*Соискателю велят преклонить колени, обратившись лицом на восток, между Вторым и Третьим Адептами. Второй Адепт возносит молитву, завершающуюся словами:*)

...О, Господь Необъятный! Ты во всем сущем. О, Природа! Ты Сущее, явленное из Небытия; ибо как иначе назвать Тебя? Сам в себе я — ничто. В Тебе я — Сущее в Сущем Твоем, явленном из Небытия. Живи же во мне и веди меня к тому Сущему, что в Тебе. Аминь.

(*Затем Третий Адепт искренне просит Соискателя не счесть, что испытание унижением, которому его подвергли, имело своей целью оскорбить его чувства. Оно было призвано лишь указать ему, что истинный мудрец в собственных глазах ничтожен, сколь бы великими ни казались его заслуги невеждам. После этого Соискателю помогают подняться, и Второй Адепт обращается к нему со словами:*)

Второй Адепт: Не презирай печали, не питай ненависти к страданиям, ибо они — Святители сердца. Черные одежды, в кои ты облачен, — символ скорби, но и символ силы. Если Брат твой падет, не похваляйся,

что ты лучше его, ибо как знать, устоял бы ты сам перед таким же соблазном? Не клевещи и не злословь. Если не можешь восхвалять, то хотя бы не осуждай. Если увидишь, что некто попал в беду и унижен, то, будь он даже врагом твоим, вспомни миг твоего унижения, когда ты стоял на коленях перед дверью этой Усыпальницы, облаченный в одежды скорби, с цепью печали на шее твоей и со связанными за спиною руками, — вспомни и не радуйся его несчастью. В отношениях же с членами нашего Ордена пусть рука твоя, протянутая ближнему, всегда остается искренним и неподдельным обетом Братства. Уважай тайны и чувства своих Братьев и Сестер, как свои собственные. Снисходите друг к другу и прощайте друг другу, как заповедал Учитель.

Достопочтенный Брат Hodos Chamelionis! Каков символический возраст Соискателя?

Спутник Соискателя: Дни его — сто двадцать лет.

(*Затем Третий Адепт дает следующее пояснение:*)

Третий Адепт: Этот возраст соответствует пяти степеням Внешнего ордена, которые Соискатель должен пройти, прежде чем ему будет позволено вступить в Усыпальницу Священной Горы. Ибо промежуток в три месяца, отделяющий, степень Практика от степени Философа, пребывает под властью стихий; промежуток в семь месяцев, отделяющий степень Философа от степени Врат, — под властью планет; а стихии и планеты проявляются через двенадцать знаков зодиака. Сумма трех и семи, помноженная на двенадцать, дает число 120.

(*Далее Соискатель должен принести торжественную Клятву. Сначала его привязывают к Кресту Страдания, и Второй Адепт говорит:*)

Второй Адепт: Этот символ Страдания есть символ Силы. Ты связан, однако постарайся взять сей

священный символ и удержать его обеими руками, ибо тот, кто не стремится, не достигает цели.

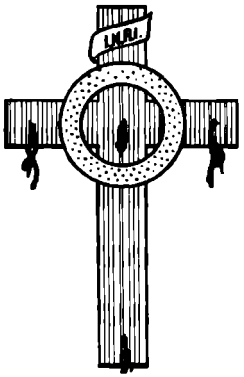

Схема 68
Крест Страдания

(*Второй Адепт воздевает руки к небесам и восклицает:*)

Божественным именем I.·.A.·.O.·. я призываю тебя, о великий Ангел Мщения HUA, дабы, незримо возложив десницу Свою на чело сего Соискателя, ты засвидетельствовал его Присягу.

(*Затем Соискатель повторяет за ним пункты Присяги*[1]*:*)

בתר. Я, «Христиан Розенкрейц», член Тела Христова, ныне связываю себя духовно, так же, как физически я привязан к сему Кресту Страдания.

חכמה. Я связываю себя клятвой в том, что буду жить жизнью чистой и бескорыстной...

בינה. Что я буду хранить все, связанное с этим Орденом... и что я буду всеми силами поддерживать Завесу строгой секретности, отделяющую Первый орден от Второго.

1 Соответствующие десяти сефирот, названия которых приводятся здесь на иврите.

חסד. Что я всеми силами буду поддерживать авторитет Вождей Ордена.

גבורה. Что всю практическую работу, связанную с Орденом, я буду выполнять в укромном месте... что буду хранить эту тайну, доверенную Внутреннему Кругу Посвященных Розенкрейцеров... что при непосвященных я буду выполнять лишь те магические операции, которые по своей природе просты и давно уже общеизвестны; однако принятые в Ордене секретные приемы магической работы я сохраню в тайне и никому не открою наших секретных способов работы.

תפארת. Далее я торжественно обещаю и клянусь, что, с Божественного Соизволения, отныне и впредь я обращу свои усилия на Великое Делание и буду очищать и возвышать свою духовную природу, дабы, с Божественной Помощью, наконец превзойти человеческое естество, постепенно подняться к своему высшему божественному Гению и соединиться с ним, — и что, достигнув этой цели, я не стану злоупотреблять вверенной мне великой властью.

נצח. Далее я торжественно обещаю никогда не приступать к работе с каким-либо важным символом, не призвав предварительно высочайшие Божественные Имена и не установив тем самым с ними связь; и, в особенности, никогда не осквернять вверенных мне познаний в области практической магии, обращая их во зло...

הוד. Далее я обещаю ... проявлять братскую любовь и снисходительность ко всем членам Ордена...

יסוד. Я готов самостоятельно и без посторонней помощи работать над предметами, предписанными для изучения на различных вспомогательных степенях...

מלכות. И, наконец, если в своих путешествиях я встречу незнакомца, который назовется членом Ордена Розенкрейцеров, то прежде чем признать его таковым, я тщательно его испытаю.

(По завершении Присяги с Соискателя снимают Цепь Унижения и Мантию Скорби. Третий Адепт завершает

первую часть ритуала, устно сообщая Соискателю следующую историю Ордена Розы и Креста[1]*:*)

Третий Адепт:

Знай же, о Соискатель, что Мистерии Розы и Креста возникли в незапамятные времена и что мистические обряды эти исполнялись и сокровенные знания эти преподносились посвященным во многих странах древности: Египет и Элевсин, Самофракия и Персия, Халдея и Индия чтили таинства сии и донесли сию тайную мудрость до потомков. Было воздвигнуто множество храмов ее среди многих народов, хотя с ходом времен иные из них утратили чистоту изначального знания. Но вот в каком виде дошла до нас история введения этих мистерий в средневековой Европе.

В 1378 году родился Вождь и Основатель нашего Братства в Европе. Он происходил из знатного, но бедного немецкого рода. В пятилетнем возрасте (в 1383 году) его отдали в монастырь, где он изучил греческий язык и латынь.

В 1393 году, еще совсем молодым, он отправился вместе с неким Братом P.A.L. в паломничество в Святую Землю. Но этот спутник его умер на Кипре, и юноша самостоятельно отправился в Дамаск. В те времена в Аравии был Храм нашего Ордена, на еврейском языке именовавшийся «Дамкар» (דמכר), что означает «Кровь Агнца». Там юноша прошел посвящение и принял мистический титул «Христиан Розенкрейц» (C.R.C.), то есть «Роза и Крест Христовы». Он взялся изучать арабский язык и настолько преуспел в этом, что уже год спустя перевел на латынь книгу «М», которую впоследствии привез с собою в Европу.

Проведя в Дамаске три года, в 1396 году Христиан Розенкрейц отправился в Египет, где также находился Храм Ордена. Там он оставался некоторое время, продолжая изучать тайны Природы.

---

1 Источник нижеследующего предания — розенкрейцерский манифест «Fama Fraternitatis» («Слава Братства»), впервые опубликованный в 1614 году.

В 1398 году он прибыл морем в город Фес и был тепло принят в местном Храме... Впоследствии он признавался, что члены фесского Братства не смогли сохранить Тайную Мудрость в первозданной чистоте и каббала у них была до известной степени искажена влияниями местной религии. Тем не менее, он многому научился и здесь.

Проведя в Фесе два года, в 1400 году Розенкрейц приехал в Испанию, где попытался исправить заблуждения ученых, передав им обретенное в скитаниях чистое знание. Но он разделил судьбу пророков древности: всякий раз, когда он указывал европейским мудрецам на ошибки, вкравшиеся в их вероучение, над ним лишь насмехались и отвергали его с бранью.

В 1402 году он покинул Испанию, но так же отнеслись к нему и на родине, и среди других народов. В итоге, прожив пять лет в Германии, в 1408 году Розенкрейц посвятил в Таинства трех своих бывших собратьев по монастырю — Братьев G.V., I.A. и I.O., которые превосходили глубиной познаний многих своих современников. И эти четверо стали родоначальниками Братства в Европе. Они усердно трудились и изучали рукописи, которые привез C.R.C. и разработали магический язык.

К 1409 году эти четверо Братьев выстроили здание, которое стало Храмом Ордена, и назвали его «Collegium ad Spiritum Sanctum» — «Товарищество Святого Духа».

В 1410 году они приняли в свое Братство еще четверых: Брата R.C. (отец которого приходился родным братом покойному отцу Христиана Розенкрейца), искусного живописца B., некоего G.P. и P.D., который стал Канцлером Ордена. Все восьмеро были родом из Германии, за исключением I.A.

Они приняли следующий устав:

1). Члены Братства не станут заниматься мирскими делами, за исключением бесплатного врачевания больных.

2). Члены Братства не станут носить особого облачения, но будут одеваться в согласии с обычаями своей страны.

3). Члены Братства будут ежегодно в день Corpus Christi[1] встречаться в Доме «Collegium ad Spiritum Sanctum», а в случае невозможности личного присутствия присылать письменное объяснение причин.

4) Каждый член Братства должен подыскать себе достойного преемника (мужчину или женщину), который продолжит его дело после смерти.

5) Печатью, подписью и паролем для членов Братства будут буквы R.C.[2]

6) Братство должно оставаться тайным в течение ста лет.

Решено было, что пятеро Братьев отправятся путешествовать по разным странам, а двое останутся с Христианом Розенкрейцем.

(*Затем слово берет Второй Адепт и продолжает рассказ*:)

...Усыпальница Адепта, в которой был погребен сей достославный Человек Божий, Отец наш, Христиан Розенкрейц, была открыта следующим образом.

В 1600 году Брат A. умер в Галлии Нарбонской, и его место занял Брат N.N. Он взялся отремонтировать часть Дома Товарищества Святого Духа и с этой целью снял медную мемориальную таблицу, на которой были выгравированы имена нескольких Братьев и еще некоторые сведения. Эта таблица крепилась к стене большим гвоздем, и когда его выдернули, из стены выпал кирпич. За ним обнаружилась потайная дверь, на которой большими буквами было начертано: «POST CXX ANNOS PATEBO»...

(*Выслушав рассказ, Соискатель покидает храм, и на этом первая часть завершается.*)

---

1 Праздник Тела Христова (Корпус Кристи, от лат. Corpus Christi — «Тело Христово») — в католической церкви праздник, посвященный почитанию Тела и Крови Христа, в которые пресуществляются хлеб и вино причастия. Отмечается в первый четверг после Троицы (на 61-й день после Пасхи).

2 Аббревиатура латинских слов «Rosa» («роза») и «Crucis» («крест»).

(Верховный Адепт в парадном облачении со всеми регалиями лежит на спине в Пастосе. На груди его возлежит полный символ Розы и Креста, подвешенный на двойной фениксовой ленте; руки его скрещены на груди, но не скрывают символа; кисти рук покоятся на плечах. В руках он держит Крюк и Плеть; между ними лежит Таро.

В начале церемонии крышка Пастоса закрыта и на ней, в центре, стоит Алтарь.

Второй и Третий Адепты стоят вне Усыпальницы на прежних местах.

На двери Усыпальницы висят Скрижали Стихий и эмблемы Керубим.

Соискателя допускают в Храм, и Второй Адепт разъясняет ему символику украшений на двери Усыпальницы, в заключение провозглашая:

Схема 69

Убранство Храма для второй части ритуала 5°=6°

Второй Адепт:

Итак, не забывай о Стражах Усыпальницы Адепта — Скрижалях и Керубим. Строго блюди тайну наших мистерий. Сдерживай даже помыслы о ней в сердце твоем, дабы случайно не выдать тайну непосвященным.

(Затем Третий Адепт обращает внимание Соискателя на то, что под буквами CCX располагаются знаки ☥ ˣ X, тождественные выражению «Post Annos Lux Crucis Patebo» — «По истечении этих лет я, Свет Креста, явлюсь».

Затем дверь Усыпальницы открывают.

Второй Адепт указывает Соискателю, что Усыпальница освещена лучами символической Розы и что в центре Усыпальницы стоит Круглый Алтарь[1]*, на котором начертаны буквы A.G.R.C. («Ad Gloriam Rosae Crucis») или A.C.R.G. («Ad Crucis Rosaea Gloriam») и фраза «Hoc Universi Compendium Unius Mihi Sepulchrum*

1 См. схему 79. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Feci», что в целом означает: «Во славу Розы и Креста я изготовил для себя эту Усыпальницу как Свод Единства Вселенной». Остальная символика Алтаря разъясняется на схеме. После этого возносится молитва, и Третий Адепт вручает Соискателю цепь с Алтаря, повелевая принять ее как «оковы страдания и самопожертвования». Второй Адепт берет с Алтаря кинжал и чашу и, обмакнув кинжал в чашу, чертит на лбу Соискателя крест, после чего вручает Соискателю символ розы и креста. Затем Третий Адепт открывает верхнюю половину крышки Пастоса и произносит:)

Третий Адепт: И Свет во Тьме светит, и Тьма не объяла его[1].

(*Второй Адепт велит Соискателю прикоснуться жезлом к символу Розы и Креста на груди Верховного Адепта и произнести: «Да явится свет из тьмы!»*
Верховный Адепт, не двигаясь, произносит:)

Верховный Адепт:
О Брат Креста и Розы, погребенный во СВЕТЕ сем в мистической Смерти и восстающий вновь в мистическом воскресении, Чистый и Очищенный благодаря Ему, ВЛАДЫКЕ нашему! О Адепты всех веков, подобно ему, трудились и страдали вы, подобно ему, претерпевали вы невзгоды. Вы прошли через Нищету, через Муки и Смерть; но все это послужило очищению Золота.

В Перегонном Кубе Сердца твоего,
чрез Атанор Испытаний и Лишений,
взыскуй истинный камень Мудрецов.

Ныне же, о, Соискатель, ты выйдешь из Усыпальницы сей с руками, скрещенными на груди, в правой руке держа Крюк Милосердия, а в левой — Плеть Суровости[2], эмблемы тех Вечных Сил, от равновесия коих зависит

1 Ин. 1:5.

2 См. схему 74. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

равновесие вселенной; примирение этих сил — Ключ к Жизни, разделение же их — зло и гибель...

(*Затем Третий Адепт продолжает рассказ, переданный Братом N.N., упоминая имена некоторых Братьев древности. В завершение он произносит*:)

Третий Адепт: «Ex Deo Nascimur; In Yeheshuah Morimur; Per Spiritum Sanctum Reviviscimus»[1].

(*Затем Пастос вновь закрывают, а Соискатель выходит из Усыпальницы, дабы ее могли подготовить к третьей части церемонии.*)

Третья часть

(*Убранство Храма показано на схеме.*

Третья часть церемонии начинается следующим образом:)[2]

Второй Адепт:

И там, где прежде лежало тело Учителя, восседали теперь, один в изголовье, другой у ног, два Ангела в белых одеждах, молвившие: «Что вы ищете живого между мертвыми?»[3].

Верховный Адепт: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня если и умрет, оживет; и всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек[4].

---

1 «От Бога рождаемся. Во Христе умираем. Духом Святым оживаем» (лат.).

2 См. схему 70 на вклейке.

3 Ср. с Лк. 24:1—5: «В первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу, и вместе с ними некоторые другие; но нашли камень отваленным от гроба. И, войдя, не нашли тела Господа Иисуса. Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе и наклонили лица [свои] к земле, сказали им: что вы ищете живого между мертвыми?».

4 Ин. 11:25—26.

Второй Адепт: Узри Образ сей (*указывает на нижнюю половину крышки*[1]) — Образ Оправданного, распятого на кресте Преисподних Рек Смерти и тем вырвавшего Малкут из объятий Красного Дракона.

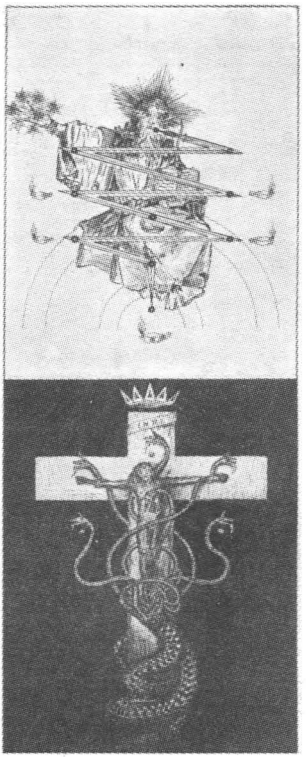

Схема 71
Крышка Пастоса

Третий Адепт: И обратившись (*указывает на верхнюю половину крышки*), увидел я Семь Золотых Светильников, и посреди семи Светильников подобного Бен-Адаму[2], облеченного в подир[3] и по персям опоясанного Золотым Поясом; глава Его и волосы белы,

1 См. схему 71. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Т.е. Сыну Человеческому.

3 Подир — длинная одежда иудейских первосвященников и царей.

как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану[1], как раскаленные в печи, и голос Его, как шум вод многих. Он держал в деснице Своей Семь Звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон Меч Пламенный, и Лицо Его, как солнце, сияющее в силе своей[2].

Верховный Адепт: Я есмь Первый и Последний; и живый; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи Ада и Смерти[3].

(Второй и Третий Адепты вводят Соискателя в Усыпальницу. Все преклоняют колени, кроме Верховного Адепта, который простирает руки крестом и произносит:)

Верховный Адепт: Ибо знаю, что Спаситель мой жив и Он восстанет в последний день на Земле[4]. Я есмь Путь и Истина и Жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня[5]. Я Очищен. Через Врата Тьмы я вышел к Свету. Я сражался за Добро на Земле. Я завершил свой Труд. Я вошел в Незримое. Я — Солнце на восходе, прошедшее час облаков и ночи. Я — Амон, Сокровенный, начало дня. Я Осирис Оннофрис, Оправданный, Владыка Жизни, восторжествовавший над смертью. Нет во мне ни единой части, что не от богов. Я пролагаю Путь. Я Спаситель, выводящий к Свету.

Из Тьмы да воссияет Свет![6]

---

1 Точное значение слова неизвестно. В Откр. 1:15 и 2:18 — блестящий металл или блеск металла. То же слово в Езд. 8:27, Иез. 1:7, Дан. 10:6 переведено как «блестящая медь», а в Иез. 1:4, 27; Иез. 8:2 — как «сияние». В англ. переводе — «fine brass» («чистая медь»).

2 Откр. 1:12—16.

3 Откр. 1:17—18.

4 Ср. с Иов 19:25—26: «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога».

5 Ин. 14:6.

6 Реплики Верховного Адепта, начиная от слов «Я очищен», составлены на основе речений из египетской Книги Мертвых.

(*При этих словах Соискатель и двое Адептов склоняют головы и произносят:*)

Я был слеп, но ныне прозрел.

(*Затем Верховный Адепт продолжает:*)

Верховный Адепт: Я — Примиритель с Неизреченным. Я — обитатель Незримого. Да снизойдет блистающе-белое Сияние Божественного Духа! (*Короткая пауза, после которой Верховный Адепт обращается к Соискателю:*) Ныне как Младший Адепт Красной Розы и Золотого Креста восстань в знаке Осириса Убиенного.

(*Затем Верховный Адепт сообщает и разъясняет Соискателю мистическое число степени — 21, пароль степени — Эхейе (אהיה) и Ключевое Слово — I.N.R.I., после чего истолковывает ему схему Minutum Mundum в следующих словах:*)[1]

Верховный Адепт: Перед тобой схема под названием «Minutum Mundum Sive Fundamental Coloris» — «Малый Мир, или Основание Цвета». Запечатлей ее в сердце своем и крепко запомни, ибо она — Ключ к Природе. Как ты видишь, здесь изображены сефирот и пути, окрашенные в соответствующие им цвета. Смотри, не открывай эту схему непосвященным, ибо в ней сокрыты великие тайны!

Кетер — высшая из всех сефирот, и в ней сверкает Белое Божественное Сияние, говорить о коем далее мне не подобает.

Хокма окрашена в Серый (переливчатый) цвет, это смесь цветов.

Бина — тьма (радужный блеск черного опала), поглощающая все прочие цвета. Эти три сефирот составляют Высшую триаду.

В Кетер пребывает корень Золотого Сияния, которое отражается в Тиферет как Желтый цвет.

1 См. схему 72 на вклейке.

В Хокме — корень Синего цвета, отражающегося в Хесед.

В Бине — корень Красного цвета, отражающегося в Гебуре. Тиферет, Хесед и Гебура — вторая триада сефирот, первая отраженная триада.

Лучи Хесед и Тиферет сливаются в Нецах и порождают Зеленый цвет.

Лучи Гебуры и Тиферет сливаются в Ход и порождают Оранжевый цвет.

Лучи Хесед и Гебуры сливаются в Йесод и порождают Фиолетовый цвет. Нецах, Ход и Йесод — третья триада сефирот, вторая отраженная триада.

От лучей этой третьей триады, соединенных попарно, образуются три цвета Малкут, а четвертый цвет Малкут соединяет в себе все три цветовые луча третьей триады.

Из Оранжевого цвета Ход и Зеленого цвета Нецах происходит Лимонный цвет — оттенок зеленоватого лимона.

Из Оранжевого в смеси с Фиолетовым лучом Йесод — Красновато-Коричневый.

Из Зеленого и Фиолетового — Оливковый, мутно-зеленый.

Соединение же всех трех лучей дает Черный цвет, граничащий со сферой клипот.

Цвета двадцати двух путей рождаются из цветов первой отраженной триады сефирот (Высшая триада участвует в их формировании лишь опосредованно).

Воздуху, א, соответствует желтый цвет Тиферет.

Воде, מ, — синий цвет Хесед.

Огню, ש, — красный цвет Гебуры.

Цвета Земли содержатся в Малкут.

Цвета планет соответствуют цветам Радуги:

ת, Сатурн — темно-синий.

כ, Юпитер — фиолетовый.

פ, Марс — алый.

ר, Солнце — оранжевый.

ק, Венера — зеленый.

ב, Меркурий — желтый.
ג, Луна — голубой.

Знакам зодиака соответствуют следующие цвета:

ה, Овен — алый.
ו, Телец — красновато-оранжевый.
ז, Близнецы — оранжевый.
ח, Рак — янтарный.
ט, Лев — зеленовато-желтый.
י, Дева — желтовато-зеленый.
ל, Весы — изумрудный.
נ, Скорпион — зеленовато-голубой.
ס, Стрелец — синий.
ע, Козерог — темно-синий.
צ, Водолей — фиолетовый.
ק, Рыбы — багряный.

Далее обрати внимание на то, что цвета путей и сефирот находятся на Древе в равновесии и гармонии между собой...

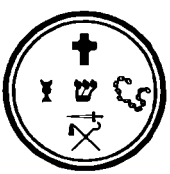

Схема 73
Эмблемы на Алтаре

(Верховный Адепт приветствует новопосвященного Младшего Адепта и присваивает ему титул «Hodos Chamelionis».

Второй Адепт разъясняет цветовую символику Крюка и Плети, указывая, что Крюк разделен на цвета, соответствующие Кетер, Воздуху, Хокме, Тельцу, Хесед, Льву, Овну, Тиферет, Козерогу и Ход, а Плеть — на цвета, соответствующие Нецах, Скорпиону, Тиферет, Близнецам, Бине, Раку, Гебуре и Воде[1].

1 Перечисленные здесь соответствия воспроизводят форму Крюка и Плети на Древе Жизни. См. схему 74 на вклейке.

После этого Третий Адепт истолковывает символику Эмблемы допуска — Меча и Змея:)

Третий Адепт: ... Один символ — восходящий, другой — нисходящий; один — неподвижный, другой — летучий; один объединяет сефирот, другой — Пути. Далее, в очертаниях Змея Мудрости сокрыта восходящая спираль, а в форме Меча — изливающийся из области над Кетер поток Белого Сияния...

(*После этого истолкования Верховный Адепт подводит Соискателя к схеме Мистических Титулов и Степеней со словами:*)

Верховный Адепт: Вот символическая Гора Господня в центре Вселенной, священная для розенкрейцеров Гора Посвящения, мистическая Гора Пещер, гора Абиегнус.

(*На схеме изображена гора, увенчанная светом и окруженная тьмой. У ее основания — стена Тайны, единственные врата которой — два столпа Гермеса. К вершине горы ведет спиральный путь Змея Мудрости.*

После истолкования этой схемы Второй и Третий Адепты убирают Алтарь, а Верховный Адепт завершает третью часть ритуала, разъясняя Соискателю мистическую символику самой Усыпальницы:)

Верховный Адепт: Усыпальница состоит из трех основных частей:

1) блистающе-белый потолок;

2) семь стен, окрашенные в семь цветов;

3) пол, по преимуществу черный.

Потолок представляет собой гептаграмму, в которую вписан треугольник, заключающий в себе Розу о двадцати двух лепестках. Треугольник символизирует троицу Высших сефирот; гептаграмма — семь нижних.

На полу, окрашенном в черный цвет, также изображен треугольник, вписанный в гептаграмму[1]. Это символ порочных, извращенных сефирот царства клипот, знак Великого Красного Дракона о семи головах. Внутри этого пагубного треугольника — спасительный символ Золотого Креста, соединенный с Красной Розой о сорока девяти лепестках... И чем темнее эта чернота, тем ярче сияет белизна вверху. И да поможет сие уразуметь, почему зло называют помощником Добра[2].

Далее, между Светом и Тьмою вибрируют семь цветов радуги. (*В эти цвета окрашены семь стен Усыпальницы; каждая стена состоит из сорока квадратов, символизирующих десять сефирот, четырех херувим и Вечный Дух, три алхимических первоначала, три стихии, семь планет и двенадцать знаков*)[3].

На Алтаре стоит черный Крест Распятия, соединенный с Розой о пятижды пяти лепестках. Это символ перетекающих друг в друга энергий Духа и Стихий[4].

(*Все выходят из Усыпальницы.*

Затем Верховный Адепт указывает, что изголовье Пастоса окрашено в белый цвет и украшено золотым Греческим Крестом и красной Розой о сорока девяти лепестках[5]*; Изножье — черно и украшено белым крестом Распятия и окружностью, помещенными на подножии из трех ступеней; на боковых же стенках Пастоса отображены двадцать два цвета путей между Светом и Тьмой.*

Далее Верховный Адепт сообщает Соискателю рукопожатие степени, и на этом третья часть церемонии завершается[6].)

---

1 См. схему 77 на вклейке.

2 См. схемы 78 и 80 на вклейке.

3 См. схему 75 на вклейке.

4 См. схему 76 на вклейке.

5 См. схему 80. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

6 См. схему 82 на вклейке.

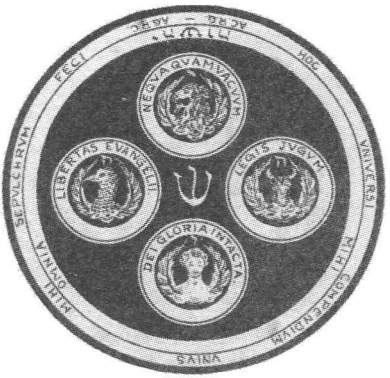

Схема 79
Круглый Алтарь

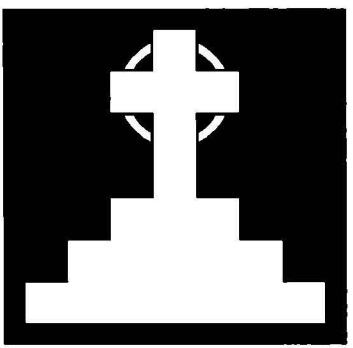

Схема 81
Крест в изножье Пастоса

Закрытие

(*Верховный Адепт просит Достопочтенных Братьев и Сестер помочь ему закрыть Усыпальницу Адептов, после чего затворяет дверь со словами:*)

Верховный Адепт: «Post Centum Viginti Annos Patebo». Этими словами закрываю я Усыпальницу Адепта в недрах Мистической Горы Абиегнус.

Третий Адепт: Ex Deo Nascimur[1].

Второй Адепт: In Yeheshuah Morimur[2].

Верховный Адепт: Per Sanctum Spiritum Reviviscimus[3].

(*Все присутствующие молча совершают знаки LVX.*)

Далее мы приводим истолкование этого ритуала, составленное Братом P[erdurabo] и весьма полезное для понимания церемонии 5°=6°. Читателю следует учитывать, что заметки эти были написаны почти три года назад, чем и объясняются некоторые вкравшиеся в текст восточные выражения.

Наброски Брата P[erdurabo] к истолкованию ритуала Младшего Адепта, 5°=6°

В этой степени участвуют трое служителей:

Исида — Хесед,
Апофис (замещенный Хором) — Гебура
и
Осирис — Тиферет.

Но при этом они в некотором роде обмениваются функциями: в основной церемонии Верховный Адепт представляет Осириса, а Третий Адепт — милосердную Исиду.

Церемония начинается с семи ударов, ибо сказано: «Шестеро их, и седьмым среди них — огнеликое солнце»[4]. Ибо Тиферет, 5°=6°, — это солнечная степень.

Затем обычным образом совершаются знаки степени и выставляется стража врат, поскольку в этой подготовительной части цель работы одинакова для всех степеней: привести храм в гармонию с предстоящей церемонией.

1 «От Бога рождаемся» (лат.).

2 «Во Христе умираем» (лат.).

3 «Духом Святым оживаем» (лат.).

4 «Халдейские оракулы», §123.

Первая вибрация

Семь ударов символизируют не только гексаграмму, как сказано выше, но и движение Божественного Духа Огня над Водами. Это Первое Дыхание Света; это замысел, зародившийся в нем.

Вторая вибрация

Второе явление Света подобно вспышке Молнии — Огненному Мечу. Образ этот созидается тремя утверждениями: последовательно упоминаются число 21 (число Эхейе, Божественного Имени Кетер), Усыпальница (символ Тиферет) и центр Земли. Это нисхождение от Кетер к Малкут формирует Огненный Меч, и тем самым Свет призывается во второй раз.

Печатью, скрепляющей его, служат имена IAO и IHShVH[1] = 17 + 326 = 343 = 7 x 7 x 7, то есть 7 в кубе. Так созидается Камень Мудрецов[2] на семеричной основе, и так закрепляется Подвижное, или Летучее, — Семь Странников, семь планет. 777 — это Единство Той, которая есть Руах Живых Элохим; это Огненный Меч; и это Олам ха-Клипот[3].

Кроме того, 17 — это свастика[4], а IHShVH — пентаграмма, бракосочетание Исиды и Осириса (как о том свидетельствуют знаки Ключевого Слова).

Правда, Огненный Меч — символ стремительный и неустойчивый; прочность же и постоянство Света представлены в символе Пирамиды. Но все же именно Огненный Меч — как здесь, так и в последующем ритуале — есть то Начало, до которого не было ничего и только Руах Элохим носился над водами.

---

1 יאו = 10 + 1 + 6 = 17; יהשוה = 10 + 5 + 30 + 6 + 5 = 326.

2 Кубический камень — символ Тиферет, совершенного адептата.

3 777 = אחר רוח אלהים חיים (др.-евр. «Един Дух [Руах] Живых Богов»); 777 — сумма числовых соответствий всех путей Древа Жизни, соединяющих сефирот в последовательности их формирования и составляющих символ Огненного Меча (при условии, что за несуществующий путь от Бины к Хесед принимается ג = 3 как путь, соединяющий Макропрозоп с Микропрозопом); 777 = הקלפות עולם («Мир скорлуп», т.е. клипот).

4 Свастика, вырезанная из таблицы 5x5, содержит 17 квадратов.

Итак, утвердив Тиферет и пребывая теперь в ней, служители формируют то, чем Кетер является для Тиферет, а именно — Розу и Крест.

Ключ к Усыпальнице — Роза и Крест, то есть Жизнь. В Усыпальнице погребено то, что живо, — то, что воистину не умерло. Кроме того, для достижения этой степени Соискатель должен претерпеть распятие. И, кроме того, Роза и Крест — это итог слова INRI.

В слове INRI сокрыто имя IAO, а IAO обозначает не только Апофиса (будучи гностическим именем Всевышнего IAIDA)[1], но и Амона — Сокровенного! — который нисходит, когда соединяются Исида и Осирис. Это Анх, который подвешен на руке Хесед и олицетворяет человека, чье величие — величие десяти сефирот (объединенных в Анхе[2]); но представляет его пассивным образом[3]. Анх и Жезл каждого из служителей — эквиваленты Змея и Меча, ибо Меч активен, а Змей пассивен. Активный Жезл[4] каждого служителя состоит из путей, а пассивный Анх — из сефирот. Анх подвешен к запястью за полосу Кетер — в знак того, что при пассивном (связанном с *левой* рукой) восприятии света мы должны держаться только за Кетер. Для проекции же света и т.д. у нас есть жезл, который мы несем в *правой* руке и держим различными способами для разных целей. На груди у нас — уравновешенный символ Тиферет: Роза, состоящая из двадцати двух букв, и Крест — из семи планет, четырежды пяти стихий и четырежды трех алхимических первоначал[5] (39 = IHVH + AChD); итого в общей сложности 61 символ, то есть AIN = 61. Роза и Крест в соединении

---

1 Апофис — одновременно и сила смерти, и средство воскресения в формуле IAO.
IAIDA (𐤉𐤀𐤉𐤃𐤀) — «Всевышний», «Бог» на енохианском языке.

2 См. схему 61. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

3 «Рука Хесед» — левая рука (поскольку в проекции на человеческое тело стороны Древа Жизни меняются местами); «величие» — Гедула, другое название сефиры Хесед; «пассивным образом» — поскольку Анх подобен символу Венеры и представляет пассивное дополнение Жезла.

4 Три Жезла в совокупности содержат двадцать два пути. См. схемы 64, 65 и 66. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

5 См. схему 63. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

низводят в средоточие всего сущего Божественное Белое Сияние Кетер, в котором нам открываются другие Роза и Крест — не разделенные на множество цвета, но блистающие Рубином Святого Духа, Золотом Славы Света и Зелеными лучами Исиды — нового Творения. В свою очередь, эти высшие Роза и Крест заключают в себе тайну Высшего Гения, который нисходит в Кетер, когда Низший Гений утверждается в Тиферет. Ибо разделение на высшее и низшее есть во всем: например, и Бина, и Хесед, и Ход суть Вода, но в каждой из них Вода проявляется на свой лад и в разной степени[1].

Жезлы[2]

Исида вооружена жезлом Тота: его навершие находится в Кетер, а полосы составляют слово אמן = אמחש[3]; таким образом, сефира Хесед, ד, представлена как сумма трех Высших сефирот[4].

Хор вооружен Жезлом своего Отца, Осириса.

Осирис — Жезлом Исиды, Матери Хора.

Обратите внимание:

☿ в ♍ = жезл Тота в руке Исиды;

☉ во ♌ = жезл Осириса в руке Хора;

♀ в ♉ = жезл Исиды в руке Осириса.

Таким образом, все служители связаны с Высшей триадой. Если мы сложим все эти элементы, ☿ + ♍ + ☉ + ♌ + ♀ + ♉,[5] то получим 231 = 0 + 1 + … + 21, то есть сумму номеров всех Старших арканов Таро. Кроме того, Амон — Крылатый Шар — проявляется при соединении Исиды и Осириса. И, далее, 5 + 9 + 14 (количество полос на жезлах) = 28, כח, «Сила».

---

1 См. схему 63. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 См. схемы 64, 65, 66. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

3 אמן (Аминь или Амон, 1 + 40 + 700) = 741 = אמחש (буквы четырех стихий, то есть скрытый Тетраграмматон, 1 + 40 + 400 + 300). Тетраграмматон соответствует Хесед, 4-й сефире.

4 Образно выражаясь, троица высших сефирот — это слагаемые, а Хесед — их сумма; путь ד предстает как разделительная линия между слагаемыми и суммой. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

5 2 (Бет) + 10 (Йод) + 200 (Реш) + 9 (Тет) + 4 (Далет) + 6 (Вав) = 231.

К тому же, Шар — это Свет, Феникс — Жизнь, а Лотос — Любовь. (Багор — символ Двоицы, см. у Данте[1]. Этот багор направлен зубцами вниз. Он подобен рукам Тифона на карте 16-го Ключа.) И, наконец, эти три жезла символизируют развитие сотворенного мира (Лотосовый жезл) посредством цепи перерождений (Фениксовый жезл) и под властью керубических сил и крыльев Вечного (жезл Верховного Адепта).

Обратимся теперь к более важной символике, сокрытой в числе 120. Это סמך[2] и символ стрелы, достаточно подробно разъясненный в документах Z. и в ритуале Врат. Это число акцентирует формулу Пентаграммы[3], подчеркивая, что войти в Усыпальницу может лишь יהשוה — очищенный человек. Кроме того, 120 = 4 x 5 x 6 (Хесед, Гебура, Тиферет). И это 12, והוא[4], распределенный между 10 сефирот. В записи коптскими буквами (по сходству очертаний букв и цифр) 120 = ΙΗΟ, а это, в свою очередь, — ϪΟΥΟΥϢ = 85, «цветок» или «чаша»[5]. Предыдущие символы[6] сформировали Радугу, а 120 — это рассекающая ее стрела[7]. Теперь, когда Усыпальница и Адепты свершили Великую Работу, Верховный Адепт может задать ударом своего жезла новую вибрацию. Символический смысл этой второй вибрации таков:

«Сефирот и пути — это орудия нашей работы; Роза и Крест, соединенные друг с другом, — это мы сами; а Кетер пребывает в Тиферет каждого из нас посредством Света, Жизни и Любви, которых мы достигли по пути, рассекающему Радугу».

---

1 Багор (англ. prong) — двузубое орудие (с наконечником в виде шипа с загнутым назад крюком); такую же форму имеет нижняя часть Фениксового жезла. В «Божественной комедии» Данте («Ад», XXII) баграми вооружены бесы, терзающие мздоимцев — символически выражаясь, разрывающие целое на части. На разделении же — принципе Двойственности — основывается и вся Жизнь в проявленном мире.

2 סמך (Самех) = 60 + 40 + 20 = 120.

3 Так как 1 x 2 x 3 x 4 x 5 = 120. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

4 «Он; Он Сам» (др.-евр.), титул Кетер.

5 10 (Йод) + 5 (Хе) + 70 (Айн) = 85 = נבית (др.-евр. «цветок» или «чаша»).

6 Т.е. жезлы с их цветными полосами.

7 Подробнее см.: Алистер Кроули. *Книга Тота.* М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 149—154.

Тем самым утверждается, что все присутствующие на церемонии — полноправные адепты; и, кроме того, Усыпальница приводится в совершенное равновесие, необходимое для восприятия света, — а также формируются первые проблески этого Света.

Третья вибрация

Все обращаются лицом на восток, приветствуя восходящее солнце. Дверь Усыпальницы распахнута, ибо Великая Работа уже свершена. Трое Адептов проходят внутрь и занимают места в вершинах Треугольника Высших сефирот, словно сошедшего с потолка Усыпальницы. Затем, соединив свои жезлы и анхи, они созидают Пирамиду (эта пещера в недрах горы Абиегнус — царская палата в Великой Пирамиде Хеопса), самую устойчивую из всех форм. Пирамида — символ четверицы, проявленной из троицы, поскольку тетраэдр состоит из треугольников. Ибо, напомним, אמן = אמחש. Кроме того, Пирамида = 4 x 3 = 12, הוא. Поэтому в тройном разборе Ключевого Слова трое Адептов произносят три буквы по отдельности, но четвертую букву они всякий раз провозглашают все вместе, скрепляя троицу четверицей — суммой троицы.

Также обратите внимание[1]: י = Огонь в составе יהוה, а ♏ = Керуб Воды, Амон, на что указывает символ Орла[2], крылья которого — крылья Крылатого Шара. Солнце же сияет в Воздухе. Эти три стихии объединяются в четвертой — Земле, потому что вторая ה — не что иное как Дева, знак Земли.

Однако в знаках они с самого начала предстают объединенными в Знаке Света, +. А затем этот свет дробится и проявляется в различных формах (L, V, X), как поясняется в самом ритуале.

---

1 Далее следует анализ букв имени IAO: I = י; A = Апофис, ♏; O — ☉, символ Тиферет и Руаха-Воздуха.

2 Орел — изображение Керуба Воды.

Цель всего ритуала заключается в том, чтобы объединить Соискателя с Осирисом, которого представляет Верховный Адепт — за исключением того эпизода, в котором он снова берет свои орудия — Жезл и Анх — и наставляет Соискателя, выступая в роли Исиды, Толковательницы Таинств.

В первой части ритуала Верховный Адепт не показывается Соискателю. Здесь он — убиенный Осирис, сокрытый в подземном мире.

Следовательно, для того чтобы отождествиться с ним, Соискатель тоже должен быть убит. Он должен пройти в своем малом мире (который, тем не менее, неразрывно связан с миром великим) формулу IAO — формулу Рождения, Смерти и Воскресения. Поэтому во храм его поначалу вводят в черных одеждах *скорби*.

Второй Адепт по-прежнему олицетворяет Хора.

Но Третий Адепт теперь предстает как Анубис.

Спутник Соискателя по-прежнему остается Фемидой.

Все они — стражи тела убиенного Осириса. Об инициалах «ʼ», «X» и «Θ» см. пояснения к ритуалу o°=o° в документах Z[1]. Стук в дверь задает начало новой вибрации.

Соискателя, подготовленного и сопровождаемого Фемидой, впускают в храм.

Но стук 4444-1, в котором число 4 оказывается не на положенном месте, то есть *перед* единицей, настораживает Анубиса, и он тотчас преграждает дорогу вошедшим.

---

1 «ʼ» — Осирис, Верховный Адепт; «X» — Хор, Второй Адепт; «Θ» — Фемида (Thmaest), Спутник Соискателя, или Адепт Hodos Chamelionis. Имеется в виду следующий отрывок из документа Z-1: «...имена трех верховных Служителей начинаются с коптской Буквы Дыхания. В имени Осириса эта буква — немая [ʼ]: она как бы сокрыта греческой буквой "Н" ("Эта"). В имени Хора она явная [ʰX"] и произносится с сильным придыханием, тогда как в имени Thmaest проявлена лишь частично, ибо соединена с буквой "Θ" ("Тета"). Греческая буква "Н" (звук "АЕ" = "э") соответствует Хесед и Овну, а "Θ" (звук "тʰ") — Земле и Сатурну. Тем самым утверждается Жизнь Неведомая, дуновение коей, исходящее из Запредельного, воспринимает и вдыхает знак Овна, начинающий Весну года; Жизнь, в коей за вдохом следует выдох, а за ним — новый вдох; а также взаимодействие этого Дыхания с Силами Микрокосма в период между Вдохом и Выдохом».

Соискатель, не дожидаясь, пока слово возьмет его высшее «Я» («Θ»), облекается формулой Хора (предстает с ламеном на груди) и пытается взять Царство Небесное силой. Но тут вмешивается сам Хор, оскорбленный таким поведением. В конце концов, он — главный Страж Гробницы; и как посмел войти сюда этот человек, еще даже не посвященный?

Соискателю возвращают символы Меча и Змея, но они пока еще не объединены, подобно Розе и Кресту. Теперь ему предстоит облечься в черные одежды — в знак того, что он еще не посвящен и бредет во тьме; ему связывают руки таким образом, что свободным остается только срединный столп; впрочем, на шею ему возлагают цепь, сковывающую Даат[1], дабы Высшая Воля могла соединиться с Низшей. Но Тиферет остается свободной, ибо Низшая Воля должна самостоятельно устремиться ввысь. На сей раз стук в дверь состоит лишь из *одного* негромкого удара, символизирующего, с одной стороны, слабость и робость, но с другой — утверждающего Кетер.

Теперь от лица Соискателя говорит его Высшее «Я», и они получают доступ в храм, предъявляя две эмблемы: Змей символизирует Устремление Соискателя, а Огненный Меч —Божественный Свет, который нисходит к нему в ответ на это Устремление, подобно тому, как сказано: «И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его»[2]. Вернувшись в храм, Соискатель выказал настойчивость Воли. Змей и Огненный Меч — это Мудрость и Сила; Змей медлителен, но хитроумен, а удар Молнии разрушает любые преграды.

В совокупности они дают 32[3], то есть соединение Арик и Зоир Анпина в слове אהיהוה (32)[4]. А 32 — это

---

1 Пока Даат не скована, она мешает низшей воле соединиться с высшей. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Цитата из евангельской притчи о блудном сыне, Лк. 15:20.

3 Меч — десять сефирот, Змей — двадцать две буквы; в сумме — тридцать два пути. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

4 Др.-евр. «Арик Анпин» — «Великий Лик», Макропрозоп; «Зоир Анпин» — «Малый Лик», Микропрозоп. אהיהוה (AHIHVH) — имя,

также חזז («молнии»), זכה («был чист») и לב («сердце»); кроме того לב = ל֯ב, Равновесие Творения. Кроме того, несмотря на то, что сила его обязательств символически представлена через связывание, эта же сила открывает ему доступ во храм. Соискатель не может даже преклонить колени без посторонней помощи.

Молитва Второго Адепта

Формирует Хесед, Гебуру и Тиферет — Треугольник Воды, а в заключение — Кетер, подобно тому, о чем сказано: «И Руах Элохим носился над ликом вод»[1]. Это воззвание к высшему и первое утверждение Света в Соискателе (ср. первую вибрацию при открытии храма).

Соискателю развязывают руки, и теперь он может действовать самостоятельно. Его Руах получает урок смирения, и Даат осуждается теперь открыто (подобно тому как ранее она была символически обуздана цепью).

Соискатель должен подняться без посторонней помощи; впрочем, и до сих пор посвятители не помогали ему, а лишь силой заставили его опуститься на колени.

Привлечение Света к Соискателю

Черный цвет — это не только символ зла; это еще и сверкающий цвет Духа, привлекающий поток Света[2]. Провозглашается принцип братского сострадания и сочувствия.

Затем в Соискателе утверждается число 120 (Стрелец). Обратите внимание, что символика, использованная при открытии храма, фактически, предвосхищала сам ритуал. 120 — это также формула

соединяющее в себе אהיה (AHIH, Эхейе), Божественное имя сефиры Кетер (Макропрозопа), с יהוה (IHVH, Тетраграмматон), формулой Бога-Творца, символизирующей Микропрозоп. По гематрии אהיהוה соответствует числу 32.

1 Быт. 1:2; в русском синодальном переводе: «...и Дух Божий носился над водою».

2 Цвет Духа — белый; дополнительным (т. наз. «сверкающим») цветом по отношению к белому является черный. В магии Золотой Зари работа с парами дополнительных цветов строится по следующему принципу: «...дополнительный цвет <...> при соединении с основным позволяет тому привлечь поток Акаши, отчасти из атмосферы, а отчасти от самого оператора; таким образом создается вихрь, притягивающий из атмосферы вспышки света».

равновесия; см. объяснение 14-го Ключа в Ритуале Врат[1]. В Соискателе объединяются числа 3 и 7, а также 12. Тем самым формируется Роза (22), а пять его степеней составляют Крест (5 квадратов).

Теперь Соискатель предстает как очищенный человек, обретший связь со своей Йехидой, — *но покамест только в Кетер*.

Последующее распятие не только связывает, но и уравновешивает его, а также формирует в нем тайный LVX.

Цель этой операции — вознести Розу и Крест над миром, то есть принести спасение людям.

Следует призывание אהה, а затем — Присяга, которая состоит из десяти пунктов, соответствующих десяти сефирот. Кетер человека, произносящего эту Присягу, связывает и подчиняет девять нижних сефирот:

Хокму, которая может (в случае неудачи, ибо все, кроме Кетер, имеет и дурную сторону) оказаться нечистой (по причине своей двойственности) и не преуспеть в служении и преданности (если противопоставит себя Кетер);

Бину, которая может разгласить тайны;

Хесед, которая может восстать против лиц, облеченных властью, а также оказаться недостаточно усердной в исполнении своих собственных полномочий;

Гебуру, которая может выставлять свою силу напоказ и похваляться ею;

Тиферет, которая может опустить до уровня обычной человеческой воли непосвященного;

---

1 Подразумевается следующее толкование XIV аркана: «Здесь изображен ангел в облике крылатой женщины. На лбу у нее — эмблема Солнца Тиферет. Крылья — символ воздушной и летучей природы; в них соединены текучий Огонь и огненная Вода. Таким образом, Воздух объединяет, гармонизирует и умеряет две эти противоположные стихии. Одна нога женщины покоится на сухой вулканической почве (на заднем плане изображен вулкан, извергающий потоки лавы), а другая — в воде ручья, вдоль берега которого тянется полоса свежей растительности, резко контрастирующая с сухим и бесплодным ландшафтом заднего плана. На груди женщины — квадрат, эмблема прямоты и честности. Все это изображение — символ того узкого пути, ведущего к высшей жизни, который находят лишь немногие. Ибо следовать по этому пути, срединному между двумя крайностями, поистине нелегко, и велик соблазн свернуть вправо или влево, — где, как ты помнишь, нет ничего, кроме грозных символов Смерти и Дьявола».

Нецах, которая непременно потерпит поражение, если не призывать ей на помощь Божественные Имена (см. алтарный чертеж степени $4^\circ=7^\circ$[1]; напомним, что נוגה — это *природное* великолепие, то есть всего лишь мыльный пузырь).

Ход может быть несдержанна на язык и лжива; за этим стоит сексуальность, ибо Меркурий — гермафродит.

Йесод, массивная и неповоротливая, может поддаться искушению лености и излишнего довольства достигнутым.

Малкут нуждается в напоминаниях об иллюзорной природе материи и заключает в себе Древо познания Добра и Зла.

Стигматы

Формируется Крест LVX. Ср.: Ата, Малкут, ве-Гебура, ве-Гедула, ле-Олам, AMEN[2]. (Стигматы образуются от прикосновений ко лбу, стопам, правой руке, левой руке и сердцу.)

Таким образом, сефирот уравновешиваются по всем направлениям, как в Ритуале Равноденствия[3].

Реплики, которые при этом произносятся, четко соответствуют каждой из активизируемых сефирот. Эти стигматы нужны для закрепления Света, поскольку Огненный Меч — символ неустойчивый, краткодействующий (см. Открытие).

Затем Соискатель получает обратно свои эмблемы, после чего Фемида начинает рассказ о Жизни и Смерти Осириса, представленного в образе Христиана Розенкрейца.

Скорбь Исиды. Поскольку Соискатель теперь *мертв*, Исида скорбит о нем. Но и сам Соискатель скорбит, дабы в нем сформировался знак L. Исида показывает ему Розу и Крест как внешнюю эмблему Свершения

---

1 См. схему 51 (стр. 163).

2 Слова, которые произносятся при формировании Каббалистического креста в Малом ритуале пентаграммы. См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 576—577.

3 Этот ритуал Золотой Зари мы не приводим за недостатком места. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Великой Работы. Перечисляются самые примечательные события в жизни Иисуса Христа[1], Учителя: в 5-летнем возрасте его отдали в монастырь, в 30 лет он набрал учеников и стал проповедовать. К 32 годам (число путей и сефирот) он принял еще троих учеников и стал Одним из семи (3 x 4 = 12). В 106 он скончался (106 = «достиг»[2], а также נון, מ).

По прошествии символических 120 лет его гробница открывается. И это — гробница Соискателя.

(Обратите внимание на геомантическую ангельскую символику IAO и INRI.)

Знак L — это свастика (см. толкование ритуала 0°=0° в документах Z[3]). Свастика состоит из 17 квадратов и тем самым представляет синтетический образ имени IAO[4]. И, кроме того, свастика заключает в себе крест, как дитя, которое «растет во чреве Матери своей и распинается в лоне ее» и т.д. (Зов 29-го Эфира)[5]. Поверхность кубической свастики состоит из 78 квадратов = Таро и Мезла[6]. Кроме того, свастика — Воздух и Нуль[7]. Она символизирует Зарождение Вихревой Силы.

---

1 Христиан Розенкрейц в легенде выступает символическим подобием Христа. Оба эти персонажа ассоциируются с сефирой Тиферет и символикой степени Младшего Адепта.

2 Др.-евр. דבק = 4 + 2 + 100 = 106.

3 Имеется в виду следующее пояснение символа свастики: «Этот Герметический Крест, который также называют Молотом Тора и Свастикой, состоит из семнадцати малых квадратов, вырезанных из большого квадрата со стороной в пять малых квадратов. Эти семнадцать квадратов символизируют Солнце, четыре стихии и двенадцать знаков Зодиака. Но символика этой эмблемы еще более глубока. Герметический Крест, он же молния или огненный вихрь, составлен из четырех секир, лезвия которых могут быть как двойными, так и одиночными и повернутыми как по часовой стрелке, так и против. Это символ мощной, устрашающей силы, а также Огня Духа, пробивающего себе дорогу во все стороны сквозь Тьму Материи. Именно поэтому он изображен на эмблеме Факелоносца, чье служение состоит в Очищении и Освящении Огнем. Путем медитации на этот символ можно постичь и несколько других формул силы».

4 6 [ו] + 1 [א] + 10 [י] = 17. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

5 См.: Алистер Кроули. *Видение и Голос*. Книга Еноха. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 60.

6 Мезла — влияние, исходящее от Кетер и распространяющееся по всему Древу сефирот.

7 По причине своего графического подобия букве Алеф.

Знак V — знак Апофиса и Тифона. Это пифагорейский Y[1]; это тянущиеся кверху руки утопающего, а, следовательно, 12-й ключ и מ[2]. И это же — Рога средневекового Дьявола. Этот знак символизирует связывание и мнимую смерть силы — смерть, без которой невозможно прийти ни к какому совершенству.

Знак X — это знак Пентаграммы. Он символизирует Торжество Света. Это нисходящая ש и, следовательно, Огонь. Более того, Пентаграмма порождает десять Сефирот. (Что такое Огненный Меч, как не развернутая Пентаграмма?) Это завершающее восхождение силы в совершенном равновесии.

В целом LVX означает, что Свет остается несовершенным до тех пор, пока не сойдет во ад. (Сев — ожидание — жатва. Клеточная репродукция некоторых простейших организмов. Зимняя спячка и т.д.) Руки простираются в стороны, а затем складываются крестнакрест на груди: усилие сменяется покоем. Знак Креста символизирует ת [T]; таким образом, все четыре позы вместе суть אמחש (AMThSh) и אמן (AMN). Разумеется, Вибрации угасают со смертью Солнца.

Таким образом, Свет заключается в Усыпальницу, все покидают ее и налагают печать на дверь.

Вторая часть

Усыпальница открывается посредством символов Тиферет — при помощи трех слов, содержащих три, четыре и пять букв соответственно (Треугольник, Крест, Пентаграмма); впрочем, IHShVH не только открыто являет сочетание Пентаграммы и INRI — Розу-и-Крест, но и скрывает в себе Крест, Lux.

---

1 «Пифагорейский Y» — греческая буква Ипсилон, вторая буква имени Пифагора (ΠΥΘΑΓΟΡΑΣ), истолковавшего ее как символ развилки, выбора между путями добродетели и порока. В связи с этим в античном мире бытовало выражение «По пифагоровой букве выбирать дорогу», то есть делать в жизни достойный выбор.

2 12-й ключ — 12-й аркан Таро, «Повешенный», соответствующий букве Мем и стихии Воды. В материалах Золотой Зари изначальный образ этой карты описывается как «великан-утопленник», ввиду аналогии между буквой Мем и «преданием об умерщвленном Осирисе, одним из именований коего был потерпевший кораблекрушение или пошедший ко дну Мореход».

Обратите особое внимание на то, как Адепты обмениваются между собой символами на протяжении всего ритуала. Они действуют не по отдельности, а во взаимосвязи, что свидетельствует об абсолютной необходимости братских чувств и взаимной приязни. Все повторяют знаки, все приобщаются к Lux. Соискателю вручают жезл Исиды, дабы он смог войти во врата Исиды (Венеры)[1]. Кроме того, в другой руке он несет Анх.

Соискателя вводят в Усыпальницу, и под его стопами тотчас оказываются те самые «силы зла», которые, как мы помним, служат ему опорой[2].

Его помещают на севере, как в ритуале 0°=0°, но не под знаком ♉ (искупления), а под знаком ♏, ибо он умер и распался на свои составные части. Кроме того, как свидетельствует девиз этой стороны, «Libertas Evangelii»[3], он находится в положении свободного выбора: исход операции должна определить его Низшая Воля. Его окружает Семерица: вся Вселенная надзирает за тем, как он делает выбор. Обратите внимание на символику 7 x 40 = 280. 280 — это Сандальфон [סנדלפון], который открыл ему путь на степени 1°=10°; и это же — כמנפצ, пять букв Суровости и суда[4]; а также יער — ангел дерева в мире Асия, состоящего по большей части из бесплодных деревьев[5].

Третий Адепт становится у южной стороны Пастоса: он — Фемида как Legis Jugum[6] и Хор в четверти Огня.

---

1 Стены Усыпальницы соответствуют семи планетам; дверь ее находится в стене Венеры.

2 Ср. наставление из лекции С.Л. Макгрегора Мазерса о задаче Младшего Адепта: «В ритуале Младшего Адепта сказано: "Зло служит Добру". Когда темные сефирот изгоняются из Нефеш в область Темного "я", они в известной мере приходят там в равновесие. С этого момента Темное "я" можно рассматривать как огромное и могучее, но дрессированное ездовое животное: сила его отныне укрепляет физическую основу действий человека. Но эту Тайну следует хранить от Первого Ордена, а еще бдительнее — от Внешнего Мира, ибо это опасный секрет».

3 «Свобода Евангелия» (лат.).

4 Каф, Мем, Нун, Пе и Цадди — пять букв древнееврейского алфавита, имеющих конечную форму.

5 См. «Сефер Дцениута», V:28 (Разоблаченная каббала С.Л. Макгрегора Мазерса. М.: Энигма, 2009).

6 «Ярмо Закона» (лат.).

Четверть Воздуха остается незанятой: там ожидают другие части Соискателя. Таким образом, его Нефеш готова к преображению.

Соискателя просят обратить внимание на Потолок Усыпальницы. Так его Низшая Воля устремляет взор кверху, и, наконец, он может увидеть *Незримый Свет*.

На Алтаре представлены: 1) Великая Работа как сведение всего сущего к Единству; и 2) символ IHShVH, посредством которого исполняется эта Работа. Символ этот изображен в виде пяти окружностей. Это значит, что пять начал, составляющих человека[1], должны соединиться между собой в полном совершенстве и гармонии.

Лев, ל и символ Розы и Креста символизируют Первопричину, Зарю, Девственную Мать и Великую Работу. «Nequaquam Vacuum»[2] означает, что «прежде, нежели был Авррам, Я есмь»[3].

Орел, ת и Чаша символизируют Кровь, пролитую ради отпущения грехов, и Чашу Приуготовителя. «Libertas Evangelii» означает свободу воли.

Человек, ו и Кинжал олицетворяют окончательный Результат. ו — это ☿, искупление и спасение. Кинжал — средство его достижения. Ибо «Dei Gloria Intacta» — это цель и конец устремлений всего сущего.

Наконец, Бык, ת конечная и Цепь означают Погребение и Землю, Жизнь и Труды, посредством которых достигаются все эти цели. «Legis Jugum» — это Предопределение, уравновешивающее свободную волю.

В центре располагаются ☐ и Благовоние; Благовоние же не может существовать без всех четырех стихий — Воздуха, Огня, Воды и Земли. Таким образом,

---

1 ЙЕХИДА (Дух)
НЕШАМА (Вода) ХИЯ (Огонь)
РУАХ (Воздух)
НЕФЕШ (Земля). — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 То есть, «Пустоты не существует» [лат.]. Следующие три девиза означают, соответственно, «Свобода Евангелия», «Незапятнанная Слава Божья» и «Ярмо Закона». — *Примеч. Дж. Фуллера.*

3 Ин. 8:58.

в букве ת представлен весь алтарь; она — совокупность и центр всех символов, слава Великого Лика.

Все это блестит и сверкает; все это уравновешено в самом себе и потому способно вместить в себя Сверкающий Свет; и блеск его есть чистота и сила.

Итак, все преклоняют колени и снова взывают к Высшему. Соискатель утвердился в Тиферет, а взор его обращен к Кетер. Он снова выражает радость от того, что был распят. Поднимается Справедливость и отнимает у него жезл Кетер и анх, после чего Соискатель собственноручно возлагает себе на шею цепь — символ земли и погребения в ней; и нисходит на него Верховный Час Апофиса, как сказано: «Элои! Элои! Ламма савахфани!»[1] Кроме того, эта цепь Земли означает великое отречение от Эго, отказ от Девачана[2] и добровольное согласие на следующую инкарнацию (но отметим, что это еще не отречение от нирваны, на которую соискатель еще не имеет права, будучи всего лишь человеком очищенным). Обратим внимание также, что Соискатель теперь сам осуждает Даат, как Второй Адепт сделал это за него в первой части церемонии. Теперь Соискатель уже не мертв: он снова вступает в земную жизнь, душа его перевоплотилась. Но покамест он подобен несмышленому ребенку: он еще не осознает в себе Адепта. Он воскрес, но еще не вознесся во славе; в некотором смысле он все еще распят на Кресте.

Затем Фемида берет Чашу (Лотос) и Кинжал (Крест), погружает Символ Смерти в Символ Воскресения и снова наносит на тело Соискателя метки LVX, как бы запечатлевая тем самым молитву Второго Адепта. Соискатель берет эмблему Розы и Креста и поднимает ее над головой (символический смысл этого действия — тот же, что и прежде). Заметим, что это — четвертый элемент в его освящении (ср. четыре столпа и т.д. в ритуале o°=o°). Он возносит Розу и Крест так, как если бы в этом и заключалась цель, ради которой он

1 «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мк. 15:34), возглас Иисуса Христа на кресте.

2 Т.е., от рая. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

ранее принял Цепь. И только после этого, обретя право забрать с собой во Тьму свой Руах, он может потребовать, чтобы служители открыли Пастос. Алтарь отодвигают («новое небо и новая земля» и т.д.), с Пастоса снимают крышку, и взору Соискателя предстает Осирис — не разделенный более на божественную часть и часть страдающую, но целостный и совершенный.

Третий Адепт вручает Соискателю свои Жезл и Анх, тем самым вновь соединяя его с Хесед (Исида, L); кроме того, слова «Кто сораспялся Христу, тот с Ним и царствовать будет»[1] произносятся при нанесении стигмата на руку Хесед[2].

Слова Третьего Адепта — «И Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» — свидетельствуют, что Соискатель не мертв, но жив.

Верховный Адепт прикасается своим жезлом Кетер к Кетер в центре Розы и Креста у себя над головой и тем самым возвращает себя к жизни и к осознанию жизни.

Высшее «Я» нисходит во второй раз, и человек снова соединяется с ним.

Верховный Адепт — Осирис, еще не достигший полной славы, но живой и во смерти — облекает эти идеи в слова.

Верховный Адепт и Соискатель обмениваются друг с другом орудиями и тем самым окончательно меняются ролями.

Верховный Адепт становится Исидой и наставляет Осириса в своей сфере, сфере Хесед.

Вся эта символика указывает также на бракосочетание Исиды с Осирисом во гробе или на то, что Исида снизошла вернуть своего сына к жизни. Кроме того, Исида в Пастосе олицетворяет зиму и время сна семян под землей: не будем забывать, что Исида — еще и Персефона!

Третий Адепт запечатлевает все это в Руахе и подводит итог словами «Ex Deo Nascimur» и т.д.

Алтарь и крышку Пастоса возвращают на прежнее место: полное вознесение во славе еще не свершилось.

1 Гал. 2:19; II Тим. 2:12.

2 Т.е. на левую руку Соискателя.

Соискатель покидает храм — в знак того, что для исполнения Великой Работы надлежит идти в мир и трудиться.

Третья часть

В третьей части представлена символика IAO — синтез всей этой трехчастной операции. Осирис не только воскресает, но и возносится во славе, ибо IAO — это имя не только Тиферет, но и Высочайшего, как заверяют нас гностики.

Итак, здесь Верховный Адепт представляет Осириса во славе, а Соискатель — всего лишь Осириса воскресшего. Снова формируется образ Высшего Гения. Соискатель уже установил прочную связь с Высшей Душой в Кетер, но к Великой Работе он *еще даже не приступил*.

Пастос вынесен из Усыпальницы, потому что *больше уже никогда не понадобится*. Но в юго-восточном и северо-восточном углах храма помещаются схемы степеней и «Minutum Mundum», а на алтаре — схема Змея и Огненного Меча, а также изображение Мистической Горы Абиегнус[1]. Соискателю показывают пустой Пастос — если где и существует пустота, то разве что здесь! Пока воскресший Осирис созерцает свою гробницу, голос Верховного Адепта из места ٩, из мира Ацилут, внезапно призывает его ко славе. Но Соискатель этого еще не понимает; пока что в его сознании закреплено только его воскресение. Поэтому ему вновь является образ Креста, и, вглядевшись в него, Соискатель впервые воспринимает проблеск горней славы. Только теперь его Руах окончательно возносится в Нешаму; он произносит Имя Всевышнего и оказывается навеки спасен от Ада и Смерти.

Второй Адепт говорит, что Акаша[2] (слух) способна внимать голосу Духа. Дверь Усыпальницы распахи-

1 К сожалению Брат P[erdurabo] так и не разъяснил эту непонятную деталь, что весьма досадно, поскольку в его толковании все обретает прекрасную ясность. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 См. «777», столбцы LV, LXXV.

вается настежь, и на Соискателя, до сих пор видевшего лишь смутные проблески, устремляется широкий, как полноводная река, поток Света. Осирис и его спутники склоняются в восхищении и благоговении перед этим сиянием, могучим и ужасным. Стоя между Силой и Справедливостью, Осирис преклоняет колени во знаке своего воскрешения и вновь видит Крест — но уже не Крест Страдания, а Крест Света.

И Бог во славе Своей восклицает: «Я — Амон, Сокровенный» (а не только Осирис Оправданный).

Пред этой Славой служители и Соискатель склоняются и закрывают лицо руками от ее ослепительного блеска; ибо где те Солнце и Луна, что устоят пред лицом Его?

Но Солнце и Луна — это Аполлон и Артемида; это Осирис и Исида. Пред теми очами, что были укрыты тьмой, возгорается Божественное Око Света, и Осирис восклицает: «Я был слеп, но ныне прозрел!»

Занимается Великая Заря; нисходит Сверкающий Блеск Вездесущего Духа Богов; Божественный Дух изливается на Соискателя, и все склоняются в благоговении пред этим Блистающе-Белым Сияньем.

Осирис встает и совершает знак, соединяющий его с этим Светом. Он обращается лицом к западу, дабы излить этот свет на весь мир; и здесь, в Пирамиде, Великая Работа завершается; ибо теперь в сердце Соискателя — Кетер, Средоточие света; в теле его — Роза и Крест (т.е., Нефеш его спасена), а Разум его навеки открыт Нисходящим Потокам Излияния, идущего свыше.

Теперь Верховный Адепт снова предстает как Исида и обращается к Соискателю с наставлениями. Исида формирует אהיה и Тиферет; и, наконец, Свет запечатлевается посредством разбора Ключевого Слова, вновь суммирующего и сводящего воедино символику всей церемонии в формуле Пирамиды.

Minutum Mundum: показано, как Свет разделяется и уравновешивается на Древе.

Крюк и Плеть: Свет предстает как символ Осириса.

Змей и Меч: носители Света исходят от Истока и вновь возвращаются к нему.

Мистическая гора Абиегнус: чтобы достичь Обителей Света, нужно подняться вверх по отвесному склону.

Затем разъясняется символика Усыпальницы с микрокосмической точки зрения.

Обратите внимание, что 40 — это 10 сефирот в четырех мирах, или буквах Имени.

Теперь Соискатель предстает как Вода, а Верховный Адепт — как Земля: они полностью обменялись ролями (изначально Верховный Адепт был Водой, Хесед, а Соискатель — Землей).

Этот взаимообмен скрепляется рукопожатием степени.

Правая рука поверх левой означает Нефтиду, превзошедшую Исиду, — то есть *завершенную* работу. Соединение запястий (точек единства, порождающих пятерицу) = Кетер.

Крест (перекрещенные руки) — способ достижения этой цели.

Примите во внимание: если в этом положении один человек *потянет* другого за руку, то будет задан импульс спиральной, вихревой силы.

В заключение все возвращаются на свои места.

Закрытие

Вновь формируется число 120 и призываются Стражи стихий. Утверждается Треугольник Высших сефирот, после чего совершаются знаки LVX, которые подводят итог всему происшедшему, но на сей раз исполняются в молчании — в знак того, что все присутствующие достигли Божественного Покоя, превосходящего всякое понимание, и пребудут в нем и впредь умом и сердцем чрез Господа нашего יהשוה.

АМИНЬ.

Пройдя этот ритуал степени 5°=6°, Младшего Адепта, P[erdurabo] открыл для себя (по крайней мере, отчасти)

то знание, первый проблеск которого явился ему в ритуале 0°=0°. Ибо, как первая степень Первого ордена дарует Неофиту незабвенное видение Высшего «Я», Авгоэйда, Гения, Священного Ангела-Хранителя, или Адонаи, так и первая степень Второго ордена пробуждает в нем Божественную искру, низводя к нему этого Гения в пламенах Пятидесятницы; так что отныне тот уже не объемлет Адепта, как дальние своды звездной бездны, но пылает внутри него самого, наполняя русла всех его чувств бесконечным излиянием славы, той великой славы, воспринять которую способен лишь Адепт, но которая, в свой черед, — только тень славы иной, величайшей, каковая есть не покров и не пламя, но самая жизнь Мастера.

С самого начала этой истории мы наблюдали, как Брат P[erdurabo] доблестно сражался с Силами Стихий. Как Неофит с повязкой на глазах он вошел в необъятную тьму Малкут, дабы стать Ревнителем и постичь сокровенные тайны Земли. Здесь он обнаружил Царство, на первый взгляд, столь гармонично уравновешенное в своем Блистательном Разуме[1], что трудно было представить, чтобы все это колоссальное великолепие было лишь отражением Горнего Пламени на темном лике тех Вод, в которых незримо свивал свои кольца дремлющий змей человеческой воли. Здесь — по причине густой тьмы, царившей кругом, — все стало для него ясным, словно кристалл, в котором он смог читать свои собственные помыслы, отражавшиеся, как в зеркале, на зыби вечно танцующих волн самой жизни. Здесь же Бытие, эта Вселенская Тайна, превратилось для него в высшую загадку того Сфинкса, который и есть человек; и, тщась разгадать ее, терзаясь сомнениями, кои явились, словно Минерва из головы отца своего, из прежних его убеждений, он утвердил в себе первую букву Имени Бога — Деву, носившую во чреве своем один-единственный образ: Видение Адонаи, воплощенного в Сыне ее.

В лучах этого единственного и величайшего томления, которое выжгло наигрубейшие из желаний его, он прошел следующий ритуал и достиг обманчивого Основания-Йесод, заключавшего во мнимом равновесии своем искаженный об-

1 «Блистательный Разум» — в приложении к «Сефер Йецира» название десятого из тридцати двух путей мудрости, то есть сефиры Малкут.

раз Горнего пути Дурака[1]. Ибо Воздух Йесод столь же далек от Эфира Нуля, истинного духа Равновесия, как тот воздух, который есть смесь кислорода с азотом, чужд Эфиру Вселенского Пространства. Из Йесод P[erdurabo] мог оглянуться назад и, снова узрев Малкут, испытать глубокую жалость ко всем, кто еще цепляется за ее иллюзорное Великолепие; но мог устремить свой взор и на Кетер (на Кетер сефиры Йесод, хоть он о том и не знал) и возгореться радостью, к которой, впрочем примешивалась и скорбь от кажущейся безнадежности всех попыток одолеть столь неприступную вершину.

Так небеса и ад равно отвлекали его от истинного пути — пути Солнца и Ангела, кои затмевали взор его своим сиянием и представали его ослепленным очам не как свет, а как тьма.

Теперь его положение казалось ему столь ясным, что самая эта ясность грозила его ослепить, как многих других до него; однако он избежал сей ловушки, умертвив инкуба Наивысшей Цели и обретя опору в себе. Он запретил себе взирать на покрытую облаками высочайшую вершину до тех пор, пока не одолеет нижние склоны. Он сказал себе: «Следующий шаг — вот мой Бог! Да, это мой Бог и Бог надо всеми Богами; и, воистину, нет другого Бога, кроме Него!»[2] Так, обретя силу орла, очам которого и солнечный огонь не страшен, он сумел победить сферу Ход — Великолепие могучих вод, вечно колеблющуюся зыбь мирских желаний, переливающуюся всеми красками опала, где каждый из братьев-цветов растворяется в сестре и подруге своей всякий раз, как Соискатель меняет точку обзора.

Здесь он познал лживость желаний; постиг, что они вечно меняются и существуют только в силу этих непрестанных

---

1 Сефира Йесод, как и путь Алеф (Ату ○, «Дурака»), соответствует Воздуху, но на более низком плане.

2 Человек, достигший Кетер сефиры Малкут рискует по ошибке принять ее за Кетер самой сферы Кетер, и чем выше он поднимается, тем более возрастает эта опасность, ибо сходство также растет. Так продолжается до тех пор, пока он не достигнет подлинной Кетер в Кетер; тогда все сферы поглотят друг друга, как змея поглощает свой собственный хвост и, в конце концов, самое себя. В Кетер сефиры Кетер нет ни мышления, ни мыслей, потому нет ни уверенности, ни сомнений. В Малкут сефиры Йесод проявляется три соблазна, а именно: влияние Кетер сферы Малкут, искушающее Соискателя оглянуться назад; совокупная сила искушений всех сефирот самой Йесод, кроме Йесод в Йесод, которая и должна стать следующим шагом; и Малкут сферы Ход, которая соблазняет Соискателя бегом устремиться в Ход, не научившись сперва ходить в сфере Йесод. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

перемен. Впрочем, здесь же он научился и уничтожить их, сочетая каждое желание с его противоположностью; но в самом этом действе рождалась иная тайна, еще ужаснее прежней, — тайна Нецах.

Подчас огонь побеждает воду, но бывает, что и вода торжествует над огнем; так и сама победа может ввергнуть Победителя в рабство страшнее прежнего, сделав его невольником самого Успеха его. До сих пор у Брата P[erdurabo] всегда находилась какая-нибудь новая причина обнажить свой меч; но теперь, хотя клинок его оставался по-прежнему ярок и остр, сам он уподобился рыцарю, которого окружили в темноте хитроумные разбойники: он не знал, в какую сторону разить, хотя и чувствовал, что нынешнее его положение опасно, как никогда. Заключалась же эта опасность в соблазне самого что ни на есть материального свойства. Ибо, овладев тремя стихиями, P[erdurabo] едва не пал жертвой четвертой: так воин, убивший и Царя, и Начальника Стражи, и даже Главного Евнуха, дремавшего на пороге покоев Царицы, может потерять все Царство, которым почти уже завладел, поддавшись соблазну мягких подушек на ложе красавицы и пробудившись лишь тогда, когда гвоздь под ударом молота уже войдет в его беззащитный дурацкий лоб.

В Нецах пало больше доблестных мужей, нежели в Малкут, Йесод и Ход вместе взятых, а в Тиферет — еще того больше и по той же причине, а именно: всякий Успех иллюзорен, и величайшая из иллюзий — счесть, что ты преуспел.

Именно здесь, в Тиферет, человек, не уставший бороться, срывается с тетивы натянутого лука мирских желаний и пронзает твердь мысли, подобно стреле; и, в конце концов, преодолев тяготение мира, становится для самого себя всей вселенной. Это рассечение Завесы Усыпальницы Адептов в действительности есть не что иное, как высвобождение Йехиды из потока стихий, слагающих человека. Малкут — Дева-Мать, Земля, оплодотворенная Воздухом, Водой и Огнем, — разрешается от бремени Сыном — тем самым Духом, который и есть Адепт, переродившийся в Усыпальнице как Христиан Розенкрейц. Это еще не Адонаи-Христос, Сын Божий, но Адонаи-Иешуа, Сын Человеческий, тот Иисус-Плотник, который в один прекрасный день смастерит Древо Жизни по образу и подобию

Горнего Христа. Видение Адонаи — теперь уже не дальний отблеск мерцающего огонька, затерянного в густой чаще, но внутренний свет, ровно горящий, как свеча в фонаре, и изливающий свое сияние равномерно во всех направлениях.

Но именно здесь, преображенный в солнце для себя самого и завороженный красотой своих детей, то есть своих уравновешенных (как ему кажется) мыслей[1] — всех этих блуждающих звезд и комет, подчинившихся его воле, — Соискатель рискует забыть, что он, даже став солнцем для самого себя, все же остается лишь крошечной частицей Божественного Сияния, лишь пылинкой, танцующей в луче Божественного Ока. Поэтому-то одержимость гармонией вещей в Тиферет — опасность столь же реальная, как и грозившая ступенью ниже одержимость теми наслаждениями, что обретаются в беспорядке. Солнце не только животворит, но и разлагает материю. Поэтому Соискатель должен собственными силами истребить в себе удовлетворенность достигнутым; он должен буквально взорваться недовольством, дабы энергия этого взрыва вынесла всю его упорядоченную под властью Духа вселенную не в Хаос, не в клипот, но за пределы Хаоса и самого Космоса — в некий новый мир, к Равновесию более высокого порядка, во вселенную, исполненную колоссальной силы и мощи. Если только он дрогнет — он пропал; он должен напрягать каждый свой нерв, каждый мускул, пока все его существо не вострепещет и не возблещет магической Силой сефиры Гебура.

Так от преданности Великой Работе рождается настоящий маг, и ничто, кроме Работы, не поможет Соискателю достичь этой высокой ступени. Он должен трудиться, не надеясь на успех, ибо успех — это поражение; он должен трудиться, не надеясь на награду, ибо награда — это наказание; он должен трудиться, не обращая внимания ни на что; он должен уметь снова и снова отказываться от достигнутого равновесия; он должен раскачать маятник так, чтобы тот сорвался с крючка; он должен силой вогнать лингам Шивы в лоно

1 Столп Умеренности на Древе Жизни проходит через четыре сефирот: Кетер, Тиферет, Йесод и Малкут. Может показаться, что все они в равной мере уравновешены. Но в действительности это не так, ибо все они, кроме Кетер — точки, в которой зарождается движение, — подобны отметкам на маятнике часов: чем ближе к Малкут (отвесу), тем дальше они отклоняются от центра в своих колебаниях, и наоборот, чем дальше от Малкут, тем отклонение меньше. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Шакти. Справедливость и Милосердие — ничто для него; будучи Хором-ребенком[1], он должен уничтожить одно другим, как его отец Осирис уничтожил Воды Ход огнями Нецах. Его орудия — Добро и Зло, ибо работа его вершится все еще в царстве Руаха. До тех пор, пока от усилий его зачинаются, вынашиваются и рождаются плоды Работы величайшей и благороднейшей, не найдется такой горькой чаши, которую он сможет отвергнуть, и не найдется такого креста страдания, к которому он не будет пригвожден. Как Осирис он научился уничтожать самого себя; возродившись как Хор, он уничтожит весь мир (о да! кто посмеет сказать мне «нет»[2]?) — волосы Ну, их тончайшие пряди[3]!

Маг

Пройдя церемонию Младшего Адепта, P[erdurabo] тотчас возвратился в свою цитадель, дабы исполнить ту великую Магическую Операцию Абрамелина, предварительной подготовке к которой он уже посвятил столько времени и сил.

К сожалению, сколько-нибудь подробными сведениями о повседневной жизни P[erdurabo] в тот период мы не располагаем; сохранилась лишь небольшая, объемом около двадцати страниц, тетрадка под заглавием «Книга Операции Священной Магии Абрамелина-Мага (рассказ о событиях моей жизни и заметки об упомянутой операции, составленные P., смиренным ее Соискателем)».

Начинается эта книжица с «Клятвы Начала», а остальное ее содержимое можно приблизительно разделить на три части. Первая охватывает события жизни P[erdurabo] от начала ноября 1899-го до конца февраля 1900 года; вторая относит-

---

1 Бог Хор соответствует сефире Гебура (см. «777», столбец XIX, строка 5).

2 Ср. «Liber AL», I:42—43: «...нет у тебя иного права, кроме как творить волю свою. Поступай так, и никто тебе не скажет "нет"».

3 Заключительная часть этой фразы связана одновременно со стихом I:59 «Liber AL», где от лица богини Нуит (Nu) говорится: «Мои власы — деревья вечности», — и с образом египетского бога Нуна (англ. Nu), олицетворения первозданного водного хаоса, изначального космического божества, волосы которого в книге «777» (столбец XXI, строка 0) соотносятся с Айн. Иными словами, магу предстоит «уничтожить» все сущее, поднявшись по Древу Жизни до самой вершины и вернувшись в первозданное Ничто.

ся, собственно, к Операции Абрамелина, а в третьей описаны отношения P[erdurabo] с Братом D.D.C.F.[1]

Из первой части мы узнаём, что против P[erdurabo] сплотились и восстали великие силы зла; и это не должно удивлять нас, ибо всякий, кто решился выступить против Тьмы, не может не предполагать, что Тьма попытается нанести ответный удар и поглотить его. Это Свободный Адепт [7°=4°] может смеяться равно и над добром, и над злом; но тот, кто стал магом лишь недавно, с каждым своим шагом по Пути Света видит, как вокруг него все гуще и гуще собирается Тьма.

Напомним, что осенью 1898 года P[erdurabo] познакомился с Братом V.N.[2] и получил от него «Книгу Священной Магии Абрамелина», а также некоторые наставления относительно описанных в ней работ. Эту книгу P[erdurabo] читал и перечитывал с величайшим интересом и усердием, твердо намереваясь при самой первой возможности провести рекомендованную в ней церемониальную операцию. Однако такой возможности не представлялось почти целый год; лишь в ноябре 1899-го P[erdurabo], наконец, смог затвориться в доме, приобретенном нарочно для этой цели, и завершить все необходимые приготовления к этой великой церемонии, начать которую он предполагал на Пасху следующего года.

Изложенная Абрамелином методика достижения Собеседования со своим Священным Ангелом-Хранителем — пожалуй, самая простая и эффективная из всех западных магических систем. Она не предъявляет к соискателю никаких невыполнимых требований, и даже за теми из ее условий, выполнить которые нелегко, всегда стоит разумная причина: это не просто испытания мастерства и целеустремленности соискателя. Сама Операция описана в переводе Макгрегора Мазерса настолько четко и понятно, что пересказывать ее здесь полностью было бы напрасной тратой времени и бумаги. Поэтому мы ограничимся самым кратким перечислением основных пунктов, которое лишь позволит читателю уловить общую суть Операции, но ни в коей мере не сможет послужить пособием по ее проведению.

Предупредив своих читателей не доверять шарлатанам, Абрамелин указывает, что главное, в чем надлежит удостове-

1 Т.е., С.Л. Макгрегором Мазерсом.

2 Дж.С. Джонсом, см. примеч. 2 на стр. 96.

риться, — это «в добром ли здравии ты пребываешь, ибо тело немощное и слабосильное подвержено разнообразным недугам, кои в конце концов породят нетерпение и недостаток сил для работы и продолжения Операции; недужный же человек не может быть чист и очищен, равно как не может и пребывать в уединении; и в таковом случае работу лучше прекратить»[1].

Наиболее подходящее время для начала Операции — первый день после праздника Пасхи, то есть вскоре после весеннего равноденствия. Сама работа занимает шесть месяцев, так что если она будет начата, к примеру, 22 марта, то завершится 21 сентября.

Эти шесть месяцев подразделяются на три периода по два месяца каждый.

> *Первый период.* «Каждый месяц ровно за четверть часа до восхода солнца входи в свою Молельню, предварительно омывшись и облачившись в чистое платье, открывай окно и преклоняй колени перед Алтарем, обратившись лицом к окну, после чего призывай Имя Господа и исповедуйся Ему во всех твоих грехах. Завершив сие, возноси молитву Ему, "дабы, когда наступит должное время, соблаговолил Он сжалиться над тобою и даровать тебе Свою милость и благодать, ниспослав тебе Своего Святого Ангела, коий будет служить тебе Вожатаем "»[2].

> В этом молитвенном упражнении необходимо соблюдать одно важное правило, которое сам Абрамелин излагает в следующих словах: «Если ты будешь говорить все это без набожности, без внимания и без разумения, никакого толку не выйдет. <...> решительно необходимо, чтобы молитва твоя исходила от самого средоточия твоего сердца, поэтому если бы я просто записал здесь нужные молитвы, ты бы все равно не понял, как молиться по-настоящему»[3].

---

1 «Книга Священной Магии», стр. 54. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Там же, стр. 64. Некоторые из нижеследующих цитат приведены в сокращении. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

3 Там же, стр. 65. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

На закате повторяется то же самое: воззвание к Господу, исповедь и молитва.

На протяжении этого первого периода необходимо соблюдать следующие правила:

1. И спальный покой, и Молельню надлежит содержать в строгой чистоте. «Со всем своим вниманием поддерживай чистоту во всем».

2. «Почивать в постели с Супругой твоей тебе дозволено, когда она чиста и очищена», и не иначе.

3. Каждую субботу следует менять постельное белье и окуривать спальный покой благовониями.

4. В доме не должно находиться никаких животных, даже недолгое время.

5. «Если ты сам себе хозяин, освободись от всех своих дел, насколько это во власти твоей, и откажись от всех мирских и суетных обществ и разговоров; веди жизнь безмятежную, уединенную и честную».

6. «Когда ведешь дела, продаешь или покупаешь, смотри, не поддавайся гневу, но во всех своих поступках будь скромен и терпелив».

7. «Во всякий день после обеда уделяй два часа на то, чтобы со всем усердием читать Святое Писание и прочие Священные Книги».

8. «Что до вкушения пищи, пития и сна, то во всем этом будь умерен и не чрезмерен».

9. «Платье твое пусть будет чистым и притом скромным и сообразным обычаю. Избегай всякой суетности».

10. «Что же до числа домочадцев, то чем оно меньше, тем лучше; и действуй так, чтобы слуги были скромны и спокойны».

11. «Да не оскудевает рука твоя на подаяние и прочие благодеяния ближним твоим; и да будет сердце твое всегда открыто для нищих, коих Господь возлюбил столь премного, что словами того не выразить»[1].

Второй период. На протяжении всего этого периода необходимо по-прежнему возносить привычную молитву

1 Там же, стр. 66—69. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

утром и вечером; «но прежде чем войти в Молельню, омывай дочиста руки и лицо свое чистой водой. И продлевай молитву свою с величайшей возможной любовью, благочестием и покорностью, смиренно моля Господа Бога, дабы соблаговолил Он повелеть Святым Ангелам Своим наставить тебя на Путь Истинный...»

Правила для этого периода таковы:

1. «Исполнять супружеский долг дозволительно, однако по возможности более редко».

2. «Также омывай все тело свое в канун каждой субботы».

3. «Относительно торговых дел и образа жизни правила те же, что и для первого периода».

4. «В этот период решительно необходимо удалиться от мира и устремиться к уединению».

5. «Продлевай свои молитвы, насколько хватает сил».

6. «Что до вкушения пищи, пития и одежд, то соблюдай все, как прежде»[1].

Третий период. «Утром и в полдень омывай руки и лицо и входи в Молельню; прежде всего, исповедуйся во всех своих грехах; затем возноси самую пылкую молитву, умоляя Господа, чтобы Он оделил тебя этой особенной милостью, а именно — позволил тебе испытать и выдержать присутствие Святых Ангелов Его и беседу с ними, и чтобы чрез оных даровал Он тебе Тайную Мудрость, с коей обретешь власть над Духами и надо всеми тварями живыми.

То же исполняй и днем перед обедом, и вечером[2], и на закате».

Для этого периода предписаны следующие правила:

1. «Тот, кто сам себе хозяин, должен оставить все свои дела, исключая лишь благодеяния ближним».

1 Там же, стр. 69—70. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Там же, стр. 70—71. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2. «Избегай всякого общества, кроме Супруги своей и своих Слуг».

3. «Наибольшую часть своего времени посвящай рассуждениям о Законе Божьем».

4. «Накануне каждой субботы постись, омывай все тело свое и переменяй одежду»[1].

По возможности всю эту Операцию следует проводить в таком месте, где никто не нарушит вашего уединения; лучше всего, как пишет Абрамелин, — «разыскать какой-нибудь лесок и там, в чаще, поставить небольшой Алтарь, возведя над ним хижину из тонких ветвей, чтобы дождь не попадал внутрь и не заливал светильники и кадило»[2].

Алтарь надлежит вырезать из дерева, устроив его наподобие ящика, чтобы все необходимые принадлежности можно было хранить внутри.

Понадобятся две туники: одна — льняная, а другая — из багряного или алого шелка с золотом.

Священное масло приготовляется из мирры, корицы и корня галанги, смешанных с оливковым маслом. Благовоние — из ладана, стиракса и lignum aloes или кедра, истолченных в порошок и тщательно смешанных. Жезл должен быть вырезан из миндального дерева[3].

По завершении третьего периода на следующее же утро, «встань ранним утром, но не омывайся вовсе и не облачайся в обычную одежду свою, но облекись Траурной Ризой; войди в Молельню босым; ступай на сторону Кадила и, открыв окна, вернись к двери. Затем, простершись ниц, вели Ребенку (потребному здесь как помощник и как духовидец) вложить Благовоние в Кадило, а затем преклонить колени перед Алтарем; и далее следуй во всем тем наставлениям, которые я уже тебе дал <... > Смирись пред Богом и Небесным Двором

1 Там же, стр. 71. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Там же, стр. 74. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

3 Там же, стр. 76—77. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Его и приступи к молитве своей со всею страстью, ибо, как только начнешь воспламенять себя молитвой, узришь Великолепие необычайное и иномирное, коим заполнится все жилище и кое окружит тебя несказанным благоуханием; и уже одно только это утешит и умиротворит твое сердце так, что во веки веков будешь восхвалять как великое счастье сей День Господень»[1].

* * * * *

«На протяжении Семи Дней исполняй Церемонии сии, не уклоняясь от них никоим образом, а именно: День Освящения, Три Дня Созыва Духов Благих и Святых, и Три Дня Созыва Злых Духов.

На второе утро следуй советам, кои подаст тебе твой Священный Ангел-Хранитель, а на третий вознеси благодарение ему.

И тогда сможешь в первый раз испытать, хорошо ли ты исполнял все предписанное в эти Шесть Лун твоих, и достойно ли потрудился ради Господней Премудрости; ибо узришь, как Ангел-Хранитель твой предстанет перед тобою в красоте несравненной; и будет с тобою беседовать и говорить с тобою в словах, столь полных любви и благодати, столь сладостных, что никакой язык человеческий не смог бы их передать. <... > Одним словом, с такой любовью он примет тебя, что весь этот рассказ мой покажется тебе ничтожным в сравнении с тем, что будет»[2].

Завершив описание Третьего дня, Абрамелин весьма благоразумно заключает:

«Засим начинаю удерживать руку свою от письма, ибо Милостью Божией я уже вверил и препоручил тебя УЧИТЕЛЮ столь великому, что он не попустит тебе заблудиться ни в чем»[3].

1 Там же, стр. 81. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Там же, стр. 82, 85. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

3 Там же, стр. 85. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Такова — в кратком изложении — система, рекомендованная одним из величайших мастеров западной магии. С исключительной ясностью Абрамелин шаг за шагом подводит нас ко встрече с этим УЧИТЕЛЕМ — Авгоэйдом, Адонаи, Высшим «Я» или как бы вы ни предпочли Его называть. При помощи символов чистоты (чистоты телесной и чистой жизни) он ведет нас через медитацию, сосредоточение и молитву к единой цели — к обретению этого УЧИТЕЛЯ и собеседованию с Ним, исполненным такой благодати и красоты, такого восторга и экстаза, что «никакой язык человеческий не смог бы их передать». Увы! как нам не хватает простодушия, чтобы принять все это на веру и искать у маленького лесного алтаря той сладостной награды, которая в единый миг избавит нас от всех скорбей и мук!

Но в наши времена молитва превратилась в фарс, и очень трудно сейчас — о, мы знаем, как трудно! — молиться с той искренностью, которая приносит подлинную награду. Рационалисты так испортили молитву своим многоречивым вздором, что очистить ее от всех нагромождений внешних символов и образов — задача и впрямь нелегкая. Когда говорят: «Человек молится богу», — мы воображаем, что он обращается к какой-нибудь штуковине на ножках: образованный ум до того перенасыщен осязаемыми предметами, что предметы трансцендентальные в него уже не вмещаются; он не понимает, что человек вполне может молиться своему Учителю, а есть ли у этого Учителя ножки или нет — дело десятое. Бог не зависит ни от того, насколько мы образованы, ни от того, что представляется нам нормой, ни от кумиров, которых мы сотворили. В некоторых случаях отвращение к молитве может оказаться даже более действенным, чем приверженность ей. Тот, кто верует в необходимость отрицать и хулить Бога, достигнет Божественного Видения Адонаи (при условии, что сможет *воспламенить* себя этим отрицанием и хулой) ничуть не позднее, чем тот, кто верует в необходимость молиться Ему и восхвалять Святое Имя Его. И в том, и в другом случае высшую награду приносит *воля* к достижению, к преодолению и победе, а отнюдь не вера или отказ от веры, каковые суть лишь орудия, средства для этого достижения. Но не будем забывать, что эта тайна Равнозначности всех символов, благих и злых, истинна лишь в Даат и выше Даат.

Один человек может срубить дерево топором, другой — спилить пилой, третий — выкопать, четвертый — сжечь, пятый — подмыть его корни водой, взорвать его или свалить, обвязав веревкой. Но, так или иначе, дерево упадет: цель будет достигнута в любом случае, несмотря на все многообразие средств.

Так и в магии мы познакомились со множеством различных методов. Мы рассмотрели Восхождение на Планы, Созерцание Духовным Зрением, ритуалы Золотой Зари, «пункт W Операции ⧈»[1], талисманическую магию, а теперь и еще один путь — метод Абрамелина. Но все эти разнообразные средства служат одной цели: повалить величественное древо жизни и достичь Ключевого Видения Адонаи, Авгоэйда, или Высшего «Я».

Все эти методы, при условии что они применяются правильно и доводятся до завершения, ведут в одну и ту же Райскую Обитель; и, с другой стороны, все они способны сбить Адепта с пути и заманить его в некий Лимб или ввергнуть в Преисподнюю, если он будет пользоваться ими неверно или примет средство за Цель.

Всем людям, предрасположенным к набожности, Молитва служит превосходным средством Сосредоточения на этой искомой цели — на достижении тождества с Адонаи. При этом совершенно неважно, чему или кому мы молимся — Будде, Христу или цилиндру и бутылке из-под джина, как африканские дикари; важно лишь, чтобы молитва шла от чистого сердца. И когда, в конце концов, Видение явится нашему взору, вся наша вера, преданность и поклонение, все наши молитвы и просьбы исчезнут без следа, ибо тот чистый лист, который был нашим идеалом, вспыхнет под увеличительным стеклом нашей Воли. Он съежится и потемнеет, почернеет и рассыплется пеплом. Врата души распахнутся настежь, и царство, в которое мы устремимся, окажется столь же несхожим с тем царством, которое мы представляли себе как свой идеал, сколь несхож пылающий огонь с прохладной белой бумагой. Для тех же, кто не способен уверовать с такой силой и вообще не верит в молитву, существуют другие средства, как мы в свое время увидим; на самом деле средств так много, что каждый человек мог бы идти своим особым путем и все равно достичь той же цели, что и все остальные; и мы надеемся, что эта книга

1 См. стр. 244.

поможет читателю отыскать свою собственную кратчайшую дорогу ко Вратам Храма.

В начале ноябре P[erdurabo] посетил Лондон, чтобы посоветоваться с Братьями I.A. и V.N.[1], затем направился в Париж, а еще через несколько дней вернулся в Англию, где при помощи символа Codselim благополучно добрался до D., а оттуда — до T.[2] Здесь он получил письмо от I.A. с предостережениями об ужасной опасности, ввиду чего призвал Гарпократа (Heru-pa-kraatist) и вверился Провидению Божьему, «дабы поставил Он Ангелов Своих оберегать меня и хранить на всех путях моих. Да будет так!»

Вот и все, что нам известно о событиях, предшествовавших, собственно, Операции, каковая начинается так:

Клятва Начала

Я, P[erdurabo], Frater Ordinis Rosae Rubeae et Aurear Crucis[3], Владыка Путей ко Вратам, ведущим в Усыпальницу Адепта, посвященный степени 5°=6° Ордена Золотой Зари и смиренный слуга Господа Христа ныне связываю себя духовно новым обетом. Клянусь:

Мечом Возмездия;

Силами Стихий;

Крестом Страдания, —

что я всецело предамся Великой Работе — достижению Общения с моим Высшим и Божественным Гением (именуемым Ангелом-Хранителем) при помощи предписанных средств; и что всякую Силу, обретенную в этой Работе, я направлю на Спасение Вселенной.

Да помогут мне Владыка Вселенной и собственная моя Высшая Душа!

Далее следует «Клятва Операции»:

---

1 Дж.С. Джонсом и А. Беннетом.

2 Codselim — «отменяющий всякую магию» талисман, описанный в главе X книги III «Священной Магии Абрамелина»; Кроули использовал его, опасаясь вредоносного магического воздействия со стороны врагов. «D.» — зашифрованная (путем замены на последующую букву алфавита) первая буква слова «Cambridge» (Кембридж); из Кембриджа Кроули направился в Болескин.

3 «Брат Ордена Красной Розы и Золотого Креста» (лат.).

Я, P[erdurabo], перед лицом Владыки Вселенной и всех Сил Божественных и Ангельских ныне связываю себя духовно, так же как физически я привязан к сему Кресту Страдания. Я клянусь:

1. Насколько дозволят и помогут мне Боги, живущие вечно, Эоны Бесчисленных лет, соединить свое сознание с божественным, дабы, затерявшись в Безграничном Свете, оно нашло Себя — ради Возрождения Рода человеческого или же того, на который будет Воля Божья. Я же всецело предаюсь Божественной Воле.

2. Идти к этой цели, насколько то будет зависеть от меня, тем путем, который предписан Магом Абрамелином, и следовать ему отважно и скромно, с любовью и стойкостью.

3. Совершенно презирать всё мирское и мнения мира сего, дабы они не мешали мне это исполнить.

4. Использовать свои способности только во имя Духовного блага всех, с кем сведет меня судьба.

5. Не оставлять места Злу; и вечно бороться с Силами Зла, пока они не обретут спасение во Свете.

6. Обрести гармонию духа, дабы его Равновесие вело меня на Восток и мое Человеческое Сознание не уступало своей власти Инстинкту.

7. Побеждать искушения.

8. Изгонять иллюзии.

9. Всецело довериться Господу Богу, Единому и Всемогущему, ибо сказано: «Блаженны все уповающие на Него»[1].

10. Возвысить сей Крест Жертвы и Страдания и сделать так, чтобы Свет мой сиял среди людей, дабы они восхваляли Отца моего, сущего на Небесах[2].

Сверх того я торжественно обещаю и клянусь постичь сию Святую Науку так, как предписано в Книге Абрамелина, не упустив ни малейшей подробности ее содержания; не толковать ее и не рассуждать, что может означать то или иное из того, что в ней сказано;

---

1 Пс. 2:12.

2 Читатель, должно быть, заметил, что это — переработанная для личных нужд версия присяги 5°=6°. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

не употреблять сию Священную Науку ни на поругание Бога Великого, ни во зло ближнему моему; не передавать ее ни единому живому человеку, не постигнув прежде сути его на деле и в долгих беседах и не уверившись в том, что он воистину намерен использовать сию Науку не во Зло, но только во Благо. И буду вручать сию Науку другому в точности тем же образом, как Абрамелин вручил ее Аврааму. И да не принесет она плодов тому, кто получит ее иначе. Я буду бежать как от скорпиона от торговли этой Наукой. И да пребудет сия Наука во мне и в роду моем столько, сколько будет угодно Всевышнему[1].

Я клянусь соблюдать все это в целом и по отдельности под страхом навлечь на себя гнев Господа моего и Того, к Познанию и Собеседованию с кем я стремлюсь со всем пылом страсти.

Да помогут мне Владыка Вселенной и собственная моя Высшая Душа!

За этой клятвой в книжице следуют описания различных приготовлений, которые мы пропустим, дабы скорее перейти к Видениям, испытанным Братом P[erdurabo] в тот период. Первое, которое мы рассмотрим здесь, весьма походит на одержимость:

Лежа в постели, я призвал ангелов и духов скрижали Огня с именами и прочим и прочел 6-й Ключ[2]. Затем (в образе Гарпократа) я вошел в свой кристалл. Встретивший меня ангел сообщил мне, помимо прочего, что они (т.е. ангелы и духи скрижалей) воюют с ангелами Тридцати эфиров, *дабы не позволить тем найти квадратуру круга*. Я последовал за ним в обители Огня, но, должно быть, заснул или почти забылся. Так или иначе к сознанию я вернулся в совершенно особом состоянии: я был наполовину здесь, наполовину там. Окончательно придя в себя, я изгнал духов; но я чувствовал, что весь горю. Я метался в постели — очень

1 Эта часть основана на Клятве, которую Абрамелин взял со своего ученика Авраама. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Из енохианских ключей д-ра Ди. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

хотелось спать, но меня пожирал огонь! Вернуться к нормальному состоянию помогло только повторное и очень тщательное облечение божественной формой Гарпократа. Затем мне снился долгий сон про какую-то женщину, которая собиралась бежать со своим возлюбленным, а я ей помогал. Затем приснился мужчина, который пытался украсть мою драгоценную эмблему Розы и Креста из ящика туалетного стола в гостинице. Я его поймал и обнаружил, что он неестественно слаб (я без труда мог гнуть и плющить его как угодно), после чего сон утратил связность... Помню, как я таскал этого человека за собой, нашел щетку для волос, чтобы побить его, и т.д., и т.п. Вопрос: это была полная одержимость?

Затем последовало второе видение:

Призвав ангелов Земли, я добился удивительных результатов. Ангел, мой проводник, обращался со мной весьма презрительно и был очень груб и прям в выражениях. Он показал мне разные вещи. В центре Земли пребывают Роза и Крест. Эта Роза — Абсолютное Самопожертвование, растворение *всего сущего* в Нуле (Небытии) Универсального Принципа продолжения рода через преображение (не только женщины), и она же — Вселенский Свет, «Khabs». Крест же — это Расширение, то есть принцип «Pekht». Скорее всего, я узнал бы больше, но отвлекся. На этом завершилось последнее из четырех элементальных видений; увы! как слаб, самодоволен и глуп я был в них!

За этим видением, наконец, последовало еще одно — на сей раз по-настоящему интересное.

...после полудня закрылся в комнате и отправился в путешествие. <...> Я следовал за особым, личным своим провожатым; и увидел (после некоторых не столь значительных картин) нашего Учителя, сидевшего у Колодезя с Женщиной Самарянской[1]. Пятеро ее

1 См. Ин. 4.

мужей — пять великих религий, осквернивших чистоту Девы Мира; а «тот, которого ныне имеешь», — материализм (или современное мышление).

Увидел я и другие сцены из Его жизни; и увидел самого себя — тоже распятым! Затем я направился вспять во времени вплоть до самого Берешит, Начала; и было мне дозволено узреть чудесные вещи.

Вначале — Бездну Вод, над которой сам я реял на крыльях Гения моего среди прочих тусклых пламен, как ת над ב. И узрел я победу Ра над Апофисом и Первую Золотую Зарю! О да; и восстали чудовища, полуоформленные лики[1]; но не устояли они.

И возникла твердь.

И снова Хаос и Смерть!

Затем — Ат ха-Шамаим и Ат ха-Эрец[2]. Вихрь переплетающихся между собой бесчисленных туманностей, множество концентрических систем, каждая из которых имеет свой собственный центр, но все вращаются вокруг общего центра всей их совокупности. Они вращались все быстрее и становились все менее материальными по мере того, как я отступал дальше и дальше назад во времени. (P.S. Это научная гипотеза, прямо противоположная теории Анны Кингсфорд.) И вот, наконец, они превратились в кружащиеся колёса света; и через них волнами — по перпендикулярам к касательной — шел трепет иного, незримого света, более мощного. Мне велели идти еще дальше в прошлое... Я парю на спине в пространстве — и вдруг низвергаюсь в потоке Света, сошедшего на меня, как ветер, от безмерных Высот. (Свет этот — голубовато-серебристого цвета.) И высоко надо мною, в непостижимой выси, я вижу Лик; и это — лик абсолютной красоты. А затем

---

1 Фраза из описания каббалистической истории сотворения мира. Согласно этой истории, созданию нынешней Вселенной предшествовали неудачные попытки творения, в результате которых возникали неустойчивые, неуравновешенные миры (именуемые здесь «полуоформленными ликами»), быстро разрушавшиеся под влиянием хаотических сил. Данное описание входит в церемонию посвящения в степень Философа (4°=7°): «И восстали полуоформленные Лики Тьмы; но не дано им было утвердиться, и не устояли они».

2 «Сущность неба и сущность земли» (др.-евр.), из Быт. 1:1; в русском синодальном переводе — «В начале сотворил Бог небо и землю».

я как будто увидел убиенного Агнца в Блеске Этих Очей. Так я очистился; ибо разве может устоять перед этим что-то нечистое? Мне сказали, что лишь немногим удавалось продвинуться так далеко вспять, а дальше этого рубежа — никому; даже те, кто *могли бы* пойти дальше, не делали этого, ибо тогда они вернулись бы в Начало безвозвратно, а это не подобает тому, кто поклялся воздвигнуть Знамя Жертвы и Страдания, в котором — сила. (Забыл упомянуть об ангелах в том вихре планет. Они смотрели на меня с любопытством и никак не могли понять моих объяснений, когда я сказал им, что я — *Человек*, вернувшийся назад во времени, дабы увидеть Начало Всего Сущего.)

После этого я смог встать в своем Древе Сефирот; и голову мою увенчал Венец из Двенадцати Звезд! Затем я отправился в центр Земли (как я полагаю) и встал на вершине высокой горы. Всех многочисленных драконов и стражей я пересилил *властью* своей. Сама гора сверкала белизной, как снег — невероятно белый, но при этом мертвый и не светящийся собственным светом. И я увидел нечто подобное видению Вселенского Меркурия[1]; и узнал, что сам я до сих пор был Серой и не имел в себе Ртути-Меркурия. Теперь же, когда Сера моя соединилась со Ртутью, я сумел (в своем видении) даровать плодородие той горе (Соли). И она тотчас же преобразилась в золото. Что смотреть ходили вы в пустыню[2]? И не просто золото, нет — живой, сияющий, расплавленный Свет; Свет, который несет спасение миру материи! После этого я возвратился; трудно было отыскать землю (?). Но я воззвал к S.R.M.D. и V.N.R.[3],

1 Это видение — образ Меркурия, погружающегося в море, — описано в рукописи под редакцией S.R.M.D. [С.Л. Макгрегора Мазерса], распространявшейся среди членов Второго ордена. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Лк. 7:24; слова Иисуса Христа к народу об Иоанне Крестителе, пророчествовавшем в пустыне о пришествии Сына Божьего.

3 S.R.M.D. — аббревиатура второго девиза С.Л. Мазерса; V.N.R. — аббревиатура девиза «Vestigia Nulla Retrorsum» (лат. «Ни один из следов не повернут обратно», цитата из «Посланий» Горация, I.1.74), который носила Мойна Мазерс (1865—1928), сестра философа Анри Бергсона и супруга С.Л. Макгрегора Мазерса, вместе с мужем принимавшая активное участие в работе Ордена Золотой Зари.

которые были рады меня видеть, и вернулся в свое тело... лишь для того, чтобы потратить целый вечер на пустое глумление над одним слабоумным медикусом.

(Обращает на себя внимание, насколько более связно это видение, нежели те, которые ему предшествовали.)

На этом вторая часть «Книги Операции Абрамелина» завершается. Третья часть, состоящая всего из двух страниц, начинается довольно загадочной фразой:

«Получил сегодня вечером ответ от D.D.[1]. Второй Орден, видимо, сошел с ума».

Следующие далее сведения проясняют эту запись. Орден Золотой Зари лишь сохранял видимость единства, но на деле уже прогнил изнутри: в его рядах назревал раскол, и P[erdurabo] счел происходящее достаточно серьезным, чтобы предложить свою помощь Достопочтеннейшему Брату D.D.C.F., находившемуся в то время в Париже. Примерно через неделю P[erdurabo] записал: «D.D.C.F. принял мои услуги, и я радуюсь, что жертва моя принята. Ввиду чего я снова откладываю Операцию Мага Абрамелина, но даже этой отсрочкой — Милостью Божией — я укрепил свою связь с Высочайшим и обрел новое орудие для битвы с Великими Князьями Зла мира сего. Аминь».

Так завершается «Книга Операции Абрамелина». Однако на обороте последней страницы есть еще одна запись, из которой мы заключаем следующее: P[erdurabo] отправился из Лондона в Париж (очевидно, в Лондон он приехал из T.[2] вскоре после того, как отправил письмо D.D.C.F.). Там D.D.C.F. после долгой беседы с ним и с V.N.R. назначил его своим посланником, и четырьмя днями позже, в полдень, P[erdurabo] выехал из Парижа обратно в Лондон. Запись заканчивается следующими словами: «История моей миссии: где ее искать, как не в Летописи Бунта Адептов?»

---

1 Секретарь Ордена Золотой Зари. — *Примеч. Дж. Фуллера.*
D.D. — аббревиатура девиза «Deo Date» (лат. «Приноси дары Богу»), принадлежавшего миссис Гариэтте Доротее Хантер, секретарю Второго ордена. За этой записью стоит переданный через D.D. отказ лондонского храма Золотой Зари признать Кроули посвященным степени Младшего Адепта и доверить ему материалы Второго ордена.

2 Т.е., из Болескина; см. примеч. на стр. 214.

Но прежде, чем окинуть взором эту «Летопись Бунта Адептов», которую, положа руку на сердце, следовало бы называть, скорее, «Книгой Немощи Тупиц», необходимо снова обратиться к уже упоминавшейся «Исторической лекции».

Рассматривая выше эту лекцию, мы остановились на том, что «в 1900 году некто P[erdurabo], один из Братьев, подверг суровому испытанию S.R.M.D., с одной стороны, и весь Орден — с другой...». S.R.M.D. — это не что иное, как второе имя Достопочтеннейшего Брата D.D.C.F., против которого, собственно, и взбунтовался Второй орден. Далее в «Исторической лекции» говорится:

> Он обнаружил, что S.R.M.D., будучи довольно способным ученым и выдающимся магом, тем не менее, так и не достиг полного посвящения; более того, он не удержался и на том месте, которого достиг, ибо опрометчиво привлек силы зла, слишком могучие и ужасные, чтобы устоять против них[1].
>
> Все притязания Ордена на то, что во главе его стоят истинные адепты, были полностью опровергнуты.
>
> Во всем Ордене, не считая двух несомненных и двух сомнительных исключений[2], P[erdurabo] не обнаружил никого, кто был бы способен пройти посвящение какого бы то ни было рода.
>
> Ввиду этого он, положившись на присущее ему хитроумие, уничтожил и сам Орден, и его вождя.
>
> Но поскольку сам он еще не был совершенным адептом, Дух увлек его в Пустыню, где он провел шесть лет, изучая при свете разума священные книги и тайные посвятительные системы всех народов и времен.

А теперь оставим эту лекцию, дабы вернуться к ней снова по прошествии шести лет, и постараемся как можно более кратко изложить пресловутую «Летопись Бунта», которая состоит из различных материалов, по большей части опубликованных

---

1 По-видимому, это были демоны Абрамелина. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Под «несомненными» исключениями, по всей видимости, подразумеваются два первых наставника Кроули в магии: Алан Беннет и Джордж Сесил Джонс.

в конце 1900 — начале 1901 гг. членами Ордена, отколовшимися от своего главы, D.D.C.F. В одном из этих документов, датированном 4 мая 1901 и подписанном D.E.D.I.[1], мы находим следующие строки:

> Вам известно, что изначально абсолютная власть над Вторым орденом в этой стране принадлежала трем вождям. Но в конечном счете все их полномочия принял на себя один человек — наш бывший глава, Достопочтеннейший Брат D.D.C.F., практически превратившийся в Самодержца.

Это нам уже известно из «Исторической лекции». Однако из «Заявления», разосланного адептам в феврале 1901 года, мы узнаем вдобавок, что 1 апреля (*sic*!) 1897 года Достопочтенная Сестра S.S.D.D.[2] была назначена главой лондонской ветви Ордена и что D.D.C.F. официально рекомендовал ей заняться организацией тайных внутриорденских групп. «S.A.[3] одобрил это и сам создал группу, как может подтвердить Silentio (*sic*)[4]». Однако из «Писем к Адептам R.R. et A.C.», обнародованных в том же месяце, явствует, что Сестра S.S.D.D. и Брат S.S.[5] организовали группы в лондонском и эдинбургском храмах соответственно не с разрешения D.D.C.F., а, напротив, из недоверия к последнему. Эти группы, по всей видимости, действовали как тайные общества внутри Ордена. Из того же документа мы узнаём, что Брат D.E.D.I. возражал против такого подхода, пытаясь добиться, чтобы S.S.D.D. объединила мелкие группы в одно большое общество [Адептов]-Теоретиков. В результате было созвано собрание Исполнительного совета, на котором S.S.D.D. выступила против предложения D.E.D.I. и о котором последний отозвался так: «Я заседал во многих комитетах у себя на роди-

1 Аббревиатура от «Daemon est Deus Inversus» (лат. «Демон — оборотная сторона Бога») — орденского девиза У.Б. Йейтса (1865—1939).

2 Флоренс Фарр.

3 У.У. Уэсткотт.

4 «Безмолвно» (лат.), орденский девиз Рины Фулэм-Хьюз, входившей среди прочих в группу Уэсткотта.

5 Аббревиатура от «Sub Spe» (лат. «С надеждой») — орденского девиза Джона Уильяма Броуди-Иннеса (Brodie-Innes, 1848—1923), шотландского юриста, специалиста по средневековому праву, писателя-романиста и оккультного деятеля.

не и не только, но могу с гордостью заявить: среди тех мастеровых, крестьян и приказчиков, с которыми я работал в Ирландии, ни разу я не сталкивался с такой душевной низостью и не выслушивал таких поразительных резолюций, как вчера».

Из того же «Заявления» следует, что эти тайные группы внутри Ордена, собственно, и стали главной причиной Бунта. Разрешив организацию подобных обществ, D.D.C.F. начал малопомалу делегировать свою власть другим лицам; и в результате, когда разразился кризис, у него не осталось магической силы, чтобы противостоять ему; те же, к кому эта сила перешла, рассеяли ее между собой в бессмысленных спорах и дрязгах по пустяковым и нелепым вопросам морали и закона, вместо того чтобы восстать с ее помощью, как феникс из пепла прошлого. Наглядный пример того, какие магические силы остались у Ордена после падения D.D.C.F., находится все в том же «Заявлении»:

> Самое серьезное из обвинений, которые Сестра F.E.R.[1] выдвинула против Сестры S.S.D.D. заключалось в том, что последняя проявляла пристрастность на экзаменах. S.S.D.D. ответила, что, будь у нее даже такая склонность, у нее все равно «не было времени на бесполезное злопыхательство или фаворитизм».

Пока в котле недовольства заваривалась каша мятежа, D.D.C.F. в Париже занимался воссозданием мистерий Исиды на сцене театра «Бодиньер»[2]. К тому времени он уже несколько лет жил во Франции со своей женой; обществу они представали под различными псевдонимами, как-то: «Иерофант Рамзес» и «Верховная Жрица Анари», «Граф и графиня Макгрегор из Гленстрэ» и т.д, и т.п. Поначалу они имели немалый успех; так, корреспондент «Гуманиста» (том XVI, №2) утверждал, что приемы, которые они дают, — «одни из самых интересных в Париже. Такого пестрого общества, как у них в гостях, не встретить нигде: здесь и поклонники Исиды, и алхими-

1 Аббревиатура от «Fortiter et Recte» (лат. «Отважно и справедливо») — орденского девиза Анни Хорниман (1860—1937), английской театральной деятельницы и оккультистки.

2 См. «Сандей Кроникл», 19 марта 1899 года. — *Примеч. Дж. Фуллера.* В указанном номере «Сандей Кроникл» была опубликована несколько насмешливая рецензия на мазерсовские «Мистерии Исиды».

ки, и протестанты, и католики; здесь ученые, врачи, адвокаты, художники и литераторы обоих полов, не говоря уже о более высокопоставленных особах».

Не исключено, что эти светские успехи отвлекли внимание D.D.C.F. от истинного положения дел в Англии. Но вот упомянутый котел вскипел, а к середине февраля 1900 года варево уже начало выплескиваться через край. В это же время, а то и несколькими неделями раньше, к D.D.C.F. явилась печально известная мадам Хорос; эту неприятность мы подробнее рассмотрим чуть позже, хотя в некоторых отношениях она, очевидно, тоже подлила масла в огонь созревшего мятежа. 16 февраля 1900 года Достопочтенной Сестре S.S.D.D. (Представителю главы Ордена в Англии) пришло письмо из Парижа за подписью D.D.C.F. Оно состояло из пяти пунктов, последние два из которых мы приведем полностью:

> Д[орогая] и Д[осто]п[очтенная] Сестра S.S.D.D.!
> <... >
>
> г) Далее, что касается Второго ордена, то ваша отставка с поста моего Представителя во Втором ордене Лондона внушает мне *глубочайшую скорбь*, как ввиду моего личного к вам отношения, так и в связи с оккультными соображениями. Однако я не могу допустить, чтобы вы сформировали группировку, которая повлечет за собой раскол во Втором ордене и вознамерится тайно и открыто работать под руководством «Sapere Aude»[1], ошибочно полагая, будто тот получил полномочия на управление Вторым орденом от Достопочтеннейшей Сестры «Sapiens Dominabitur Asrtis» [т.е. фрейлейн Шпренгель]. Поэтому я принужден открыть вам одну тайну (полностью ручаясь за свои слова и изъявляя готовность доказать их самым исчерпывающим образом, а также повторить их перед лицом самого S.A.), однако ради блага Ордена и ввиду того, что она способна нанести сокрушительный удар по репутации S.A., я умоляю вас не распространять эту информацию в *Ордене*, по крайней мере до поры до времени; впрочем, *ему*

1 Sapere Aude (или Non Omnis Moriar) — это доктор У.Уинн Уэсткотт, королевский коронер в Хокстоне. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

самому можете показать это письмо, если сочтете нужным, но только *по зрелому размышлению*.

д) Он НИКОГДА не встречался и не состоял в переписке с Тайными Вождями Ордена. Мнимую переписку с ними он *подделал или заказал подделать*. Все эти годы мой язык связывала Клятва Молчания, которую он потребовал от меня, прежде чем показать мне то, что он сделал или распорядился сделать. Этих нескольких слов вам должно хватить, чтобы вы осознали *чрезвычайную серьезность* данного обстоятельства. И еще раз прошу вас, ради его блага и блага Ордена, не вынуждайте меня вдаваться в эту историю более подробно.

В заключение D.D.C.F. заявляет, что все учение Ордена «вплоть до последней крупицы» было вручено Тайными Вождями лично ему, и только ему одному, и что в настоящее время Достопочтеннейшая Сестра S.D.A.[1] находится вместе с ним в Париже[2].

В «Исторической лекции», напомним, сообщается, что S.R.M.D. (то есть D.D.C.F.) стал единоличным главой Ордена ввиду смерти одного из двух своих коллег и слабости другого; коллегами этими были Достопочтеннейшие Братья M.E.V.[3] и N.O.M.[4] (то есть S.A.); и не кто иной, как последний, по общему мнению, в свое время обнаружил шифрованные рукописи, которые позволили установить связь с Достопочтеннейшей Сестрой S.D.A. и великими вождями Третьего ордена, пребывавшими в Германии.

Получив вышеприведенное письмо, S.S.D.D. уехала в деревню и несколько дней размышляла о нем, после чего написала S.A., потребовав объяснить, что означают высказанные D.D.C.F. заявления. S.A. ответил, что считает его претензии необоснованными, но ввиду того, что все очевидцы тех событий уже мертвы, не может юридически доказать, что D.D.C.F.

---

1 Фрейлейн Шпренгель.

2 Это, как мы вскоре увидим, и была вышеупомянутая мадам Хорос. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

3 Аббревиатура от «Magna est Veritas et Praevalebit» (лат. «Велика истина, и она восторжествует») — орденского девиза Уильяма Роберта Вудмана (1828—1891), одного из трех изначальных руководителей Ордена.

4 У.У. Уэсткотт.

солгал, а потому предпочитает сохранить нейтральную позицию по этому вопросу. Так впервые в жизни королевский коронер отказался освидетельствовать труп.

3 марта S.S.D.D. назначила комитет из семи человек для расследования этого вопроса. Комитет указал Достопочтеннейшему Брату D.D.C.F. на серьезность выдвинутых им обвинений и попросил подкрепить их доказательствами. В ходе последующей переписки D.D.C.F. абсолютно и безоговорочно отказался признать за комитетом какие-либо полномочия и предоставить ему требуемые доказательства.

Получив этот отказ, комитет решил предоставить дело на рассмотрение Второго ордена в целом.

23 марта D.D.C.F. в очередном письме к S.S.D.D. выразил намерение освободить ее от должности своего представителя во Втором ордене.

25-го она ответила: «Я пришла к выводу, что стану соучастницей обмана, если буду молчать, и потому решила воспользоваться советом некоторых членов Ордена, всегда поддерживавших ваши интересы...»

Днем раньше, 24 марта, состоялось общее собрание Второго ордена, и Достопочтеннейшего Брата D.D.C.F. уведомили, что причина, по которой его обвинение в подлоге решили обнародовать, заключалась в том, что от подлинности документов, которые он объявил поддельными, зависели самые основы устройства и деятельности Ордена.

На собрании комитета 29 марта L.O.[1] заявил, что виделся с S.A. и тот дал слово чести, что не имеет причин полагать, что S.D.A. была не той высокопоставленной деятельницей Ордена, за которую себя выдавала. Он подтвердил, что общался с ней только письменно и bona fide[2] посылал ей письма в Германию.

2 апреля D.D.C.F. письменно отказал Второму ордену в праве на создание каких бы то ни было комитетов и пригрозил ослушникам «Карающим Потоком».

До этого момента P[erdurabo] мог повлиять на происходящее разве что внутренней готовностью пожертвовать собой

1 Аббревиатура от «Levavi Oculus» (лат. «Возвожу очи мои») — орденского девиза Перси Баллока, Канцлера лондонского храма и заместителя Императора Ордена.

2 «Честно, добросовестно» (лат.).

ради Ордена, которому был обязан столь многим; но задним числом стало понятно, что истинные и Неведомые Вожди Третьего ордена исподволь побудили его подвергнуть испытанию Орден и его зримого Вождя и что именно поэтому P[erdurabo] решил отправиться в Париж и предложить D.D.C.F. свою помощь. Услуги его были приняты, и D.D.C.F. попросил его выступить перед непокорными братьями в качестве посланника Вождя.

В долгой беседе с D.D.C.F. P[erdurabo] предложил для подавления бунта во Втором ордене следующий план действий:

I. Вызывать членов Второго ордена по одному в течение двух или трех дней. Каждый будет представать перед некой высокопоставленной особой в маске; также будет присутствовать протоколист. Каждый явившийся должен будет поклясться хранить в тайне содержание беседы, после чего ему будут заданы следующие вопросы:

А. Убеждены ли вы в истинности учения и знаний, полученных на степени $5^\circ=6^\circ$? Да или нет?

Если «да» (1) Следовательно, они могут происходить только из чистого источника?

Если «нет» (2) Я понижаю вас до степени Владыки Путей ко Вратам, ведущим в Усыпальницу Адептов.

Б. Если Адепт дает утвердительный ответ, то человек в маске продолжает: «Удовлетворяет ли вас логика этого утверждения? Даете ли вы торжественное обещание прекратить эту недостойную полемику по поводу руководства Ордена? Я со своей стороны могу заверить вас, что D.D.C.F. действительно посвящен в степень $7^\circ=4^\circ$».

Если «да» (3) — «В таком случае вы должны подписать этот документ. В нем содержится торжественное подтверждение вашей присяги $5^\circ=6^\circ$ с некоторыми дополнениями и обязательство чистосердечно поддерживать новые установления».

Если «нет» (4) — «Я изгоняю вас из Ордена».

II. Ввести практику ношения масок. Каждый будет знать лишь того, кто привел его в Орден.

В ритуал Врат или степени 5°=6° ввести суровые испытания на нравственное совершенство соискателя, отвагу, искренность, скромность и воздержанность от дурных поступков.

III. Созвать Внешний орден. Объявить членам Внешнего ордена о введении аналогичных установлений. Взять с них новые клятвы в том, что они будут хранить в тайне от новых членов Ордена личности тех собратьев, которые им уже известны.

IV. Заново освятить Усыпальницу.

D.D.C.F. без возражений принял этот план и дал P[erdurabo] ряд указаний, которые тот записал в блокнот столь поспешно, что расшифровать их теперь почти не представляется возможным. Нам удалось разобрать только следующее.

Во-первых, та, которая выдает себя за Sapiens Dominabitur Astris[1], — женщина очень тучная и светловолосая, способная менять свой облик, превращаясь из молодой девушки в старуху и наоборот. Может действовать под именами миссис Хорос, Хоувс или Даттон. Ее муж, Тео Хорос, носящий мистическое имя «Magus sidera regit»[2], — мужчина лет 25—30, невысокого роста и невероятно сильный, хотя и не выглядит таковым. Волосы у него золотистые, насыщенного цвета, но с плешью.

Та, что представляется именем «Sapientia ad beneficiendum hominibus»[3], имеет волосы очень темные и внешне похожа на S.S.D.D.

---

1 Очевидно, D.D.C.F. вывел эту мошенницу на чистую воду в промежутке между первым своим письмом к S.S.D.D. и приездом P[erdurabo] в Париж. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 «Маг правит звездами» (лат.).

3 Миссис Роуз Адамс (?). — *Примеч. Дж. Фуллера.*
«Мудрость и человекам благоволение» (лат.).

Ничего не принимать от них, а в сомнительной ситуации или в случае неприятностей телеграфировать непосредственно ему (D.D.C.F.).

Не поддаваться на их уловки; держаться с ними учтиво, но твердо.

Помимо этого, D.D.C.F. предупредил P[erdurabo] о следующем.

Если его одолеет слабость, болезнь или тревога или же он обнаружит, что не может развести огонь, значит, можно ожидать ее (мадам Хорос) визита.

В ней могут воплощаться подлинная Е.П. Блаватская и подлинная S.D.A.

Силы, управляющие ею, издавна были настроены против D.D.C.F.

Ее оккультное имя — Свами Виве Ананда.

Чтобы бороться с этими опасными врагами, прежде всего необходимо разделить их. В самом крайнем случае можно добиться, чтобы их арестовали за воровство (они украли у D.D.C.F. дорожную сумку, в которой хранились тексты ритуалов).

Если удастся узнать их настоящий адрес, следует отправить его D.D.C.F. телеграммой.

Необходимо носить символы Макгрегоров — тартан и дирки[1]. Для защиты от их влияния — накидывать плед на голову (подобие формулы Г.П.К.[2]). Самое действенное — это обращать против них собственные их потоки.

Символ Розы и Креста использовать лишь тогда, когда понадобится воззвать к D.D.C.F. о помощи. Помимо этого, P[erdurabo] получил ряд других полезных символов и печатей.

Как явствует из «Исторической лекции», он давно уже осознал невежество и глупость большинства членов Ордена; теперь же ему предстояло подвергнуть испытанию и силы того, кто называл себя их вождем. Если бы бунтовщики смирились перед посланником D.D.C.F. немедленно, можно было бы заключить, что последний не потерял всей своей власти; но если бы обнаружилось, что D.D.C.F. лишился сил, то P[erdrurabo] предстояло посеять среди мятежников еще большее смятение и тем самым уничтожить Орден.

1 Дирк — кинжал, традиционное оружие шотландских горцев.

2 Т.е. Гарпократа.

Не медля ни минуты, P[erdurabo] направился обратно в Англию и на всем протяжении пути неукоснительно и вплоть до мелочей соблюдал указания D.D.C.F. Добравшись до Лондона, он тотчас же заявил о вверенных ему полномочиях. Но члены Ордена, всегда жестоко завидовавшие его способностям и успехам, отказались признать его.

В первый же день по прибытии в Лондон он отправился к Сестре P.E.C.Q.[1] и Брату S.[2]; по дороге в кэбе едва не случился пожар из-за неисправных фонарей, потом извозчичья лошадь понесла, а потом Сестре S.S.D.F.[3] никак не удавалось развести огонь. Это было в пятницу.

В субботу [14 апреля] роза и крест, врученные ему D.D.C.F., начали обесцвечиваться и бледнеть; внезапно загорелся резиновый макинтош, хотя открытого огня поблизости не было — развести огонь вообще было невозможно. P[erdurabo] еще раз посетил Сестру P.E.C.Q., а вечером записал длинный сон о «партии Хоросов». «Они были у С., — пишет он, — и хотели заполучить одну рукопись. Я знал, что довериться мне решительно некому, и какое-то время я был как в аду на сковородке, но в итоге все кончилось для них трагически».

В воскресенье P[erdurabo] повидался с некоторыми другими членами Ордена, а в понедельник встретился с Сестрой S.S.D.F. и обсудил последние детали предстоящего захвата Усыпальницы. «Рано утром, — пишет он, — я испытал тяжелую одержимость и едва не вышел из себя от гнева — безо всякой на то причины или оправдания. По меньшей мере пять раз от меня шарахались лошади». И далее: «На R.R., 15[4] развести огонь не удается никакими силами».

Во вторник он отвоевал Усыпальницу и объявил о приостановлении орденского членства H.S.[5] и самой S.S.D.D., которая

---

1 Миссис Эллис Симпсон; см. примеч. 3 на стр. 293.

2 Аббревиатура девиза «Resurgam» (лат. «Я вновь восстану»), зашифрованная путем замены на следующую букву алфавита. Этот девиз носил Эдвард Берридж, английский врач-гомеопат и доктор медицины, виновник крупного внутриорденского конфликта, в конечном счете послужившего одной из причин раскола ордена.

3 Мисс Элейн Симпсон; см. примеч. 3 на стр. 293.

4 Т.е., в доме № 15 по Рэндольф-роуд, где проживала леди Холл, мать миссис Симпсон (см. примеч. 3 на стр. 293).

5 Аббревиатура от «Hora Semper» (лат. «Ныне и присно»), орденского девиза Эдмунда Артура Хантера, супруга D.D. (примеч. 1 на стр. 382), который

обратилась за помощью к полиции. В результате большинство членов падшего Ордена под прикрытием, так сказать, из траншей Скотленд-ярда, спешно утвердили новые правила и устав и изгнали из Ордена всех, кто превосходил их познаниями и способностями.

Так и никак иначе 21 апреля 1900 года Второй орден Золотой Зари прорвался сквозь туман собственного бессилия; и солнце Оккультного Знания воссияло во Внешнем дворе Скотленд-ярда, озарив своими лучами всех, кто не погиб от удара небесного перуна, — двадцати двух посвященных R.R. et A.C. и нескольких сонных констеблей.

Пятью днями позже D.D.C.F. написал одному из своих братьев по Ордену[1]:

> ...я признаю, что действительно совершил одну большую ошибку, которой можно было бы избежать, а именно: наделяя упомянутых особ великими познаниями, я не смог вложить в их головы разум, достаточный для постижения оных, ибо на такие чудеса Боги меня не сподобили. Так что пеняйте не на меня, а на Богов, если только искра вновь возгоревшейся мудрости не озарит вас пониманием того, что «критики» подобного сорта — просто свиньи, попирающие Божественную Мудрость своими копытами.

Со всем этим мы полностью согласны, как в свое время согласился и P[erdurabo]; но и D.D.C.F. не выдержал испытания: лук оказался таким же гнилым, как и стрелы, и, отбросив опустевший колчан Золотой Зари, P[erdurabo] в одиночку перешел на следующую ступень своего Мистического Развития. Правда, на тот момент он еще не был до конца уверен в провале D.D.C.F. Окончательная проверка состоялась два года спустя и будет описана в свой черед.

Относительно интриг, которые плели мадам Хорос и ее муж, почти ничего достоверно не известно. Впрочем, 23 октября 1901 года, когда дело Хоросов было представлено широкой

был срочно вызван на место сражения за Усыпальницу адептов. Подробнее обо всех этих событиях см.: Эллик Хоув. *Маги Золотой Зари*. М.: Энигма, 2008.

1 М.У. Блэкдену.

публике, D.D.C.F. написал из Парижа редактору журнала «Лайт»[1], заявив, что 13 октября того же года отправил мистеру Кертису Беннету[2] письмо «с протестом против постыдного и совершенно неправомочного использования его (т.е. Ордена Золотой Зари) названия, которым злоупотребляла в своих отвратительных и аморальных целях гнусная чета, именовавшая себя мистером и миссис Хорос».

Далее D.D.C.F. пишет[3]:

> В то же самое время, когда в моем Ордене вспыхнули некие разногласия, возбужденные несколькими членами этого братства — неутомимыми сеятелями раздоров, завидовавшими моей власти, хотя и жадные до моего учения, — в начале прошлого (1900-го) года ко мне в Париж прибыли с рекомендациями от одного моего добропорядочного знакомого так называемые мистер и миссис Хорос и миссис Роуз Адамс, представившаяся доктором медицины. Имя мое тогда было у всех на слуху в связи с лекциями о древнеегипетских религиозных церемониях. Заключенная[4] заявила, что приехала, дабы помочь мне в этом деле, и представилась влиятельной деятельницей Теософского общества и собственного моего Ордена, назвав мне тайное имя некой особы[5], занимавшей высокий ранг в его оккультной иерархии, но, по слухам, скончавшейся несколько лет назад. Эта женщина определенно располагала сведениями об Ордене, и мне еще предстоит выяснить, каким образом, когда, где и от кого она их получила. Также ей были известны имена и адреса нескольких его членов, преимущественно тех, которые сейчас входят в группу мятежников...

---

1 Письмо это было опубликовано в «Лайт» только 11 января следующего года, поскольку в октябре дело Хоросов все еще находилось на рассмотрении в суде. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Генри Кертис Беннет (1879—1936) — известный лондонский барристер, специалист по уголовному праву.

3 Это письмо он подписал именем «Дж. С. Л. Макгрегор Мазерс (граф Макгрегор де Гленстрэ)». — *Примеч. Дж. Фуллера.*

4 Т.е. «мадам Хорос», находившаяся в то время под арестом.

5 S.D.A. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Затем D.D.C.F. утверждает, что эта особа украла у него несколько рукописей с материалами Ордена G∴D∴. «Из них она и ее бесчестные пособники, по всей очевидности, состряпали некую посвятительную церемонию, которую навязывали своим несчастным жертвам под видом обряда моего Ордена». Второе появление «мадам Хорос» совпало с новой вспышкой недовольства в рядах Ордена, «завершившейся расколом и отпадением бунтовщиков».

Может сложиться впечатление, что имевшие место события описаны честно и без утайки[1]. Однако D.D.C.F. не сообщает некоторые немаловажные подробности, к тому времени уже, несомненно, ему известные, а именно — то, что мадам Хорос была сильным вампиром, то есть последовательницей пути левой руки, использующей половое влечение как приманку для своих жертв, а также то, что она сказала ему (как D.D.C.F. сообщил P[erdurabo], назначая последнего своим посланником), будто в нее (Сестру S.V.A.[2]) «могут воплощаться Е.П. Блаватская и Достопочтеннейшая Сестра S.D.A. 8°=3°». D.D.C.F. утверждал, что это правда, ибо она передала ему во всех подробностях один глубоко личный разговор, состоявшийся между ним и мадам Блаватской на Денмарк-Хилл; и что, ввиду ее чудотворных способностей, она действительно должна обладать по меньшей мере степенью 6°=5°[3].

---

1 Мистер Мазерс в этом письме подчеркивает безукоризненную чистоту задач, которым служил Орден; впрочем, какие в этом могут быть сомнения после того, как на суде над мадам Хорос инспектор Кейн заявил: «Этот Орден совершенно чист»? — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Аббревиатура от «Свами Виве Ананда», мистического имени «мадам Хорос».

3 Здесь стоит отметить несколько эпизодов, вскрывшихся в ходе судебного процесса над этой особой. Лаура Хорос, она же «Свами», она же миссис Джексон, она же Сестра S.V.A., выдавала себя за принцессу Эдиту Лоллито, баронессу Розенталь, графиню Лэндфельдскую, дочь короля Людовика I Баварского и Лолы Монтес (о последней см. книгу Эдмунда Б. д'Оверня «Лола Монтес: авантюристка сороковых годов»). Она пыталась основать в Кейптауне «Орден теократического единства» (он же «Орден Искупления» и «Объединенный орден тамплиеров»). Весь процесс над нею прошел под знаком отвратительного и болезненного интереса общественности ко всей той грязи, которая вскрывалась в ходе разбирательства. Все, от венценосного аристократа до витийствующего перед простонародьем демагога, смаковали своими жирными губами все эти «шокирующие откровения»: «Юная Дэйзи, яркая и миловидная девица с темными кудрями до пояса, выглядит даже моложе своих лет» (т.е. шестнадцати) — писал корреспондент «Сан» 17 октября 1901 года. [Дэйзи была потерпевшей; «Тео Хорос» был признан виновным в насилии над ней, а сама «мадам Хорос» — соучастницей преступления.] Покидая зал суда накануне того дня,

По всей очевидности, D.D.C.F. опасался, что эта мадам Хорос перехватит у него власть над лондонской ветвью Ордена, и потому велел P[erdurabo] обороняться от нее при помощи холодного железа и тартана Макгрегоров[1]. Кроме того, он сообщил P[erdurabo], что она украла у него баул с какими-то ритуалами, и это обвинение в воровстве, как мы помним, P[erdurabo] мог бы использовать против нее в крайнем случае, как последнее оружие. И, наконец, D.D.C.F. упомянул, что она замешана в каких-то финансовых махинациях и что ее муж — всего лишь жертва ее вампиризма, маньяк, которого она лишила души, но взамен наделила невероятной демонической силой. Основным ее движущим мотивом, по мнению D.D.C.F., была ненависть к Ордену и к нему лично, а также, по его выражению, «к тому потоку, который был послан нам в конце столетия для обновления нашей планеты».

Рассказ N.[2] несколько расходится с вышеприведенным и, по-видимому, заслуживает большего доверия. Согласно этой версии, S.V.A. внезапно появилась в Париже и сообщила D.D.C.F., что она — S.D.A. 8°=3°, вовсе не умершая несколько лет назад (вопреки слухам)[3]. D.D.C.F. сразу же поверил ей на слово[4]. Она пообещала ему крупную сумму на строительство храма Исиды[5]: D.D.C.F. в то время работал над так называемыми «Мистериями Исиды», а V.N.R.[6] выступала с танцами перед публикой в театре

когда эти лакомые строки появились на страницах вышеупомянутой помойной газетенки, публика, до того несколько часов подряд с наслаждением копавшаяся в грязном белье обвиняемой, принялась шикать на нее, в ответ на что она прокричала: «А ну заткнитесь! Расшипелись, змеи поганые!»

За одну только эту реплику ей уже следовало бы смягчить приговор. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

1 Ибо она и впрямь их боялась. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Инициал Р.Б. Нисбета, англичанина, состоявшего в парижском храме 33 под девизом «Ex Animo» (лат. «От всей души»).

3 Брат Æ.A., посвященный G∴D∴, предполагает, что мадам Хорос встречалась в Нью-Йорке с какими-то американскими членами Ордена и именно от них получила свои сведения. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Æ.A. — аббревиатура от «Aequo Animo» (лат. «Со спокойствием духа»), орденского девиза Чарльза Рошера, английского оккультиста и поэта. По-видимому, Фуллер путает его с девизом Нисбета, «Ex Animo».

4 Видимо, после того, как она продемонстрировала ему знаки степеней. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

5 Этим объясняется упоминание о «финансовых махинациях». — *Примеч. Дж. Фуллера.*

6 «Герметическая» супруга D.D.C.F.; подробнее см.: «Гуманист», том XVI, №2, «Культ Исиды в Париже». — *Примеч. Дж. Фуллера.*

«Бодиньер». И вот теперь, когда эта женщина оказалась мошенницей, стало очевидно, что D.D.C.F. — тоже мошенник[1].

Разумеется, последнее заявление столь же нелепо, как и следующее, высказанное другим членом Ордена:

«Если совесть D.D.C.F. успокоилась от одного лишь обещания денег, данного S.V.A., то он безо всякого сомнения был шарлатаном».

P[erdurabo] подошел к этому вопросу по-своему и гораздо тоньше, заметив, что в случае, когда великий человек притязает на предводительство другими людьми, то некоторые его поступки вполне могут ставить его последователей перед непростыми дилеммами. Тот, кто сможет узнать Христа и во тьме, окутавшей Крест, — вот истинный ученик. Поэтому P[erdurabo] отложил окончательное решение относительно D.D.C.F. до того момента, пока не понял, что прозакладывал свою честь: ибо оправдать маниакальное нападение D.D.C.F. на Брата I.A., этого Святого пред Господом, было уже невозможно.

Великому музыканту дозволительно вносить элементы импровизации в исполняемый им шедевр; но ученик не имеет права утверждать, что он способен сыграть эту пьесу, если на деле ему то и дело приходится импровизировать, заменяя трудные такты чем-нибудь попроще. Точно так же и великий маг может позволить себе забавляться мелкими черномагическими фокусами, буде у него возникнет такое желание (а это может случиться с каждым), ибо все эти трюки рассеются по мановению руки перед магией более великой, которой он обладает в совершенстве. Но жалкий карточный шулер, притязающий на Мастерство только потому, что однажды ему удалось обмишулить деревенского священника, не только лишает себя всякой надежды когда-нибудь стать настоящим Мастером, но и всерьез рискует (если только он не будет чрезвычайно осторожен) в буквальном смысле слова оказаться на месте Триады Зла — только, увы, не между Исидой и Нефтидой, а между двумя дюжими стражами порядка.

«Герметической» супругой V.N.R. названа здесь в насмешку — ввиду заявлений четы Мазерсов о том, что их брак был сугубо духовным.

1 По этому потрясающему образчику логического мышления нетрудно было бы принять N. за члена Ассоциации рационалистов. Но учтем, что он был всего лишь $5^\circ = 6^\circ$. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

В конце апреля 1900 года P[erdurabo] возвратился в свою одинокую северную обитель, но, проведя там лишь несколько дней, вновь пустился в путь, устремившись в Париж. Ибо Пасха миновала и приступать к операции Абрамелина в этом году было уже поздно.

Как мы помним, D.D.C.F. [Мазерс] по его настоянию пустил в ход Смертоносный Поток Воли, однако с них [т.е. членов Лондонской ложи], как в той истории с Реймским галчонком, все было как с гуся вода[1]. Казалось бы, после того, как D.D.C.F. потерпел такой сокрушительный провал, P. должен был с ним расстаться. Но нет, он все еще не исключал возможности того, что D.D.C.F., и впрямь поддерживая связь с верховными Вождями, решился наконец пребыть со Христом на кресте: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают»[2], — хотя сам D.D.C.F. как-то раз довольно грубо поколебал эту гипотезу, когда убил целый воскресный вечер на тарахтение сухим горохом в решете, пребывая в убеждении, что истязаемые горошины — это мятежные члены Ордена (дальнейшие события показали, что в том решете кувыркались всего лишь его собственные фантазии).

Итак, на этом этапе P. все еще хранил ему верность, несмотря на несколько скептичный настрой, и пребывал во внутренних поисках того пробирного камня, который со всей определенностью развеял бы его сомнения в достоверности притязаний D.D.C.F. на связь с Учителями.

И вот до него дошли слухи о некоем столкновении с участием револьвера между D.D.C.F. и гостившим у него Братом I.A.; но выяснить в точности, что же произошло на самом деле, не представлялось возможным, поскольку Брат I.A., который мог бы рассказать (и непременно рассказал бы) всю правду, отбыл в далекую колонию. Поэтому P[erdurabo], приехав в Париж, расспросил D.D.C.F., и тот поведал ему следующее: они с I.A. якобы разошлись во мнениях по некоему богословскому вопросу; тем самым утвердилась про́клятая

1 Реймский галчонок — персонаж одноименного стихотворения Томаса Ингольдсби (R.X. Барема, 1788—1845) о галчонке, укравшем кольцо у кардинала. Кардинал обстоятельно и многообразно проклинает похитителя (полагая, что кольцо украл кто-то из горожан) и призывает на его голову все мыслимые и немыслимые кары, но «с горожан все как с гуся вода».

2 Лк. 23:34.

Двоица и демоны Абрамелина смогли принять материальную форму: один из них явился в его собственном, D.D.C.F., обличье, а другой — в облике Брата I.A. Демон, прикинувшийся Братом I.A. был вооружен револьвером и грозился застрелить его (D.D.C.F.), а демон, принявший его собственный облик, в свою очередь, хотел застрелить I.A. К счастью, прежде чем прогремели выстрелы, в комнату вошла V.N.R., сформировав тем самым символ Благословенной Троицы — благодаря исключительной чистоте своего нрава, не удивительной для столь выдающейся деятельницы Ордена. Единственная вероятность того, что эта история (в достоверности которой D.D.C.F. поклялся своей магической честью как $7^{\circ}=4^{\circ}$) была хоть сколько-нибудь правдива, сводилась к предположению, что D.D.C.F. увидел своего двойника. Однако Брат P[erdurabo] никогда не судил об отдельно взятых эпизодах на основании общих законов вероятности. Он встал и, вежливо откланявшись, отправился на поиски Брата I.A., чтобы в конце концов настигнуть его в доме одного святого йогина в Синнамон-гарденз (Коломбо) и выслушать его версию событий.

Рассказ Брата I.A. не подверг веру P[erdurabo] столь суровому испытанию. Согласно этой версии, D.D.C.F. и I.A. поспорили о Шиве, Боге-Разрушителе, которого I.A. почитал, потому что в один прекрасный день Шива, если достаточно часто повторять его имя, откроет свое око и уничтожит вселенную, а D.D.C.F. — боялся и ненавидел, потому что в один прекрасный день тот откроет свое око и уничтожит D.D.C.F. Чтобы прекратить спор, I.A. сел в падмасану и стал повторять как мантру: «Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива». D.D.C.F., вне себя от гнева, выбежал вон, но вскоре вернулся и застал Брата I.A. в той же позе и за тем же занятием. «Шива, Шива, Шива, Шива, Шива», — бормотал он. «Прекратите кощунствовать!» — крикнул D.D.C.F., но сей святой муж по-прежнему твердил: «Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива...» «Если не замолчите, я вас застрелю!» — сказал D.D.C.F. и, выхватив револьвер из кармана, направил его в голову I.A.; но тот, сосредоточившись и не замечая ничего кругом, продолжал бормотать: «Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива».

D.D.C.F. так и не спустил курок — то ли его потрясло величие святого, то ли в комнату вошел кто-то еще и отвлек его,

I.A. точно не помнил. Только после этого разговора, состоявшегося в августе 1901 года, P[erdurabo] вынес окончательное решение не в пользу D.D.C.F. Теперь мы можем вернуться к его странствиям, начавшимся в июле 1900-го, когда он пересек Атлантику и прибыл в Нью-Йорк.

Из Нью-Йорка P[erdurabo] отправился в Мексику и около трех месяцев путешествовал по этой стране в одиночку; в Мехико он испытал удивительное откровение, восприняв свыше «Видение и Голос»[1]. Вскоре после этого P[erdurabo] основал в Гуанахуато Орден L.I.L.[2]; огонь Адонаи сошел на него, и он написал «Книгу Духа Живого Бога», часть которой составляют два следующих ритуала.

Книга Духа Живого Бога, или ספר הרוח האלהי

Изгнание сил Зла.
Освящение Святилища.
Очищение Сына Человеческого.
Сведение Стихий воедино.
Пришествие Золотой Зари.
Вселение Исиды.
Зарождение Вихревой Силы.
Песнь Тайны.
Музыка Божественного.
Движение Духа.
Нисхождение Души Исиды.
Ночь Апофиса.
Свет Осириса.
Познание Высшей Души.

Все это да будет записано, как подобает; все это да будет во Славу Твоего Неизреченного Имени.

---

1 Первые два «Зова Эфиров». — *Примеч. Дж. Фуллера.*
См.: *Видение и Голос. Книга Еноха.* указ. соч., стр. 286-287.

2 Аббревиатура от «Lamp of Invisible Light» (англ. «Светоч Незримого Света»).

(Соискатель, предварительно постившийся и поддерживавший устремление к Высшему на протяжении девяти дней, входит во Храм, который он должным образом подготовил заранее, проведя изгнание и освящение Огнем и Водой. Устройство же и убранство Храма таковы: квадратный алтарь и столпы, как в церемонии Неофита. На алтаре — символ Исиды и обычные символы стихий. Алтарь следует устроить таким образом, чтобы после Великого Призывания Исиды его при необходимости можно было передвинуть на восток. Пусть соискатель должным образом исповедуется пред лицом Великого Бога. Затем пусть поднимется и, стоя в Знаке Осириса Убиенного, принесет клятву в нижеследующих словах, а по завершении ритуала — запишет ее собственноручно, четким и ясным почерком.

Эту клятву должен торжественно принести всякий, кто стремится к познанию и собеседованию со своим Священным Гением.)

В оковах и скорби моей, о Господь, дай мне вознести Твой Священный Символ — сей знак Страдания, он же знак Силы! Призываю Тебя, о великий ангел возмездия, ангел ΝΗΠ: возложи десницу свою незримо на чело мое, дабы засвидетельствовать эту мою Присягу!

Я, (...), член тела Aeshoori[1], ныне связываю себя духовно, так же, как физически я привязан к сему Кресту Страдания.

Я связываю себя клятвой в том, что буду жить жизнью чистой и бескорыстной; что не открою ни единой живой душе эти таинства, кои ныне будут вверены мне; что буду повиноваться только веленьям своей Высшей Души; что буду трудиться молча и стойко преодолевать все препятствия.

Далее я торжественно обещаю и клянусь, что, с Божественного Соизволения, отныне и впредь я обращу свои усилия на Великое Делание и буду очищать и возвышать свою духовную природу, дабы, с Божественной Помощью, наконец превзойти

1 Т.е., Осириса.

человеческое естество, — и что, достигнув этой цели, я не стану злоупотреблять вверенной мне великой властью. Прежде чем приступать к какой бы то ни было важной магической работе, я буду призывать Великие Имена Бога. Я буду неугасимо пылать любовью ко всему человечеству. Я буду постоянно трудиться ради Великой Цели под страхом низвержения с той ступени, которой я ныне достиг. И, наконец, если возникнет во мне некий помысел или намек, исходящий, как покажется мне, от Божества, то прежде, нежели признать его таковым, я испытаю его со всем тщанием.

Таковы Слова Присяги моей, кою я приношу ныне перед Лицом Божества и Великого Ангела Возмездия הוא.

Если же я нарушу ее, да распадется роза моя и да иссякнет моя магическая сила!

(*Надлежит запечатлеть Стигматы на Соискателе. Затем пусть Соискатель покинет Храм и будет облачен в Белую Мантию, Синюю Перевязь и Венец и немес нашего Искусства; после чего снова войдет во Храм и исполнит высший ритуал Пентаграммы*[1] *в четырех сторонах света, но прежде — очистит Храм Огнем и Водой и уравновесит символы в своем Магическом Зеркале Вселенной с помощью приведенного ниже Призывания — «Приди ко мне, о Ма...» — и соответствующих ему енохианских Зовов, или Ключей.*

И на протяжении всех этих операций жезл надлежит держать за полосу пути ת. *Почему? Потому, что при низведении Божественного света он проявляется в сфере непосредственно над Малкут; а при изгнании — против врагов обращается Огненный Меч; также в* ת *заключено знание стихий и астрального плана; и, кроме того,* ת = *Крест.*

Затем пусть Соискатель исполнит призывающий ритуал Высших сефирот[2] *— именами* אהיה; יה; אלהים *и* יהוה אראריתא.

---

1 См. «Liber O» («Эквинокс», I, 2). — *Примеч. Дж. Фуллера.* В рус. пер. см.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 570.

2 См. «Liber O» («Эквинокс», I, 2). — *Примеч. Дж. Фуллера.* В рус. пер. см.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., там же.

Затем пусть снова обратится лицом на восток и прочтет Великое Призывание IAΩ, *начинающееся со слов: «Тебя призываю, о Нерожденный»*[1].

Исполнив же это, пусть возвысит сердце свое к сему Свету, и утвердится в нем, и устремится дальше — к тому, что превыше него. И так как врата сии называют Узким Ущельем, пусть воззовет к Той, кто обитает в них, на пути, именуемом «Далет», — к самой Госпоже Нашей ИСИДЕ.)

Призывание Исиды

И явилось на Небе великое знамение — Жена, облеченная в Солнце; под ногами Ее — Луна, и на Голове Ее — Венец из Двенадцати Звезд[2].

Слушай меня, Владычица Наша Исида! Услышь меня и спаси!

О Царица Любви и Милосердья!

Ты, увенчанная Престолом!

Ты, двурогая, как Луна! Лик Твой, нежный и полный света, подобен свежей траве, омытой дождем!

Слушай меня, Владычица Наша Исида! Услышь меня и спаси!

О проявленная как Мать!

Ты — Невеста, и Ты — Царица; Ты же — Мать и Дочь Того, кто Распят!

О Госпожа Земли!

Слушай меня, Владычица Наша Исида! Услышь меня и спаси!

О, Владычица наша! Кожа Твоя — как янтарь.

Госпожа Любви и Победы!

Врата, что сияют Славой во тьме небес!

Свет, и Жизнь, и Любовь венчают Твою главу!

Слушай меня, Владычица Наша Исида! Услышь меня и спаси!

---

1 См.: «Малый ключ царя Соломона: Гоэтия». — *Примеч. Дж. Фуллера.* В рус. пер. см.: *Гоэтия. С предисловием и комментариями Алистера Кроули.* Указ. соч.

2 Откр. 12:1.

Твоим Священным Цветком, Лотосом Вечной Жизни и Красоты;

Любовью Твоей; милосердьем Твоим;

Гневом Твоим; отмщеньем Твоим;

Моим желаньем, моим устремленьем к Тебе

Заклинаю во имя Aeshoori:

Слушай меня, Владычица Наша Исида! Услышь меня и спаси!

Прими дитя Твое на лоно Твое!

Раскрой для меня объятья Твои, дай прижаться к Твоей Груди!

Дай коснуться устами Твоих несказанных уст!

Слушай меня, Владычица Наша Исида! Услышь меня и спаси!

Возвысь Свой Голос и помоги мне в час сей!

Возвысь Свой Голос напевный!

Воскликни громко, о Ты, Царица и Мать!

Поднимите, Врата, верхи ваши,

Поднимитесь, о Двери вечные,

И войдет Царь Славы!

Слушай меня, Владычица Наша Исида! Услышь меня и прими!

Знаком силы Твоей вихревой — Свастикой Света —

Я призываю Тебя: посвяти мою душу!

Пусть вихрь магического танца моего станет как чары, как узы, что свяжут меня с великим Светом Твоим; дабы в Час Апофиса, среди мнимой тьмы и тлена бессознательного, воссияло золотое Солнце Aeshoori, возродившееся нетленным.

Слушай меня, Госпожа Исида! Прими молитву мою!

Тебе, Тебе поклоняюсь; Тебя призываю!

Слава, слава Тебе, Единая Мать моей Жизни!

Живи же во мне и веди меня к тому «Я», что сокрыто в Тебе!

(*После этого Алтарь при необходимости можно передвинуть. Далее следует песнь, а за ней — мистический танец, как описано ниже.*)

Песнь

Слушай меня, о Амон! Воззри на меня благосклонно — на Твоего Неофита, что ныне склонился перед Тобой! Пусть Музыка Могучего Имени Твоего IAΩ, и знаки Света, и Символ Креста, и плетенье шагов в ритме мистической Тройки станут как чары, как заклинанье, как труд Магического Искусства, низводящий Высшую Душу мою в сердце мое, дабы тот Ангел Великий и Ужасный, который и есть мой Высший Гений, обитал в моей собственной Кетер — во имя Свершенья Великой Работы и во Славу Твоего Неизреченного Имени, АМОН.

Мистический танец

(*Маг совершает Знак Креста в Центре, после чего начинает двигаться по спирали от центра наружу, на счет трижды три, нараспев произнося Имя и совершая подобающий знак. Поначалу он движется очень медленно, но постепенно ускоряет темп. Наконец он рухнет наземь в экстазе, после чего очнется и произнесет: «Я есмь Воскресение и Жизнь...» и так далее, вплоть до Ключевого Слова*[1].

Затем пусть исполнит Малые ритуалы изгоняющей Пентаграммы и Гексаграммы[2] *и погасит огни. Храм погрузится в Безмолвие.*)

Великая операция невидимости

Рождение Безмолвия.
Обитель Тьмы.
Сотворение Покрова.
Сокровеннейший Свет.
Знак Защиты и Обороны.
Закрытие Пастей Крокодилов.
Страх на Обитателей Вод.

---

1 См. выше ритуал 5°=6°. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 См. «Liber O» («Эквинокс», I, 2). — *Примеч. Дж. Фуллера.*
В рус. пер. см.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 570.

Сияющая Юность Владыки.
Восхождение из Лотоса Разливов.
Обитание во Дворце Безопасности.
Понимание Божественного Покоя[1].

Все это есть Знание HOOR-PO-KRAT-IST'а, Коему — Слава вовеки и во веки веков, Мир без Конца.

(*Обычные Изгнания, Освящения и т.д., как в храме 0°=0°.*

Силы Духа призываются сперва при помощи Высшего ритуала Пентаграммы, а затем — при помощи енохианских Ключей. Следует добавить гексаграмматический ритуал Бины и воззвание к ней.)

Приди ко Мне, Тот [Thoth], Владыка Астрального Света! Я призываю Тебя, о Свет, Незримый и Неощутимый, в коем записаны все помыслы и деянья; я призываю Тебя именем Тота, моего Господина и Бога; символами и именами силы; Светом Божественности моей в Твоем средоточии и Владыкой Гарпократом, Богом этой операции моей: покинь свои места и обиталища, сосредоточься вокруг меня незримо и неощутимо, подобно покрову тьмы и облаченью защиты, — дабы я стал незрим, дабы люди меня не узрели и, видя меня, не разумели, что́ они видят!

Приди ко мне, Ма, Богиня Истины и Справедливости! Ты, владычица Вечных Весов!

Приди ко мне, Аурамот, Госпожа Воды!

Приди ко мне, Тум-эш-нейт, Госпожа Огня!

Очистите и освятите меня, ибо я — Aeshoori Оправданный. Ибо Двенадцать Звезд, изливающих Свет, — на Челе моем; Мудрость и Понимание уравновешены в мыслях моих!

В правой моей руке — Гнев и Перуны.

---

1 Всю эту операцию можно провести в уме, безмолвно; и при каждом сосредоточении можно использовать покров Божественной формы и Вибрацию Гарпократа. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

В левой моей руке — Милость и источники блаженства!

В сердце моем — Aeshoori и Символ Красоты.

Бедра мои — как столпы справа и слева: Великолепие и Победа; ибо в них — перекрестье отраженных потоков. Я утвержден как Скала, ибо Йесод — мое основание.

А сфера Нефеш и дворцы Малкут очищены и освящены, прекрасны и равновесны — силой Имени Твоего, Адонаи, коему — Царство, Скипетр и Блеск; Роза Саронская и Лилия Долин.

О Ты, HOOR-PO-KRAT-IST! (*Срединный Столп.*)

Дитя Безмолвия!

О Ты, HOOR-PO-KRAT-IST! (*Мистический Обход.*)

Владыка Лотоса!

О Ты, HOOR-PO-KRAT-IST! (*Безмолвие.*)

Ты, попирающий головы жителей Вод!

Тебя, Тебя призываю!

Владыка Защиты и Обороны!

В руке твоей — Роза и Крест Света и Жизни!

Тебя призываю!

Смотри! Я есмь окружность, на ладонях которой стоит Царство моей Божественной сути о Двенадцати сферах своих.

Я — A, и я — Ω.

Жизнь моя — как окружность небес.

Я изменяюсь, но я не могу умереть!

О вы, Птицы Бену, залог Воскресенья, надежда смертных людей!

Прочь, Крокодил Мако, Сын Сета! Отступитесь от меня, прислужники беззакония!

Се! Он во Мне, и Я — в Нем!

Лотос — цветок мой; я поднимаюсь из тверди Вод;

Мой престол утвержден в вышине;

Свет мой — на тверди Ну!

Я есмь Центр и Святая Святых; Я — Молчанье и Вечный Свет;

Под ногами моими ярятся злобные крокодилы; драконы смерти; пожиратели грешных.

Но я усмиряю их гнев; ибо я — HOOR-PO-KRAT-IST, Владыка Безмолвия на лотосовом престоле.

Если я повелю: «Сойдите на горы!» — хлынут небесные воды по слову сему и исторгнется пламя небес. Ибо Я — Ра сокровенный; Хефра, не явленный людям; я — Хор, мой отец, сила Отмщенья; и мать моя, Аси, та, что укрыта Завесой, Вечная Мудрость под пологом Вечной Красы.

Посему Я Тебе говорю: введи Меня в свой Чертог в Молчанье Неизреченном, в Премудрости Вечной, Всесветлой, Всесильной!

HOOR-PO-KRAT-IST! О, Безымянный Сын Вечностей! Введи меня в свой Чертог, дабы я пребывал под защитой в этом деянье Искусства.

Ты — Центр и Молчанье!

Свет, окутанный Тьмою, — Имя Твое!

Небесный Огонь — Твой Отец!

Мать Твоя — Небесное Море!

Ты сам — Равновесие Мира; Ты — Владыка, противуставший Жителям Вод!

Введи же меня, говорю, в Твою обитель Молчанья; дабы я стал незрим; дабы никто из Духов, сущих на свете, ни один человек или зверь, ни единая тварь, наделенная зреньем и чувством, и никакая Чара Господня, и никакой Божий Бич меня не узрел и не понял!

Итак, во Имя Бога Великого, утвердившего пределы и рубежи всему материальному и астральному, я созидаю преграду и оболочку вокруг астральной формы моей, дабы служила она мне стеною, крепостью и защитой.

И провозглашаю, что эта преграда станет основой и вместилищем для Покрова Тьмы, коий я призываю окутать меня.

Ныне же я направляю Волю свою на вас, о силы Акаши[1]!

1 Т.е., элемента Духа. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Великими Именами Exarp, Hcoma, Nanta and Bitom[1];

Тайными буквами и сигилами Великой Скрижали Единения[2];

Могучими именами Бога: AHIH, AGLA, IHVH, ALHIM;

Великим Богом Гарпократом;

Темным пурпуром вашей тьмы;

Блистающе-белым светом моим —

Я призываю вас:

Соберитесь вокруг меня; облеките эту астральную форму покровом тьмы;

Ко мне, ко мне, о пелены Астрального Света!

Облеките меня своей непроглядной тьмою!

Сокройте меня по веленью моих заклятий!

Омрачите глаза человека, ослепите душу его!

Соберитесь, о, соберитесь, как велю я вам Божьим Словом!

Вы — Стражи, а душа моя — святилище!

(*Пусть сформирует Идею обретения Невидимости — вообразит успешный результат. Затем следует сказать:*)

Да окутает меня сей покров тайны на расстоянии десяти дюймов от моего физического тела!

И да будет эта Сфера освящена Водой и Огнем! (*Исполняет.*)

О, Аурамот, о Тум-эш-нейт! Я призываю вас и молю: пусть испарения сей воды и огня сего станут основой на материальном плане для созидания этого покрова Искусства.

(*Следует мысленно сформировать покров.*)

Я, P[erdurabo], Брат Ордена Золотой Зари, достигший в нем степени 5°=6°; Владыка Путей ко Вратам, ведущим в Усыпальницу Адепта; Frater Ordinis Rosae

1 Имена из [енохианской] Скрижали Духа. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Т.е., Скрижали Духа. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Rubeae et Aureae Crucis[1] и, прежде всего, посвященный степени 0°=0°[2]; владыка пароля «H[ar-Po-Krat]» и Великого Слова «M[UAUM]» — я пребываю здесь, дабы создать для себя покров тайны; дабы обрести знание и власть, кои я поставлю на службу Вечным Богам; дабы я мог безопасно и беспрепятственно добиваться своих магических и прочих целей; и дабы я мог ходить незримым среди людей во исполнение FIAT Тетраграмматона. Обещаю и клянусь при том, и присягаю в духе, и утверждаю, что буду использовать эту власть только во благо и ради Богов.

И объявляю, что непременно добьюсь успеха в этой Работе: что Покров мой сокроет меня равно от людей и от духов; что он будет мне послушен и готов рассеяться и собраться вновь в любое время по велению моему.

И объявляю, что ныне все готово для совершения и исполнения этой моей Операции Магического Искусства.

(*Маг подходит к Алтарю как Иерофант и возлагает левую руку на треугольник, а в правой держит Verendum*[3] *за полосу* ⊓ *или Малкут.*)

Могущественное заклинание

Приди же ко мне, о покров тьмы и ночи! Я призываю вас, о частицы Тьмы, дабы вы окружили меня, как стража и как покров Молчанья и Тайны.

Во имя AHIH и именем AHIH!

Во имя AGLA и именем AGLA!

Во имя EXARP и именем EXARP!

Во имя HCOMA и именем HCOMA!

Во имя NANTA и именем NANTA!

Во имя BITOM и именем BITOM!

Во имя TETRAGRAMMATON ELOHIM и именем TETRAGRAMMATON ELOHIM!

---

1 «Брат Ордена Красной Розы и Золотого Креста» (лат.).

2 *«...прежде всего»* — поскольку степень 0°=0° особо ассоциируется с Гарпократом, богом молчания и тайны.

3 Здесь: лотосовый жезл (лат.).

Во имя HOOR-PO-KRAT-IST и именем HOOR-PO-KRAT-IST!

Темным пурпуром вашей тьмы;

Блистающе-белым светом моим —

Я призываю вас! Я заклинаю вас! Я подчиняю вас могучим чарам своим! Я покоряю вас и связую вас! Я принуждаю вас повиноваться мне полностью, всецело и мгновенно, без обмана и без промедления, ибо вера моя — Свет Божества, а надежда моя — IHVH!

Ко мне, ко мне, о пелены Астрального Света!

Облеките меня своей непроглядной тьмою!

Сокройте меня по веленью моих заклятий!

Омрачите глаза человека, ослепите душу его!

Соберитесь, о, соберитесь, как велю я вам Божьим Словом!

Вы — Стражи, а душа моя — святилище!

(*Трижды повернуться на месте.*)

Во Имя Владыки Вселенной, и Властью моей собственной Высшей Души, и Устремлением Высшей Души Твоей я призываю тебя, о покров тьмы и тайны: облеки меня, дабы я стал невидим; дабы, глядя на меня, люди меня не видели и не замечали, а видели бы то, чего нет, не постигая, что они видят! Да будет так!

(*Пройти на север.*)

Утвердил я стопы мои на севере и молвил: «Облекусь я Тайною и покровом».

Голос Моей Высшей Души сказал мне: «Дозволь мне вступить на путь тьмы и, быть может, я найду Свет. Я — Единое Сущее в Бездне Тьмы; из Тьмы вышла я до рождения, из Безмолвия Первозданного Сна». И Голос Веков ответил моей душе: «Я — тот, кто творит во Тьме; воистину, Свет во Тьме светит, но Тьма не объяла его».

Да свершится Мистический Обход в Обители Тьмы.

(*Направиться по кругу со всеми необходимыми ударами и т.д. На юге Маг должен сформировать Столпы, как раньше, и представить, что он окутан покровом.*)

(*На западе:*)

Не дано мне пройти незримым во Врата Незримого иначе как силою имени Тьмы.

(*Со всей решительностью облечься покровом.*)

Тьма — Имя мое, и Сокровенность.

Я — Великий Незримый на Путях Теней. Я не ведаю страха, хотя и окутан Тьмою, ибо во мне горит, хотя и незримо, Магия Света.

(*Продолжить движение по кругу. На севере сформировать Столпы и т.д., как раньше.*)

(*На востоке:*)

Не дано мне пройти незримым во Врата Незримого иначе как силою имени Света.

(*Со всей решительностью облечься покровом.*)

Я — Свет, облеченный Тьмою. Я — повелитель Сил Равновесия!

(*Мысленно сгустить покров. Встать к западу от Алтаря.*)

(*Повторить Могущественное Заклинание.*)

О, Пелена Сокровенного! Долго была ты сокрыта. Расстанься со Светом, дабы смогла ты сокрыть меня от людей!

(*Тщательно сформировать покров.*)

Я принимаю Тебя как покров и как стража!

KHABS AM PEKHT!

KONX OM PAX!

СВЕТ В УСТРЕМЛЕНИИ!

Прежде всякого магического явления приходит Знание Сокровенного Света

(*Маг должен пройти к Столпам, совершить знаки и произнести слова, а затем направить в Знаке Хора всю свою волю на то, чтобы ощутить, как облик его исчезает и становится незримым. В результате его физическое тело и впрямь станет — постепенно и отчасти — невидимым, как если бы его окутала туманная или облачная пелена. За этим достижением последует Божественный экстаз, но без потери контроля над собой. Пусть Маг совершит Знак Безмолвия, облекшись формой Гарпократа[1], и провибрирует Великое Слово[2]*).

---

1 Следует представить себя в образе Гарпократа, стоящего на двух крокодилах. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

2 Т.е., слово o°=o°, Har-Po-Krat. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

(*Снова сосредоточиться и повторить Мистический Обход.*)

(*Еще раз сформировать покров, напрягая все силы; встать на востоке и провозгласить:*)

И вот я облекся покровом Тьмы и Тайны, который будет скрывать меня и служить мне стражем.

О Бина, IHVH ALHIM, AIMA, AMA, Владычица Тьмы и Тайны! Луна Сокровенности! Божественный Свет, царящий в твоей Глубочайшей Тьме! Призываю силу Твою! Приди же ко мне и обитай во мне, дабы обрел я власть над этим покровом Тайны и Тьмы!

И заклинаю тебя, о пелена Тьмы и Тайны: надежно сокрой меня от взоров людских и от всякой твари живой, наделенной зреньем и чувством, ради цели моей, состоящей в том, чтобы...

О Бина, IHVH ALHIM, AMA, AIMA, о Тьма, озаренная Божьим Светом! Пошли на помощь мне архангела Твоего Цафкиэля и сонмы Твоих Аралим, могучих ангелов, дабы я смог растворить и рассеять этот покров тьмы и тайны, ибо работа моя завершилась.

Заклинаю тебя, о пелена тьмы и Тайны, верно послужившая цели моей: ныне покинь меня и ступай своими древними путями. Но будь готова явиться без промедленья и во всей своей силе и снова сокрыть меня от взоров людских, когда я призову тебя вновь — словом ли, волей своей или этим великим заклятьем! Ныне же ступай с миром и Благословеньем Бога Великого и Сокровенного; и будь готова явиться немедля на всякий мой зов!

СОВЕРШИЛОСЬ!

Завершив работу над этими ритуалами, P[erdurabo] покинул столицу Мексики и в первые дни нового, 1901 года совершил восхождение на Истаксиуатль[1]. Незадолго до того к нему присоединился его друг, D.A., вместе с которым

1 Третья по высоте гора Мексики (5230 м), расположена в 70 км к востоку от Мехико.

P[erdurabo] направился к вулкану Колима, а оттуда — к Толуке и Попокатепетлю[1].

Очередная глава нашего повествования близится к концу, и справедливо было бы поинтересоваться, каких успехов добился P[erdurabo] с того дня, когда он прошел ритуал 5°=6° и стал Младшим Адептом Ордена R.R. et A.C. Строго говоря, он был уже 6°=5° за некоторое время до того, как официально получил степень 5°=6°. Он восхищал друзей и внушал ужас врагам своими Магическими Деяниями в Лондоне и Париже. Он доказал, что пункт W Операции ☛ по сути своей есть не что иное, как «Восхождение на Планы», несмотря на все практические и теоретические различия между двумя этими методами. Изучая их и уравновешивая силы ритуала 5°=6°, P[erdurabo] сумел рассмотреть устрашающую Операцию Абрамелина[2] взглядом опытного мастера; и несмотря на то, что завершить эту Священную Работу предписанным образом ему было не суждено, он и в Мексике продолжал вести ее на астральном плане, и она даровала ему озарение, показав всю тщету магии, даже самой успешной. В нем пробудилось отвращение к результатам, которых он добился. Он поднялся до степени, которой достигают лишь немногие, — степени Старшего

---

1 D.A. — Оскар Эккенштейн. Колима (4339 м), Толука (4557 м) и Попокатепетль (5452 м, вторая по высоте гора Мексики) — горные пики в составе Трансмексиканского вулканического пояса (Поперечной Вулканической Сьерры).

2 К нему стали являться демоны Абрамелина — туманные фигуры, наполнявшие весь дом зловещей аурой. Даже по прошествии трех лет они все еще не рассеялись до конца. Ответ на вопрос, материальны ли эти демоны или существуют только у нас в сознании, зависит от философских воззрений читателя. Но в любом случае надо понимать, что Операция Абрамелина не терпит легкомысленного подхода. Одержимость абрамелиновыми демонами, по всей вероятности, стала одной из главных причин беды, постигшей D.D.C.F. И Брат P[erdurabo] тоже серьезно пострадал от них, несмотря на то, что сразу же после Операции занялся уравновешивающими практиками йоги. В период его работы по программе Абрамелина гостивший у него Брат AE.A. [Чарльз Рошер] в ужасе тайно бежал из его дома; его садовник, на протяжении двадцати лет не бравший в рот ни капли спиртного, внезапно напился до белой горячки; и схожим образом пострадали почти все обитатели его поместья — дальнейшие примеры заняли бы еще несколько страниц. Ясновидящие, с которыми работал Брат P[erdurabo], спивались и шли на панель; мясник, на счетах от которого он случайно записал имена двух демонов (Элериона и Мабакиэля, что означает, соответственно, «Насмешник» и «Плач», а в сочетании — «непредвиденное несчастье, проистекающее от счастья»), нечаянно поранился, разрубая для покупателя кусок мяса, повредил себе бедренную артерию и истек кровью за несколько минут. Вероятно, все эти беды объясняются простыми совпадениями, но от совпадения вреда не меньше, чем от настоящей причинно-следственной связи, а во всей этой истории с Абрамелином подобные совпадения исчислялись десятками. — *Примеч. Дж. Фуллера.*

Адепта; но, овладев дарами Гекаты[1], к которым так долго стремился, P[erdurabo] осознал, что путь до Великого Достижения еще очень и очень далек. И вот он отрекся от всей своей магической силы, дабы добиться подлинно великой Власти, овладеть подлинно Благородным Искусством; и вступил на Путь Льва, как на мост через пропасть, отделяющую друг от друга две высшие степени Второго ордена[2], — ибо сказано:

> Узришь ты Пламя, что реет, блистая, в потоках воздушных,
> или безвидное Пламя, из коего Гласа подобье исходит,
> или сияющий Свет изобильный, что мчится, вращаясь,
> с ревом и грохотом; следом предстанет тебе как виденье
> Конь огнеблещущий; узришь Дитя, оседлавшее крепко
> спину того скакуна, облаченное в пламя иль злато,
> или нагое, быть может, из лука разящее Светом,
> стоя верхом на плечах жеребца, что несется по небу;
> если же дольше продлится твое созерцанье святое,
> все эти символы в Образе Льва обретут единенье[3].

1 Т.е. способностями к практической магии, которая ассоциируется с Гекатой — богиней колдовства.

2 На Древе Жизни — горизонтальный Путь Тет, соединяющий Гебуру (степень Старшего Адепта, $6^{\circ}=5^{\circ}$) и Хесед (степень Свободного Адепта, $7^{\circ}=4^{\circ}$).

3 «Халдейские оракулы», §198.

Храм царя Соломона

Том I

Перевод Анна Блейз
Корректор Евгения Сафонова
Дизайн обложки и макет Надежда Саламахина
Верстка Надежда Саламахина

ООО «Издательство «Ганга»
196143, Москва, ул. Голубинская, 17/9, 501
GANGA.RU

Подписано в печать 27. 04. 2011. Формат 84x108/32
Объем 13 п.л. Тираж 1500 экз. Заказ № 66.50
Гарнитура OriginalGaramond BT. Печать офсетная

Отпечатано по технологии CtP
в ООО «Северо-Западный Печатный двор»,
188300, Ленинградская обл., г. Гатчина,
ул. Железнодорожная, 45 Б